

Путь Самирана

A woman with long, flowing black hair and a white cape is shown in profile, flying through the air. She is wearing a brown, form-fitting outfit. The background is a bright, hazy sky with some faint orange and red particles. The overall style is cinematic and dramatic.

ПАДЕНИЕ ЛЕТАЮЩЕГО ГОРОДА 1

Вот что я знаю: я попал в тело подростка, который жил в летающем городе Дивия. Мне известно, что родители хотели сделать из него целителя, как мама, или садовника, как папа. Но я выберу за парня другой путь.

Ещё я знаю, что летающий город много веков реет над миром. Его воины-маги убивают и порабощают тех, кого они считают грязью — жителей Земли.

И ещё. Я единственный в Дивии, кто точно знает: однажды летающий город падёт. Ведь я видел его развалины. Поэтому и спасти его предстоит мне. Или... помочь разрушить?

1. Небесный мент и грязное колдовство

Я направил луч фонарика на ветхий скелет, который лежал на каменном полу. Костлявая рука покоилась на глазницах, будто скелет прикрывался от света.

Ко мне подошёл пожилой узбекский археолог. По пятам за ним — два бойца национальной гвардии Узбекистана.

— Скоро сюда поставят прожектора, — сказал археолог. — Но и без них видно, что этот подземный город — самая важная археологическая находка за всю историю человечества.

— Этот город переворачивает все представления о прошлом, — согласился я. — Вы вписали своё имя в учебники истории.

— Предстоит написать новые учебники, — засмеялся археолог. — Много новых учебников.

Я снял с плеча рюкзак и присел возле скелета. Хотелось рассмотреть остатки одежды, кое-где покрывавшей его. Слишком уж она напоминала майку и трусы.

Внезапно камни пола подломились и разлетелись в стороны, открыв под моими ногами чёрную бездну.

Падение в черноту закончилось едва начавшись. По глазам ударил яркий солнечный свет, я обнаружил, что лежу на тех же самых плитках пола, прикрывая лицо.

Убрав ладони с глаз, осмотрелся. Я находился в том же самом зале который изучал пару минут назад, но теперь зал был наполнен светом и воздухом. Сильный холодный ветер обдувал моё тело, одетое в... Что это за тряпки?

Где мой рюкзак? Где узбекский археолог и солдаты, которые нас сопровождали? Где все? Где я?

Неужели в том же самом храме подземного города?

Подземного города?

Ну уж нет — между высокими белыми колоннами зала синело небо, а по нему неправдоподобно быстро неслись облака.

Мне стало страшно. Непонятно. Вдобавок, я понял, что лежал на том же месте, на котором был найден скелет. И очнулся я в той же позе, что у скелета — прикрывал лицо руками от яркого света!

Я схватился за виски. Нет, не от разбега мыслей, а от отвратительного свиста, раздавшегося внутри моей головы. Свист постепенно затих, превратившись в слова на незнакомом языке. Голос шёл будто изнутри моих мыслей. То мужской, то женский, то вообще детский. словно во мне поселилось существо, лопочущее непонятное, вроде:

— Аро-па... А-са-ха...

«Газы! — подумал я. — В местах археологических раскопок, особенно в склепах или закрытых помещениях, иногда скапливаются вредные газы. Я отравился. Всё это — галлюцинация.

Но почему не отравились археологи, обнаружившие город, или узбекские солдаты, которых местные власти нагнали охранять находку века?

Я наконец-то попробовал встать. Ноги не слушались, как чужие... Чёрт, они и были чужие! Не мои волосатые ноги мужика, а гладкие ноги юноши, обутые в сандалии из коричневой кожи.

Одет я во что-то вроде туники, подол которой не доходил до колен. Под ней — майка из

незнакомомого голубоватого материала. Оттянув тунику, заглянул в паховую область — там трусы, похожие чем-то на плотно облегающие тело подгузники. За спиной, прицепленный к вороту, болтался короткий плащ.

— Аро-па... По-ру... А-са-ха... ние, — монотонно повторял голос.

Я оцупал голову. В прошлом году я обнаружил зарождающуюся лысину, мужчины в нашей семье быстро лысели. Но теперь у меня на макушке плотные, завивающиеся волосы, будто у пуделя или барашка.

Ощупывание лица не дало ничего особого: нос и губы. Пушок над верхней губой.

— Аро-па... По-ру... А-са-ха... ние. Вы-по...

— Да хватит уже! — не выдержал я.

— Сильное нарушение общения в Пути, — вдруг чётко произнёс мужской голос. — Понимание восстановлено.

— Ты кто?

— Твой Внутренний Голос.

— Где я?

— В Храме Двенадцати Тысяч Создателей.

— А где храм?

— В Дивии.

— А Дивия где?

— Между нами непонимание. Что ты хочешь вспомнить?

— Где находится Дивия? Под землёй?

— Дивия — всегда в небе.

— Как это?

— Между нами непонимание.

— Почему в небе?

— Потому что Дивия — летающая твердь.

Летающая тве... Интересно, что содержалось в газе, которым я отравился?

— Ты не отравлен, — ответил Внутренний Голос.

— Ты читаешь мои мысли?

Голос словно на секунду задумался и выдал:

— Между нами непонимание. Что ты хочешь вспомнить?

Показалось, что я разговариваю с роботом, который позвонил из банка, чтобы напомнить о платежах по кредиту и предложить взять новых кредитов.

Я поднялся и присел на корточки. Но встать ещё не мог.

— Что с моим телом?

— Тебе необходимо выполнять все упражнения учителя телесного здоровья.

— Ясненько, — согласился я. — Но кто я? То есть я знаю, кто я, но не знаю, кто я... сейчас.

— Между нами непонимание, — ответил Внутренний Голос. — Ты — это ты.

— Как меня зовут?

— Самиран, сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран.

— Ты в курсе, что я — не он?

— Между нами растёт непонимание.

— Ещё какое непонимание!

— Что ты хочешь вспомнить?

— Да ну тебя.

Я снова огляделся. Это что же получается:

Тело принадлежало юноше, который жил в городе Дивия. Летающем, блин, городе.

Но я — Денис Лавров, двадцатисемилетний преподаватель истории, прибывший изучать археологическое открытие: гигантский подземный город неизвестной цивилизации, обнаруженный недалеко от города Самарканд в Узбекистане. Город залегал на огромной глубине, ниже любых культурных слоёв.

Почему раскопками занялся именно я, обычный учитель, — отдельная история, не имеющая к этой никакого отношения.

Осматривая скелет, одетый в подозрительно современное бельё, я провалился под пол. И очнулся в этом храме, причём примерно в той же позе, в какой лежал скелет. Есть вероятность, что скелет и принадлежал Самирану, юноше, который пришёл в храм... Чтобы что?

— Голос... Ты тут... э-э-э... внутри?

— Внутренний Голос всегда там, где ты.

— Круто. А тот парень, то есть я, что я тут делал?

— Получал благоволение.

Стесняясь нелепости своих слов, спросил:

— А не проводил ли он... то есть — я, некий обряд, гм, переселения душ?

Внутренний Голос ответил не сразу:

— Что ты хочешь вспомнить?

Я потрогал свои курчавые и жёсткие волосы. Хорошее ощущение. Волосы — единственное, что радовало в этой нелепице.

Я поднялся на ноги и сделал несколько шагов. Площадка храма была овальной, огромной и пустой.

Только сейчас я заметил осколок чёрного стекла, парящий в метре над полом.

— Что это за стекло?

— Это не стекло, а грани, — пояснил Голос.

Я прикоснулся к осколку, он беззвучно рассыпался на мелкие осколки ровной треугольной формы. Как стая чёрных букашек, они окутали мою руку, впитались в неё и пропали.

Внутренний Голос гаркнул восторженным тоном:

— Продолжай Путь Двенадцати Тысяч Граней. Да будет он светлым, без ухабов и кривых тропинок во тьму.

— Спасибо. Что мне делать с этими гранями?

— Использовать для усвоения озарений и создавать кристаллы озарений.

— А как мне их достать из себя?

— Между нами серьёзное непонимание.

— Это мы уже поняли.

— Тогда что ты хочешь вспомнить?

Я с тоской посмотрел на ровные колонны и на клубящиеся облака между ними. Не важно, что там за кристаллы. Важнее понять, где я и, самое безумное, — кто я?

Но раз голос внутри меня знает что-то про грани, начну с этого.

— Как мне снова посмотреть на грани?

— Обрати Внутренний Взор на свою правую руку.

— Что такое Внутренний Взор?

— Это как Внутренний Голос, только Взор.

— Ты издеваешься?

— Между нами непонимание. Что ты хочешь вспомнить?

— Какая разница между Взором и Голосом?

— Голос помогает вспомнить прошлое, а Взор — показывает знаки настоящего.

Я посмотрел на растопыренную ладонь.

Головокружительное ощущение: я не узнал свои руки, но сомнений в том, что это мои ладони и мои пальцы — нет. Как нет ничего особенного в самой ладони. Ну, тощая лапка подростка. Ну, тонкие дрожащие пальцы. Даже линия жизни на месте.

— Что я должен увидеть?

— Достоинства и недостатки, собранные на Пути Двенадцати Тысяч Граней.

Сколько я ни пыжился, никаких достоинств на ладони не появилось. Недостатков — тоже. Тогда я попробовал расфокусировать зрение и тут же отдёрнул руку, словно от огня — моё запястье и пальцы окутала светлая дымка.

Уняв испуг, снова растопырил ладонь и спокойно взгляделся в мираж.

Вокруг запястья, на манер браслета, крутились крошечные чёрные треугольники — те самые грани, которые я недавно собрал.

В центре ладони светился жёлтый круг, похожий на маленький вихрь, от которого исходили три разноцветные струящиеся линии света. Каждая шла к одному из трёх пальцев: зелёная к среднему, фиолетовая к указательному и синяя к большому. Две из них затухали, не дойдя до основания пальцев, а вот зелёная линия длилась дольше, чуть-чуть заходя на нижнюю фалангу среднего пальца.

Все линии очень тоненькие, едва различимые. Но зелёная не только чуть длиннее, но и чуть толще.

Кроме линий заметил такие же прозрачные и разноцветные иероглифы.

Я знаком почти со всеми системами рисуночного письма. И китайское, и египетское, и иероглифику майя. Не считая эмодзи. Письмена на ладони были мне совершенно непонятны, они имели мало общего с известными системами, хотя графикой напоминали корейские буквы.

— Между нами непонимание-е-е... — внезапно признался Голос.

В голове у меня отвратительно и болезненное засвистело, как в момент перехода в этот мир. А в глазах зачесалось, будто кто-то сыпанул в них песка. Я рухнул на колени. То раздирая виски, то растирая кулаками веки, прокричал:

— Прекрати!

Тишина наступила внезапно. Только ветер шуршал в колонах, откуда-то доносился мерный стук, будто кто-то долбил камнем о камень.

Свист в ушах и резь в глазах прошли.

— Голос Внутренний... Ты тут?

— Голос всегда там, где ты.

— Что это было?

— Непонимание.

Я же с удивлением смотрел на иероглифы, высеченные в полу. Их значения стали складываться в понятные для меня смыслы.

«СВЕТЛОЕ ОЗАРЕНИЕ РАВНО ДВЕНАДЦАТОЙ ЧАСТИ ЯРОСТИ СОЛНЦА»...

«МЕРЦАЮЩЕЕ ОЗАРЕНИЕ ЕДВА ЗАМЕТНО В ПУТИ»...

«ЯРКОЕ ОЗАРЕНИЕ СПОСОБНО МЕНЯТЬ ПУТИ ДРУГИХ ОЗАРЕНИЙ»...

И прочее в таком духе, с многочисленными упоминаниями «ОЗАРЕНИЕ», «ПУТЬ» «СОЛНЦЕ» и подходящих к ним эпитетов.

Я снова посмотрел на ладонь. На этот раз понял значение каждого иероглифа, хотя с трудом, будто недавно их выучил.

Эти символы означали число — 24 000.

— Что за двадцать четыре тысячи?

Но ответа от Внутреннего Голоса не получил — неизвестно откуда ко мне подбежал какой-то широкоплечий воин, одетый в голубые доспехи, но не из железа, а словно бы из пластика. Голову его прикрывал прозрачный шлем, под которым виднелось злое лицо мужчины лет шестидесяти. Его пышные седые усы свирепо шевелились.

И на бегу этот усач замахивался на меня огромным волосатым кулаком.

Я не успел спросить, какого, собственно, Пути ему надо, как удар в нос опрокинул меня на пол.

— Невежественный грязесос, — прорычал усатый. И с разбегу пнул меня в грудь.

Обдирая шею о символы, высеченные на плитках, я прокатился по полу.

— Твою мать, — сказал я, утирая кровь. — Что вообще всё это...

Усатый незнакомец двигался так быстро и бил так резко, что я только кряхтел и, хлюпая носом, повторял: «Да ты чё...». Или: «Э, да как же...». Или: «Мать твою, сука...»

— Не ждал, что небесная стража уже тут?

Незнакомец сопроводил вопрос ещё одним тычком кулака в мой нос.

Если так называемые «небесные стражи» служили в Дивии охранниками правопорядка, то не могу не отметить поразительное сходство наших культур. Мент летающего города тоже сначала бил, потом спрашивал:

— Как твоё имя, грязесос?

Я нашёл в себе силы дерзко ответить:

— Сначала вы. Имя, должность, причина задержания...

Вместо ответа небесный страж схватил меня за прекрасные курчавые волосы и дважды приложил лицом к полу. Высеченные на каменной плитке иероглифы окрасились моей кровью.

— Хватит, — попросил я. — Я ни в чём не виноват.

— Все вы так говорите, — пробурчал стражник.

— Я вообще не отсюда. Даже не из Узбекистана. Если мы ещё там.

Стражник отпихнул меня и присел на корточки:

— Грязесос, думаешь, я не смогу узнать, как тебя зовут? Я — небесный стражник. Владею заметным озарением «Чтение Путей».

— Тогда зачем спрашиваете имя?

— Чтобы подольше тебя побить.

— Да за что, начальник?

— Сам знаешь. Щас, отдохну и продолжу.

Я выплюнул кровавые слюны на божественные камни храма.

— Колени, грязь их поглоти, болят, — признался стражник. — В войне с низкими царствами ихние маги нанесли мне незаживающую рану.

— За что меня задержали? — спросил я.

— За грязное колдовство. За что же ещё?

— Что за грязное колдовство? — взмолился я. — Вы даже не представляете, какое у нас с вами непонимание! Особенно у меня.

— Я поймал тебя на грязном колдовстве, — повторил стражник. — Какое тут непонимание?

— Что со мной будет дальше?

— Я стукну тебя по шее ещё раз.

— А потом?

— Унесу тебя в Прямой Путь.

— А там что меня ждёт? Снова избиение?

Стражник взглянул на меня с недоверием:

— Ты притворяешься?

— Нет. Что такое Прямой Путь?

Стражник даже почесал шлем, словно я задал дурацкий вопрос:

— Э-э-э, туда приводят всех, кто встал на кривой путь.

На секунду мне показалось, что я снова разговаривал с роботом. Хотя и сам уже догадался, что Прямой Путь — это что-то вроде местного отделения полиции.

— Что меня ждёт в Прямом Пути?

— Суд и наказание.

— Сильное?

— Путь твоего наказания прочертит суд.

Надо же, провалившись в иной мир, я не только попал в чужое тело, но и встрял в чужое дело?

Несмотря на свою угрозу, стражник не стал меня бить дальше.

— Я слышал, как ты вслух беседовал со своим Внутренним Голосом. Грязное колдовство повредило твой ум?

— Мой Голос, как хочу, так и разговариваю, — пробулькал я. Кровь текла из обеих ноздрей.

— Тоже верно. Ладно, лежи смирно, сейчас я тебя вылечу.

— Вылечите? — снова плюнул я кровью. — Да вы мне едва зуб не выбили и нос сломали! Любой поймёт, что меня избили.

В ответ стражник удивился:

— Ты шутишь со мной? Хочешь ещё в лоб получить, грязеглот?

Кстати, что у него с грязью? Почему такое особое презрение к ней?

Тут стражник наложил на моё лицо руки, словно собирался задушить. Я задёргался, но получил удар в живот:

— Я же сказал не дёргаться!

Я был настолько подавлен случившимся, что покорно, как связанный жертвенный баран, замер.

А потом поразился.

Боль в носу резко прошла. Кровь, хлеставшая из обеих ноздрей, резко загустела, превратившись в засохшую корочку. Горящие от ударов скулы тоже перестали болеть. Зубы заскрежетали и с болезненным треском встали на места. Я потрогал языком шатавшийся после удара верхний зуб — больше не шатался!

Стражник убрал руки с лица и начал гладить моё тело, словно некий маньяк-педофил.

Там, где меня касались его ладони, боль моментально утихала.

Через полминуты я был совершенно здоров, только чесались ссадины и царапины на лбу.

Отняв от меня руки, стражник поднялся:

— Всё, вставай.

Когда я вытянулся перед ним, недоверчиво ощупывая скулы и нос, стражник ткнул меня пальцем в лоб:

— Самиран... Самиран, сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран? — спросил он. — Вроде сын хороших родителей, а занялся поеданием грязи.

Не зная что ответить, я развёл руками, мол, бывает, дяденька полицейский.

Я сам догадался, что моё имя он узнал, когда ткнул в лоб пальцем, применив ещё одно озарение, как оно там называлось...

Стражник тоже вытянулся напротив меня:

— Меня зовут Илиин. Моё предназначение — небесный стражник из сословия Защищающих Путь. Данной мне властью я объявляю господство закона Дивии над твоими правами прирождённого жителя. Ты обвиняешься в грязном колдовстве и предстанешь пред судом Прямого Пути.

Поняв, что наступила официальная часть моего задержания, я промолчал.

Илиин тронул меня за плечо:

— Стой ровно. Руки положи на плечи...

Я покорно протянул руки к плечам стражника, но получил тычок в грудь.

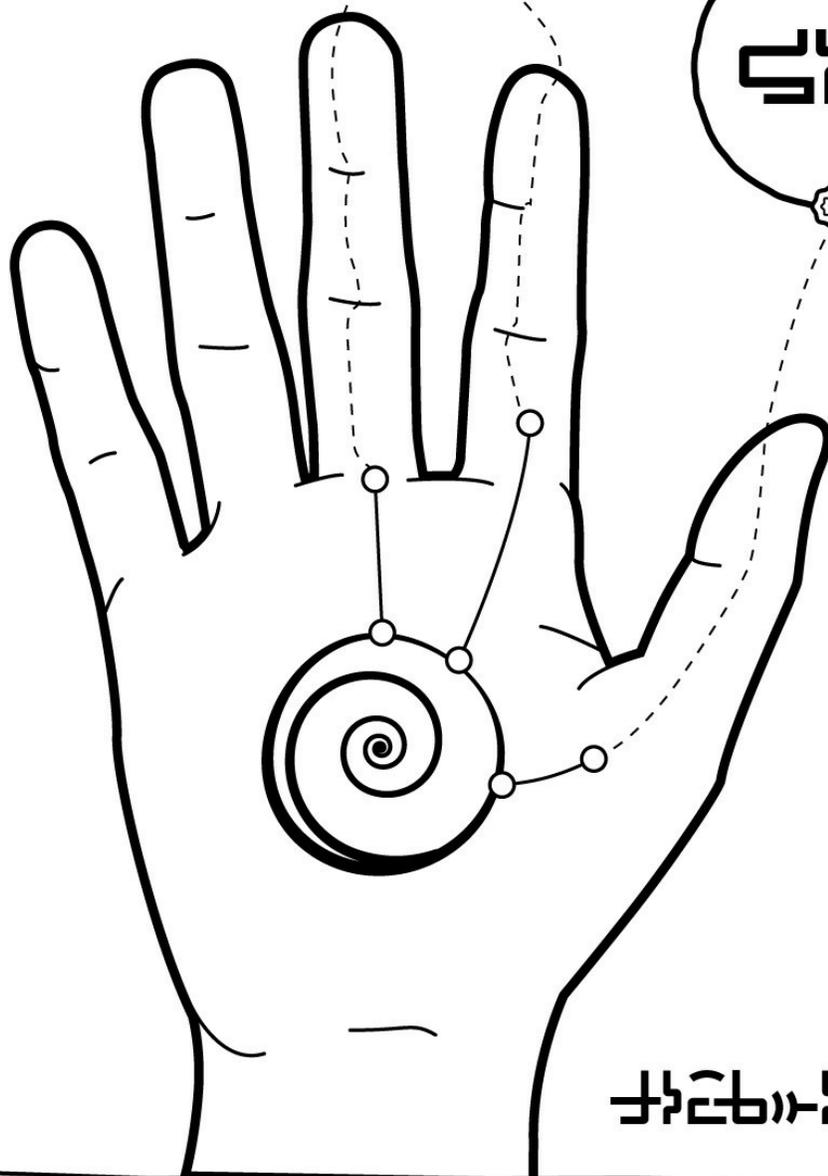
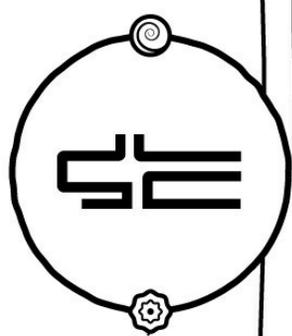
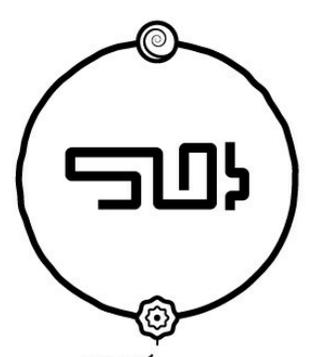
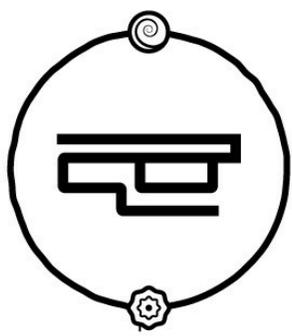
— У тебя глина вместо разума? — прорычал он. — На свои плечи, остолоп!

Я положил руки на плечи, крест на крест, словно рэпер на фотографии.

Илиин поднырнул под меня, обхватил за талию и поднял. За его спиной выросли полупрозрачные крылья, склеенные как бы из сеточки треугольников.

Не взмахивая крыльями, а просто расправив их, Илиин вознёс меня под крышу храма, где располагалось отверстие — колодец в синее небо.

Сначала я хотел спросить у Внутреннего Голоса, что происходит? С другой стороны — какая разница? Почему бы в летающем городе не быть летающим ментам?

סל-»בזלז

2. Прямой Путь и грязесосы

У меня захватило дух. Не только от высоты, но и от увиденного.

Архитектура Дивии казалась одновременно неуловимо знакомой и одновременно совершенно чужой.

В одних зданиях угадывались ступенчатые своды и или круглые башни, похожие на строения майя. Где-то возвышались колоссальные мандиры, чьи стены покрывали многочисленные статуи и иероглифы.

А вот тот же храм Двенадцати Тысяч Создателей, который я успел ухватить взглядом, больше походил на древнегреческие общественные здания, с колоннами и портиками.

При этом город не казался скоплением противоречивых архитектурных стилей, тяготел больше к древней архитектуре востока. Цвета стен в основном нежно-голубые, но встречались и яркие пятна красного или золота. Особенно на зданиях с раскрашенными скульптурами.

Окна. Много окон. Сводчатые, стрельчатые, круглые — какие угодно, кроме строго квадратных и прямоугольных. Все углы сглаженные, закруглённые. Стекла в окнах встречались редко. Большой частью все окна закрыты резными решётками или занавесками, которые свободно развевались на ветру, показывая убранство помещений.

Трудно сказать, насколько многолюден город. Все улицы закрыты кронами деревьев. Зато в воздухе оживлённо.

Мимо нас пронеслась ещё парочка крылатых стражей без груза, поэтому летели быстрее. Промелькнуло несколько летающих экипажей, похожих на длинные кареты. Они двигались так быстро, что я не успел толком рассмотреть.

В редкие просветы между домами удалось увидеть даже что-то вроде линии горизонта, покрытой дымкой или облаками. Но то, что город летел — можно не сомневаться. Высоту выдавало небо: глубоко синее, с небольшими пятнышками перистых облачков. Такое можно видеть из иллюминатора самолёта.

Время от времени по улицам города вдруг пробегало плотное облако, накрывая всё туманом и волной зверского холода. Если бы не облегающее термобельё, — те самые трусы и майка, что сохранились на скелете, — я бы отморозил себе всё на свете.

...

Трусы и майка под туникой — это хорошо, но я всё равно мёрз. Вдобавок плащ мой оторвался и улетел. Теперь стало холодить и спину.

А небесный стражник Илиин не спешил доставить меня на судилище.

Он несколько раз бессмысленно облетел какое-то высокое здание, украшенное головами смеющихся драконов. Дождлся, когда на нас налетело шальное облако и покрыло меня изморозью.

— Н-н-наказываете м-м-меня за п-преступ-пление? — прокричал я сквозь шум ветра.

— Ты догадливый.

— А если я умру от холода? Не станете ли вы сами преступником?

— Таким грязесосам, как ты, путь в смерть неизбежен, — ответил Илиин.

Но через минуту начал снижение. Кажется, ментовской произвол в Дивии не приветствовался.

Лавируя между ветками деревьев, Илиин опустил на площадку перед куполообразным

зданием, похожим на приземистую мечеть. Над её куполом висело несколько экипажей. Рассмотрев их я убедился — да, они напоминали летающие кареты.

Светлые крылья небесного мента рассыпались на треугольники и исчезли.

— Руки на плечи, — напомнил Илиин. После чего пошёл по дороге к зданию, на шаг впереди меня.

У меня была мысль сбежать. Но куда? Я тут ничего и никого не знал. Не стоило усугублять побегом наказание за преступление, которого я не совершал.

Я покорно шёл за Илиином, разглядывая здание местной ментовки. Или прокуратуры. Или сразу — тюрьмы? Чёрт их знает.

Круглые проёмы здания не имели никаких дверей. Над каждым проходом выпуклые иероглифы:

ПРЯМОЙ ПУТЬ

Сочетание иероглифов-закорючек и то, во что они складывались в моём представлении в «Прямой Путь», было весьма противоречивым.

— Посторонись, брат! — раздалось сверху.

Илиин отошёл к обочине, утаскивая меня за собой. Двое стражников, в таких же доспехах, как у Илиина, приземлились впереди нас. Их крылья рассыпались на светлые треугольнички и растаяли.

— Извини, брат, — крикнул Илиину один из стражей, — одурманенного схватили.

Они тащили мужчину в тунике совсем как наши менты, закрутив ему руки за спину. Задержанный был мускулист и огромен. Из-под разорванной туники выпирали мышцы. У него была окладистая чёрная борода и красное от напряжения лицо.

Упираясь в тротуар мощными ногами, задержанный орал, брызжа слюной:

— Пус-с-с-стите, я имею право! Имею! А вы — нет! Пус-с-с-стите! Идите своим Путём на...

— Ещё один любитель грязи напиться, — покачал головой Илиин, давая коллегам провести пьяного мужика. — И куда мир летит?

Мы прошли в одну из круглых дверей здания Прямого Пути, Илиин втокнул меня в пустую комнату, которая отделялась от предыдущей только дощечкой, что-то вроде шагбаума.

Я огляделся. Кроме меня в комнате ещё трое.

Тот пьяный мужик сидел на полу и что-то бормотал, прикладывая к тунике оторванный лоскуток.

Немолодая женщина, одетая в длинный цветной и полосатый халат, похожий на таджикский. На голове у неё чалма, с вуалью, закрывающей половину лица. Женщина держалась подальше от нас.

Третий заключённый — парень лет шестнадцати-семнадцати. Он с любопытством смотрел на меня, явно желая пообщаться.

Подошёл другой небесный стражник и хлопнул Илиина по плечу:

— Расправляй крылья, брат. На Отшибе Гаруджа замечены беглые низкие.

— Вооружены? — спросил Илиин.

— Мы не знаем. Готовься к схватке, возьми копье.

Илиин ушёл, увлекаемый стражником. Мне даже стало как-то немного грустно без него.

— Что хочу, то и пью! — выкрикнул пьяный мужчина, продолжая разговор с воображаемым собеседником. — Если не знаете, зачем нужно пить вино, то зачем осуждать?

Вино даёт мысли. Вот так-то вот! А вы говорите: «Грязь, грязь». Сами вы грязь.

От его рассуждений женщина в вуали вздрогнула и подбежала к перегородке:

— Я требую перевести меня в другую комнату. Я не могу находиться рядом с морально низкими пьяницами. Стража? Вы меня слышите? Я буду жаловаться в Совет Правителей!

Но небесные стражники проигнорировали женщину в лучших традициях худшего ментовского участка. Один страж нарочито громко спросил другого:

— Брат, а ты был вчера на кулачном состязании, наши против воинов?

— Не, брат, — ответил стражник. — Наши победили?

— Продули девять боёв из двенадцати.

— Ну, ничего, скоро могучий Илиин Раттар подлечит колено и вернётся в строй.

Не обращая внимания на угрозы женщины в вуали, стражники отошли от барьера.

Сделав несколько глубоких вдохов, я закрыл глаза и спиной отошёл к стене. Скатился по ней и сел на холодный каменный пол.

Я пытался быть спокойным, пытался разобраться в происходящем. Но это уже слишком. Кажется, юноша по имени Самиран был не шибко умён, его мозг не развит, поэтому моё сознание не справлялось с обработкой происходящего на его слабеньком «железе».

Полчаса назад я светил фонариком на древний труп, размышляя, каким это образом огромный город оказался закопанным на непостижимой глубине? Один из узбекских специалистов, геолог, исследовал город до моего прибытия. Он смело датировал эти развалины десятками тысяч лет до нашей эры. То есть город был построен в эпоху до зарождения цивилизаций, по классификации современной науки. Хотя... какой науки? Тут город летающий! Что скажешь на это, наука?

Мне хотелось разодрать себе виски, вскрыть череп, чтобы выковырять себя из этого тела. Мне хотелось выть и кричать...

Но ведь это не моё поведение?

Неужели гормоны юноши повлияли на мой характер? Что если я буду всё больше и больше становиться им, теряя себя?

Ещё сильнее зажмурил глаза.

Мне надо успокоиться.

Но как тут успокоиться, когда сердце заколотилось, а по лбу потёк пот?

— Твоя Линия Духа находится в беспокойном колебании, — встревоженно сказал Голос. — Это отражается на твоём телесном здоровье.

— Заткнись, заткнись, — бессильно прошептал я. — Просто заткнись.

Не знаю, сколько я так просидел, наблюдая цветные круги, бегающие в темноте моих сомкнутых век. Пульс восстановился, пот перестал течь.

Я снова ощутил холодный ветер.

Надо заметить, Дивия была холодным местом, везде ветер и сквозняк. Дивианцы — закалённые ребята. Интересно, как у них с заболеваемостью простудой? Или же они все лечатся магией, поглаживая друг друга ладонями?

Хорошо, хорошо... я постепенно возвращаюсь к привычному ходу мыслей, Я всё ещё я. А не юноша из летающего города, из-за которого я залетел в эту просторную и хорошо проветриваемую камеру предварительного заключения.

Итак. Если всё это не моя затяжная галлюцинация, то пора привыкать. Надо изучить культуру Дивии, обычаи, законы и порядки. С законом я уже столкнулся.

Всё хорошо, всё хорошо.

Я всего лишь попал на летающий город цивилизации далёкого прошлого, о которой нам ничего не известно. Так бывает. Мир полон чудес. Я...

— Самиран, — гаркнул над моим ухом стражник. — Сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран.

Открыв глаза, я поднялся:

— Здесь.

— Что? — удивился стражник. — А где тебе ещё быть?

— А я же говорю, он одержимый, — вмешалась женщина в вуали. — Ему не место среди нас.

Стражник поманил меня пальцем к барьеру:

— К тебе родители, грязный колдун.

— Ах, он ещё и грязный? — воскликнула женщина. — Такой молодой? Теперь я точно пожалуюсь, что вы меня держите рядом с ним.

— Уважаемая, — повысил голос стражник. — Отойдите от барьера!

Моя сокамерница утихла и отошла.

К барьеру подошли двое.

Красивая женщина с высокой причёской вьющихся тёмно-коричневых волос. Одета в тунику из лёгкой ткани, обута в сандалии с высокой шнуровкой. На вид ей лет тридцать, стройная, длинноногая. Не верилось, что у неё пятнадцатилетний сын. И этот сын — я.

Мужчина оказался менее изящным: толстоватый, лысоватый, при этом буквально запакован в шубу из белого меха. Ему не хватало чёрных очков и трости с бриллиантовым набалдашником, чтобы походить на сутенёра из американских комедий того времени, когда над неграми ещё можно было шутить.

— Бедненький мой мальчик, — сказала мама Самирана.

Её тёплая ладонь легла на мою щёку. Вторая ладонь — на шею. Я мгновенно ощутил пульсацию тёплой энергии, расходящуюся от её рук по моему телу.

Мать отдернула руки и воскликнула:

— Они тебя били?

— Немного.

Мать развернулась к стражнику:

— Какое моральное право вы имели бить моего сына?

Стражник изумился:

— Госпожа, между нами непонимание. Никто его не пальцем не тронул. Уважаемый страж Илиин поймал Самирана на грязном колдовстве. У нас всё по закону, есть все доказательства и свидетельства потерпевших.

— В теле моего сына следы сильных повреждений и неумелого лечения озарением «Мягкие Руки», — заявила мама Самирана.

— Госпожа, ваши ветреные обвинения могут пойти вам во вред. Мы честные стражи, мы не бьём прирождённых жителей Дивии. И вообще, сначала докажите, что стражник Прямого Пути нанёс ему какие-либо увечья.

— Мама, всё нормально, — осмелился сказать я. Хотя от слова «мама» меня чуть не вывернуло.

— Да, Мада, путь с ними, — сказал вдруг отец. — Грязное колдовство — серьёзное обвинение для мальчика. Оно отразится на нас. Самиран только-только встал на свой Путь, ещё не выбрал даже родовое имя, а уже наступил в дерьмо.

Мама Самаирана с высокомериём посмотрела на папу:

— Не знаю, как грязное колдовство сына отразится на твоём садоводстве, но на моём пути целительницы уже отразилось. Люди скажут, что я создаю кристаллы, ворую грани у мёртвых. Но я готова отдать все свои достижения на пути к свету ради сына. Готов ли ты?

— Не будем спорить, кто к чему готов, — добродушно согласился отец, склонив голову. — Хотя я простой садовод, но знаю, что на первый раз грязное колдовство не наказывается строго. Я бы сам всыпал плетей нашему бездельнику, чтобы он навсегда забыл как воровать грани.

И я снова понятия не имел, о чём они все говорили. Но понял, что грязное колдовство принесло мне много граней. Ещё бы знать, что эти грани мне дают? Могу ли купить себе большой дом с бассейном, летающий экипаж или хотя бы крылья, как у Илиина?

Отец подошёл ко мне и через барьер похлопал по плечу:

— Не ожидал от тебя такой низости, сынок. Когда же ты свернул не туда?

— Я бы тоже хотел это знать, — честно ответил я. — С радостью вернулся бы назад.

— В любом случае, Самаиран, ты впервые на суде, — продолжил отец. — Если правда на твоём пути, то всё будет хорошо.

К барьеру подошёл стражник и провозгласил:

— Подозреваемая по имени Мата Дивиата из сословия Меняющих Смыслы, Обвинения и Правда ждут твоего присутствия.

Женщина с вуалью, подошла к перегородке.

— Нет нужды выкрикивать моё имя вслух, — обижено сказала она.

— Закон для всех одинаков, — ответил стражник, пропуская её за барьер.

— Самаиран, сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран! — выкрикнул другой стражник. — Обвинение и Правда ждут твоего присутствия.

Стражник поднял барьер и пропустил меня.

Стражник провёл меня по пустому коридору, потом мы долго поднимались по широкой винтовой лестнице.

Навстречу несколько раз попались другие стражники, которые вели других арестованных. Я с любопытством осматривал каждого собрата по несчастью, пытаюсь понять его преступление.

Люди разные. Молодые и старые. Одни одеты легко, как я, другие наоборот — кутались в толстые халаты или шубы, как папа Самаирана. Одни не носили никаких головных уборов, другие носили что-то похожее на тюрбаны или круглые шапочки, смотанные из нескольких слоёв ткани.

Женщин было меньше, чем мужчин. Но особого отношения к женщинам я не заметил. Они не покрывали лицо и не вели себя подобострастно по отношению к мужчинам. Вероятно, в Дивии существовало столь редкое для древнего мира равноправие полов. Даже среди небесных стражников встречались женщины.

Некоторые заключённые держали руки крест-накрест на груди, обхватив ладонями плечи. Запястья связаны тонкой белой верёвкой, петли которой обматывали шею, заходили за плечи и как-то смыкались на спине. Немного напоминало японское извращение связывания верёвкой. Но многие шли, как я, без всяких пут.

Один раз навстречу попался здоровенный силач, одетый в чёрную тунику, настолько неприлично короткую и настолько открытую, что можно запросто предположить, что мужика взяли за нарушение общественных приличий.

Его сильные руки скованы железными обручами, к которым приделана толстая цепь. Один стражник тянул цепь, а второй подталкивал мужика копьём в спину. Третий стражник, вооружённый полупрозрачным топориком из неизвестного материала, шёл рядом.

Вокруг тела арестованного летали разноцветные обручи цвета. Это выглядело бы даже прикольно, если бы каждый оборот обруча не причинял мужику явную боль: он плотно сжимал губы и хрипел, сдерживая стоны.

Мой стражник толкнул меня в сторону, чтобы уступил дорогу.

Тихо постанывающего мужика провели мимо нас вниз по лестнице. Один из цветных обручей едва не коснулся моей руки, отчего я тоже ощутил болезненные покалывания в теле.

— Опасный преступник? — спросил я.

— Один из главарей шайки «Сильные Телом», — охотно ответил стражник. — Обвинили-таки, мерзавца. Долго же он избегал Обвинения.

— А что за обруч вокруг него?

— Озарение «Подавление Света», — так же охотно ответил стражник. — Оно вытягивает из приговорённого все озарения.

— А куда его ведут?

— Куда-куда, — отозвался стражник. — В какой-нибудь край.

— А там что?

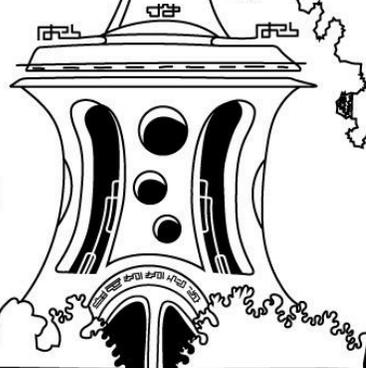
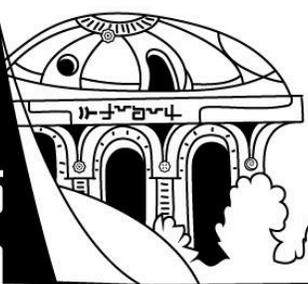
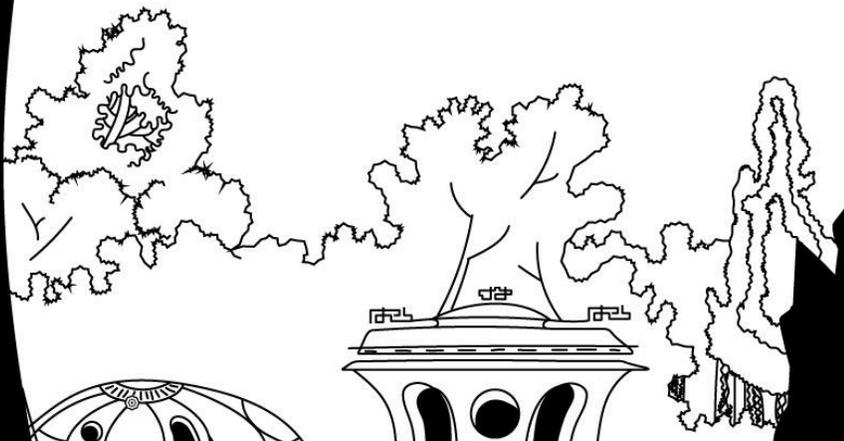
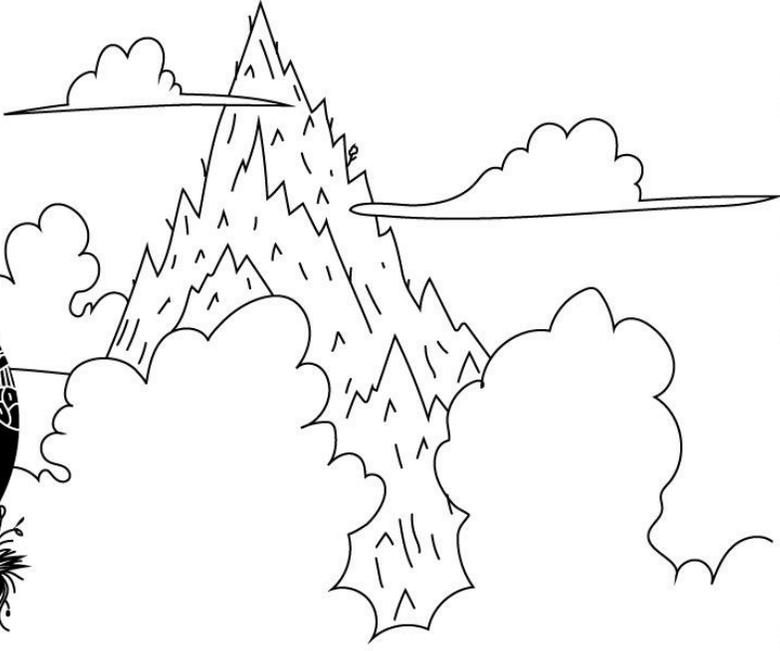
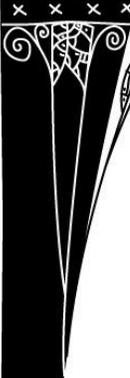
— Там его сбросят в грязь. — Стражник потерял интерес к разговору со мной. Толкнув локтем, сказал: — Давай, шагай. Если станешь частым гостем в Прямом Пути, то тебя однажды тоже сбросят.

Винтовая лестница тянулась высоко, теряясь в своих извилах. Через равные промежутки лестница прерывалась просторными круглыми площадками с круглыми дверями. На одной из этих площадок стражник остановился и толкнул круглую дверь.

Я только-только попал в этот мир, но меня уже втянуло в жернова местного правосудия. Радовало, что, по всем приметам, оно здесь вершилось быстро.

ᠠᠯᠠᠭᠤᠯᠤᠰ

ᠠᠨᠠᠭᠤ

3. Быстрый суд и долгое наказание

Мы вошли в просторное помещение, похожее на храм Двенадцати Тысяч Создателей. В высоких арках так же стремительно бежали облака и пробивались яркие лучи солнца. Только стены и пол здесь не украшены иероглифами озарений и узорами. На одной стене разместились массивные объёмные иероглифы, означавшие «Обвинение и Правда».

Вдоль стен рядами стояли деревянные скамейки. Мои родители уселись рядом друг с другом. Отец взял ладонь матери в свою. Оба с тревогой уставились на меня.

Кроме нас в зале присутствовало несколько стражников, один из которых откровенно дремал, сидя на скамье и свесив голову. И десятка два незнакомых людей разного возраста, одетых в разнообразные туники, плащи и халаты. Я не слишком вглядывался в их наряды, но подметил, что никто не носил штаны.

Особенно выделялся многослойный халат одного толстого господина, украшенный таким количеством золотых узоров, что блестел в лучах солнца, как диско-шар на танцполе, отбрасывая на стены дрожащие солнечно-золотые отблески.

Стражник поставил меня в центр площадки и ушёл. Тут же передо мной выросло два огромных плоских камня. Мало того, что они походили на высокие надгробия, так и появились из каменного пола со скрежетом и скрипом. Я в испуге отскочил, что вызвало насмешки зрителей.

Кто-то рассмеялся:

«Первый раз, что ли?»

На первом камне со скрежетом проступил объёмный символ «Обвинение». Под ним, едва слышим шорохом, вылупились ряды иероглифов, описывающие моё преступление.

Я перевёл взгляд на второй камень. На его гладкой поверхности торчал символ «Правда» без какого-либо пояснительного текста.

Между камнями встал пожилой и лысый мужчина, облачённый в тёмно-синюю тунику, усыпанную мелкими узорами из символов Обвинения и Правды.

— Меня зовут Салуин Коут, — объявил он. — Моё предназначение: Помогающий Богам. Я буду вершить уравнивание Обвинения и Правды на Пути Самирана, сына Похара Те-Танга и Мадхури Саран.

Из этого я понял, что лысый — мой судья.

— Ты впервые на пути Обвинения и Правды, лениво, — сказал Салуин Коут. — Поэтому я должен спросить, знаешь ли ты, как вершится правосудие?

— Не очень... Я ведь впервые тут.

Судья недовольно вздохнул и пояснил:

— В Прямом Пути произойдёт сравнение твоих утверждений и мыслей с утверждениями и мыслями тех, кто обвинил тебя в преступлении.

— А кто меня обвинил? — спросил я. Хотя на самом деле было интереснее узнать, как можно вообще сравнивать чьи-то мысли?

— Четыре родственника погибших недавно людей, и небесный стражник, поймавший тебя на воровстве «уходящих граней».

— Что такое уходящие грани? — спросил я.

Лысый заметно удивился:

— Грани умирающих людей.

— То есть, грани можно забирать у других?

Судья то ли ужаснулся, то ли рассердился:

— Мальчик, не пытайся заболтать простое дело, — наставительно сказал судья. — Ты попытался отнять грани через грязное колдовство. Но доблестный небесный стражник Илиин вовремя прервал тебя.

Суть моего страшного преступления стала чуть яснее: меня обвиняли не в воровстве, а в попытке воровства.

— Ну, — с безразличной нетерпеливостью спросил судья. — Ты ознакомился с обвинениями?

— Да, — ответил я. — В свою защиту хотел бы сказать, что...

Властным взмахом руки судья прервал меня:

— В твою защиту будет говорить Правда. А ты помолчи.

Откуда из зала я услышал нервный смешок:

— Молодёжь уже вообще перестала уважать традиции предков.

— Воспитание молодых — обязанность взрослых, — ответил другой голос. — Обвинять надо не парня, а его родителей, которые не воспитали его в уважении к Создателям.

— Верные слова, уважаемый.

Плита с символом «Обвинение» снова зашуршала. Иероглифы, описывающие моё преступление, стёрлись. На их месте выросли новые:

ОБВИНЕНИЕ САМИРАНА,

СЫНА ПОХАРА ТЕ-ТАНГА И МАДХУРИ САРАН.

◆ **ГРЯЗНОЕ КОЛДОВОСТВО. ОБВИНЕНИЕ ОТ ПРЯМОГО ПУТИ.**

◆ **ОСКВЕРНЕНИЕ ХРАМА. ОБВИНЕНИЕ ОТ СОСЛОВИЯ ПРЕДНАЗНАЧЕ**
«ПОМОГАЮЩИЕ СОЗДАТЕЛЯМ».

◆ **ВОРОВСТВО ГРАНЕЙ. ОБВИНЕНИЕ ОТ РОДСТВЕННИКОВ ТЕХ, ЧЬИ ГРАНИ**
ПРИСВОИЛ.

И последний пункт обвинения, который снова напомнил мне нашу родную судебную систему:

◆ **СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРИ ВЗЯТИИ ПОД СТРАЖУ. ОБВИНЕНИЕ ОТ НЕБЕСНО**
СТРАЖНИКА ИЛИИНА РАТТАРА.

«Сука, Илиин, — подумал я. — Сам избил меня, да ещё и обвинил!»

— Ты можешь отвергнуть последнее обвинения, — сказал вдруг судья. — А так же выдвинуть своё. Хочешь обвинить небесного стражника Илиина в нанесении побоев?

Я задумался. Стоило ли усложнять дело? При том, что я понятия не имел, как будет доказываться точка зрения каждой из сторон.

— А как я докажу, что Илиин меня избил?

Снова волна шёпота зрителей за моей спиной.

— Этот паршивец считает Помогаящих Создателям дураками! — отчётливо произнёс кто-то.

Чей-то одобрительный смех, сопровождаемый дребезжаньем металла, поддержал его. Кажется, смеялся тот толстый и золотой господин.

— Доказывать ничего не надо, — пояснил судья. — Твои слова и слова Илиина будут сравнены с Правдой.

— Звучит обнадеживающе, но что это значит?

Судья монотонным голосом проговорил:

— Линия Морального Права, которую ты можешь увидеть своим Внутренним Взором, сохраняет каждый шаг, каждое озарение и поступок в любой момент бытия прирождённого жителя Дивии. Все следы остаются на Всеобщем Пути. Любые слова и утверждения могут быть сравнены с Правдой и оценены.

— Вы хотите сказать, что Всеобщий Путь и так знает, что произошло в храме Двенадцати Тысяч Создателей? — изумился я. — К чему же суд?

— Как к чему? — удивился судья. — Ты же творил грязное колдовство.

Не сказать, что мне стало намного яснее, но я не мог отделаться от ощущения несуразности происходящего. Конечно, в разных культурах приняты свои судебные нормы. В некоторых мирных культурах моего времени вообще принято побивать камнями без суда и следствия.

«Офигеть! — подумал я. — Меня будут судить неизвестно как и неизвестно за что, опираясь не на факты, а на какое-то моральное право».

— Самиран, — спросил судья. — Разве родители не нанимали тебе учителей? Почему ты не знаешь ничего? Ведь Прямой Путь и его бесстрастное и неподкупное суждение — это одно из множества великих отличий между нами, прирождёнными жителями Дивии, и всякой грязью, которая живёт в тени нашей летающие тверди!

Я лишь пожал плечами: откуда мне знать, чему учился Самиран.

— Ты готов сравнивать Обвинение и Правду?

— А давайте, — заявил я. — Чего время тянуть?

Лысый приободрился:

— Правильный ход мыслей, мальчик.

Тут со скамьи поднялась мать Самирана. Опять я залюбовался ею. Кажется, все мужчины в зале залюбовались.

— Я обвиняю небесного стражника Илиина Рагтара, в том, что он причинил побои моему сыну, а так же ложно обвинил его в сопротивлении. Путь знает, у кого правда.

Лысый судья тяжело вздохнул: судилище затягивалось.

— Уважаемая Мадхури Саран, вы уверены? Может, не надо? Дело-то ясное... Грязное колдовство не сдуть каким-то там обвинением в побоях.

— Делайте свою работу, уважаемый, — ответила мать.

— Ладно, — сдался лысый. — Вносите свою правду.

Мать подошла и встала рядом с надгробием «Правда». Потом положила ладони на пустую каменную поверхность. Раздался скрипучий шорох и на поверхности начали множиться иероглифы. Растекаясь по камню, они выстраивались ровными столбцами, складываясь в осмысленный текст.

Часть столбцов она стирала и заменялась новыми. Иногда меняла их местами. Мне было ещё сложно следить за смыслом всех иероглифов, я понял лишь, что мама Самирана вдумчиво и подробно описывала состояние моего телесного здоровья, упоминая все ранения внутренних органов, царапины и рубцы, «наспех залатанные неумелой и вялой рукой».

Чем больше смотрел на мать Самирана, тем... сильнее стыдился. Она была прекрасна. Глубокие чёрные глаза, фигура, которую туника не скрывала, а даже излишне показывала, особенно ниже талии, там, где две складки сходились внахлест. При ходьбе бедра Мадхури оголялись, но тут же, дав ровно мгновение на созерцание их гладкости, прятались обратно.

Кстати, эту одежду я называл «туникой», потому что не знал как ещё её назвать. Вообще, look мамы Самирана напомнил мне фантастические фильмы шестидесятых годов

прошлого века. В те времена сексуальная объективация женщин ещё не скатилась в пошлость девяностых и двухтысячных, но и не достигла высот псевдоцеломудренного и феминизированного маразма современности.

— Готово, — сказала Мадхури Саран.

Поставив последний иероглиф, она вернулась на скамью.

Формальности завершились и началось сравнение слов. То есть суд надо мной.

Оба надгробия — Обвинение и Правда — начали медленно и с песочным скрежетом сливаться друг с другом. Иероглифы запрыгали, меняясь местами и перетасовываясь в различных комбинациях. Некоторые испарялись за ненадобностью, некоторые наоборот, образовывали друг с другом такие сочетания, что я не мог их понять. Но такие иероглифы-мутанты исчезали, оставляя строки приговора.

Слияние Обвинения и Правды завершилось быстро. Теперь передо мною и судьёй стояла одна каменная плита. Не нужно быть самым светлым умом, чтобы понять: я признан виновным по всем пунктам.

Даже лживое обвинение Илиина прошло.

Хотя факт нанесения мне побоев признан. Илиину назначено служебное взыскание в виде дополнительных трёх дней службы вместо дней отдыха. Ужасная кара постигла небесного мента!

Справедливый суд, что тут сказать.

Лысый служитель буквы, точнее — иероглифа закона — откашлялся и скороговоркой произнёс моё наказание: десять дней полноценного труда в тех местах, которые укажут, сообразно нуждам Дивии.

— Кроме того, — продолжил судья, — Самиран или его родители обязаны отвесить каждому родственнику потерпевших по пять тысяч граней золота...

Приглушённый вопль: «Двадцать тысяч золота. Ах ты ж...» — прокатился по пустым стенам помещения. Я узнал голос отца Самирана.

— ...всего двадцать тысяч граней, — подтвердил судья. — Кроме того, осквернённый чёрным колдовством зал храма Двенадцати Тысяч Создателей будет недоступен для Самирана, сына Похара Те-Танга и Мадхури Саран до тех пор, пока он не искупит своё богохульство таким образом, каким это сочтёт нужным сословие предназначения Помогающие Создателям, будь то золотые грани или служба. Искупление этой вины начнётся после искупления вины перед родственниками умерших.

Вокруг моей руки самой собой образовалась дымка и проявились рисунки Внутреннего Взора. Теперь там сиял красный иероглиф Прямого Пути, под которым, мелким текстом, высветился текст моего приговора.

◆ ИСКУПЛЕНИЕ ВИНЫ ЗА ГРЯЗНОЕ КОЛДОВСТВО: ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ТРУДА БЛАГО ДИВИИ.

◆ ИСКУПЛЕНИЕ ВИНЫ ПЕРЕД РОДСТВЕННИКАМИ УМЕРШИХ: 20 000 ГРА ЗОЛОТА.

◆ ИСКУПЛЕНИЕ ВИНЫ ПЕРЕД СОСЛОВИЕМ «ПОМОГАЮЩИЕ СОЗДАТЕЛЯ НА УСМОТРЕНИЕ СЛУЖИТЕЛЕЙ ХРАМА.

◆ ИСКУПЛЕНИЕ ВИНЫ ПЕРЕД НЕБЕСНЫМ СТРАЖНИКОМ ИЛИИНОМ: ЕЩЁ ДНЯ ТРУДА НА БЛАГО ДИВИИ.

Я боялся, что меня отправят в местную тюрьму, на нары, в камеру, продуваемую всеми ветрами... А тут всего-то общественные работы. Зато сколько страха было нагнано этим

грязным колдовством!

С радостью я посмотрел на родителей, но они почему-то не радовались. Отец закутался в шубу, будто ещё сильнее замёрз. А мать подошла ко мне положила на плечо руку:

— Не переживай, Самиран. Двадцать тысяч золота — это много, но мы сможем уплатить.

Отец Самирана простонал, будто не признавая наличия таких денег лично у себя.

— Теперь ты знаешь, что грязное колдовство наказуемо? — спросила Мадхури.

Глядя в её прекрасные глаза, хотелось честно сказать, что мне плевать и на золото и на общественные работы. Но я только согласился:

— Да, мамочка.

Когда мы вышли из помещения суда на круглую площадку витой лестницы, стражник схватил меня за руку, не давая идти за родителями. Отец глянул на меня искоса, и зашагал вниз.

Мать погладила меня по голове:

— Отец торопится к своим друзьям из сословия Помогающих Создателям. Попробует договориться, чтобы тебя не ставили на тяжёлые работы. Будешь подстригать цветы в саду или поливать деревья, а не таскать ящики и тюки на Краю.

Когда мать Самирана уходила, и я и охранники смотрели на её спину. Потом небесный мент хмыкнул:

— Я бы прогулялся по пути к её ложу.

Меня снова повели по коридорам, потом вниз по винтовой лестнице, пока не вышли на открытую небу и ветрам площадку. В полуметре от неё висело что-то вроде омнибуса, повозки на конной тяге, которая была предшественником автобуса.

Стражник открыл дверцу в борту этого автобуса и затолкал меня внутрь.

Вдоль стен летающей повозки стояли деревянные лавки. На них, спиной к окнам и лицом друг к другу, сидело с десятков дивианцев. Среди них: Мата Дивиата, женщина в вуали и бородатый мужик, которого поймали за пьянство.

— Сюда, Самиран, сюда, — услышал я.

Тот парень, с которым мы сидели в местном «обезьяннике», похлопал по скамейке возле себя.

Я не особо хотел общаться. От количества непонятных слов и событий у меня уже болела голова.

— Меня зовут Хаки Энгатти, — сказал парень. — А ты Самиран, да?

Я промолчал и сел рядом. Стражник закрыл дверь на деревянную щеколду.

Хаки спросил:

— Ты ведь ещё не учился в Доме Опыта?

Снова промолчать было бы грубостью, поэтому я ответил:

— Наверное нет.

Тут Хаки Энгатти не выдержал. Склонившись ко мне, шепнул:

— Ты правда творил грязное колдовство?

Ответить я не успел: стены повозки затряслись, с грохотом и лязгом летающий экипаж и взмыл в небо, вдавливая нас в деревянные сиденья.

Между рядами арестантов прошёл небесный стражник, вооружённый копьём.

— Буду говорить один раз, — гаркнул стражник. — Всем молчать! Ненавижу болтунов. Сидите тихо, смотрите друг на друга и размышляйте, как низко вы пали в моральном праве,

раз я могу кричать на вас.

— Кто вам позволил... — заикнулась было Мата Дивиата.

Но стражник затряс копьём:

— Кроме того, что я имею право повышать на вас голос, громко называя ваши имена, Мата Дивиата, я ещё могу назначать вам дополнительные дни работы. Вам — ещё один день за неумение молчать. При всём уважении к вашему таланту.

Летели мы где-то полчаса. Потом летающая повозка резко накренилась, уходя на посадку. В окнах мелькнули верхушки деревьев и кусок горы с небольшим водопадом. Через минуту экипаж ударился дном, подскочил, снова опустился и замер.

Стражник подошёл ко мне и Хаки:

— Ты и ты — на выход. Ваше место работы — свинарники рода Карехи.

4. Свинарники и лестницы

Время от времени меня накрывало таким непониманием происходящего, что я хотел закрыть глаза, а потом снова их открыть, но уже не в чёртовом Самарканде (Дёрнуло же меня туда поехать, дёрнуло же меня согласиться на поручение от нашего консула!), а открыть их где-нибудь в Питере, где я преподавал историю и обществознание в Автодорожном колледже.

А ещё лучше — оказаться в Екатеринбурге, в квартире родителей, чтобы услышать и унюхать, как мама жарит пирожки на кухне... Или очнуться где-нибудь на Красной Площади, чтобы у меня не оставалось сомнений, что я в родном мире.

...

Но закрывание и открывание глаз не помогало. Я видел все те же бревенчатые стены хлева. Под ногами бродили всё те же свиньи. Выглядели они непривычно: не розовые, а чёрные, подтянутые, словно накачанные атлеты, больше похожие на диких кабанов. Они безжалостно толкали меня клыкастыми мордами, сбивали с ног своими тушами и постоянно лезли ко мне, ожидая еды.

Нашим заданием было расчистить от грязи пол в свинарнике «МУДРОСТЬ» и застелить его свежей соломой.

Реально свинарник так так назывался — «МУДРОСТЬ». Для нумерации зданий диванцы использовали иероглифы смыслов вместо иероглифов цифр.

Ранее я видел склады под названием «РАДОСТЬ БУДУЩЕГО ОЗАРЕНИЯ», амбара «ЗОЛОТОЙ ЛУЧ В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ» и скотобойню «АЛАЯ ЗАРЯ НАД СЕРДЦЕМ ДИВИИ».

Свинарник «МУДРОСТЬ» большой, как футбольное поле. Деревянные стены высотой в десять метров, а под крышей прорезаны узкие окна, из-за чего в гигантском хлеву сумрачно. Для свиней не предусмотрено отдельных домиков, поэтому они толпились в хлеву, как обезумевшие фанаты, выбежавшие на поле, чтобы побить футболистов.

Я совершенно не представлял, как мы вычистим такое пространство? Только мы застлали соломой одну часть деревянного пола, как свиньи бежали туда и за минуту превращали свежий настил в несвежий.

— Эх, дружище, — сказал Хаки, — нам бы сейчас кристалл «Внушения Неразумным» — мы заставили бы свиней стоять на месте, а сами быстро настелили бы солому.

«Эх, дружище, мне бы знать, о чём ты вообще, — подумал я.

Но намёк понял:

— Ты хочешь, чтобы я где-то достал этот кристалл?

— У тебя есть золото? — быстро спросил он.

— Ну, не знаю. Может, дома лежит. Только мне сказали на суде, что я должен отдать потерпевшим двадцать тысяч золотых граней.

— О Создатели! — воскликнул вдруг Хаки. — У меня отец за жизнь столько не заработал!

— Сколько золота будет стоить этот кристалл?

— У меня есть друг, — издали начал Хаки. — А у друга есть знакомый, который знает, где можно купить кристалл яркого озарения «Внушения Неразумным» по самой низкой цене.

— За сколько?

— Намного ниже, чем на рынке.

— А если с точностью до грани?

— За тридцать.

Чтобы не выдать непонимание, много это или мало, я закивал:

— А, ну да, ну да.

Расценив мою осторожность, как торг, Хаки пообещал:

— Я могу договориться за пятнадцать.

— С собой денег нет.

— А дома? — быстро спросил Хаки. — Купим кристалл и вмиг расчистим всё это свинство.

Да уж, я ведь даже не знал, где вообще дом Самирана!

— Я подумаю. Родители и так должны уйму граней.

Пока мы разговаривали, свиньи обступили нас со всех сторон.

— Назад, назад! — заорал на них Хаки.

Отгоняя атлетичных кабанов деревянной лопатой, он ударил самого крупного и наглого свина по хребту. Тут же получил ответку — с разбегу кабан ткнулся мордой ему в ноги и опрокинув в грязь. Потом, довольно похрюкивая, отбежал.

Я подал Хаки руку, помог подняться.

— Играете со свинками, мальчики? — произнёс вдалеке певучий голос. — Они у нас весёленькие и умненькие.

В ворота свинарника вошла девушка, облачённая в длинный плащ из материала похожего на брезент. Хлюпая по грязи, она перелезла заборчик и направилась к нам.

Перед началом работы мне и Хаки выдали такие же плащи, а на ноги дали что-то вроде кирзовых сапог на мягкой подошве. Они были мне велики, поэтому иногда застревали в грязи, и я голый ногой ступал в нечистоты.

При виде девушки, Хаки принял позу покрасивее, отперевшись на лопату. И... сделал вид, что не заметил гостью. Ох, уж эти подростки. Я наоборот, приветливо помахал девушке.

Её звали Виви Карехи, дочь Вакаранги Карехи, владельца свинарников.

Животновод Карехи — один из богатейших людей в этой части «летающей тверди». Семья Карехи снабжала свининой и говядиной половину Дивии. Коровники, кстати, располагались в другой части летающей тверди. Вакаранга Карехи стал мясным монополистом сразу после того, как весь род его конкурентов внезапно погиб. Когда они собрались на семейный праздник в дом ударила мощная молния, спалившая его дотла. Другие конкуренты после этого случая внезапно вышли из торговли мясом и продали семье Карехи все свои коровники, свинарники и места на рынке.

Об этом мне успел рассказать Хаки, когда стражник высадил нас из экипажа.

— Поговаривают, что соперников Вакаранги убило яркое озарение «Удар Молнии», — сообщил Хаки. — Но небесные стражники так и не нашли того, кто его применил.

Виви вовсе не выглядела дочерью бандита. Пухлолицая, румяная с постоянной улыбкой от уха до уха. Виви — лет двадцать. Фигуры под плащом не видно, но можно догадаться, что там плотная «кровь с молоком».

Кстати, Хаки, судя по его угреватому лицу, лет шестнадцать-семнадцать. Физически он намного развитее меня, мускулистые руки, широкие плечи. Разве что волосы похуже — слипшиеся пряди выглядели так, будто ему на голову накидали чёрных тряпок.

— Расступись, — прикрикнула Виви на животных, и они послушно отбежали, образовав пустоту вокруг девушки.

Она быстро дохлюпала до нас. Сняв со спины квадратный короб, поставила его в грязь и открыла крышку.

— Принесла вам подкрепиться.

Запах чего-то жареного пробился даже сквозь вонь свинарника.

Вот за что я люблю такой тип девушек — они знают, что нужно мужчинам.

С момента моего появления в этом мире я не только не ел, но и не пил. В горле пересохло ещё во время суда, но на просьбу напиться, стражник не ответил.

В хлеве стояли лохани с водой, но я ещё не дошёл до той степени отчаяния, когда стал бы пить со свиньями. Поэтому появление милой девушки, которая принесла «подкрепиться» стало двойной радостью.

В коробе Виви лежали квадратные лепёшки, завёрнутые в горячие листья какого-то растения, а между лепёшками дымились тонкие ломтики жареного мяса: свинина, наверняка. Сбоку воткнул металлический кувшин с деревянной крышкой.

Виви вытянула его, открыла и сказала:

— Сначала вымойте руки.

— У меня чистые, — важно ответил Хаки, обтирая грязную ладонь о брезентовый плащ.

Но Виви настояла:

— Ты разве не знаешь, что в воздухе живут маленькие зверьки? Некоторые из них попадают в наше тело, кусают его изнутри и сотворяют болезни.

— Бактерии и вирусы, — кивнул я. — У нас однажды чуть весь мир от пандемии не умер.

Виви замерла, поливая мне руки:

— Что за бака-тери и пан... деми?

— И что за мир? — осведомился Хаки.

— Ну, — смутился я. — Тот мир, который внизу. Не летает который. А пандемия — это когда много-много людей, целые города, заражаются и заболевают.

— Да, — кивнула Виви. — Низкие царства постоянно страдают от ядовитых укусов невидимых зверьков. А всего-то нужно мыться почаще. Но вместо этого низкие приносят жертвы богам, которых нет, и просят спасти их от чумы.

— Дикари, — шмыгнул Хаки, подставляя ладони под воду. — Но я бы хотел прогуляться по их землям.

— Зачем? — удивилась Виви. — Низкие живут хуже этих свиней. Или ты хочешь стать падшим?

— Девушка, — наставительно сказал Хаки. — Любой падший живёт как бог и царь среди низких. Лучше я буду царём внизу, чем уборщиком за свиньями наверху.

Мне было интересно слушать их разговор, но я не вытерпел:

— Умоляю, госпожа Виви, дай мне воды.

Чуть ли не вырвав кувшин из рук девушки, я надолго припал к горлышку. Утолив жажду, вернул:

— Прости, очень пить хотел.

Виви весело тряхнула головой:

— Все наказанные, которых приводят к нам на работу, хотят есть и пить. Но вы первые, кто моего возраста. Обычно всякие взрослые забудьги с Ветроломов попадают или

блудливые женщины.

Хаки глупо ухмыльнулся:

— Гы, блудливые!

— Кушайте же, — сказала Виви.

Второй раз нас не надо было упрашивать. Присев на корточки, запустили руки в короб с едой.

Схватив тёплую лепёшку, я замер и проследил за действиями товарища, чтобы повторить.

Еда — это один из вещественных носителей духовных и ценностных смыслов. Принятие пищи — важный, ритуальный процесс в любой культуре. Мало ли как я оскорблю присутствующих своим неправильным поведением?

Но судя по тому, как Хаки принялся именно что жрать, ценностных смыслов еды он не знал.

Я аккуратно положил на лепёшку тонкий кусок жареного мяса и с наслаждением откусил. Мясо жёсткое и сухое. Не солёное, со слабыми следами каких-то горьких пряностей.

Забавно, конечно это выглядело: трое молодых людей стояли в центре свинарника, окружённые грязью и чёрными хрюкающими кабанам.

Как можно тут поверить, что Дивия — летающий город?

Откуда в Дивии соседство непостижимых технологий и отсталой обыденности, типа неряшливого и неэффективного животноводства?

Даже я, плохой фермер, видел, что хлев можно организовать получше. Начать с того, что не делать его таким огромным. А если обеспечить свиней личным жильём, они перестанут толпиться в центре.

Я и Хаки чавкали, соревнуясь со свиньями, а Виви переводила взгляд с меня на него, потом спросила:

— Вы ещё не ходите в Дом Опыта?

Мой новый товарищ усиленно жевал, поэтому промычал что-то непонятное и махнул рукой.

— А ты, Самиран?

Когда не знаешь, что ответить, то поступай, как самые мудрые представители человечества — отвечай вопросом.

— А ты, Виви, посещаешь?

— Конечно, — рассмеялась Виви. — Уже давно. Но я всё ещё не выбрала предназначение.

Я совершенно не понимал, что это значило, но Виви сделала многозначительное ударение на выборе предназначения, поэтому я спросил:

— Почему?

— Я оставила себе свободу выбора. Ведь о свободе нам твердят в Доме Опыта, не так ли?

— М-м-м, — неопределённо отозвался я.

Виви словоохотливо рассказала:

— Отец, братья, родственники, учителя и даже соседи — все давят на меня, чтобы я стала Созидающей Пищу. Чтобы я усвоила лучшие озарения нашего рода. Мол, это даст мне уверенное движение по проторённому пути и крепкую поддержку идущих рядом. Не так ли?

Я выдал универсальный ответ:

— Тоже верно. Хотя как посмотреть.

— Вот именно! — горячо согласилась Виви. — Ведь Всеобщий Путь не существует в едином виде, и он не означен навсегда?

— Весьма вероятно, что так, да.

— Нас учили, что Путь будет везде, куда бы ты не пошёл. И он всегда будет таким, каким его выберешь ты. Главное не отрицать его.

— Да. Путь... он такой... нельзя его отрицать.

— А значит, я вольна взять любое предназначение. Даже из другого сословия.

Прожевав последний кусок мяса, я спросил:

— И какое ты хочешь предназначение?

— Хочу стать Меняющей Смыслы. Хочу играть со светом и делиться им с другими людьми.

Кажется, предназначение — это вроде профессии жителя Дивии.

Всеобщий Путь немного напоминал философию Дао, «пути человека». С той разницей что имел конкретное практическое приложение в жизни целого летающего города.

Хотелось вспомнить цитату из «Дао дэ цзин», по которой я писал реферат на втором курсе универа, но то ли от еды меня разморило, то ли неразвитый мозг юноши, в которого я вселился, не сохранил всех моих знаний. Я выдал лишь несуразное:

— Пусть народ снова начинает плести узелки и употреблять их вместо письма.

— Ты говоришь, как наш учитель в Доме Опыта. Он упоминал, что низкие царства должны жить отстало, а Дивия должна наказывать низких царей, когда те отклоняются от следования нашему Пути.

— Почему?

— Ты чего? — удивилась Виви. — Низкие царства не могут развиваться без нашего руководства. Только мы знаем Всеобщий Путь.

— Без нашего воспитания низкие пойдут кривым путём, — заявил Хаки, потом рыгнул и утёр рот рукавом.

Я же догадался, что тёплые листья нужно использовать в качестве салфеток. Поэтому аккуратно утёр рот и ответил:

— Не повезло низким царствам.

Вдруг свиньи встревожились. Похрюкивая начали разбегаться.

Со стороны ворот хлева к нам шагал высокий мужчина лет тридцати, одетый в такой же брезентовый плащ, как Виви. В руках он нёс ровную гладкую трубу из полупрозрачного материала. Время от времени он бил замешкавшихся кабанов по спинам, и ни один из них не посмел ответить. Повизгивая, они убегали ещё резвее, напирая на других свиней.

Виви тоже взвизгнула, как испуганная свинка. Выхватила у меня кувшин с водой, а у Хаки — кусок недоеденной лепёшки с мясом. Побросала их в короб и захлопнула крышку. Обхватив короб руками, присела:

— Не говорите, что я тут была.

— Счастливого пути, — сказал Хаки, загораживая девушку.

— Увидимся, — сказал я.

Передвигаясь на корточках, Виви ушла в гущу свиней, которые, повинувшись приказу хозяйки, обступили её со всех сторон скрывая от мужика с палкой.

Мужик с палкой — Карапу Карехи, старший сын главы рода Карехи. Он отвёл нас в этот

хлев. Во время работы регулярно навещал нас и бил свиней палкой, намекая, что может побить и нас.

— Скоро конец рабочего времени, а вы ничего не сделали? — заорал он издалека. — За работу, бездельники!

Я и Хаки принялись усиленно грести грязный настил деревянными лопатами.

Карапу ходил вокруг нас, и ворчал:

— Вечно нам из Прямого Пути бездельников присылают. Не могут один хлев очистить.

Я перестал скрести солому:

— Уважаемый Карапу. Можно ли не надолго выгнать свиней из свинарника, чтобы мы постелили свежую солому?

— Свины останутся там, где они есть, — ответил Карапу, не задумываясь. — Работайте до конца времени.

«Конец времени» — звучало ужасно, но я уже знал, что он подразумевал конец рабочего дня по времени Дивии.

Продолжая бессмысленно грести грязную солому, я отдалился от всех, чтобы мой Внутренний Голос снова мог разговаривать.

Я выяснил, что, слава богу, у дивианцев не было каких-то хитрых способов считать время. Сутки делились на привычные двадцать четыре часа. Но опять же мало кто употреблял цифры, предпочитая названия, типа, «время для работы», «время для обеда», «время для сна».

Если кому-то нужно более точное время или необходимо отмерять секундные промежутки, то для этого призывался Внутренний Голос.

Конечно, любые пояснения Внутреннего Голоса требовали дополнительных пояснений, например, что такое Дом Опыта? Но решил не углубляться. Если мне суждено жить в этом мире, то рано или поздно всё узнаю.

Мне приходилось несколько раз переспрашивать Голос, потому что его ответы изобиловали какими-то метафорами и витиеватостью. Или же стандартным ответом о том, что между нами непонимание. Я как бы переводил с поэтического языка на свой, рациональный язык двадцать первого века.

Например, выяснил, почему у всех жителей есть фамилия, а у меня, вместо фамилии указана принадлежность к обоим родителям. Это объяснялось договором между брачующимися родами. Ребёнок, достигший «нужного возраста» выбирал себе род, то есть фамилию, к которой он примкнёт. То есть отца или матери.

— А что даёт выбор рода? — спросил я.

«Выбор родового имени отсекает одни пути, но открывает другие».

Я сразу же склонился в сторону фамилии матери. Самиран Саран даже звучало лучше, чем Самиран Те-Танга.

Но... чёрт возьми, как это жестоко, когда ребёнку приходится выбирать между двумя родителями! Это мне хорошо, мне нет дела до родителей Самирана.

— А что если я не хочу выбирать ничей род?

«Ты навсегда потеряешь пути обоих родов и наследованные озарения».

— Это плохо?

«Путь не бывает плохим или хорошим. Это свойства идущего по нему».

— Тэк-с... Если я не приму чей-либо род, я останусь без родового пути?

«Ты начнёшь Путь своей семьи, со своим именем и потомками, которые создадут род».

Имя и новые наследованные озарения можешь получить в храме Двенадцати Тысяч Создателей».

Своя семья — это слишком долгоиграющие планы. Я даже в прошлой жизни на вопрос родителей, когда заведу детей, отвечал честно — никогда. И ведь я был прав. Что сейчас делала бы моя семья, потеряв своего кормильца в ином мире?

Ладно, мысли о прошлой жизни настраивали меня на грустный лад. Что там дальше?

— Самиран? — осведомился Хаки Энгатти.

Я вздрогнул.

Увлёкшись беседой с Голосом, я остервенело грёб и грёб грязную солому деревянной лопатой. Даже боевые кабаны, которые ранее толкали меня, сбились в испуганную толпу и прижались к стене, с ужасом ожидая, когда я до них доберусь.

Я огляделся: половина грязного настила была собрана в огромную кучу, а Хаки торопливо таскал из колёсной повозки свежее сено и укладывал на очищенный пол.

Свиньи, конечно, тут же побежали на свежую траву. Было ясно, что через десять минут свежий настил будет загажен.

Зато Карапу Карехи остался доволен:

— Именно так и надо работать. Свинки любят свежесть. Ладно, время ушло, уходите и вы. Во дворе есть ручей, умойтесь из него, скоро за вами прилетят стражи.

В автобусе... то есть — в летающем экипаже я предпочёл глядеть в окно. В первую поездку я был подавлен произошедшим, но теперь, пообвыкшись, вглядывался в проплывающие за окном горы и здания.

Низины ущелий из гор и зданий погрузились в холодную синеву, а вершины горели ослепительным оранжевым светом заходящего солнца. Синяя линия тени быстро, заметно для глаз, надвигалась на оранжевые участки света. Видимо, от того, что Дивия летела в сторону ночной части планеты, ускоряя закат.

Интересно, какого размера летающая твердь? По идее, на этот вопрос должен ответить Голос. Он и ответил:

«Не могу помочь вспомнить это».

Я повернулся к Хаки:

— Друг, а ты не помнишь, какого размера летающая твердь?

Парень задумался:

— Я точно не знаю. Но слышал, что стены Первого Кольца до начала Ветроломов можно шагать два дня.

— Так много?

— Это всё из-за лестниц, — ответил Хаки.

— Каких лестниц?

— Ну, обычных, которые на стенах колец. Ты чего?

— Да так. А Ветроломы это что?

Хаки ответил с внезапной обидой:

— Ты тоже считаешь, что на Ветроломах живут одни неудачники и моральная грязь, да?

— Э-э-э, нет, я вообще никогда не думал о Ветроломах. Честное слово.

— Но это не так, — с обидой продолжил Хаки. — Там разные люди живут. И большинство — хорошие.

— Чего ты брешешь? — не выдержал небесный стражник, который сидел на лавке неподалёку, опёршись на копьё. — Добрая часть всех преступников, которых мы ловим и

наказываем, — с Ветроломов. Да вы там все грязь. Тоже мне — «хорошие».

— Я не просил ловить меня и наказывать, — отозвался Хаки. — И вот он, Самиран, тоже не просил.

Не хотелось ссориться со стражником, но Хаки стал кем-то вроде друга, нужно его поддержать. Я кивнул:

— Вообще не просил. Ещё и избили меня.

Стражник усмехнулся и выпрямился:

— Тогда властью, данной мне Советом Правителей, могу назначить вам ещё день работы. Хотите?

Мы промолчали.

— Хотите продолжить спор? — настоял стражник. — В конце концов, вы что, правда думаете, что нам нравится ловить всякую грязь? Но таково наше предназначение.

Я и Хаки молчали, опасаясь получить новый штраф. А стражник смотрел на нас, как бы размышляя, чем ещё можно наказать дерзких спорщиков?

Всё это время наш экипаж каждые пять минут резко уходил на посадку и приземлялся. Стражник, сидевший в начале экипажа, объявлял остановки: «Дворец Игры Света, выходим». Или: «Домовладения рода Хатт». Некоторые арестанты поднимались с мест и выходили, попрощавшись со всеми.

Я напрягся. А где жил Самиран?

«Голос? Ты меня слышишь?»

Но Внутренний Голос умолкал когда со мной говорили высшие по моральному праву, а стражник смотрел на меня пристально.

Наконец стражник отвёл от меня взгляд. И Внутренний Голос тут же ответил:

«Домовладение семьи Похара Те-Танги и Мадхури Саран расположено в Шестом Кольце, близ храма Движения Луны».

Чёрт, от перечисления этих слов мне не стало понятнее... Тем не менее, когда стражник объявил остановку «Храм Движения Луны», я сорвался с места.

— Всем счастливого пути, — сказал я и выпрыгнул из приземлившегося экипажа.

七七

5. Горячая вода и материнский инстинкт

5. Горячая вода и материнский инстинкт

Меня не удивило, что стражники легко отпустили арестованных. Куда мы убежим с летающего города?

Хотя я жутко устал, убираясь за свиньями, мне не терпелось посмотреть, как я живу.

Синий вечер окончательно накрыл Дивию, даже вершины гор больше не ловили отблески заходящего солнца. Я стоял на широкой каменной дороге, рядом со столбиком с иероглифами, поясняющими, что это «Шестое Кольцо».

Храм «Движения Луны» находился через дорогу. От остальных зданий он отличался только иероглифами и густыми, какими-то неопрятными кустами, высаженными вокруг него.

Вообще для меня все дома Дивии казались храмами. Все дома высокие, украшенные статуями или узорами из символов. Среди этого визуального изобилия не сразу разобрал иероглифы с названиями домов.

Потом обнаружил между домами невероятно крутые лестницы с мелкими ступеньками. Одна из лестниц, метров в сто длиной, заканчивалась фасадом строения, на котором виднелись несколько выпуклых иероглифов: соединённые друг с другом, складывались в надпись «Жилище Похара Те-Танги и Мадхури Саран».

Поднимаясь по лестнице, я отметил, что ступеньки выглядели заброшенными: поросли ползучей травой, словно по ним редко ходили. Интересно, не об этих ли лестницах говорил Хаки?

— Наконец-то ты дома, — обняла меня Мадхури на пороге дома. — От тебя пахнет навозом. Иди, разбойник, умывайся, а я накрою стол.

Уверенно расправив плечи, я сделал вид, что знал, куда идти, хотя ментально заблудился.

Внутреннее убранство квартиры моей семьи поражало изобилием. Но не сказать, что в доме было много лишних вещей, ведь я не знал предназначения большей их части. Да и не сами вещи создавали это изобилие, а украшения стен и арок.

Отовсюду что-то торчало и выпирало. Плавные узоры, перетекая по округлым стенам один в другой, перетекали на потолок, чтобы свеситься оттуда пышной композиций из листьев и цветов. Причём каменные цветы перемешивались с живыми.

Я не видел других жилых домов Дивии, но догадывался, что обилие зелени в интерьере этого жилища связано с садоводческой профессией отца Самирана.

Одного я так и не заметил — шкафов с книгами или чего-либо похожего на них. Ни свитков папируса, ни восковых табличек, ни берестяных грамот.

Проплутав по дому несколько минут, я наконец услышал журчание и пошёл на звук. Он привёл в комнату, стены которой покрыты живой травой и цветами. В центре располагался небольшой бассейн овальной формы, а с потолка падали тонкие струи воды.

В одном углу стена резко и плавно изгибалась, создавая укромное пространство. Оттуда сильно пахло чем-то похожим на ладан. Заглянув за угол, обнаружил в полу круглую дырку, обрамлённую гирляндой пахучих цветов. Вот и туалет. Сделав нужные дела, вернулся к бассейну.

Во всём доме не было дверей, помещения разделяли открытые арки, поэтому я не знал,

как уединиться в ванне.

Решив, что у диврианцев, как в некоторых культурах моего мира, принято не стесняться нагого тела, я скинул тунику и полез в бассейн. И тут же выскочил обратно — вода была нестерпимо холодная.

— Прости, забыла подогреть воду, — послышался голос Мадхури.

Мама Самирана вошла в ванну, держа на вытянутых руках чистую тунику и новые прозрачные сандалии для меня.

Секси-мама Самирана одета в длинную тунику, и была чертовски хороша. А я — не её сынок, чтобы не замечать этого.

Склонившись над бассейном, она потрогала воду:

— Прохладно. Мне в самый раз.

— Д-да-да, — меня била дрожь. — Мне нравится погорячее...

С кончика пальцев Мадхури сорвался шарик огня. Ударив в поверхность воды, растёкся по ней огненной плёнкой. Комнату заполнил пар, а от живых цветов поднялась волна аромата.

Мадхури и вышла из комнаты через арку, которая тут же затянулась большими листьями и ветками.

Всё-таки, двери тут были.

— Жду тебя в гостинной, — сказала Мадхури с той стороны изгороди.

Я пробыл в ванной комнате так долго, что остыла вода, разогретая горячей магией мамы Самирана. Я вылез из бассейна, оделся в свежее нижнее бельё и тунику. С трусами вышла небольшая заминка: они не держались на резинке и не затягивались верёвкой. Как я понял, их нужно как-то хитро подворачивать и завязывать на бёдрах специальными хлястиками. Получилось не с первого раза, да и то плохо. Трусы грозились свалиться с меня в любой момент.

Здесь не было зеркала, я до сих пор не знал, как выгляжу. Отражение в тёмной воде бассейна показало только общие черты — узкое лицо и копну курчавых волос.

Потом я долго-долго стоял напротив цветочной изгороди, заменявшей дверь. Я боялся выйти.

Как я буду жить жизнью человека, о котором почти ничего не знал? При этом должен жить эту фальшивую жизнь в летающем городе, о котором знал ещё меньше. В городе, где нагревали воду магией, а менты летали с помощью крыльев похожих на ангельские.

— Самиран? С тобой всё в порядке? — послышался ласковый голос мамы Самирана. — Время ужина давно прошло, приближается время сна.

Выдохнув, я решительно двинулся на изгородь. Листья и ветки с шелестом расступились передо мной и...

Странно, вроде бы в комнатах было светлее? Теперь же всё пропадало в сумраке. Завитки каменных узоров и живые растения выпирали из темноты, словно некие монстры.

Я сделал шаг и кашлянул:

— Мам?

Из темноты дунул ароматный ветерок — на мою шею легла твёрдая женская рука, острые ногти впились в кожу, а перед моим лицом завис кинжал из чёрного стекла.

— Кто ты, демон? — прошипела мама Самирана, прижавшись ко мне крепкой полной грудью. — Где мой сын?

Если бы не стальные коготки на моём горле, я бы с облегчением вздохнул — одной

проблемой меньше, притворяться больше не надо.

Но озлобленная мама Самирана так сжимала пальцы на горле, что я только просипел:

— Вы меня сейчас убьёте...

— Если мой сын мёртв, то мне не жалко его оболочку. Ну, говори, кто ты?

От недостатка воздуха уже помутилось в голове. Я даже сам удивился, услышав свой голос:

— Госпожа... я не враг. Я ни в чём не виновен.

Чёрное лезвие приблизилось к моей щеке и укололо. Потом прекрасная Мадхури Саран выронила лезвие, отпустила меня и, закрыв лицо руками, зарыдала:

— Значит, это правда? Ты не Самиран? Я чувствовала, что здесь что-то не то... Потом это грязное колдовство! Откуда? Мой сын никогда о нём не помышлял! Это всё проявление сущности демона!

Ситуация поменялась со скоростью сцен в видеоклипе. Теперь я держал руку на плече Мадхури и уговаривал:

— Госпожа, я готов всё рассказать. Но боюсь, что мой рассказ навряд ли объяснит что-либо.

— Мой сыночек, — зарыдала она, заламывая руки. — Что они с тобой сделали? Кто натравил на тебя демона? Вы ответите мне за это!

Я схватил её за запястье и дёрнул изо всех сил:

— Хватит реветь! И я не вам не демон.

Моя резкость произвела эффект. Мама Самирана перестала плакать. Вместе со слезами, в её глазах блеснул гнев:

— Какое право имеешь так говорить со мной, демон?

— По праву того несчастного, который невольно оказался на месте вашего сына.

Мадхури всхлипнула последний раз, утёрла лицо рукавом туники. Резко выпрямившись пошла вперёд, коротко бросив:

— За мной.

Мы пришли в светлую просторную комнату. На полу в центре расстелено несколько толстых ковров. Запах чего-то жареного намекнул мне, что здесь принимали пищу.

Мадхури Саран сначала опустилась на колени, потом села на сложенные ноги. Вполне себе по обычаям стран Востока. Я повторил за ней. Чужое тело привычно сложилось, сидеть было даже удобно.

Женщина глубоко и с дрожью вздохнула, потом кивнула мне:

— Рассказывай, кто ты такой, если не демон.

Я вздохнул так же глубоко и с такой же дрожью ответил:

— Началось с того, что я прибыл в Самарканд. Зовут меня Денис Лавров, я из...

— Подожди, — перебила она и перебралась поближе ко мне.

Раздвинув складки халата, достала из него шкатулку, а из неё вынула что-то похожее на чёрный шарик. Рассмотреть не успел — тот быстро исчез, словно растворился в воздухе.

Подняв руки, Мадхури Саран очертила вокруг моего лица овал света, чем-то похожий на те обручи, которые вились вокруг тела бандита в Прямом Пути.

Я отпрянул:

— Что это?

— Сиди неподвижно, чтобы лицо всегда оставалась в кольце.

— Зачем?

— Это кристалл заметного озарения «Правдивая Беседа», — пояснила Мадхури. — Онс поможет мне понять, говоришь ты правду или врёшь. А тебе поможет не врать.

Я врать не собирался. Собирался рассказать всё как есть. Что я из другого мира или другого времени, когда летающий город Дивия был обнаружен под километровым слоем грунта.

Короткое возвращение в себя или что я узнал о судьбе Дивии в 21-ом веке

Я в одиночестве плутал по Самарканду, пока не отыскал на нужной улице джип, который ради конспирации оставили далеко от гостиницы.

За три часа, по Яндекс. Навигатору, доехал до места раскопок. Узбекские менты пару раз тормозили меня, но, видимо, предупреждённые, не стали задерживать.

— Хорошо, что вы так быстро, Денис, — шепнул мне консул, когда я вышел из машины.

— Давай на «ты», — предложил я.

Неподалёку от нас стояло два БМП узбекской армии и нескольких солдат, вооружённых не калашами, а подержанными натовскими М4.

Консул и я надели санитарные маски и направились к полукруглому ангару, огороженному забором и военной техникой.

— В американском посольстве уже заинтересовались находкой, — сказал консул. — Делегация археологов и цэрэушников прибыла из Азербайджана и Турции. Даже раньше тебя.

— Что известно о находке? — спросил я. — Это и вправду целый город?

— Я сам не видел, но слышал от узбеков, что найдено нечто большее, чем просто город. Словосочетание «древний город» вводит в заблуждение. Правильнее сказать — «мегаполис неизвестной высокоразвитой цивилизации».

— А есть оценки по историческому периоду?

— Опять же, по словам узбеков, город не попадает ни в один из известных нам исторических периодов.

— Это как?

— Узбекские исследователи предположили, что городу более ста тысяч лет.

Я не удержался от иронии:

— А что говорят британские учёные?

— Денис, я понимаю, что тебе странно это слышать. Но у меня нет причин сомневаться в нашем узбекском партнёре. Конечно, он может ошибаться в точной датировке. Поэтому и сказал, что *больше* ста тысяч лет.

— Но даже если городу будет пятьдесят тысяч лет — это переворачивает всю нашу историю.

— Древность — не самая главная странность. Узбеки нашли в руинах города какие-то механизмы... Нет, неправильное слово. В нескольких доступных местах города обнаружены некие структуры, похожие на неизвестную нам технологию.

— Технологию чего?

— Это мы и должны выяснить. Но замеры показали следы сильного радиационного воздействия. Именно по этой радиации и установили предположительную датировку.

— А источник радиации?

Консул почесал затылок:

— Якобы небольшой ядерный взрыв. Чуть меньше Хиросимы.

— Сто тысяч лет назад?

— Ага.

Консул достал из пиджака телефон и показал мне фотографии. Судя по засветам и нечёткости — это снимки экрана ноутбука, на котором кто-то смотрел фотографии города.

— Качество не очень, — согласился консул. — Но наш человек и без того рисковал.

Растянув мутные фотки, я увидел сложные переплетения каких-то квадратных линий. Местами они прерывались полусферами, с неизвестными символами, похожими на корейский алфавит.

— Что за язык? Есть предположения?

Консул забрал телефон и покачал головой:

— Пока ничего похожего на эти иероглифы мы не нашли.

Мы дошли до забора, огораживающего ангар. Возле шлагбаума узбекский военный проверил мои документы. А консул подсунул ему приказ, подписанный министром иностранных дел Республики Узбекистан.

Военный сосредоточенно читал бумагу, явно затягивая время. Консул понимающе сунул руку в карман пиджака, вынул пачку долларов и положил под какую-то замызганную тетрадь на столике поодаль.

Узбек тут же перевернул документ на следующую страницу. Потом на последнюю, где, уже не глядя, поставил печать и расписался.

Я и консул пошли дальше.

— Сколько у нас времени? — спросил я.

— Меньше часа. Я просил моих людей задержать американцев подольше, хлеб-соль-халва, и прочее восточное гостеприимство.

Мы подошли к следующей двери, открыли её и перешли в другой ангар. Там было пусто, только в центре стояла кабина шахтёрского лифта, освещённая множеством прожекторов на треножниках. Возле лифта сидел ещё один узбекский военный.

Тот встретил нас не так дружелюбно. Он будто давал понять, что прекрасно знает, что я никакой не «археолог».

— Лавров Денис Васильевич? — прочитал он в моём паспорте.

— Да, это я.

— Археолог?

— Ага.

— А я слышал, что вы всего лишь учитель истории, который приехал в Самарканд на конференцию Россотрудничества?

Говорил этот военный на чистейшем русском языке, который не часто услышишь даже в Питере.

Военный вернул документ и шепнул:

— Проходите. И... знайте — американские коллеги уже в пути.

— Спасибо, — прошептал в ответ консул. — Вы же будете проверять их документы намного дольше наших?

— Нет, — сквозь зубы ответил военный. — Но вот мой друг в соседнем ангаре работает очень медленно. Все жалуются. Боюсь, наши американские гости будут крайне недовольны его работой. Надо компенсировать.

— Ещё раз спасибо, — сказал консул и втолкнул меня в дверь лифта.

— Дальше ты сам, — сказал мне консул. — А я должен забросить денег медленному другу.

— Но я не археолог!

— Ты будешь первым русским, кто увидит этот долбаный древний город, — сказал консул. — Помнишь бросок на Приштину?

Никакого «броска на Приштину» я не помнил.

— В девяносто девятом году, во время нападения НАТО на Югославию, наши десантники заняли аэропорт, замедлив переброску войск оккупантов.

— Что-то такое слышал, — ответил я.

— Сейчас наши десантники — это ты, Денис Лавров.

— Но разве нет других специалистов? Или снова десантуру задействовать...

— Мы вызвали всех, кого только можно. Академия Наук полным составом прилетела в Ташкент. Но узбеки сопротивляются. Отказываются допускать международных исследователей.

— На каком основании?

— Да как обычно: карантин, ПЦР-тест и прочая фигня. А на деле — торгуют доступом к древнему городу. Я уже истратил на взятки годовой бюджет посольства.

— Ещё бы! Такая находка.

— Скоро и мы, и американцы, и все остальные прогнём узбеков. Но пока что всё на тебе. Лезь в каждую дырку. Исследуй каждый камень. Теперь ты официальный глава русской археологической миссии.

— Но я преподаю историю в транспортном колледже! — воскликнул я. — Я некомпетентен. Я и на конференцию учителей попал случайно. Я очень плохой учитель... О броске на Приштину не помню даже.

— Помощь уже близко. Но ещё сутки тебе придётся отдуваться за Родину в одиночку.

Отдуваться слишком долго не пришлось. Через двадцать минут я провалился в бездну и очнулся в теле Самирана.

На неопределённое время у меня появилась новая родина — летающий город Дивия.

6. Разрешение на обман и запрет на правду

6. Разрешение на обман и запрет на правду

Мадхури слушала мой рассказ, не перебивая. Даже когда явно не понимала значения слов «узбек», «ПЦР-тест» или «цэрэушник». Глядела женщина не на меня, а на овал света вокруг моего лица. В её больших чёрных глазах он отражался двумя яркими точками.

— Ну, а потом был суд и работа в свинарнике, — закончил я свой рассказ. — Дальше вы всё знаете. Такие вот дела. Я и сам ещё не уверен, не сошёл ли я с ума.

Мадхури резко провела рукой возле моего лица, развеивая овал «Правдивой Беседы».

Комната, в которой мы сидели на ковре, ярко освещена. Свет шёл из настенных ламп, похожих на электрические. В арках остальных комнат царил тьма. Поэтому я немного испугался, когда из одной тёмной арки вышел некто, закутанный в чёрные тряпки, с прорезью для глаз.

Судя по сгорбленной спине и мелкой походке — пожилая женщина.

Она внесла квадратный поднос с кувшинами и какими-то металлическими коробочками. От всего этого пахло едой и пряностями. Постоянно кланяясь, старушка расставила коробки и кувшины между нами.

— Мой муж вернулся? — спросила Мадхури.

— Да, госпожа, — глухо ответила служанка из-под паранджи. — Старший хозяин быть в комнате воды. Мыть-мыть лицо.

Служанка вышла, а я быстро спросил:

— У вас есть предположение, что со мной произошло?

— Демон охватил...

— Если допустить, что я не демон?

Мадхури сменила позу: теперь она не сидела, а соблазнительно полулежала на подушке.

— Ты — демон, — твёрдо сказала она. — И мой сын не творил грязное колдовство.

— Откуда уверенность?

— Самиран... он... — Мадхури вздохнула. — Он хороший мальчик, но пока что не знает, как идти по Всеобщему Пути. И не хочет... Он просто не мог выкрасть грани мёртвых людей. У него... у него нет таланта к этому.

— Значит, что-то произошло в храме без его участия, а он стал лишь невольной жертвой? — догадался я. — Ну, и я заодно?

— Вот именно. — Глаза Мадхури блеснули гневом. — Я выведу этих негодяев на свет и столкну навстречу грязи.

— Да, я тоже. Грязесосы полные! Но что мне делать сейчас? Мы расскажем отцу?

— Нет, — Мадхури властно взмахнула рукой. — Ты должен вести себя как мой сын. Никто не должен ничего знать.

— У меня не получилось обмануть вас, — сказал я. — Смогу ли обмануть отца Самирана?

— О, его обмануть несложно. Я это делаю всю жизнь.

Не придав значения этой фразе, я спросил:

— Но что именно вы хотите от меня?

Мадхури отвела от меня взор:

— Самиран — мой сын. И мы должны его вернуть.

— Вернуть откуда?

— Если ты, демон, занял тело Самирана, то он занял твоё.

— Вы уверены в этом?

— Нет. Я никогда не слышала о переселении душ. Обычно...

Вся уверенность вдруг слетела с Мадхури, она всхлипнула, сдерживая рыдание.

— Что «обычно»?

— Обычно люди, охваченные демонами, безумны.

— Я же говорю, что я Денис Лавров. Я такой же человек, как вы и ваш сын. Ну, был.

Мадхури всхлипнула последний раз. Её голос и выражение лица приобрели прежнюю властность:

— Лучше я буду верить в то, что ты демон, чем в то, что ты убил моего сына.

— Да, да, да, — закивал я. — Если так, то гораздо лучше.

В комнатах послышались шаги и голос Похара Те-Танги. Мадхури быстро сказала:

— Пока что живи, как жил мой сын. Отработай наказание. Начни учёбу в Доме Опыта.

Встань на Путь Двенадцати Тысяч Граней.

— Вы же понимаете, что я не знаю, что всё это такое?

— Я тебе помогу. Расскажу всё то, что должен знать мальчик твоего возраста.

— Я буду притворяться вашим сыном, но что будете делать вы?

— Начну искать знание того, возможно ли поменять местами души людей разных миров.

Я прислушался к голосу отца. Похар Те-Танга ругал служанку за темноту в комнатах. «Ты, низкая, привыкла жить во тьме! Но в моём доме всегда должен быть свет!»

Шаркающие шаги Похара Те-Танги приближались.

— Есть подсказки, как вести себя, чтобы быть похожим на вашего сына? — быстро спросил я у Мадхури.

— Сначала перестань смотреть на мою грудь, — ответила Мадхури. — Затем... мой сын был не очень, как бы это сказать... не очень смелым. Он был осторожным.

— Ясненько. Ещё?

— Он был э-э-э...

— Мне нарисовать для вас «Правдивую Беседу», чтобы вы не врали?

— Он плохо говорил с людьми. Ты говоришь слишком хорошо, хотя неправильно, как человек выучивший наш язык.

— Так и есть. Я каким-то чудом могу понимать вас и говорить, хотя для меня ничего не изменилось в моей речи.

— Постарайся говорить поменьше. Твоя неправильная речь слишком заметна. Или учись говорить правильно.

— Знать бы ещё как это.

— Не произноси незнакомых слов. «Цэ-рушник», «яно-декс» и прочее. И всегда будь вежлив со старшими или более высокими в Моральном Праве.

— Спасибо. Что ещё мне надо знать о характере Самирана?

— Самиран был...

— Неудачником?

— Нет же! Его все считали...

— Дураком?

— Как ты смеешь оскорблять его? Он был мальчиком, а ты ведёшь себя как мужчина.

Хотя и легкомысленный.

— Самиран недавно перестал быть ребёнком, — сказал я. — В этом возрасте люди меняются. Пусть окружающие привыкают к новому Самирану.

В комнату ввалился Похар Те-Танга:

— Опять шепчетесь? Всё время секреты от меня.

— Добрый вечер отец, — уважительно сказал я, подымаясь к нему навстречу. — Мы обсуждали мои извинения.

Похар Те-Танга грузно бухнулся на колени, сверкая красными трусами из-под туники.

— Какие ещё извинения?

Я тоже сел на колени:

— Мой поступок бросил тень на нашу семью. Прошу прощения за свои действия. Больше такого не повторится.

Похар Те-Танга схватил с подноса какую-то коробочку, но с удивлением замер:

— Ого. Правду говорят, что Прямой Путь исправляет людей.

Мадхури откинулась на подушку:

— Самирана не узнать. Совсем другой человек.

Отец взял кувшин, открутил крышку и вывалил в коробочку что-то вроде салата. Потом скомандовал:

— Время сна, а мы ещё не ужинали.

Началось то, чего я до сих пор опасался: церемония принятия пищи в неизвестной культуре.

Мама Самирана помолилась, закрыв глаза и положив руки на пол ладонями вверх. Я повторил это за ней, беззвучно шевеля губами.

А вот управиться с посудой оказалось сложнее. Почти вся еда подавалась в сосудах или коробочках с крышками. Открыто стояли только хлеб и вода.

Я уверенно схватился за кувшин, стараясь повторить движения отца.

— Да... он стал иным, — сказал Похар Те-Танга, глядя на мои попытки открутить крышку у сосуда.

— После работы в свинарнике руки болят, — сказал я.

— Позволь мне, — сказала Мадхури.

Она взяла загадочный сосуд, легко открыла крышку и наложила салат в пустую металлическую коробочку.

— Спасибо, — сказал я.

Но к салату не притронулся. Дело в том, что на подносе не было ничего похожего на столовые приборы. Ни ножей, ни ложек, ни вилок или палочек. Но я подозревал, что дивианцы не из тех культур, которые ели руками.

Я ждал, что сделает Мадхури.

Но мама Самирана тоже не ела. Положив подбородок на сплетённые пальцы рук, она смотрела на меня с материнской любовью. А я старался не думать, какая же она прекрасная.

— Никогда не мог подумать, что мой сын займётся грязным колдовством, — сказал отец. — Спутался с кривыми людьми, они вывели тебя на кривой путь.

Мне не в первый общаться с родителями по поводу моего поведения. Лет в четырнадцать я затусил с пацанами, ради прикола воровавшими еду в супермаркете. И у меня был точно такой же разговор с мамой и папой во время ужина на тесной кухне нашей квартиры в Ёбурге. Сразу после разговора с полицией.

Поэтому я знал, что отвечать:

— Обещаю, что я больше никогда так не поступлю!

Похар Те-Танга вздохнул:

— Ты раньше обещал многое, но не выполнил.

— На этот раз — точно.

— Тогда где ты научился грязному колдовству? — повысил он голос.

— Честно-пречестно, я не помню. После колдовства мне немного отшибло память. Тут помню, а тут...

— Так не бывает, — покачал головой Похар Те-Танга.

— А откуда вы, отец, знаете, как бывает после грязного колдовства? — хитро спросил я.

Но отец не поддавалась на уловку:

— Я простой садовод, но я знаю больше, чем со мной произошло в жизни.

— Да, отец, простите, — я уважительно склонил голову.

— Ха! — крошки еды вывалились из его рта от этого смешка. — Не, ну он точно мне нравится больше, чем до наказания.

Служанка внесла на подносе столовые приборы, разложенные по кожаным чехлам, словно именное оружие. Я понял, что каждый набор принадлежал члену семьи, но как понять, который из них мой?

Мадхури догадалась о моём затруднении и подтолкнула мне один из чехольчиков.

Не разглядывая узоры на ручках ножей и двузубых вилок, я накинулся на еду. Похар Те-Танга ел шумно и неопрятно, так что я мог не корчить из себя аристократа и тоже жрал и чавкал. В конце концов, я как бы его сын.

Вся еда состояла из каких-то салатов и листьев. Мяса не было. Но я был так голоден, что с радостью набил живот невкусными салатами.

После еды меня разморило, я едва отвечал на вопросы отца, который интересовался, понравилось ли мне у господина Карехи?

— У него много свиней, — сонно пробормотал я. — И добрая дочка.

— Это хорошо, что ты познакомился с Виви, — согласился отец. — Это я удачно договорился о твоей работе.

— Спасибо, отец. Я очень благодарен за поддержку.

— Не, ну ты погляди, как заговорил? Чуть что — сразу благодарит. А ведь ещё вчера орал и требовал оставить тебя в покое.

— Я был глуп, отец.

— Ну, и как тебе Виви, умник?

— Пышная, — осторожно ответил я.

— Хотел бы продолжить знакомство? Я знаком с советником рода Карехи, можем вместе...

Мадхури возмутилась:

— Не сбивай ребёнка с Пути. Род Саран никогда не примет сближения с Карехи.

— Почему? — насутился отец. — Те-Танга, например, не видят ничего плохого в сближении с трудолюбивыми и богатыми людьми.

— Карехи — грязные свинопасы и убийцы, — пылко сказала мама.

— Ага, а Саран прямо все окутаны светом. Но вы не такие светлые, как сами себе кажетесь.

— Наши предки дважды занимали места в Совете Правителей!

— Ну и что? А Те-Танга — трижды.

Во время спора они поглядывали на меня, проверяя, чью сторону я принимаю. Особенно странно было замечать это в Мадхури, ведь она знала, что я не её сын.

Мадхури спохватилась:

— Кого бы Самиран не выбрал — это будет его выбор и его Путь.

— Ага, — недовольно согласился Похар. — Но ты толкаешь его на Путь сословия целителей.

— А ты толкаешь на путь сословия садоводов.

— Те-Танга — не только садоводы! — взвился отец. — Мы поддерживаем жизнь всех в этом городе. Без нас вы бы ходили по колено в грязи, без нас вы бы...

— Отец, мать, — я поднялся на ноги и поклонился каждому. — У меня был трудный день, а впереди ещё более трудная жизнь. Уже давно идёт время сна, я очень устал.

— Ишь ты, — усмехнулся отец. — Опять кланяется. Надо было его раньше отправить в Прямой Путь.

Мадхури вызвала замотанную в тряпки служанку и приказала проводить меня в мою комнату.

— Разве он сам не знает куда идти? — засмеялся отец.

Чтобы отвлечь его от подозрения, Мадхури быстро сказала:

— Благодаря твоим трудам, у нас большой дом.

— Вот, — самодовольно закивал Похар Те-Танга. — Вот именно. А ты не ценишь.

— Я ценю, дорогой мой.

Служанка вывела меня из комнаты, но до меня донеслись отголоски спора родителей о будущем сына, которым я не являлся.

— Мужчина? — засмеялся Похар Те-Танга. — Да твой сыночек вечно плачет и сидит в своей комнате. Разглядывает срамные «Игры Света», занимаясь рукоблудием...

— Да, он **мой сыночек**, — прервала Мадхури. — И не смей оскорблять его.

В её ударении на слове «мой» проскользнуло злое ехидство, из которого ясно, что Мадхури за что-то презирала мужа.

Стало жалко Похара. Он нормальный мужик. Этаким типаж «весёлого дяди».

У всех в жизни был такой дядя, который любил рыбалку, пиво и футбол. У него обязательно было пузо и неиссякаемый запас дурацких афоризмов из советских фильмов или заставок «Русского Радио». Такие дяди не то, чтобы хорошо шутили, но искренне смеялись над своими шутками, поэтому окружающие охотно принимали их за юмористов.

Я так сильно устал, что не нашёл в себе сил изучить комнату Самирана или рыться в его вещах, чтобы узнать получше личность пацана.

Молчаливая служанка раскатала на полу матрас, похожий на японский футон или татами. Вместо подушки положила мягкий валик из шерсти. Поклонившись, вышла. Хотел бы сказать, «притворив за собой дверь», но двери в арке не было.

— Подождите, — попросил я. Служанка вернулась. — Как вас зовут? Я забыл.

Служанка помотала головой, будто не поняла меня.

В комнате Самирана царил ночной сумрак, разгоняемый единственным светильником возле входа. Присмотревшись в прорезь для глаз служанки, я вдруг заметил, что глаза-то молодые. Да она — девушка! Просто ходила мелким шагом и покорно сутулилась, отчего напоминала старушку.

— Дверь. Тут есть дверь?

Служанка только хлопала густыми чёрными ресницами в прорези паранджи.

— Блин. Как мне закрыть арку?

Я показал, что прохожу в комнату и закрываю за собой воображаемую дверь.

Служанка снова испуганно помотала головой и сказала с сильным акцентом:

— Старший хозяин запрещать. Нет закрывать.

— Почему?

Служанка тихонько засмеялась:

— Молодой хозяин трогать себя. Запрещать закрывать. Чтобы видеть. Чтобы не трогать.

Всё ясно... Самиран, видать, так увлекался рукоблудием, что родители решили убрать дверь в его комнату.

Сняв тунику и сандалии, я с наслаждением упал на твёрдый матрас. Через пару секунд провалился в сон.

Утром мама Самирана пришла в мою комнату. Я ещё спал, когда почувствовал на своей груди её ногу:

— Просыпайся.

— Надо... попросить... чтобы мне дверь запилили, — ответил я зевая. — Никакой личной жизни.

— Я размышляла о твоём рассказе, — сказала Мадхури. — И кое-что в нём встревожило меня.

— И что именно?

— Ты утверждал, что нашёл небесный город разорённым и погребённым под слоем земли.

Я ухмыльнулся:

— Обидно узнать, что однажды вы всё-таки долетались?

— Ты не знаешь наше прошлое, чужеземец. В Доме Опыта тебе поведают, что Первые Жители летающей тверди отдали свои жизни, чтобы Дивия существовала до скончания времён.

Я сонно сел на футоне, закутавшись одеялом. В комнате было, конечно же, зверски холодно.

— Может это «скончание времён» наступило?

— Дивия не может упасть! — воскликнула Мадхури.

— Все древние и погибшие цивилизации так думали о себе. А потом мы выкапывали черепки от их кувшинов и, с помощью углеродного анализа, датировали век изготовления.

Прекрасная Мадхури Саран упорствовала:

— Дивия парит над низшими и ведёт их по Пути развития. А Путь низких — служить нам. Так завещали Двенадцать Тысяч Создателей.

— Красиво. Вы верите в эту легенду?

Глаза Мадхури расширились в изумлении:

— Мы не верим в легенды. Мы не низкие дикари. У нас есть знание прошлого. Ты видел летающий город?

— Да.

— Ты смотрел на свою ладонь Внутренним Взором и видел указатели своего Пути?

— Видел что-то такое.

— Разве у низких есть что-нибудь подобное?

— Но я не видел и низких, — ответил я. — Кто знает, вдруг у них указатели Пути есть

на обеих ладонях?

— Ты можешь объяснить, почему мы живём на парящей тверди?

— Могу попытаться.

Мадхури презрительно щёлкнула пальцами:

— Зачем? Твои потуги объяснить летающую твердь и будут легендой. Мы знаем, откуда мы начались. Дивия не падёт, а будет в вечном полёте, который даровали нам Первые Жители. Дивия исчезнет только тогда, когда исчезнет свет. Поэтому никогда, — слышишь? — никогда не говори, что Дивия будет на земле. А тем более — в земле!

— Почему?

— Тебя уже обвинили в грязном колдовстве. Злословие о падении летающего города приведёт к тому, что на землю, в грязь, сбросят тебя.

— «Сбрасывание в грязь» это не образное выражение?

— Так у нас казнят сильно провинившихся.

— Я не очень всё это понимаю.

— Тебе и не надо. Ты же не собираешься жить в теле моего сына до старости?

Я не ответил.

Мадхури прошлась по комнате. Одета она была в белый и длинный хитон без рукавов. При ходьбе часть левого бедра обнажалась, а когда женщина проходило мимо круглого окна, контуры её тела приятно темнели сквозь ткань.

Я не мог не обращать внимания на её красоту. Я хотел бы не видеть этой красоты, но откровенные наряды матери тела, в котором я оказался, сильно мешали этому намерению.

Ещё я не мог не обратить внимания на то, что Мадхури Саран совершенно не страдала от холода. Интересно, это из-за магии или у неё настолько железное здоровье?

Женщина молчала, я оглядел комнату в утреннем свете.

По убранству не сказать, что это жилище подростка. Если в нашем мире это можно определить по разбросанным по полу носкам, учебникам и мусору, то в комнате Самирана кристально чисто. И много плетёных корзин, наставленных друг на друга, как коробки на складе.

Я не увидел своей туники и сандалий, хотя перед сном, как настоящий тинейджер, бросил их рядом с футоном. Кажется, пугливая служанка уволокла их. Расхаживать в трусах при маме Самирана я не хотел. Они и так едва держались на плохо завязанных хлястиках.

Мадхури Саран подошла к одной из коробок, открыла крышку и достала аккуратно сложенную тунику.

— Сандалии в другой корзине, — сказала она, передавая мне одежду.

Отвернувшись к окну, позволила мне одеться.

— Отец вышел из дома раньше обычного. Он хочет обговорить с советником рода Карехи уменьшение срока твоего наказания.

— А вчера он это не сделал?

— Нет. Но вчера ты проявил себя как примерный сын. Он решил тебе помочь.

Я как попало завязал кожаный шнурок сандалии. Наверняка, он должен как-то хитро обвивать ногу, но я не понимал, как сделать это правильно.

— Итак, что вы хотели мне сказать?

Мадхури подошла ко мне и поправила складки моей туники, как обычная мать:

— Само собой, ты понимаешь, что должен принять имя моей семьи? Ты должен принадлежать роду Саран, когда Самиран вернётся в своё тело.

Я мотнул головой:

— А разве это не добровольное решение?

— Для тебя — нет! — голос Мадхури прозвенел, как удар саблей. — Ты будешь делать, что я скажу!

— Неа. Я сам решу, что выгоднее для меня. В любом теле.

— Ты должен принять имя моего рода, — повторила Мадхури.

— Похар Те-Танга — нормальный мужик. И с хорошими семейными связями, раз может скостить мне срок наказания. Самиран Те-Танга — тоже неплохо звучит. Хотя и цыганщиной отдаёт...

— Подлый захватчик!

Мадхури замахнулась, чтобы ударить меня по лицу, но я перехватил её руку.

Слабенькое тело подростка не выдержало напора сильной красавицы — выдернув руку Мадхури дважды хлестнула меня ладонями по щекам. Вместо третьего удара прилетел мощный вихрь, вырвавшийся из её ладоней.

Отлетев назад, я упал в груды корзин.

Меня завалило разноцветными сандалиями, туниками разных фасонов и ещё какой-то одеждой. Для мальчишки Самиран слишком любил наряды.

На этом акт домашнего насилия не закончился. Небольшой вихрь, закруживший одежду и сандалии, набросился на меня и придавил к полу.

Рядом с вихрем встала Мадхури. Её волосы и туника трепетали на ветру, затягиваемые в центр вихря. Обнажилось не только бедро — хитон задрался так, что стали видны обтягивающие трусики-шортики, очень похожие на те, что носили женщины нашего времени.

Опустив подол, Мадхури прошипела сквозь шум ветра:

— Если я не верну своего сына, то убью его тело!

С оглушительным хлопком вихрь распался. Туники, какие-то шёлковые платочки и шнуры попадали на землю, как крупные конфетти.

Мадхури Саран резко развернулась и вышла из комнаты.

Сразу же явилась замотанная в чёрное тряпье служанка. Опустившись на колени, начала подбирать разбросанную одежду.

Нет, всё-таки мне нужно решить проблему с дверью.

7. Статуя деда и «Игра Света»

7. Статуя деда и «Игра Света»

Летающий экипаж с приговорёнными на общественные работы должен прибыть во «время утра перед началом трудов».

Я уже стоял на крыше дома, предупреждённый Внутренним Голосом. Глядя на облака, я жалел, что не силён в вычислениях. Зная скорость вращения Земли, мог бы как-нибудь высчитать скорость полёта Дивии. Хотя... что это мне дало бы?

На плече у меня висела сумка из белой, приятной на ощупь кожи. В сумке лежал кувшинчик с водой и две шкатулки с непонятно чем внутри. Больше всего места занял свёрнутый в рулон плащ. Я так и не понял, как его цеплять к тунике, да и не стал разбираться. Мне бы с трусами для начала совладать.

Сумку подготовила и передала мне служанка. Когда я спросил у неё, где Мадхури, ответила:

— Старшая хозяйка уходить. Лечить-лечить. Бо-о-ольшой человек болеть. Старшая хозяйка возвращать его в жизнь.

Я поинтересовался у Внутреннего Голоса, из какой страны прибыла служанка, но тот ответил, что не может помочь вспомнить мне это.

Поправляя мягкую лямку сумки, я посмотрел на воздушный автобус, проклюнувшийся в облаках.

Утренняя стычка с мамочкой Самирана оставила во мне странное ощущение удовлетворённости. И вот почему:

Я не считал себя неудачником. Неудачником меня считали окружающие.

Даже моя девушка не проявляла энтузиазма, когда речь заходила о нашем будущем. Она была спортивной, энергичной и увлекалась парапланеризмом. Мой друг, познакомивший нас, удивлялся, почему мы с нею сошлись. «Чувак, она же клёвая, а ты какой-то... никакой».

Подозреваю, что ещё немного и девушка бросила бы меня ради одного из тех накаченных, татуированных и загорелых молодчиков, с которыми она общалась в парапланерском клубе. Эти молодчики ездили по всему миру, спрыгивали с разных горных вершин, усеивая фотографиями своего полёта страницы соцсетей.

У молодчиков всегда были деньги на путешествия, даже во время пандемии они не прекращали летать по всему миру и прыгать с живописных скал, расправив крылья своих парапланов.

Один парень, наиболее красивый, татуированный и бородатый, вообще летал на вингсьюте. Тогда как я на вингсьюте летал только в игре Far Cry. Но даже там не мог приземлиться, не потеряв половины здоровья.

Моя девушка летала с красивыми бородатыми парнями, а я не смог даже свозить её в отпуск в Абхазию. Зарплата учителя не позволила. Спасло то, что девушка работала в рекламном агентстве, зарабатывая намного больше меня.

Если честно, я даже и не любил её. Просто понимал, что ничего лучшего в моей жизни уже не будет. А вот зачем она была со мной — загадка. Возможно, считала меня чем-то вроде запасного аэродрома, на тот случай, если у неё не получится приземлиться на семейный аэродром одного из бородатых и татуированных парней.

То есть... припоминая прошлую жизнь... я не уверен, что сильно хочу вернуться. Если

Самиран попал в моё тело преподавателя истории в транспортном колледже, то пусть выкручивается как хочет. Мне пока что и здесь хорошо.

Поэтому я не позволю никому указывать мне, что делать. Ну, если конечно, у меня хватит на это смелости.

Прежде чем принять имя чьей-то семьи, я хотел изучить их преимущества и недостатки. Но это тоже не главное дело. Главное сейчас понять, как дивианцы применяли озарения. Я тоже хотел разогреть воду пальцами и насылать на врагов вихри. А ещё — летать, как небесный мент Илиин.

Пора мне активно менять Путь Самирана, а не бродить по чужим тропинкам, чем я был занят прошлую жизнь.

Хм, кстати, интересное совпадение — моя девушка увлекалась парашютным спортом, а я попал в летающий город. Иногда судьба так тонко издевается над нами, что мы не сразу улавливаем иронию.

На площадку упала тень. Гроыхая решётками на окнах, и отслоившимися от бортов узорами, арестантский летающий экипаж приземлился в её центре.

Я бодро вбежал в раскрытую дверь и пожелал стражнику доброго утра. Тот непонимающе уставился на меня:

— Как это «доброе утро»? А оно бывает злое?

— О, поверьте, бывает. Бывает даже злая ночь.

Хаки Энгатти встретил меня как старого друга.

— Привет, Самиран!

Я приветливо кивнул и сел на лавку рядом. Рукопожатия в Дивии были не в ходу. Кажется, их использовали только близкие друзья.

Хаки выглядел празднично. Туника не мятая, а гладкая и почти новая. Сандалии начищены до блеска, а их шнуровка затейливо обвивала ноги почти до колен, заканчиваясь двумя крупными железными украшениями в виде иероглифов «СВИРЕПЫЙ» и «БЕЗЖАЛОСТНЫЙ». Волосы у парня приглажены и, кажется, обрезаны и подровнены.

Пацанчик готовился сразить Виви Карехи своей красотой.

— Отлично выглядишь, — сказал я. — Не боишься запачкаться?

Хаки двинул плечом, показывая кожаную котомку, которая висела за спиной на грязной верёвке:

— Взял другую одежду. А ты?

— У меня много одежды, не жалко.

Сегодняшний стражник был не так строг, как вчерашний. Ему было плевать, разговаривали мы или нет. Поэтому я вдоволь расспрашивал Хаки о жизни в районе так называемых Ветроломов.

По его словам, там жили самые сильные и смелые люди на всей Дивии. Все они были прославленными воинами, в одиночку сокрушившими целые армии низких царей.

— Слышал ли ты о Ротте Громобойце? — спросил Хаки.

— Не помню.

— Да ты что? — возмутился Хаки. — В битве с царём Портового Города он сотворил такой мощный «Удар Грома», один звук которого раздавил половину царского войска и потопил сотню кораблей.

— Его гром убил пять человек, — поправил стражник. — И потопил одну лодку.

— Вы ошибаетесь. Он мне сам рассказывал, как было дело.

— Никакой Ротт не Громобоец, а грязный лгун. Хвастался, что потопит все корабли Портового царя, а потопил лодку, да и та принадлежала рыбакам из другого города. Из-за его лжи и бахвальства, мы потеряли в том бою несколько воинов.

— Это вы всё врётё!

— Тот, кто верит лгуну, сам лгун, — пожал плечом стражник.

Мне пришлось вмешаться:

— Подожди, Хаки. Если Ротт Громобоец могучий и славный воин, то почему он живёт на Ветроломах, а не в центре Дивии?

— Потому что таков его Путь. Он сам решил двигаться во тьму. Я тоже так хочу.

Меня удивило, что парень так легко говорил о сумраке, тогда как и мама Самирана, и папа, и остальные презрительно отзывались об этом направлении.

— Разве путь во тьму это хорошо?

Хаки уставился на меня:

— Но ты же сам творил грязное колдовство?

— Ну, так вышло.

Хаки наставительно сказал:

— Все направления Пути равны друг другу. Они не зло и не добро, а направления. Только отрицание Пути есть истинное заблуждение.

Грустный стражник повеселел:

— Но только на пути к сумраку мы будем вас ловить и наказывать.

— Это мы ещё посмотрим, — пробормотал Хаки. — Больше вы меня не поймаете.

Воздушный автобус накренился, ударился днищем и открыл двери.

— Свинарники семьи Карехи, — сказал стражник. — Кто там на выход?

Нас встретил Карапу Карехи, вооружённый всё той же палкой, что вчера.

— Ты куда так вырядился? — спросил он у Хаки. — На танцы что ли? Хе-хе, тогда готовься плясать со свиньями. — Прочитав иероглифы на его шнурках, саркастично добавил: — Свирепый и безжалостный уборщик свинарников.

Хаки гордо проигнорировал насмешку.

Виви стояла поодаль, возле забора перед большим домом рода Карехи. Улыбаясь, она помахала нам рукой. Хаки степенно и невозмутимо поклонился, полагая, что так ведёт себя истинный мужчина.

Я же помахал и улыбнулся ей в ответ.

Карапу взмахнул палкой:

— Хватит перемигиваться, за работу, грязные лентяи!

Я и Хаки пошли в сторону свинарника «Мудрость», но тут мне на плечо легла палка.

— Ты — стой. Твой нарядный друг сегодня один танцует со свиньями.

Я недоумённо остановился.

— Твой папочка замолвил за тебя словечко, — пояснил Карапу. — Так что сегодня ты будешь работать в саду.

Хаки жалостливо посмотрел на меня, я попробовал возразить:

— Лучше я с ним.

— Тут я решаю, — заявил Карапу и легонько ударил меня по палкой по спине. — Живо за работу.

Хаки побежал в свинарник, а я пошёл в сторону Виви. Она должна показать мне фронт работ.

Как и Хаки, Виви принарядилась. На ней красивый хитон, похожий на тот, что носила мама Самирана. Только с длинными рукавами.

Целомудренное покрытие голых рук Виви с лихвою компенсировала огромнейшим вырезом на груди. А учитывая, что грудь у неё немаленькая, всё это выглядело весьма внушительно. Настоящая молодая дама, а не вчерашняя свинарка в кирзовых сапогах.

Вдобавок Виви сделала причёску, соорудив на голове что-то вроде высокой укладки с прядями волос, свешивающимися по обеим пухлым щёчкам.

Молча мы обошли высокий, этажей в пять, дом рода Карехи и вошли в сад.

От лужаек, на которых паслись какие-то рогатые животные, похожие на бизонов, дом отгораживал железный решётчатый забор с многочисленными иероглифами, прославлявшими мощь рода Карехи.

Сад оказался небольшим и, надо сказать, не очень красивым. Похож на заброшенный дачный участок.

Выложенные кирпичом дорожки заросли. Буйные зелёные растения обвивали стволы деревьев, словно паутина. С веток деревьев свешивались огромные комки какого-то сена, напоминающие старые птичьи гнёзда.

В центре сада высился постамент со скульптурой старца. Его длинная гранитная борода застыла красивым изгибом, будто развевалась по ветру. Старик сидел на коленях, воздев левую руку, вооружённую такой же палкой, с какой ходил Карапу, а правую держал перед собой. Вокруг растопыренной ладони блестел металлический макет Внутреннего Взора. Скульптор детально воспроизвёл все линии, идущие из центра ладони к пальцам. А фаланги заполнены разными цветами до кончиков пальцев. Кажется, выполнены из драгоценных камней.

Статуя тоже покрыта растениями, но заметно, что кто-то их пытался очистить. Возле постамента стояла деревянная лохань с водой, в которой плавала тряпка.

Здрав голову, мы смотрели на гранитного старца.

— Это Первый Карехи, — с гордостью сказала Виви. — Он основал род.

— Когда?

— Давно.

— Сколько лет назад?

— Лет? — удивилась Виви. — Кто же их считает на Пути рода? Первый Карехи основал род девять поколений назад.

Я не знал, много это или мало, но на всякий случай уважительно кивнул:

— Однако.

— Конечно, есть рода и постарше, — призналась Виви. — Например, Первый Те-Танга основал род двадцать два поколения назад.

Вот теперь я мог сравнивать. Заодно и подумать над выбором семьи. Древность рода — преимущество в любой культуре и эпохе.

— А Саран древние? — спросил я.

Виви отмахнулась:

— Да откуда я знаю? Я же не изучала родовые пути.

— Но ты при этом знаешь про Те-Танга?

Виви Карехи вдруг покраснела:

— Я... я недавно узнала.

Я усмехнулся:

— Вчера?

— Нет, сегодня утром, — с вызовом ответила Виви. — А что?

— Мне приятно. Тоже хочу узнать тебя поближе.

Видать, чужие гормоны взыграли во мне. Я смело придвинулся к девушке. Она зарделась ещё больше, хотя её щёчки всегда розовели пороссячьим румянцем.

Отвернувшись от меня, девушка резко наклонилась, вынула из лохани мокрую тряпку и сунула мне в руки:

— Лезь наверх.

— Нужно протереть дедушку?

— И поосторожнее с Внутренним Взором. Статуя старая, от неё иногда отваливаются составные части.

Скользя сандалиями по гладкому камню, я взобрался на постамент. Получилось это не с первого раза — физические данные Самирана далеки от атлетических.

Пока карабкался, думал, что грязный ручной труд не сочетался с аристократическими традиция семей. Если Карехи богатые и знатные, то почему за них не работали слуги? Почему дочь семьи трудилась в свинарнике?

Или тот же Карапу Карехи. Человек явно не светлого ума, но всё же потомок богатого рода, а занимался тем, что гонял палкой арестантов, присланных на общественные работы. Неужели у благородного отпрыска нет занятия поважнее? Не знаю, охота на лисиц или типа того?

С другой стороны, девять поколений Карехи против двадцати двух поколений рода Те-Танга — это фигня. Не особо-то и древние. Скорее выскочки, которые очень хотят казаться родовитыми.

Интересно, как считались эти поколения?

Спрашивать Внутренний Голос не хотел, он опять ответит какими-нибудь метафорами.

Сжимая мокрую тряпку, я выпрямился на постаменте и начал протирать руку старца.

Меня поразила реалистичность скульптуры: с близкого расстояния видно, что в камне воспроизведены даже такие мелочи, как фактура ткани, волоски в бороде и ресницы. Не говоря уж о многочисленных складках кожи старческого лица. Ни в одной культуре мира я не видел такого гиперреализма, он просто недостижим для классического скульптора.

Уголкем тряпки протёр конструкцию Внутреннего Взора, закреплённую на правой руке старца. Теперь я удостоверился, что она выполнена из золота и драгоценных камней.

Недешёвая статуя.

Навряд ли дивианцы выкапывали драгметаллы из своей летающей тверди. Если вспомнить рассказы Хаки о войнах с низшими, то можно догадаться, что Дивия добывала ресурсы старым добрым грабежом. Торговлей, возможно, тоже. Со слов Хаки ясно, что кристаллы озарений весьма ценились низкими.

Вообще я рассчитывал сегодня изучить Внутренний Взор и всё то, что он рисовал на моей руке. Но из-за Виви пришлось отложить.

Пусть я и попал в чужое тело, жившее в неведомом мне мире, но только полный ушлёпок будет разговаривать с молодой, розовощёкой и полногрудой девушкой о социально-политическом устройстве государства или его экономике. Или об магическом интерфейсе, который был для неё обыденностью.

— И как твои успехи в постижении предназначения «Меняющая Смыслы»? — спросил я.

— Учителя показывают разные озарения этого предназначения, но я усвоило только одно — незаметную «Игру Света».

— Очень интересно, — соврал я. — Вот бы посмотреть.

— Ты правда хочешь увидеть? — воскликнула девушка.

— А то!

Я быстро домыл верхнюю часть статуи Первого Карехи и спустился. Виви церемонно предложила мне сесть на ступеньку постамент. Сама отошла от меня и каким-то возвышенным голосом сообщила:

— Моя игра света расскажет о девушке, которая была разлучена со своим любимым. Не вынеся разлуки, она бросилась в грязь. Её танец — история несправедливого страдания и отчаянно гибели.

Виви довольно грациозно подняла руки. Ткань туники ещё сильнее обтянула выпуклую грудь.

Я думал, что она сейчас будет танцевать, но вместо этого произошла очередная магия. От фигуры девушки отделилась другая фигура, совсем другой девушки. Более стройной и красивой. Одетой гораздо более легкомысленно, чем сама Виви. Короткая туника открывала стройные ноги, зашнурованные выше колен. Фигура девушки была полупрозрачной, сквозь неё видно кусты и забор сада.

А Виви Карехи, замерев в той же позе, произнесла:

— Моя героиня была чиста, как дуновение высшего ветра. Она была красива и кротка.

Под эти слова призрачная фигура начала танцевать. Плавно водила руками, изгибаясь назад, потом отводила руки за спину, как крылья птицы, и наклонялась вперёд.

Кажется, эти движения символизировали чистоту и кротость.

— Скоро она встретила юношу, который был так же чист и кроток, как она, — продолжила Виви.

На короткое время появилась фигура призрачного юноши, но замигала и пропала. Призрачная танцовщица закружилась на месте, то опуская, то поднимая руки.

— Но злые люди были против их союза.

Танцовщица закружилась быстрее.

— Девушка и юноша поклялись в вечной любви, — с придыханием поведала Виви. — Взавшись за руки, они побежали на...

Танцовщица замерла в стремительной позе на одной ноге, чем-то напоминая героинь аниме. И растворилась в воздухе.

— Я ещё не придумала, куда они побежали, — выдохнула Виви. — У меня пока что не хватает озарения. Надо было усваивать не мерцающее, а сразу светлое.

Я уже догадался, что «мерцающее», «незаметное», «светлое» и прочие — это градации силы озарений. Поэтому кивнул:

— Да, было бы лучше.

— Ты считаешь, что я плохо играю со светом? — ужаснулась Виви.

— О, нет, ни в коем случае! Это лучшая «Игра Света», которую я видел в жизни!

Хотя бы тут не соврал.

— Ты преувеличиваешь, — зарделась Виви. — Это всего лишь игра света незаметного озарения.

— А выглядит так, будто она уже яркая! — заявил я наугад.

— Ну, теперь ты точно льстишь, — весело ответила Виви. — Яркое озарение «Игры

Света» создаёт целый мир с множеством призрачных лицедеёв, танцовщиков и их действий. Мне ещё далеко до этого.

8. Убийца Травы и мясной барон

8. Убийца Травы и мясной барон

До наступления времени обеда, мы успели помыть статую и расчистить от травы и сухих веток площадку вокруг неё. Виви без умолку рассказывала о Доме Опыта, где она обязательно изучит все озарения предназначения «Меняющего Смыслы».

Собирая сухие листья граблями с очень тонкими зубчиками, Виви пылко призналась:

— Я уже выбрала себе ветку озарений. Одно яркое, три светлых и десять заметных.

— Хм, разумно.

— Это редкая ветка, — продолжила Виви. — Все её озарения направлены в сторону «Игры Света».

— Ну, да, так тоже верно.

— Если я приму её, то мой Путь станет прямым и без извилин.

— Это... как бы... хорошо... да?

— Обратного Пути уже не будет.

Я не знал, что отвечать на слова Виви. Озарения и ветки, грани и предназначения, волшебные крылья ментов и танцующие призраки, Внутренний Взор и Голос — всё это было полной неразберихой.

Но Виви явно ждала от меня чего-то большего, чем одобрительное мычание. Рассказав о своих планах на какую-то там ветку, она искала то ли поддержки, то ли предостережения.

— Если ты твёрдо решила идти по выбранному Пути, — начал я. — То зачем спрашивать направление у прохожих, вроде меня?

— Это ты верно сказал, — вздохнула Виви. — Учителя тоже твердят нам, что выбор предназначения — личный выбор каждого жителя.

— Это не так?

— Конечно нет! Ты ещё не был в Доме Опыта, поэтому не знаешь, что учителя не говорят о влиянии родов и сословий на выбор предназначения.

— Я-то не знаю? — возмутился я. — Да у меня мама и папа тянут каждый в своё предназначение. Один хочет чтобы я стал лекарем. Другой — не хочет. Наверное.

Я не знал, чего хотел от Самирана отец.

— Тогда ты понимаешь. Мой отец и братья будут в ярости, если я выберу не то предназначение, которое род выбрал за меня. Даже если я пойду против их воли, то сословие Меняющих Смыслы не захочет враждовать с Карехи. Мне не дадут проводить свои выступления и радовать людей «Игрой света».

Из всего сказанного девушкой, я понял примерно лишь то, что она не желала изучать профессию, которую ей выбрали родители, а желала стать кем-то вроде актрисы или художницы.

История стара, как мир. Дети не хотели идти по стопам родителей, а родители — с высоты жизненного опыта — понимали, что только шагая по стопам предыдущего поколения, есть шанс пройти намного дальше этого поколения.

Ещё я подумал, что метафоры всё чаще всплывали в моих мыслях. Я превращался в настоящего диванца.

Виви ждала моего ответа.

— Я не могу решить это за тебя, — начал я. — Но знаю одно. Если ты станешь хорошей

игрунью со светом, то тебе не нужно будет ни одобрение отца, ни одобрение какого-то там сословия, ни одобрение друзей, вроде меня. Твоей поддержкой станут те, кому твоя «Игра Света» придётся по душе. Только их одобрение тебе и нужно по Пути... по Пути... куда там все идут...

— На Всеобщем Пути? — подсказала Виви.

— Да, на Всеобщем Пути. Если у тебя будет много зрителей и поклонников, то какая разница, что думают все остальные?

Виви печально выслушала меня.

— Самиран, ты умнее учителей из Дома Опыта. Они только и повторяют одно и то же: «Учись. Делай выбор. Усваивай. Живи». А ты... ты указал мне Путь!

— Рад помочь, обращайся ещё.

Кусты затрещали и на заросшую дорожку сада вышел Карапу Карехи. Со свистом взмахнув палкой, он указал её кончиком на меня:

— Время обеда.

— И что?

— Иди за мной.

Виви Карехи тоже всполошилась.

— Куда ты его ведёшь?

— Отец хочет посмотреть на Самирана, сына Похара Те-Танга и Мадхури Саран.

Виви с изумлением посмотрела на брата. А я догадался в чём дело: пробивной папа Самирана, Похар Те-Танга, задействовал свои родовые связи.

Карапу Карехи повёл нас по заросшей травой дорожке, сбивая палкой верхушки растений. Он был явно недоволен, что на меня больше нельзя кричать и замахиваться.

Вообще этот отпрыск богатого рода оказался едва ли не идиотом. Был странно наблюдать, как тридцатилетний мужик с мальчишеской увлечённостью воевал с растениями. Один раз мы даже остановились, пока Карапу, громко хекая, рубился с колючим кустарником, словно тот был его заклятый враг.

Взглядом девушка как бы извинилась за брата.

— А у него какое предназначение? — шепнул я. — Какой-нибудь там «Убийца Травы»?

Виви сначала рассмеялась, потом серьёзно ответила:

— Карапу из тех, у кого ветер рассеял все грани. Большое огорчение для отца. Теперь вот и строптивая дочь...

Виви не стала продолжать.

— Кстати, а почему ты всё время упоминаешь отца и братьев, но не мать?

— Она погибла во время шторма, когда я была ещё маленькой. Отец женился на другой женщине, но она — не моя мать.

— Ясненько.

Одержав тотальную победу над кустарником, Карапу Карехи оттер пот со лба, прицепил палку к поясу своей туники и приказал:

— Чего встали? За мной!

Мы вышли за ограду старого сада.

Перед нами простиралась чистая и ровная лужайка с небольшими пригорками. Ровные дорожки, выложенные плоским белым камнем, затейливо кружили вокруг статуй других выдающихся Карехи.

Я не знал местные цены на недвижимость, но владение такими обширными

пространствами на ограниченной летающей тверди внушало уважение. Понятно, почему отец Самирана хотел моего сближения с мясным королём Дивии.

Дом рода Карехи был условно пятиэтажной высоты. Но, как и домовладение, в котором жила семья Самирана, его этажность посчитать затруднительно.

В центральной части здания блестело стеклом и золотой рамой огромное окно: оно протянулось от ступеней портика до многоуровневой крыши. Левая стена дома неравномерно усеяна круглыми или овальными окнами, правая была глухой, всего с тремя рядами узких прямоугольных окон, закрытых решётками.

В середине центрального окна установлен каменный постамент, на котором высилась исполинская скульптура. Формы её были весьма грубыми и приблизительными, как низкополигональная модель персонажа в старинной игре, но уже угадывались очертания обнажённого мускулистого и широкоплечего мужчины в набедренной повязке. На одной вытянутой руке он держал такую же низкополигональную голову буйвола, а в другой — что-то вроде тесака. Лицо мужчины ещё не готово, в нём только угадывалась квадратная борода и лысая голова.

Напротив статуи висело в воздухе три человека. За их спинами блестели крылья, похожие на те, что были у Илиина, но не такие размашистые и красивые.

То один, то другой скульптор, подлетал к своему участку работы и что-то делал с грубой поверхностью статуи — из-за высоты не разобрать, что именно. До нас доносился стук и каменные обломки с грохотом сыпались вниз.

Строительный мусор тут же подметали мётлами из листьев рабочие, одетые в грязные туники.

— Это будущий памятник твоему отцу? — шепнул я Виви.

Девушка кивнула. Она вообще изменилась. Движения потеряли пластичность. С её лица исчезла не только улыбка, но и задорный румянец. Виви даже будто потолстела и осунулась. А когда мы поднялись по многочисленным ступеням, украдкой провела по волосам, убирая свою кокетливую причёску.

Из озорной свинарки превратилась в зашуганную толстую девушку.

Вход во дворец Карехи неровной овальной формы, без ворот или дверей. Его перегораживала цепочка из нескольких небесных стражников.

То есть, на первый взгляд я принял их за стражников, хотя форма и цвет их доспехов отличались от Илиина. У каждого воина на груди прикреплен железная блямба с узором, в котором переплетались иероглифы «Внушение Неразумным», «Пища Богов» и что-то ещё.

— Этот со мной, — махнул на меня палкой Карапу Карехи. — У него нет ни оружия, ни озарений.

Но воины никак не отреагировали на слова Убийцы Травы. Меня остановили и грубо обыскали. Сумку вообще отобрали и бросили в угол.

Меня и Виви пропустили сквозь линию обороны, а когда Карапу сунулся было следом, стражник бесцеремонно преградил путь древком копья:

— Тебя старший хозяин не звал.

— Я и не собирался. У меня ещё это... дела.

— Ага, — засмеялся стражник. — Я видел в саду очень сильный куст, надо бы его избить.

Карапу Карехи сделал вид, что насмешка стражника не задела его, но я понял, что авторитет старшего сына знатной семьи не признавался даже охранниками их дома.

Мне даже стало жалко его.

Неужели озарения так важны в иерархии Дивии, что даже принадлежность к богатой семье не играла роли?

С другой стороны, Карапу Карехи был явным идиотом. На месте его отца я тоже ограничил бы участие этой детины в семейном бизнесе. Отправил бы присматривать за арестантами и свинарниками.

Я и Виви прошли мимо стражи.

В доме семьи Саран меня поразило обилие узоров, арок и украшений, но в сравнении с дворцом мясного барона жильё семьи Саран казались пещерой бедняков.

Даже храм Двенадцати Тысяч Создателей выглядел скромнее и теснее дворца Карехи!

От обилия узоров, блестящих статуй и статуэток, от сверкания каких-то светящихся фонтанов у меня закружилась голова.

Пришлось схватить Виви за руку, чтобы не упасть. Держась за руки, словно молодожёны, мы прошли в центр зала. Туда, где на невысоком постаменте разложены подушки, пуфики, одеяла и что-то вроде *лектусов* — кроватей с подголовниками, на которых возлежали древние римляне.

Половина пуфиков и лектусов занята богато одетыми мужчинами и женщинами, преимущественно пожилого возраста. Напротив них, на более высоком постаменте, устланном шкурами зверей, разлёгся жирный бородатый мужик.

Он был практически голый, только прикрыт скромной набедренной повязкой. Огромная, лопатообразная борода его переходила в мохнатую растительность на массивной, почти женской груди.

Сходство со статуей силача у входа ограничивалось бородой, но понятно — это Вакаранга Карехи, глава рода Карехи.

— А-а-а, — сипло прогремел он. — Вот и детишки пожаловали. Садитесь в первое кольцо.

Вот теперь осуществился мой главный страх — церемониальное принятие пищи в высшем обществе.

Я не знал, как себя вести. Нужно ли приветствовать собравшихся? Как низко кланяться главе рода? Какого фига он почти голый, когда все разодеты, будто носили на себе все свои богатства? И что вообще за «первое кольцо»? Имеет ли оно отношение к тому, что некоторые географические ориентиры в Дивии тоже назывались «кольцами»?

Внутренний Голос молчал, подавленный совокупной силой Морального Права присутствующих.

К счастью, со мной была Виви Карехи. Есть с кого брать пример. Приняв такое же покорно-трагическое выражение лица, как у неё, я поклонился.

Девушка неспешно побрела среди лектусов, пуфиков и людей, сидевших на коленях или полулежавших на боку, как узбеки в чайхане. Побрёл и я, стараясь не наступить кому-нибудь на руку или ногу. Передвижение затруднялось тем, что вокруг пуфиков и лектусов расставлены коробочки с едой и кувшины.

Тут я заметил, что люди не сидели на постаменте хаотично, а расположились несколькими полукругами возле трона с голым жирным мужиком.

Виви села на пол в первом ряду. Я тоже сел.

Служанки, замотанные в такие же тёмные паранджи, как прислужница в доме Самирана, принесли в руках железные шкатулки с едой.

— Самиран, — просипел жирный бородач. — Сегодня утром я познакомился с твоим отцом. Он достойный и воспитанный человек. Карехи и раньше были в хороших отношениях с Те-Танга. Они поддерживают твердь, а мы обеспечиваем едой. На таких, как мы, и держится Дивия, не так ли?

Я отчаянно понимал, что нельзя молчать, когда мясной барон обратился ко мне. Но что сказать? Как принято вести беседу в их обществе? Мои обрывочные знания об этикете древнего Египта или Франции времён Людовика Четырнадцатого не помогут в общении с жителями летающего города.

Молчание затянулось. Кто-то из гостей кашлянул. Кто-то прошептал: «Какой грубиян». Кто-то тихо рыгнул, пытаясь скрыть этот звук в кулаке.

Я склонил голову:

— Уважаемый глава рода Карехи. Я считаю ваше приглашение в свой дом важным поворотом на моём пути. Род Те-Танга не идёт ни в какое сравнение с могуществом и богатством рода Карехи. Поэтому и я и отец ликуем всем сердцем, зная, что вы обратили на нас своё внимание. И... удостоили... чести э-э-э... сидеть в первом кольце!

Вакаранга Карехи сипло рассмеялся:

— Твой отец предупредил меня, что ты можешь проявить грубость и высокомерие, ведь твоим воспитанием занималась заносчивая женщина из рода Саран. Но Похар Те-Танга ошибся: льстить ты умеешь.

Я склонил голову.

— Так уж и быть, — заявил Вакаранга Карехи. — Передай отцу, что я сдержал обещание. Тебе не будут назначать тяжёлой работы по уборке свинарников.

— Ваша милость заставляет моё сердце ликовать, — сказал я, сам офигевая, что даже в летающем городе, который существовал сколько-то тысяч лет назад, лезть оказалось наилучшим этикетом. — Ваша мудрость и доброта освещает мой Путь, как Солнце освещает...

— Ну-ну, хватит уже, — оборвал Вакаранга Карехи. — Ты мне интересен вовсе не из-за умения льстить. Для этого у меня есть бедные родственники.

По залу пронеслась волна смешков. Улыбнулся и я.

Вакаранга Карехи щёлкнул пальцами:

— Эй, кто там рядом. Дайте парню отведать озарённого мяса, которое я приготовил.

Служанка поднесла мне коробочку. От других отличалась тем, что вокруг её крышки вилось что-то вроде световой дымки.

Я открыл крышку коробочки. В лужице золотистой подливки плавал кусочек варенного мяса. Похоже на говядину. Оглядевшись, искал столовые приборы, но не нашёл.

С тоской посмотрел на Виви. Она тут же пришла на помощь:

— Это озарённое мясо, его нужно брать пальцами.

Двумя пальцами потянулся к мясу. Вокруг моей руки вспыхнули разноцветные линии и иероглифы Внутреннего Взора. Я ожидал услышать и Голос, но он молчал.

Итак, это магическое мясо, на которое реагирует магический интерфейс?

Двумя пальцами вынул кусочек и смело положил в рот. Прожевал. Ну, варенное мясо. Несолёное, без специй. Словно приготовленное по диетическому рецепту. Прожевал и проглотил.

— Заносчивые Саран и остальные целители лечат людей от хвори, — сказал Вакаранга Карехи. — Но мы не нуждаемся в их озарениях, так как мы не боеем. Мы готовим и едим

пищу, озарённую Создателями. Поэтому линия Тела рода Карехи всегда толстая, как шея быка, и яркая, как огонь в кухонной печи.

Интерфейс Внутреннего Взора всё ещё окутывал мою руку. Присмотревшись, заметил, как Линия Тела, которая раньше была едва заметной, стала толще и ярче. Рядом с нею появился иероглиф «Угасание».

— Если Те-Танга и Карехи начнут дружбу, я буду продавать вам озарённое мясо по своей цене, — сказал Вакаранга. — Принимая нашу пищу, Те-Танга станут сильнее. Вы не подвергнетесь ни болезням, ни заносчивому и дорогому лечению сословия Возвращающих Здоровье.

Милость мясного барона явно требовала оплаты. Но какой? Какую услугу я мог оказать могущественному главе рода? У меня нет ни озарений, ни богатства, ни связей.

Я спешно поблагодарил Вакарангу Карехи. На этот раз старался не слишком льстить.

— Сядь ко мне, Самиран, — просипел Вакаранга Карехи. — Нужно поговорить.

Я приблизился к подиуму и сел на пол, глядя на главу рода снизу вверх. От его голого тела сильно пахло благовониями, смешанными с запахом варёного мяса.

— Твой отец и я разговаривали о будущем, — негромко начал Карехи. — О будущем наших детей. Я вижу, что ты и Виви подружились?

— Немного.

— Наверняка ты слышал о моих затруднениях на Всеобщем Пути?

Я неопределённо кивнул.

— Именно под моим правлением слава рода Карехи превзошла другие рода. Именно я сделал Карехи одним из самых влиятельных родов летающей тверди.

Я покорно закивал, выражая уважение:

— Если величие вашего рода — ваше затруднение, то хотел бы я, чтобы Двенадцати Тысяч Создателей даровали такое затруднение и мне.

Вакаранга Карехи недовольно засопел. Видимо, моя тонкая лесть оказалась слишком сложной для него. Заметка на будущее: не мудрить.

Вакаранга Карехи продолжил:

— Да, могучий род. Славный. Но, к сожалению, Создатели обделили гранями моего старшего сына. Карапу, как бы помягче выразиться, — дурак. А младший сын ещё слишком мал. Не известно, донесёт ли он свои грани до того дня, когда сможет превратить их в озарения. Поэтому у меня осталась одна надежда — Виви. Но девка забила себе Внутренний Взор всяким вздором. Она хочет играть со светом, вместо того, чтобы возглавить род Карехи.

Я неопределённо качнул головой, как бы осуждая ветреную свинарку. И с ужасом вспомнил, что недавно уговорил её преследовать мечту: играть со светом, а не идти по стопам родителей.

— Но ведь она бездарная, — пожаловался Вакаранга. — Ты бы видел, какие беспомощные игры света она создаёт. На них нельзя смотреть без смеха.

Я снова неопределённо качнул головой. Для меня призрачный танец, который показал Виви, был настоящим волшебством.

— Я знаю, — продолжил Вакаранга Карехи, почёсывая волосы на груди, — что ты младше неё. Ты даже не начал учиться в Доме Опыта. Но твои грани тверды, не так ли?

— Очень, уважаемый господин.

— Твой отец, сказал, что ты скоро должен выбрать себе род и наследованное озарение.

— М-м-м, вероятно, да...

— Если ты примешь род Те-Танга, то обещаю, что Виви Карехи станет твоей женой. Этот союз сразу возвысит Те-Танга. Вы станете сильнее, чем чванливые Саран. Я же обещаю, что Карехи...

Шум и крики донеслись со стороны входа в зал. Гости повскакивали с мест и вытянули шеи, взволнованно вглядываясь в неизвестное.

Я обрадовался, что разговор прервался. Ибо не представлял, как ответить мясному барону на предложение о женитьбе на его дочери?

Вакаранга Карехи вдруг отпрянул от меня, едва не скатившись со своего лежака. Глядя за мою спину истошно завопил:

— Стража! Ко мне!

Одновременно с этим воплем закричали и гости. Я вскочил на ноги.

Один из гостей, молодой мужчина в голубом халате, сидевший в первом кольце, вытащил из-за пазухи стеклянный кинжал, такой же, каким мне вчера угрожала мама Самирана.

— Предатели среди нас! — завопил Вакаранга Карехи.

Мужчина в голубом халате махнул кинжалом, задев им другого гостя, немолодую сухощавую женщину в серебряной тунике. Даже лёгкого прикосновения лезвия оказалось достаточно, чтобы убить человека — женщина сложилась напополам, как подрубленная травинка, во все стороны брызнули струи крови и разлетелись серебряные пайетки, украшавшие тунику.

Мужчина в голубом ринулся на Вакарангу Карехи — я едва успел убраться с его пути.

— Грязному мяснику — кровавая смерть, — воскликнул нападавший и занёс над Вакарангой кинжал.

9. Призрачные звери и служанка Служанка

9. Призрачные звери и служанка Служанка

С необычайным для своей тучности проворством Вакаранга Карехи отпрыгнул с лежака назад. Метров на семь. Прыжок получился стремительным и противоестественным, словно мужика унесло на предельно растянutoй резинке.

Кинжал нападающего разрезал устилавшие лежак шкуры, но не остановил своего движения: разбрасывая искры и капли расплавленного железа, лезвие рассекло железный остов лежака и вонзилось в каменный пол, где и застряло. Нападавший схватился за рукоятку двумя руками, старясь вытянуть его из пола.

Тем временем Вакаранга Карехи встал на ноги. Тряся бородой и жирными грудями, вытянул руки перед собой и согнул пальцы, как кунг-фуист. Из ладоней выросла овальная стена света, а из неё вдруг выскочила прозрачная фигура рогатого животного. Кажется — буйвол.

Это очень походило на «Игру Света», с той разницей, что огромный призрачный буйвол вполне отчётливо загрохотал копытами по полу, разбрасывая кувшины и коробочки с едой.

Наклонив рогатую голову, буйвол сделал несколько прыжков и врезался в мужчину в голубом, который безуспешно пытался вытащить свой кинжал из пола. Мужчину смяло и отбросило далеко в зал. Его переломанная шея и руки болтались, как тряпичные.

Я-то наивно думал, что перемещение в летающий город — это страшно. Но страшнее — оказаться в центре кровавой разборки жителей этого города. Разборки, в которой применялась смертельная магия.

Призрачный буйвол развернулся и направил рога на меня. Я настолько испугался и растерялся, что остался на месте. Прозрачные копыта застучали по полу, острия рогов почти коснулись меня, когда между нами встряла Виви Карехи.

Призрачный буйвол моментально, продолжая нестись на меня, растворился в воздухе. Виви Карехи схватила мою руку:

— Бежим!

Сделав несколько шагов, мы оба замерли, ошеломлённые происходящим.

Гости бегали туда-сюда и кричали. Некоторые падали, сражённые непонятно силой. Их халаты и шубы окрашивались кровью. У тех, кто одет легко, лезли внутренности из вспоротых животов. Меня тут же стошнило, ведь такое я видел только в кино про зомби.

Некоторые гости пытались взлететь, расправив призрачные крылья, но тут же падали: одних сбивали стрелы, других — огромные птицы, созданные тем же способом, что и буйвол, которого выпустил Вакаранга Карехи.

Всё это сопровождалось криками, стонами и воем. Сквозь них прорывались приказы военных: «Держать строй!» или «Сбивай окрылённых!» или что-то вроде: «Нужно больше кристаллов!»

Время от времени крики перекрывал грохот взрывов, от которых тряслись стены и умирающие гости подрагивали в лужах собственной крови. Взрывы сменялись треском электричества, и тогда по высоким потолкам, украшенным узорами, прокатывались синие всполохи.

Вакаранга Карехи продолжал сипло отдавать приказы: «Все ко мне! Позовите подкрепление! Где остальные стражи? Сбежали? Предатели!»

Довольно внушительный отряд стражников обступил его, защищая от враждебных сил.

Толпа гостей, мешавшая нам сбежать, быстро редела. Одних убили призрачные птицы, электричество или мощные порывы ветра. Другие, применив некие озарения, то ли пропали из вида, то ли быстро переместились.

— Бежим, — повторила Виви, утаскивая меня в просвет, открывшийся среди толпы.

Но перед нами выросли стражники дома Карехи. Меня схватили за руки и отшвырнули на несколько метров, прямо в кровавую кучу чьих-то вонючих внутренностей и пропитанных кровью одеял. Кто-то из гостей слабо шевелил обрубком руки: «Целителя, дайте мне целителя, о Создатели...»

Стражи обступили Виви Карехи кольцом и отошли назад, сомкнувшись со стражей вокруг её отца.

Остатки гостей жались к стенам. Кто-то стоял на коленях и, подняв руки вверх просил: «Во имя Создателей, не убивайте меня! Я тут случайно!»

Подняв голову, я увидел, к кому он обращал мольбу.

Под высоким потолком здания висела группа из двух десятков людей с прозрачными треугольными крыльями за спиной.

Все одеты в очень короткие и очень открытые чёрные туники. Все — чрезвычайно мускулистые, словно бодибилдеры. У всех на лицах чёрные маски с раскосыми глазами, светящимися синим светом. Все вооружены: кто копьями, кто металлическими и шипастыми дисками, кто какими-то неизвестными мне витыми палками, с крючками и шипами. По обильным пятнам крови на оружии ясно, что всё оно страшно смертоносное.

А ещё снизу заметно, что под туниками — нет нижнего белья. Сверкая выбритыми причиндалами, бодибилдеры, будто гордились своей незащищённостью. Казалось, они готовы сбросить свои крошечные туники и биться голышом. В сравнении с ними стражники дома Карехи, упакованные в пластиковую броню, казались более грозными воинами.

— Бейте их! — сипло приказал Вакаранга Карехи.

Из кольца стражников вылетело несколько копий, разрядов электричества и огненных комков. Бодибилдеры разлетелись в стороны, на их месте появились призрачные гигантские орлы, которые тут же помчались вниз. Почти всех их сразили копья и электричество.

Но одна птица долетела. Коснувшись стражников, беззвучно взорвалась синими треугольничками. Эти странные осколки застучали по пластиковой броне одних стражников и подкосили других.

— Целитель, где целитель? — пронеслось по отряду.

Один из воинов пробился к павшим и присел над ними. Ощупал тело одного пострадавшего, заживляя раны. Через минуту раненный, опираясь на копьё поднялся. Остальные остались лежать — волшебство им уже не поможет.

Перестав разглядывать всё это, я забарахтался в кровавых одеялах и пополз прочь.

Под моими коленями и ладонями хлюпала кровь. Иногда попадись отрубленные пальцы или куски мяса с кусочками украшений.

Но блевать мне уже нечем.

Кашляя и отхаркиваясь, я полз по мёртвым телам и грудам еды, выпавшей из коробочек. Некоторые люди стонали, когда я наступали на них. Другие пытались оттолкнуть меня.

Задел ногой обрубок руки мужчины, который раньше звал целителя. Он очнулся и позвал:

— О, Создатели Тверди, пощадите меня... Пить... Жить...

И снова забылся.

Я не знал, куда именно ползу. Решил добраться хотя бы до гостей: прижавшись к стенам, они испуганно бродили туда-сюда, словно искали выход из этого зала смерти.

Тем временем бодибилдеры в масках и чёрных туниках атаковали стражников Карехи. Им навстречу вылетели не только копья, но и некоторые стражники, обладавшие такими же крыльями, как Илиин.

Завязался воздушный бой. Острия копий стражников со скрипом ударяли в тела бодибилдеров, рвали им туники, оставляя на теле кровавые царапины. Царапины! Словно их тела из бронзы, а не плоти и крови! Видать, злодеи в масках носили некую невидимую защиту, поэтому были почти голыми, сверкая мышцами и прочими частями тела.

В ответ на стражников обрушилось оружие бодибилдеров. Особенно страшны оказались витые палки, похожие на короткие посохи добрых волшебников. От одного удара стражника отбрасывало в сторону или сбивало вниз. От падений у стражников отлетали шлемы или части пластиковой брони.

Несколько бодибилдеров держались чуть поодаль от основной группы. Сложив руки, как это делал Вакаранга Карехи, изредка выпускали призрачных орлов. Бесшумные птицы огибали кольцо стражников, прикрывавших Вакарангу и Виви Карехи, и атаковали. Большинство не долетали, так как стражники сбивали их копьями. Орлы рассыпались на треугольнички и исчезали. Но изредка одинокий орёл достигал цели и взрывался светящимися треугольничками, калеча и убивая стражников.

Я наконец дополз до стены и прижался к ней, как остальные гости. Встал рядом с мужчиной в простом белом халате, украшенном такими же белыми, почти незаметными узорами. Спокойно сложив руки на груди, он следил за битвой. Иногда переводил взгляд на входную арку, которая сейчас была затянута прозрачной стеклянной стеной. Что происходило за ней — не разобрать, толща стекла искажала детали.

Скользнув по мне взглядом, мужчина заметил:

— Что делает здесь сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран?

— Ч-что происходит? — мне не нужно было притворяться испуганным.

— Мечь, — пожал плечами мужчина. — Вакаранга знал, что его ждёт. Но всё же это странно. Никто не ожидал, что это случится так рано. Нужно отдать должное роду Кхарт, они не стали тянуть с ответным ударом, но использовать для мести этих людей... Грязное, очень грязное дело.

— Эти убийцы в масках, они из рода Кхарт?

— Это наёмники с Ветроломов. Кхарт слишком слабы и малочисленны, чтобы открыто напасть на Карехи.

— Но почему вы не убегаете? — спросил я. — Разве вы не боитесь?

— Все выходы закрыты. Наёмники опытные воины, скольких низких царей они уже убили вот так, закупорив в собственном дворце.

— А нас они не тронут?

Мужчина с сожалением посмотрел на меня:

— Мальчик, ты только что выполз из груды мёртвых тел. Сам как думаешь, тронут нас наёмники или нет?

— Но вы так спокойны.

— Мечущийся пред лицом опасности умирает много раз, — ответил мужчина. И чуть менее пафосно добавил: — Все, кто принял приглашение Карехи, немного их союзники.

Сейчас всё зависит от того, как скоро придёт подмога от союзных родов и...

Стеклянная перегородка в арке затрещала и звонко осыпалась. Толпа гостей метнулась в сторону выхода.

— Подмога? — радостно вскричал я.

— Да, — мрачно ответил мужчина. — Но не для Карехи.

Давя голыми ступнями стеклянные осколки, в зал ввалилась новая группа качков в масках. На этот раз человек пятьдесят, не меньше.

Выжившие гости бросились врассыпную. Даже мой новый знакомый, сохраняя на лице достоинство, резво побежал, оттеснив меня плечом.

От его толчка я упал на каменный пол. Попробовал встать, но надо мной уже стояло двое наёмников. Они тяжело дышали под масками, а светящиеся синие глаза страшно глядели на меня.

Один наёмник ловко крутанул короткое копьё и приставил к моей шее. Остриё почти вошло в моё горло.

— Оставь его, — крикнул один злодей в маске другому, — это пацан Те-Танга и Саран.

— Но он сидел в первом кольце! — прошипел налётчик.

— Враг на нашем Пути — Вакаранга Карехи, а не Саран и Те-Танга. Оставь его, — сказал!

Другим ловким движением злодей перевернул копьё и ударил меня в лоб древком. Рассчитывал, вырубить меня, но, кажется, сдержал силы, чтобы не проломить череп. Я был оглушён, но сознания не потерял.

Лёжа на полу, старался не завывать от боли. Из-под прикрытых век видел как новые силы наёмников, за одну атаку, смяли всех защитников Вакаранги Карехи. Воздушные воины зависли над головами оставшихся стражников и начали колотить их копьями и кидать какие-то стеклянные сосульки, пробивающие шлем стражника вместе с черепом.

Пять или шесть стражников бросили оружие и встали на колени:

— Пощады! Мы сдаёмся!

— Предатели! — сипло прорычал Вакаранга Карехи из-за их спин.

И выпустил ещё одного призрачного буйвола, который снёс не только предателей, но и нескольких наёмников, не успевших увернуться. Буйвол промчался десять метров и взорвался. Прозрачные треугольнички разлетелись по всему залу. Тела гостей, находившиеся близко к эпицентру взрыва, отнесло, одновременно рассекая на куски. Часть треугольничков задела летающих наёмников. Их ноги покрыли кровавые царапины. А двое, выронив витые палки, упали, как подбитые картечью утки.

Треугольнички долетели даже до стены, у которой я валялся, притворяясь потерявшим сознание. Судя по вскрикам и всхлипыванием, осколки заделали некоторых гостей.

С защитниками мясного барона было покончено — их всех закололи копьями наёмники или заклевали призрачные орлы. Среди груды тел стражников возвышалось брюхо Вакаранги Карехи.

Летающие наёмники, быстро похватали своих раненых и убитых и вылетели через одну из многочисленных арок. А те стражи, которые сдались, поспешно подхватили брошенное оружие и убежали.

Я только сейчас понял, что нападение и мясорубка продлились менее пяти минут.

Приподнявшись на руке я увидел Виви Карехи. Одежда и лицо девушки были коричневыми от крови. Упав рядом с телом отца, она рыдала. Слезы прочертили белые

дорожки на покрытом кровью лице.

Большая часть гостей панически побежала в открытые арки. Но некоторые остались. Кто-то попробовал применить к Вакаранге Карехи целебное озарение, но тут же оставил попытку — как только прикоснулся к тучному телу, голова отделилась от шеи и с гулким стуком свалилась с постамента и вспыхнула странным синим огнём. За пару секунд сгорела без следа. Наёмники надёжно сделали то, ради чего пришли, то есть — прилетели.

Когда голова отца откатилась и сгорела, Виви Карехи взвизгнула и упала на спину.

Я не знал, что делать. Бежать с остальными или остаться с Виви?

Один из гостей — немолодая женщина с головой, покрытой чёрным платком, подошла к постаменту, на котором недавно возлежал Вакаранга Карехи и сказала дрожащим голосом: — Все наследники, кроме Виви, мертвы...

— Да и Путь с вами, — злобно выкрикнул кто-то из гостей. — Моя семья стала союзником того, кто не может обеспечить даже свою безопасность! За его глупость я едва не расплатился жизнью!

— Тогда почему ты всё ещё здесь? — спокойно спросила женщина. — Не потому ли, что теперь я глава рода Карехи? Пока девочка не завершит обучение в Доме...

— Теперя здесь я глава! — прервал её громкий голос. — Я — старший Карехи.

В залу вошёл Карапу Карехи. Постукивая по голени своей любимой палкой, окрашенной соком растений, прошёл среди трупов.

Взглянул на обезглавленное тело отца.

— А голова где?

— Сожжена, — ответила женщина.

— Ну, теперя его точно не вернуть? — спросил Карапу.

— Без головы-то как... — обескуражено сказала женщина в чёрном платке. — Осталась бы голова целой, целитель мог бы попытаться.

— Хорошо, — взмахнул Карапу палкой. — То есть плохо, что отец мёртв. Хорошо, что прояснили.

Скользнул взглядом по сестре. Убедившись, что Виви жива, прошёл дальше. Поднявшись на постамент, столкнул с него женщину в чёрном платке:

— Уходи, тётя. Я тута буду сидеть.

— О, Создатели Тверди, — ужаснулась она. — Ты-то куда лезешь, дурачина?

Карапу Карехи замахнулся палкой:

— Чё?

Женщина склонила голову и сошла с постамента.

— Это недопустимо! — крикнул тот же недовольный ранее голос. — Моя семья не будет в союзе с этим болваном! Да у него даже озарений нет.

— Зато есть наследство отца, — ответил Карапу. — Много сотен тысяч золотых граней.

— Миллионы вообще-то, — поправила женщина.

— И миллионы ещё, — согласился Карапу.

— И что? — насмешливо спросил кто-то из гостей. — Ты будешь кидать во врагов золото?

— Иногда золотые грани ранят сильнее, чем грани Двенадцати Тысяч Создателей, — ответил Карапу.

По наморщенному лбу было заметно, каких усилий ему стоило сказать умную фразу.

— Золото — оружие низких, — возразила тётя.

— Главное — оружие.

— Каков твой первый шаг, Карапу? — спросил мужчина в белом халате, с которым я беседовал у стены. — Ты ведь догадываешься, кто нанял головорезов?

Тупо моргая, Карапу Карехи уставился на него.

— Ведь догадываешься, да? — упавшим голосом повторил мужчина в белом.

Карапу Карехи задумчиво почесал затылок палкой:

— Это самое... Пока что у меня нет никаких шагов. Пока что посчитаем потери. Вы считайте, а я подожду.

В зал дворца влетел отряд небесных стражников. Настоящие менты — прибыли когда всё уже закончилось.

С ними вбежало много других людей. Одних окружали стражники в разных доспехах, с железными бляхами, которые обозначали принадлежность к родовым войскам. С ними прибыло несколько целителей. Распределившись по залитому кровью залу, начали оказывать помощь раненым.

Притихший зал заполнили стоны и бормотание. Иногда целитель отходил от раненного, сообщая:

— Нужен кристалл яркого озарения.

Или:

— Ничем не помочь, его Путь окончен.

Я отметил, что многие «раненные» оказались вполне живыми, просто вовремя притворились мёртвыми. Их отводили к стене зала и усаживали на скамейки или пуфики. Тут же набежали замотанные в тряпки служанки, предлагая питьё и еду.

Я же стоял в одиночестве и дрожал от холода. Пропитанная чужой кровью одежда облепила тело. Шок от случившегося не прошёл, я был в состоянии полного безразличия, но при этом отмечал каждую деталь, каждый звук, каждый жест окружающих.

Моего знакомого в белом халате окружили воины с бляхой, на которой блестели грани куба и размещался иероглиф «Хатт». Где-то я уже слышал эту фамилию... А, точно, стражник в арестантском автобусе объявлял остановку под названием «Домовладение рода Хатт».

Поймав мой растерянный взгляд, мужчина в белом халате велел стражникам подвести меня поближе.

— Меня зовут Рабб Хатт, один из старших рода Хатт, — сказал он. — От имени рода Карехи и союзных родов прошу прощения за случившееся.

Я отрешённо посмотрел на его чистый белый халат, не заляпанный и капелькой крови.

— Мы готовы восполнить твои душевные переживания разумным вознаграждением, продолжил Рабб Хатт. — Передай своему отцу, что...

— Эй-эй, — заорал Карехи со своего подиума. — Я ничего ему не обещаю. Это провинившейся из Прямого Пути. Ему ещё в свинарнике отработать срок.

Рабб Хатт повернулся к Карапу:

— Твоя воля — твой Путь. Но как один из советников твоего отца, я рекомендую облегчить участь юноши. Это меньшее, что ты можешь сделать для того, чтобы не настроить против себя ещё и род Те-Танга.

Карапу досадливо махнул палкой, мол, ладно, сами решайте.

— Я улажу все дела в Прямом Пути, — обратился ко мне Рабб Хатт. — Считай свой срок оконченным. Род Карехи берёт на себя плату за твоё преступление. А ты иди домой.

Я покорно повернулся и зашагал по чавкающей крови. Потом остановился:

— А Виви?

— Она жива, её оберегают лекари. — Рабб Хатт понизил голос до шёпота: — Передай отцу, что договорённости, которые он заключил с внезапно окончившим Путь Вакарангой Карехи остаются в силе. До тех пор, пока новый глава их не отменит.

Я снова пошлёпал по крови. Поняв моё состояние, Рабб Хатт сказал одному из стражников:

— Возьми мой воздушный экипаж и отвези парня домой. А у меня ещё тут дела. Нужно подумать, как нам дальше жить, коли главой рода стал этот... непутёвый Карапу Карехи.

Экипаж Рабб Хатта меньше автобуса, но чрезвычайно комфортабельный.

Кресел или диванов нет, сидеть нужно на полу, опираясь на мягкие валики, разложенные вдоль бортов. Пол устлан белыми шкурами неизвестного животного. Я очень переживал, что моя одежда оставила на белоснежной шкуре кровавые отпечатки.

Летел экипаж мягко, ничего не дребезжало, как в автобусе. Стражник правил аккуратно: ни разу не провалились в воздушную яму, как это бывало в арестантском автобусе.

При этом летел заметно быстрее. Облокотившись на пуфик, я смотрел в овальные окна, расположенные на уровне головы. Верхушки деревьев, скал и верхние этажи зданий мелькали с огромной скоростью, будто я мчался на вагончике «американских горок».

Минут через десять мы опустились на знакомой мне дороге Шестого Кольца.

— У жилища Те-Танга и Саран есть площадка для приземления, — напомнил я.

— Нет времени, — буркнул стражник. — Выходи здесь.

— Спасибо, что подбросили, — ответил я и вышел на пустую дорогу.

Я поднялся по кривым и скользким ступенькам к арке, ведущей в жилище Те-Танга и Саран. Замотанная в паранджу служанка уже ждала меня.

— Молодой хозяин ранить? — встревоженно спросила она. — Служанка бежать-звать старшую хозяйку?

— Нет-нет, отведи меня в комнату с водой. И принеси новую одежду.

Поклонившись, служанка пошла по комнатам, я — за ней.

— Кстати, спросил я, — а как тебя зовут, я забыл...

— Молодой хозяин шутить? Служанка — смеяться.

При этом в голосе нет и намёка на веселье.

— Как мне тебя звать? — перефразировал я.

— Ха-ха, Служанка смеяться сильно.

— Я рад, что развеселил тебя. Но все же, как мне позвать тебя, когда мне что-то понадобится?

— Служанка.

— Да, служанка. Как тебя звать?

— Моя звать Служанка.

— В смысле? Разве это имя?

— Низких служанок и слуг зовут Служанка и Слуга. Молодой хозяин шутить, смеяться, смех, да, очень.

Произнесла она это таким замогильным голосом, что мне стало неудобно. Мне пришло в голову, что Служанка могла стать служанкой вовсе не по своей воле.

Я ничего не знал об этом мире! Как я собрался жить в нём чужой жизнью?

10. Тайник и пленительные образы

10. Тайник и пленительные образы

Мы дошли до ванной комнаты. Бассейн наполовину заполнен водой. Потрогал — холодная, как в проруби. Эх, придётся закаливаться...

Служанка подошла к большому сундуку и загремела железной крышкой, отодвигая в сторону. Крышки сундуков в Дивии держались не на петлях, а на одинарных кольшках, сдвигаясь в сторону, как люки.

Перегнувшись через край сундука, Служанка вынула охапку поленьев и бросила перед бассейном. Потом присела на корточки и отодвинула круглый люк в полу. Оттуда пахло баней и костром.

Побросав дрова в люк, Служанка на минуту вышла, вернулась с горячей палочкой в руках. Снова присела над люком и бросила туда палочку, разжигая огонь.

— Скоро быть тепло вода, — сказала она. — Молодой хозяин ждать.

Ждать пришлось долго.

Служанка несколько раз подбрасывала дрова. Принесла мне новую одежду. Сообщила, что «еда лежать в комнате». А вода только перестал быть ледяной.

Я изнывал от ожидания, когда раздался Внутренний Голос:

«Утолщение Линии Тела, полученное от озарённого мяса, почти затухло».

— Мать твою! Почему ты молчал во время резни в доме Карехи?

«Внутренний Голос равен моральному праву, — сообщил он. — У тебя было самое низкое моральное право среди всех в доме Карехи. Я не мог помочь тебе вспоминать».

Я не в настроении общаться с бессмысленным Внутренним Голосом. И тем более не хотел разбираться в его странных заявлениях.

— А ты можешь умолкнуть?

«Могу. Когда мне снова начать помогать тебе вспоминать?»

— Пока я тебя не позову.

Голос не ответил.

Я потрогал воду — едва тёплая.

Я отодрал прилипшую к телу тунику и бросился в бассейн. Несколько раз нырнул с головой, вода мгновенно стала мутной от крови. Не знаю, имелись ли у дивианцев шампуни и мочалки. Служанки рядом не было. Поэтому просто тёр тело пальцами, стараясь отмыть каждый квадратный сантиметр кожи.

Воспоминания о том, как я барахтался в густой крови и пахнущих дерьмом внутренностях, похожих на кровавую колбасу, вспыхивали в голове, вызывая тошноту.

Тогда я снова нырял и лежал на дне бассейна, словно прячась от кошмаров.

Утром этого дня, когда я стоял на площадке для экипажей, меня распирала уверенность. Я самонадеянно решил, что моя новая жизнь в чужом теле будет разыграна лучше, чем старая в своём теле. Я отчего-то решил, что мой жизненный опыт даст мне преимущества.

Но даже мои знания по истории оказались бессмысленными в этом обществе.

Вообще, откуда мы знаем историю? По рассказам и легендам? Но кто, например, стал бы описывать жизнь рабыни, у которой даже нет имени? Вероятно, слуг и служанок заворачивают в тряпки с ног до головы именно для того, чтобы лишить их образа. Как ранее лишили имени.

Поэтому мы знаем историю только тех, кто приказал сочинить её о себе. Мы читаем о великих правителях прошлого, которые были обыкновенными бандитами и мясными баронами. А великие войны могущественных родов — мафиозными разборками по переделу мясного рынка летающего города.

Мы никогда не узнаем о том, о чём умолчали древние источники информации. Как, например, они умолчали о Дивии. Иначе как объяснить, что о летающей тверди нет упоминаний в серьёзных источниках? Если вообще древних летописцев можно назвать «серьёзными источниками».

Да, в легендах многих народов фигурируют некие земли на небесах. Там жили боги, которые взаимодействовали с жителями нижнего мира. Индийский эпос вообще заполнен небесными замками и летающими колесницами. Я даже вспомнил название — «вимана», воздушный дворец.

Всю свою историю человечество глядело на облака, поражалось их величавым формам и представляло в них некий высший мир.

Но кто же знал, что эти фантазии — правда?

Что летающие колесницы дивианских воинов и в самом деле нападали на нижние царства? Что...

Я снова нырнул. Мои мысли пошли не в ту сторону. Не надо сравнивать мою старую жизнь и эту. Особенно сейчас, когда я ничего не знаю.

Что за озарённое мясо вообще? Что...

Я вынырнул. Опять думаю не о том! Думать надо о том, как встроиться в этот мир? Как не проиграть новую жизнь? Озарённое мясо, быть может, и часть этой жизни, но не ключевая.

Я снова нырнул. Тут же вынырнул и вылез из бассейна. Сделал это нехотя — вода только разогрелась.

Опять не нашёл, чем вытираться. Немного обсох и натянул чистую тунику на влажное тело.

Попробовал повязать на ноги высокую шнуровку сандалий, да бросил — даже таким мелочам нужно учиться! Мне нужно начать с того, с чего начинают дети Дивии — как одеваться, как использовать столовые приборы и каким богам молиться.

Нужна помощь мамы Самирана. Единственного человека, перед которым мне не надо притворяться.

В той комнате, где вчера обедал с родителями, стоял низенький столик с двумя коробочками еды и кувшином.

— Новой еды нет, — поклонилась Служанка. — Еда, который вчера. Ждать покупки.

— Кстати, а где Мадхури... моя мама?

— Старшая хозяйка ходить на город. Лечить-лечить большой человек, который болеть.

От взгляда на коробочки с пищей меня затошнило. Снова вспомнил, как такие коробочки плавали в лужах крови среди отрубленных рук и пальцев.

Я схватил кувшин с водой и сказал:

— Я что-то не голоден. Пойду в свою комнату.

Комнату нашёл быстро, я уже начинал ориентироваться в хаотичной планировке комнат жилища, в котором не было ни одного прямого угла.

Первым делом выглянул в овальное окно, для чего пришлось отодвинуть закрывающие его гирлянды цветов. Увидел кусок дороги Шестого Кольца. И часть здания с иероглифами

«Храм Движения Луны».

Пару раз со свистом пролетели воздушные экипажи. По дороге торопливо прошли четверо слуг. Так же замотаны в тряпки, как и моя Служанка, но другого цвета.

Над всем этим тихим, как бы застывшим пейзажем неправдоподобно сильно и быстро клубились облака, выдавая движение летающей тверди.

Блин, я даже не помню, на какой высоте начинаются облака? А ведь моя девушка упоминала это несколько раз.

Задвинув гирлянды на место, я осмотрел комнату.

Только сейчас отметил, насколько здесь высокий потолок. Метров шесть, не меньше. И он не горизонтальный, а заметной горочкой спускался к стене, в которой проделаны три овальных окна. На том месте, где потолок переходил в стену, начиналось сильное закругление, выполненное не из серого камня, как все стены, а из прозрачного. Поэтому дневной свет щедро заливал просторную комнату. Но не резал глаза, а рассеивался толщей прозрачного камня.

Сколько я не напрягал память, не мог подобрать исторических аналогов для архитектуры Дивии. Было в ней что-то от ацтеков и майя, но не столь топорно и прямолинейно. Имелись намёки на храмовую монументальность архитектуры древней Индии, но без её чёткого планирования и вырвиглазной раскраски.

Общественные здания, типа Храма Двенадцати Тысяч Создателей и Прямого Пути отдалённо напоминали исламскую архитектуру, но очень и очень отдалённо. При желании можно найти даже сходство с древней русской архитектурой, которую нам создали византийцы и итальянцы.

Но я догадывался, что никакого сходства нет. Моё сознание пыталось найти привычные образы в том, чего не видел ни один человек моего времени.

Поэтому если и сравнивать Дивию с чем-то мне знакомым, то с выдуманными городами из «Игры престолов» или «Скайрима». Но даже эти сравнения будут заблуждением и попыткой объяснить необъяснимое.

— Ладно, — сказал я вслух. — Хрен с архитектурой. Надо выяснить, чем жил Самиран до того, как в него вселился человек из двадцать первого века.

Беглый обход комнаты вывел меня на арку, закрытую широкими листьями дерева, чей ствол рос прямо по окружности арки. За листьями оказался небольшой закуток, с такой же дыркой в полу, как в ванной комнате. Только гирлянда цветов, вокруг дыры была пожухшей. Аромат ладана ещё держался, но сквозь него пробивался запах деревенского туалета.

Потом я осмотрел сундуки, корзины и коробки. Половина из них оказались пустыми. Один сундук заполнен грязными туниками и постельным бельём. В остальных хранились аккуратно сложенные новенькие разноцветные туники, халаты и просто куски ткани, расшитой узорами.

Вся одежда выполнена искусно, без швов. Как части одежды соединялись друг с другом — загадка. Клей? Волшебство? Волшебный клей?

Две корзины были доверху наполнены бусами, и железными бляхами с иероглифами. Все означали какой-нибудь возвышенный смысл, типа «Отблеск Последнего Луча Солнца» или «Трепещущий На Ветру Лист Древа Озарений».

Некоторая одежда тоже украшена иероглифами, вплетёнными в узоры. Мне попала туника с повторяющимся иероглифом «Защита От Недоброго Взгляда» и трусы «Поколение Топких Болот».

Эти надписи могли носить магическую силу. А могли быть такими же бессмысленными, как надписи на наших футболках и кепках.

В одной корзине обнаружил стопку каменных плит. На всех шла по краям рамочка, но остальная поверхность — чистая, без иероглифов. Корзина напоминала упаковку строительного материала, который поставили подальше и закрыли сундуками.

Отодвинул её на несколько сантиметров и едва не бросил это занятие, но вовремя заподозрил: корзина для того и тяжёлая, чтобы никто не захотел её двигать.

Напрягшись, наконец сдвинул её в сторону. Открылся закруглённый угол комнаты, полный песка и сухих листьев. Я уверенно разгрёб кучу мусора и обнаружил две шкатулки. Одна железная, вторая деревянная.

— Так, так, Самаиран, — сказал я. — Вот и шкатулки с твоей грязной тайной.

Хотелось верить, что в них будет если и не отгадка тайны, зачем Самаиран устроил грязное колдовство в храме, но хотя бы намёк на отгадку.

Сначала открыл деревянную — на дне лежал браслет, как пишут следователи, «из жёлтого металла, похожего на золото». Каждый сегмент браслета выполнен в виде иероглифа, в который вплетено растение, животное или символ. «Любовь», «Красота», «Здоровье», «Птица», «Буйвол» и прочее. Среди переплетений сверкали драгоценные, скорее всего, камни, все выполнены в форме грани. Каждая деталь ювелирного изделия выточена с такой точностью, которую не встретить в древних драгоценностях, дошедших до нашего времени. Идеально ровные кромки, выверенная симметрия, небывалая детализация — в сравнении с ними даже современная ювелирка выглядела детской поделкой из пластилина.

Налюбовавшись, положил браслет обратно. Взяться за железную коробочку.

Её крышка не поддавалась. Я ободрал пальцы, пытаясь открыть её, пока не обнаружил зазор, на который с силой нажал. Крышка щёлкнула и ослабла. Открыл.

Внутри лежал кусок жёлтой ткани. Только я поднёс к ней пальцы, как вокруг руки появилась дымка Внутреннего Взора.

Убрав ткань увидел два шарика из тёмного стекла, похожего на грани. Присмотревшись, убедился, что это и были грани, только они не дрожали хаотичной кучкой, как те, которые я подобрал в храме Двенадцати Тысяч Создателей, а переплетались между собой в неподвижную кристаллическую структуру сферической формы.

Перевернув коробочку, вытряхнул шарики на ладонь.

Внутренний Взор нарисовал возле шариков столбцы иероглифов.

Первый шарик:

КРИСТАЛЛ СВЕТЛОГО ОЗАРЕНИЯ «ИГРА СВЕТА».

ЗАКЛЮЧАЕТ В СЕБЕ ПЛЕНИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ ШААТИ, ЛИИНЫ И РААНЫ.

ТВОРЕЦ КРИСТАЛЛА: МАИМБАР АДАС ИЗ ЛАВКИ «РАДУГА НАД ЛЕТАЮЩЕЙ ТВЕРДЬЮ».

ДО ЗАГУХАНИЯ ОЗАРЕНИЯ, ЗАКЛЮЧЁННОГО В ЭТОТ КРИСТАЛЛ ОСТАЛОСЬ ТРИ ИГРЫ.

Второй:

КРИСТАЛЛ ЯРКОГО ОЗАРЕНИЯ «ИГРА СВЕТА».

ЗАКЛЮЧАЕТ В СЕБЕ ПЛЕНИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ РААНЫ И МОГУЧЕГО ВОИ
ЗАВОЕВАВШЕГО ЕЁ В БИТВЕ ПРОТИВ ПОРТОВОГО ЦАРЯ.

ТВОРЕЦ КРИСТАЛЛА: МАИМБАР АДАС ИЗ ЛАВКИ «РАДУГА НАД ЛЕТАЮЮ
ТВЕРДЬЮ».

ДО ЗАТУХАНИЯ ОЗАРЕНИЯ, ЗАКЛЮЧЁННОГО В ЭТОТ КРИСТАЛЛ ОСТАЛ
ОДНА ИГРА.

— Ладно, — признался я, — без Внутреннего Голоса тут не разобраться. Голос?

«Что ты хочешь вспомнить?»

— Что это за кристаллы?

«Различные кристаллы озарений Игра Света».

— А ты можешь перестать озвучивать очевидное?

«Что ты хочешь вспомнить?»

— Как использовать эти кристаллы?

«Выбери один кристалл и соедини его с Внутренним Взором».

Я переложил кристалл яркого озарения обратно в коробочку. Над моей ладонью остался кристалл светлого озарения.

— И как его соединять?

«Кристаллы этого вида наводятся на Линию Духа».

— Что такое Линия Духа?

«Линия Духа — это следы твоего духа на Всеобщем Пути».

— Линии — это те, которые на ладони?

«Да».

Я посмотрел на тонюсенькую, едва заметную синюю ниточку, которая тянулась из яркого жёлтого круга в центре ладони к среднему пальцу. Потом перевёл взгляд на порхающий над ладонью кристалл. Представил, как они соединяются.

Кристалл озарения дёрнулся. От него отвалилась половина граней, которые перетекли и растворились в синей Линии Духа. Оставшиеся грани кристалла перестроились, повторяя форму шара, на этот раз более грубого, с большими просветами между гранями. Возле Линии Духа проступил иероглиф «Затухание».

— Рады видеть тебя, Самаиран, — произнёс мягкий женский голос.

Я так испугался, что попятился, споткнулся о разбросанные мною корзины и упал на спину.

В центре комнаты, стояли три красивые девушки. Блондинка, брюнетка и шатенка. Одеты в полупрозрачные туники разных цветов и фасонов, но у всех трёх — короткие, как юбки проституток.

У меня мелькнуло смутное подозрение...

— Вы... кто?

— Меня зовут Шаати, — воркующе сказала блондинка. — И я танцую, как птица в лучах Солнца.

— Приятно познакомиться, — пробормотал я.

— А я — Лиина, — произнесла брюнетка, погладив себя по бедру. — И я танцую, как лань, взбирающаяся на утёсы Дивии.

— Денис... То есть — Самаиран.

— Раана, — томно представилась шатенка, поведя бедром. — Я танцую так, как захочу.

Или, как захочешь ты.

— Очень приятно. Голос, кто они такие?

«Образы, заключённые в кристалл озарения игры света».

Но девушки казались реальными! Не прозрачными, как в игре света Виви Карехи. И вели себя, как живые, а не нарисованные. Принимали расслабленные позы, отставив ножку, или подмигивали и улыбались, соблазнительно поводя плечами.

Встав с пола, подошёл к танцовщицам вплотную. Попробовал прикоснуться к Раане, но рука прошла сквозь неё.

Бесплотные красавицы улыбались и следили за мной взглядами.

— Для чего вы нужны?

Видимо, мой вопрос был непонятен, поэтому девушки только улыбались.

— Что вы можете делать? — поменял я вопрос.

— Можем танцевать, как тебе нравится, — подмигнула Шаата и повела бёдрами.

— Можем наряжаться, как тебе нравится, — сказала Лиина.

Её короткая розовая туника резко сменилась длинным халатом, с глубокими вырезами на груди и бёдрах, как у мамы Самирана.

— И можем раздеваться, как тебе нравится, — завершила Раана и сбросила с плеча лямку туники, обнажая грудь до половины.

— Э-э-э, ну тогда танцуйте, — сказал я. И добавил: — С раздеванием.

Все три девушки тут же задвигались, обступив меня. Плавно вращали бёдрами, выгибали стан и, повернувшись ко мне спинами, одновременно оборачивались и призывно гладили себя по нижней части тела.

Шаата размотала верхнюю часть туники и отбросила в сторону. не долетев до пола, кусок полупрозрачной ткани исчез. Лиина размотала нижнюю часть туники, оставшись в чём-то вроде широкого пояса. Раана тоже начала выскальзывать из своей одежды.

Смотреть на неторопливые и однообразные танцы надоело. Да, красиво и необычно. Но это всего лишь танцы бесплотных призраков. Я не стремился увидеть призрачный стриптиз до конца. Но должен же я изучить этот мир? Кристалл озарения «Игра Света» — часть мира. Поэтому надо продолжать исследование.

Я вышел из круга танцовщиц. Девушки тут же поменяли танец и снова обступили меня. Тогда я отошёл к стене и сел на сундук с плитами. Девушки снова поменяли своё положение в комнате, рассредоточившись так, чтобы быть всё время в поле моего зрения.

К этому моменту танцовщицы почти разделись, только на бёдрах у всех троих остались узенькие и непрозрачные юбочки. А движения их танца ускорились, стали резче и как-то откровеннее. Хотя стиль всё равно был далёк от развратных танцев моего времени.

Я проверил Внутренний Взор: иероглиф «Затухание» стал полупрозрачным. Скоро исчезнет. А с ним, понял я, закончится «Игра Света».

Неожиданное появление Служанки, которая прошла сквозь танцовщиц, напугало меня.

— Плохо-плохо, — покачала паранджой Служанка. — Молодой хозяин опять трогать себя. Служанка сказать старший хозяин.

— Ч-что?

— Старший хозяин запрещать молодой хозяин играть в свет. Позор и срам. Служанка сказать.

Я запаниковал, не зная как выключить танцовщиц, те продолжали извиваться и трогать себя под юбочками, не обращая внимания на стоящую среди них Служанку.

Вызвав Внутренний Взор, я представил, как связь между кристаллом и Линией Духа прервалась. Танцовщицы резко исчезли. Вместе с ними пропал иероглиф «Затухание».

— Старший хозяин звать молодой хозяин.

Служанка кивнула паранджой и вышла.

Прежде чем вернуть кристалл озарения в коробочку, заметил изменения в иероглифах. Раньше в столбце «До затухания озарения, заключённого в этот кристалл осталось...» значилось «три игры». Теперь — «две игры».

Ясно, что после каждого запуска стриптизёрш, количество граней кристалла уменьшалось, сокращая количество запусков.

Итак, три танцовщицы заключались в кристалле светлого озарения. Но второй кристалл «Игры Света» был помечен, как «яркий». Интересно, в чём их отличия? Надо будет позже посмотреть. После того, как потребую запилить дверь в мою комнату.

Я порадовался своей первой маленькой победе: научился управлять Внутренним Взором без подсказок и объяснений Внутреннего Голоса.

Ещё я раскрыл тайну Самирана. Правда не тайну грязного колдовства, а всего лишь тайник с порнушкой.

תל-«בזל

11. Враги рода Те-Танга и утомление души

11. Враги рода Те-Танга и утомление души

Я с опаской вошёл к комнату для приёма пищи. Что если отец Самирана окажется таким же пронизательным, как мама?

Похар Те-Танга способен на сложные интриги и договорённости, он отмазал меня от работы в коровнике, заодно и сосватал дочь мясного барона. Этот якобы «простой садовод» не так уж прост, каким прикидывался.

Похар Те-Танга сидел на лектусе, которого вчера в комнате не было. Я вспомнил, как несколько часов назад наёмники в ультра коротких туниках протыкали и рвали копьями тела гостей, лежавших на таких же лектусах во дворце Карехи. В животе заворочалась тошнота, но уже не так сильно, как раньше. Видать — привыкаю.

При звуке моих шагов Похар вскочил с лектуса и бросился ко мне. Схватив за плечи, потряхнул:

— Сынок, слава Создателям — ты невредим! Дошёл слух, что наёмники напали на Вакарангу Карехи?

— Слух? — поразился я. — Там была такая бойня, что о ней должен кричать весь город! Половину всех гостей просто поубивали!

— Садись и рассказывай, — приказал отец, падая на лектус.

Я догадался, что должен сесть не рядом, а на пол, напротив отца.

Я рассказал, что Вакаранга Карехи пообещал Виви в жёны, при условии, что приму род Те-Танга. Описал, как Карапу Карехи унаследовал титул мясного барона, буквально перешагнув обезглавленный труп отца. Поведал о том, что старший из рода Хатт пообещал сохранить договорённости о союзе родов Карехи и Те-Танга, а заодно пообещал избавить меня от трудовой повинности и оплатить долги.

— Рабб Хатт — мудрейший из людей, — кивнул Похар Те-Танга. — надеюсь, у Карапу Карехи хватит ума, чтобы слушать его советы. А у нас с тобой хватит ума принять его помощь.

— Отец, если вы всё понимаете, то не могли бы объяснить, почему род Кхарт нанял наёмников? И если всем известно, что за убийством Вакаранги Карехи стоят они, то почему небесные стражи ещё не арестовали их всех? Или они боятся трогать опасных наёмников, предпочитая хватать мальчишек вроде меня в храмах?

— Ха-ха, — улыбнулся Похар. — Ты с каждым днём становишься всё мудрее и мудрее.

— Расту над собой, — склонил я голову.

— Тут вот в чём суть, сынок. Если Карехи привлекут Кхарт в судилище Прямого Пути, то будут сравнены их обвинение и правда. Но тогда все узнают, что Карехи начали войну родов, уничтожив почти всех озарённых рода Кхарт.

— То есть рода предпочитают воевать друг с другом без участия Прямого Пути?

— Нет, не так. Если один род начнёт толкаться на Всеобщем Пути, смещая другой род на обочину, применив для этого силу, то обиженный род ответит такой же силой.

— Но разве не лучше послать врага в Прямой Путь?

— Лучше. Но это будет проявлением слабости. На силу нужно отвечать силой, а не сравнением правды. Рода воюют между собой с помощью убийства, интриги и подкупа, а не в Прямом Пути, как лавочники или мастеравые.

— Мне немного страшно, отец.

— Чего же?

— Нет ли у твоего рода таких же смертельных врагов? Не желает ли кто-то уничтожить Те-Танга?

— Ха-ха... — ответил отец, но при этом совсем невесело нахмурился. — Ещё недавно ты был глупым ребёнком, а теперь задаёшь взрослые вопросы.

Похар Те-Танга замолчал. Пришла Служанка и поставила между нами поднос с коробочками еды и два кувшинчика.

— Те-Танга не самый сильный, но и не слабый род, — начал папа Самаирана. — Наши старшие несколько раз занимали места в Совете Правителей, решая судьбу полёта Дивии. У нас были враги, которые, как и мы, боролись за место в Совете. На протяжении нескольких поколений Те-Танга и вражеский род противостояли друг другу. Однажды это противостояние привело к настоящей родовой войне, как у Карехи и Кхарт.

— Ваше противостояние дошло и до убийств? — спросил я.

— Борьба за власть всегда доходит до убийств.

Отец отпил из кувшинчика. Продолжил:

— Те-Танга и наши враги не имели столько денег, чтобы купить армию наёмников. Поэтому наши озарённые и наши воины бились с их озарёнными и их воинами. В большой родовой битве, случившейся в старом доме Те-Танга, который был в Третьем Кольце, полегло много наших и много врагов.

Снова замолчал, поглядывая на меня, словно раздумывал, нужно ли рассказывать?

— И... кто победил? — спросил я. — Надеюсь, наши?

— Когда сталкиваются два равных по силе и моральному праву рода, то есть только два исхода: или оба рода сходят на обочину Всеобщего Пути, обескровленные в войне... или идут вместе, заключив мир.

— Те-Танга заключили мир с врагами? А как назывался враждебный род?

— Разве ты не догадался?

— Саран? — воскликнул я. — Врагами Те-Танга был род Саран?

— Вообще-то, я думал, что твоя мама давно всё тебе рассказала.

— Ты же помнишь, каким я был раньше. Было плевать на все рода, лишь бы поиграть со светом...

— Ты научился смеяться над собой? Это признак мудрости.

Отец сделал ещё глоток из кувшинчика:

— Я знаю, о чем ты и твоя мать всё время шепчетесь, — сказал отец. — Например, сегодня утром.

— А мы шепчемся? — как можно невиннее спросил я.

— Мадхури Саран втягивает тебя в свою семью, в своё сословие. Хочет сделать из тебя очередного целителя.

У меня отлегло от сердца. Я уж подумал, что он услышал наши разговоры о переселении душ и о Дивии, закопанной глубоко в землю.

— Разве быть целителем плохо? — спросил я.

Отец воздел руки к потолку, явно готовый к этому вопросу:

— Будто городу нужен ещё один Возвращающий Здоровье! В Дивии уже плюнуть некуда, чтобы не попасть в очередного лекаря, напичканного одинаковыми озарениями. Да они скоро сами начнут калечить людей, лишь бы было кого лечить!

Я невольно улыбнулся. Весёлый папашка у Самирана.

— Смерть Вакаранги Карехи немного сбила нас с Пути, — продолжил отец, — Но если Рабб Хатт вразумит дурачка-наследника, то ты женишься на Виви ещё до окончания учёбы в Доме Опыта.

— Но для этого я должен стать Те-Танга? — уточнил я.

— Конечно, не Саран же, — усмехнулся отец. — Почти все рода, связанные с целительством недолюбливают производящих пищу. Да и вообще всех.

— Почему?

— Чванливость целителей проистекает из того, что их озарения нужны всем. Даже если ты и здоров, как буйволы Карехи, то ты можешь заболеть, подхватив заразу, принесённую низкими торговцами. Можешь сломать ногу, неудачно пролетев на «Крыльях Ветра». Можешь даже съесть протухшее озарённое мясо или выпить грязную воду, после чего получишь не усиление Линии Тела, а только понос и рвоту. Из-за этого, сынок, сословие Возвращающих Здоровье считает себя самым важным предназначением.

— Но это не так?

— Конечно же нет! — возмутился Похар Те-Танга. — Любые предназначения важны, иначе Двенадцать Тысяч Создателей не стали бы их творить.

Мне отчаянно не хватало информации по этому миру. Все эти чёртовы рода, сословия предназначения и отношения между ними. Но расспрашивать отца — вызвать подозрения. Пришлось сделать вид, что мне всё понятно.

— Если я приму род Те-Танга, то это оскорбит маму и род Саран, не так ли? — уточнил я.

— Ещё как оскорбит, — довольно ответил отец. — Саран рассчитывают, что твои целительские озарения усилят их род в сословии Возвращающих Здоровье. Но после твоей женитьбы на дочери рода Карехи, мы сможем оскорблять их хоть каждый день, они не посмеют ответить.

Расценив моё молчание, как согласие, Похар Те-Танга негромко сказал:

— Сам понимаешь, что нужно скрывать наш с тобой Путь от всех Саран?

— Конечно, отец, — торопливо подтвердил я.

Взмахом руки, отец показал, что мне можно идти:

— Если Рабб Хатт взял на себя оплату твоих долгов и провинностей, то уже через несколько дней ты отправишься в Дом Опыта. И ты уже знаешь, что там делать.

Я поднялся на ноги:

— Кстати, отец, если я начинаю быть мудрым, то не мог бы ты запилить мне... то есть сделать дверь в мою комнату? Надоело, что все входят без спросу. Ведь я уже не ребёнок.

— А ты обещаешь, что...

— Обещаю.

— Но Служанка сказала мне, что ты снова трогал себя?

— Это вышло случайно. По старой памяти.

Отец кивнул:

— Поверю тебе на этот раз. Пришлю человека из моего сада. Он вернёт жизнь листьям и веткам твоей комнаты.

Я абсолютно не понял, что он сказал, но почтительно склонился:

— Спасибо.

Кажется, Похар Те-Танга был не прочь возродить родовую войну. Ради того, чтобы его

сын стал Те-Танга, готов пожертвовать и своей женой. Я не знал, насколько это в обычаях Дивии?

Но и прекрасная Мадхури Саран тоже не прочь возродить войну. И всё зависело от того, чью сторону я выберу. И выбор обязательно настроит против меня какой-либо из родов.

А я совершенно не понимал, какая из двух зол — лучше? Может, мне вообще начать свой род? Но не настроит ли это против меня и Саран и Те-Танга?

Зато догадался, почему у меня вместо фамилии обозначение «сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран». Вероятно, одно из следствий договора. Но где можно узнать историю их войны? Даже если спрошу у мамы Самирана, она расскажет версию выгодную её роду.

Слишком мало данных для принятия решений! Я до сих пор не понимал, что такое предназначение, откуда берутся грани и куда они уходят. А предназначение оказывает сильное влияние на жизнь дивианцев. Вон, старший сын мясного барона, растерявший грани, был презираем даже стражниками. И только внезапное убийство отца и остальных наследников сделало его...

Ого!

А что если Карапу Карехи, этот Убийца Травы, замешан в убийство отца? Он мог подсказать наёмникам слабые места в защите дворца. Он вообще мог незаметно провести их в родовые владения! И Вакаранга Карехи подозревал сына в предательстве. Поэтому и держал его подальше от себя!

Я отогнал эти размышления.

Даже если Карапу и повинен в смерти мясного барона, то меня это не касалось. Я не хотел жениться на Виви Карехи. По крайней мере до тех пор, пока не увижу в этом выгоды для себя, а не чьих-то там родов и сословий.

Но я так же не хотел принимать жизнь, которую пророчила Самирану его прекрасная мама. Лечить «большой человек», как назвала богатых пациентов Служанка? Нет уж. Играть в доктора мне было скучно даже в детстве.

Мои цели на ближайшее время обозначились: узнать как можно больше о Дивии, при этом избегая принимать чью-либо сторону в родовых замесах.

Но что мне делать прямо сейчас? Вызовут ли меня снова в Прямой Путь, чтобы снять обвинение в грязном колдовстве или это произойдёт как-то иначе?

Или вот вопрос: что есть *грязное колдовство*? Почему наказание за него было не столь страшным, как, например, наказание за отрицание величия Дивии?

Что такое Ветроломы и почему наёмники-бодибилдеры живут там? Как работает экономика Дивии? Как, блин, работает сама Дивия? Что такое Совет Правителей и почему для главы рода престижно получить место в нём? Как живут низкие царства? В каком времени я вообще нахожусь? Неужели и вправду — сотню тысяч лет назад?

Все эти вопросы порождали новые вопросы, не считая самого первого: как я тут оказался?

Раздумывая над всем этим я смотрел в окно.

Храм Движения Луны выглядел таким же безжизненным. Если По дорогам и лестницам между домами ходили слуги или дивианцы в туниках и халатах. Но возле храма — никого. В непривычно ровных, почти квадратных окнах храма не заметно движения. Летающие экипажи, приземлявшиеся на площадки у соседских жилищ, ни разу не приземлились возле храма. Может, он вообще заброшен?

Высунувшись из окна, я попытался разглядеть соседние жилища. Кто там живёт?

Поддерживают ли родители Самирана отношения с ними?

Как строят дома в Дивии? Например, это жилище и соседние как бы встроены в скалы, возвышающиеся в разных частях Дивии. Вписывание архитектуры в окружающую — свойственно древним цивилизациям.

Кстати, само наличие скалистой вершины в центре летающей тверди вызывало вопросы. Не создаёт ли она лишний вес? Или, быть может, скала наоборот работает чем-то вроде противовеса, удерживая твердь в горизонтальном положении, типа, как киль у яхты?

Вглядываясь в причудливые башни далёких домов, я одновременно ощутил азарт и страх. Мне хотелось ринуться на исследование города, но при этом вдруг забоялся выйти из комнаты!

Что если над улицами города носятся наёмники в масках с горящими глазами и протыкают всех копьями? Или насылают на свои жертвы призрачных орлов?

Я припомнил, как один из этих орлов вырвал клювом глаз у гостя — эта молодая женщина истошно завопила, каталась по окровавленным одеялам на полу, опрокидывая кувшинчики, пока второй орёл не вцепился ей в шею. После этого женщина прекратила кричать, а только хрипела, а из её шеи бил какой-то ненатуральный розовый, почти мультяшный фонтан крови. Блин, будто я знаю, как выглядит натуральный фонтан крови?

Воспоминания о мясорубке вызвали тошноту.

— Самиран... — послышался тихий голос за спиной.

Я обернулся. В арке стояла мама Самирана. Она как-то бессильно привалилась к арке спиной и с испугом смотрела на меня. В одной руке она держала квадратную корзинку на широком ремне. Одета в толстую и длинную накидку, наглухо закрывавшую её тело.

— Мама... — вдруг искренне сказал я, будто она и на самом деле моя мама. Ещё и всхлипнул.

Скатившись по наклонной стене, сел на пол.

Отбросив корзину, мама тут же оказалась возле меня. Её тёплые заботливые руки ощупали мой лоб, шею и грудь.

— Повреждений Линии Тела нет, — бормотала она, проводя осмотр. — Линия Духа хаотична... Бег крови чистый... Варение пищи... Ты ел озарённую еду?

Я кивнул.

Мама продолжила осмотр — положила обе руки на область сердца. Помедлила так, вероятно, считала пульс. Потом снова переместила руки на мою голову, охватив виски.

— О, Создатели, — воскликнула она. — У тебя безумное смятение духа! Служанка!

Появилась Служанка и тут же, без приказа, достала из большого сундука матрас и постельное бельё.

— Самиран, — продолжила мама Самирана. — Твой дух поражён. Тебя беспокоят воспоминания о жестокости наёмников?

— Кажется... да. Ты уже знаешь?

— Весь город говорит об этом. Как только услышала, сразу побежала домой. Многие выжившие гости Вакаранги Карехи бьются в припадках, похожих на твой. Наёмники предупредили своё нападение озарением «Смятение Духа».

Мама помогла мне дойти до расстеленного на полу матраса.

— Я не хочу спать! Я не смогу... Кровь... Много крови... Меня тошнит, мама.

— Ложись, — приказала она, силой вдавив меня в матрас. — Ты не мой сын, но ты, оказывается, всё-таки душа человека, а не усмешка грязного демона.

— Я сам не знаю, что я такое... — всхлипнул я.

Тёплые ладони мягко прошлись по моему лицу. Я уснул.

Спал без сновидений. Проснувшись — сразу побежал в туалет.

Вокруг дырки в полу лежал новый, благоухающий веночек. С наслаждением помочившись, вернулся в комнату. Она была погружена в синий сумрак. На стене светился круглый плафон, похожий на светлячка. Внутри него билось синее, похожее на газовое, пламя.

Выглянул в окно.

Небо чистое, тёмно-синее, с розовой подсветкой. Горизонта не видно из-за домов и скал. Похоже на раннее утро. Как обычно — чертовски холодно. В соседних зданиях светились овальные окна или горели синие фонари у входных арок. Только Храм Движения Луны возвышался тёмным, безжизненным пятном.

Вернулся в комнату и сразу заметил нововведение — арку закрывала плотная стена из листьев и толстых веток. Наконец-то дверь запилили.

От вчерашней слабости и испуга осталось только воспоминание. Не знаю, помогло ли мне лечение мамы Самирана, но образы умирающих, эхо их стонов и стоп-кадры внутренностей, вываливающихся из вспоротых животов больше не вызывали тошноты.

Наоборот, очень хотелось есть и пить.

Я даже застыдился. Надо быть сильнее. Нельзя падать в обморок от каждого мертвяка. Пусть я и плохой историк, но знал, что древний мир был жесток. Это в двадцать первом веке можно прожить изнеженным хикканом, не выходя из квартиры, окружив себя игровыми консолями, розовыми пони и доставочной пиццей.

Кроме того...

Листья и ветки в арке зашуршали и раздвинулись. Вошла мама Самирана. Одета в тонкую и лёгкую ночнушку. Волосы прикрыты таким же лёгким платком. Лицо заспанное, но со следами тревоги.

— Я уже обрадовался, что никто не будет врывать ко мне без спроса, — сказал я.

Прекрасная Мадхури Саран молча подошла и положила руки на мой лоб.

— Линия Духа больше не дрожит, — сообщила она через несколько секунд.

— Ага, знать бы ещё что это за Линия такая.

Мадхури опустилась на пол и села, поджав ноги, пришлось сесть напротив. Эх, как я скучал по нормальной мебели. Могу ли я обзавестись лектусом? Или он не положен мне по иерархии?

— Что задумал Похар Те-Танга? — прямо спросила Мадхури Саран. — Я знаю, что он в сговоре с Вакарангой Карехи, с этим вонючим мясником.

— Думаете, нам именно об этом надо говорить в столь ранний час? — спросил я.

— Нет, но я должна знать.

— Вы должны знать, что я ничего не понимаю в жизни Дивии. Вместо того, чтобы расспрашивать меня о том, что мне непонятно, вы должны научить меня тому, что знал Самиран.

Мадхури Саран тяжело вздохнула:

— Если ты навсегда поселился в теле моего сына, то убью тебя без объяснений. Ты не принадлежишь нашей жизни.

— И всё-таки я здесь. И у меня есть грани, которые, как я понял, весьма ценятся.

— «Ценятся», — презрительно повторила Мадхури. — Грани нельзя оценить, ибо они — дар Создателей. Как и вечный полёт Ди...

Я поморщился:

— Давайте без вот этого вот пафоса. Создатели-шмоздатели и прочий вечный полёт. Я знаю, чем он закончился. Сейчас мне нужно знать, как работает ваша система? Что показывает Внутренний Взор? Почему Внутренний Голос иногда лезет с пояснениями, а иногда отвечает, что между нами непонимание?

На лице Мадхури Саран выразилось смятение.

— Но я... я не знаю... я не умею учить основам... Их все знают с детства...

Вероятно, мои вопросы походили на то, если спросить у врача-терапевта в больнице, как работает система избирательного права или попросить описать структуру взаимоотношений в Министерстве Чрезвычайных Ситуаций и его взаимодействие с аппаратом президента.

Я смягчился:

— Просто помогите мне понять что тут к чему.

— Я не могу за одно утро научить тебя всему, чему Самаиран учился всю жизнь, — ответила мама Самаирана.

— А придётся, если хотите моего содействия против интриг своего любимого мужа.

Мадхури Саран задумчиво прикусила нижнюю губу и скосила глаза в сторону, размышляя. Начинаяющаяся заря, отразившись от потолка, подсветила левую сторону её лица розовым, правая ещё утопала в утренней синеве.

В этом освещении она была особенно прекрасна.

Поймав мой взгляд, Мадхури Саран торопливо одёрнула ворот ночнушки. Потом стянула с моего матраса одеяло и накрыла себя.

— Я попробую, — сказала она. — Но не знаю с чего начать. Будет лучше, если ты будешь задавать вопросы.

Вопросов у меня было множество, но я брякнул совершенно неожиданный:

— А почему вы не мёрзнете? Я сейчас околею от холода, а вы ходите почти голая. И вообще, почему одни дивьянцы кутаются в шубы, а другие рассекают по воздуху в одних крошечных чёрных туниках?

Мой вопрос вызвал неподдельное удивление у Мадхури:

— У кого есть озарение «Закалка Тела», тому не страшны внешняя стужа или жар.

— Где брать озарения? Могу ли я так же? И крылья чтобы тоже были? А как запускать орлов? А буйволов? Как лечить раны? Как варить озарённое мясо? И можно ли его жарить? Как...

— Ох, чужеземец, мне кажется, ты так ничего не поймёшь. Давай я попробую рассказать тебе о Дивии так, как мне рассказывали в детстве.

— Давайте.

— Начать надо с главного — с дара Двенадцати Тысяч Создателей.

12. Хвала Создателям и искупление вины

12. Хвала Создателям и искупление вины

Каждый родившийся на Дивии получал некие двенадцать тысяч граней, которые приходили новорождённому прямо из Сердца Дивии. Из этих граней можно складывать озарения: некие магические воздействия, которые давали озарённому особые умения.

Но использовать грани во младенчестве или детстве нельзя. Они как бы разблокировывались при достижении «нужного возраста». У мальчиков лет в четырнадцать-пятнадцать, иногда — раньше, иногда — позже. У девочек лет в двенадцать-тринадцать.

(Этот факт я сразу связал с половым созреванием).

— В Доме Опыта вы изучите основные озарения, необходимые каждому, — пояснила Мадхури.

— Такие как?

— Такие как: действие ветра, огня, воздуха или молний. Усвоите простые целительные озарения: заживление малых ран, остановка кровотечения, избавление от болезней.

— Мы будем тратить на них грани?

— Конечно. Но ты же понял, что один раз усвоенное озарение навсегда остаётся с тобой.

— То есть я трачу грани только один раз, когда усваиваю озарение?

— Да.

— А потом могу использовать его неограниченное число раз всю жизнь?

Мадхури Саран покрутила головой:

— Между применением каждого озарения проходит промежуток времени.

— Ясно. И сколько длится *кулдаун*?

Мадхури злобно на меня посмотрела:

— Употребляя неизвестные слова, ты вызываешь подозрение окружающих.

— Хорошо. Сколько времени должно пройти между применениями озарений?

— У каждого человека своё время.

— И зависит оно от...

— Зависит от Линий Духа, Тела и других Линий, связанных с выбранным предназначением. Оно зависит от всего тебя. Поэтому идущий по Пути Двенадцати Тысяч Граней должен быть здоров, бодр и не страдать странными мыслями или пороками пьянства, вдыхания дурман-дыма, обжорства...

— Рукоблудия, — насмешливо добавил я.

— Всего, что вынимает силы из сосуда твоего тела и вызывает бесцельное дрожание Линий.

Я ткнул пальцем в свою тщедушную грудь:

— Ваш сынок явно не намеревался бежать по Путям Граней, не так ли?

Глаза Мадхури вспыхнули гневом — я снова оскорбил её сыночка, хотя и не сказал ничего, кроме правды.

Далее Мадхури пояснила, что «кулдаун» был у каждого озарения. То есть, применив одно, я мог применить другое, пока первое возвращалось. Правда, использование нескольких озарений подряд растягивало время возвращения всех. Особенно, если ты уже устал или ранен. Или если враг или обстоятельства нарушили твои Линии Духа и Тела.

Задумчиво Мадхури напредила:

— Поэтому так важно иметь тело камня, выносливость зверя, быстроту ветра и остроту ума воистину возвышенного жителя летающей тверди.

— Что ещё я получу в Доме Опыта?

— Там ты выберешь своё предназначение на Всеобщем Пути.

— С этого места поподробнее.

Мадхури была плохой рассказчицей. Перескакивая с пятого на десятое, она постоянно повторяла то, что я уже понял, но умалчивала непонятное.

Всё же я составил примерно представление о том, что такое *предназначение* и что такое *озарение*.

Каждое озарение могло быть разной силы и длительности. Чем сильнее и длительнее, тем больше граней нужно затратить на его усвоение.

То есть у идущего по Пути Двенадцати Тысяч Граней был выбор: выучить много слабых озарений или несколько сильных. Именно сильные озарения определяли твоё предназначение на Всеобщем Пути.

Мадхури привела в пример себя:

— Я владею одним ярким озарением «Восстановление Жизни». Тремя светлыми озарениями: «Мягкие Руки», «Молодой Образ» и «Живая Молния».

— Э-э-э. Так...

— Далее. У меня есть пять заметных озарений. Не буду их перечислять. Одно из них это «Наведение Сна». Остальные — мерцающие озарения, которые я усвоила в Доме Опыта. Все как у всех. Огонь, молнии и прочее, включая «Закалку Тела», «Порыв Ветра»...

Видимо, на моём лице было такое недоумение, что Мадхури спросила:

— Тебе что-то непонятно?

— Почти всё. Например, как озарения влияют на предназначение? Если я выучу какой-нибудь яркий «Порыв Ветра», то кем я стану? «Рвущим Ветер» или что?

— Яркое озарение ввело меня в сословие Возвращающих Здоровье, то есть тех, кто владеет исцеляющими озарениями. Яркий «Порыв Ветра», скорее всего, ведёт к предназначению Защищающих Путь, то есть воинов.

— А сколько граней стоит самое слабое озарение?

— Не слабое, а «незаметное». Называй вещи правильно.

— Хорошо. Сколько граней стоит незаметное озарение?

— Десять граней.

— А самое сильное. То есть — «яркое»?

— Шесть тысяч.

— Ничего себе разница? — удивился я.

— Поэтому оно и называется — «яркое озарение». Моё «Восстановление Жизни» может спасти смертельно раненого или заразившегося грязной болезнью. Или я могу использовать яркое озарение, чтобы быстро вылечить сразу много людей от ран или отравлений.

— Сколько у вас осталось граней?

— Ровно триста. Я их берегу для сотворения кристаллов озарений. Лучше всегда иметь запас свободных граней, чтобы...

— Подождите, — взмолился я. — Дайте мне разобраться. Ваши заклинания...

— Озарения! — резко поправила Мадхури. — Заклинания — это там, у низких

Грязеедов. Не произноси такие слова на Дивии.

— Хорошо, не буду. Озарения делятся на уровни по количеству затраченных на них граней?

— Да. Ступени.

Я начал загибать пальцы:

— Яркое озарение — самое мощное. Оно стоит шесть тысяч граней, так?

— Верно.

— Ниже него идёт...

— Светлое озарение. У меня их три.

— Сколько стоило выучить одно?

— Тысячу граней.

— Потом...

Мадхури нетерпеливо прервала меня:

— Ты выучишь это в Доме Опыта. Для того туда и пойдёшь. Выбор предназначения — это не то, что ты делаешь много раз в жизни. Я свой выбор сделала с помощью главы рода Саран.

Я склонил голову, соглашаясь.

— А что происходит, когда грани заканчиваются? — спросил я.

— Ничего. Просто человек перестаёт усваивать новые озарения. И не может творить кристаллы озарений.

— А можно пополнить запас граней?

— Каких именно граней?

— Блин, а они разные?

— Двенадцать Тысяч Граней даются один раз в жизни. Но есть ещё свободные грани, которые можно получать разными путями.

— С помощью грязного колдовства?

— Это кривой путь, забудь о нём. Свободные грани можно получить в храме во время благоволения. Или добыть их из ненужных кристаллов. И ещё по-всякому.

Несколько минут я переваривал информацию. Мне всё ещё непонятно, почему грани, не использованные для усвоения озарения, назывались «свободными», при этом грани, добытые разными путями, тоже почему-то назывались «свободными», но их нельзя было потратить на усвоение озарения, а только на слияние какого-то кристалла озарения. Даже показалось, что я попал в японскую RPG, которые славятся своим безумным геймдизайном.

Пожалел, что у меня нет блокнота. Если записывать, то всё становится немного яснее. Даже японские RPG.

— А вы уверены, что при рождении даётся ровно двенадцать тысяч граней и не более? — спросил я. — Бывает ли так, что граней больше. Ну, к примеру, двадцать четыре тысячи?

— Так не бывает и никогда не было.

Я не стал говорить маме Самирана, что у меня именно так. Вероятно, я получил их за себя и за Самирашку, за того парня, в чьём теле оказался.

Но вот был ли этот дар ошибкой Двенадцати Тысяч Создателей? Ошибаются ли они? И вообще — кто они такие?

Листья, закрывавшие арку в мою комнату, зашуршали. Послышался шёпот Служанки:

— Старшая хозяйка, я принесла еду.

Мама Самирана поднялась и провела рукой по листьям, они раздвинулись, пропуская

Служанку с подносом.

— Хозяин спит? — спросила мама Самирана.

— Да, госпожа.

— Хорошо. Сообщи, когда он проснётся.

— Да, госпожа.

Быстро поставив еду, Служанка удалилась.

Я тут же схватил крышку коробочки с едой — и получил шлепок по рукам.

— Ты должен сказать слова, — сказала мама Самирана.

— Какие ещё слова?

— Воистину возвышенный всегда начинает есть только после того, как поблагодарит

Создателей за возможность жить на летающей тверди, не касаясь грязи нижнего мира.

— Гости во дворце Карехи жрали без молитвы, — возразил я.

— Ты же сам видел, как завершили свой Путь эти нечестивцы?

Я рассмеялся:

— Не хочу кончить, как Вакаранга Карехи.

— Созидающие Пищу считают, что их озарённая еда и без молитвы угодна Создателям.

Ведь она уже озарена гранями. Но если ты не хочешь вести себя, как грязный мясник, то должен произносить благодарные слова до еды, а не отрывивать, как делают мясники после.

Я понял, что Созидающие Пищу — чванливое и заносчивое сословие. Такое же, как Возвращающие Здоровье. Кажется, каждое сословие предназначения считало себя круче других.

— Научите меня молитве, — попросил я.

В прошлой жизни я не верил в бога, так как он ничем не подтверждал своего существования. Но с Создателями лучше не шутить.

Строчка за строчкой я повторил за Мадхури такую молитву:

Отделившие твердь от грязи,

Мы благодарим вас за свет жизни и вкус пищи.

Из Сердца Дивии мы вышли, туда же и вернёмся,

Вознося хвалу Создателям.

Грязь никогда не достигнет Света.

Свет более не падёт в грязь.

Свет более не падёт в грязь.

Свет более не падёт в грязь.

С почтительным ужасом я трижды повторил последнюю строку молитвы и накинулся на еду. В меню снова были одни салаты, куски незнакомых овощей, похожих на буряки, и куски других овощей, тоже невкусных, похожих на какие-то корни. И ни кусочка мяса. Неужели родители Самирана — веганы?

Хорошо, что хлеб похож на хлеб, хотя и не чета нашему — липкая, пахнущая плесенью субстанция, словно плохо пропечённая. Кажется, даже не из пшеницы.

Согласно нашей исторической науке, люди научились выращивать пшеницу и ячмень где-то семь тысяч лет назад. Китайцы хвастались, что они делали это и десять тысяч лет назад. Но любые заявления китайцев о своей якобы древности нужно делить на два, а потом ещё на два, и всё равно это будет преувеличением.

Наличие хлеба в Дивии не состыковалось с данными нашей истории. Как и вообще существование цивилизаций в эти времена. Ведь я уже слышал о каком-то Портовом Городе,

о каких-то низких царствах. Если это тоже развитые цивилизации, которые воюют с Дивией, то почему их следы не обнаружены нашими археологами?

С другой стороны мало ли что произошло за десятки тысяч лет?

Как бы там ни было, но самое терпимое, что я ел в Дивии — это мясо и лепёшки, которыми угостила Виви Карехи. Озарённое мясо, приготовленное её отцом, тоже было неплохим. Всё лучше салатов из травы и корешков, которыми питались в доме Самирана. Но сейчас я был голоден и ел всё подряд.

Мама Самирана ограничилась одной коробочкой с салатом из каких-то оранжевых цветов.

Утреннее солнце уже било золотым лучом в овальное окно. Рассвет наступал слишком быстро, вероятно, Дивия просто двигалась к нему навстречу.

— А куда летит Дивия? — спросил я.

— Куда решили Правители, — нехотя ответила мама. — Только не спрашивай, куда именно они направили летающую твердь.

— Вы не знаете?

— Это не твоё дело, чужеземец. Ты не принадлежишь Всеобщему Пути.

Я отложил коробочку с жареной травой:

— Ясненько. Продолжим? У меня вопрос по Внутреннему Голосу. Почему он иногда отвечает на вопросы, а иногда нет?

— Внутренний Голос — это не скрижаль знаний, — пояснила Мадхури. — Он только озвучивает то, что ты узнал, но забыл.

— Например.

— Человеческая память несовершенна, — ответила Мадхури. — Даже если у человека есть озарения, улучшающие Линию Духа, даже если он каждый день поглощает дорогую пищу, озарённую улучшением пытливости и ума, он всё равно забывает больше, чем способен удержать в скоротечном потоке мыслей. Внутренний Голос повторяет то, что человек когда-то узнал.

— Спрашивать у него советы бессмысленно?

— Внутренний Голос озвучивает увиденное тобою на Всеобщем Пути. Он указывает на возможные повороты или невзгоды, но он не может дать тебе знание о том, откуда эти невзгоды берутся или как их обойти. Голос напоминает тебе имена забытых людей, мест или дел.

— А почему он молчит, когда на меня обращает внимание кто-либо с более высоким моральным правом? Как это право заработать? Откуда оно берётся? Где его посмотреть, как прокачать...

Мадхури замахала руками:

— Слишком много разных вопросов о разных вещах. Я не могу ответить на них разом.

Я умерил любопытство:

— Почему чужое моральное право затыкает мой Внутренний Голос?

— Так решили Создатели.

Я возмутился:

— Вы обещали мне помочь понять вашу жизнь. Объяснение, что, мол, так задумано, меня не устраивает.

— Но я не знаю, как ответить, — пылко ответила мама Самирана. — Когда говорит морально высокий, морально низкий должен слушать его, а не подкаски Внутреннего

Голоса. Это всё, что я знаю.

— А кто знает больше?

— Пойми, чужеземец, я никогда не задумывалась об этом. Для меня твои вопросы лишены смысла.

— Кто мог бы рассказать больше?

— Наверное... наверное те, кто выбрали предназначение Помогающих Богам. Способствующие Равновесию тоже могут знать.

— Ладно. Пока сойдёт такое объяснение. Перейдём к Внутреннему Взору.

Растопырив пальцы, я вызвал интерфейс. Вопросов по его работе накопилось много. Как обычно, я задал самый дурацкий:

— Почему Внутренний Взор нарисован на руке? Что будет, если мне её отрубят?

Мадхури Саран беспомощно на меня посмотрела и пробормотала:

— О, Создатели, какой же ты глупец...

— Давайте без оскорблений, — обиделся я. — Не думаю, что вы, попав в тело моего современника, сразу смогли бы настроить телевизор на Андроиде.

Мадхури смягчилась:

— Внутренний Взор проявляет себя везде, где есть грани Двенадцати Тысяч Создателей. Но тем, кто недавно встал на Всеобщий Путь, проще видеть отражения Внутреннего Взора на руках.

— То есть он может проецироваться куда угодно?

В дверь снова поскреблась Служанка:

— Хозяин проснулся.

Мама Самаирана поднялась на ноги:

— Продолжим разговор вечером.

— А почему бы не продолжить его раньше?

— После нападения наёмников на гостей и союзников рода Карехи, меня зовут во многие дома, чтобы лечить ранения. — ответила мама Самаирана. — Меня не будет до конца дня.

С озарениями и предназначениями более-менее прояснилось: выбранное мной яркое заклинание, как бы назначает мне и магический класс.

Но как быть с кристаллами озарений? Судя по всему, они довольно распространены. Даже Хаки Энгатти пытался подбить меня на покупку кристалла «Внушение Неразумным», чтобы облегчить работу в свинарнике.

Я достал из-под коробок одежды шкатулку с кристаллами эротической «Игры Света». Снова прочитал иероглифы:

ТВОРЕЦ КРИСТАЛЛА: ЛАВКА «РАДУГА НАД ЛЕТАЮЩЕЙ ТВЕРДЬЮ».

Что если сходить в эту лавку да порасспрашивать торговцев о Самаиране? То есть о самом себе. Хотя, какой в этом прок? Ну, купил Самаиран немного порнушки, как это выведет меня на грязное колдовство?

Я приказал Внутреннему Голосу ожить.

«Что ты хочешь вспомнить?» — с готовностью спросил он.

— Где находится лавка, в которой я купил эти кристаллы?

«Седьмое Кольцо, рынок кристаллов».

— А напомни, сколько стоил мне кристалл яркого озарения «Игры Света»?

«Ты получил его бесплатно от творца кристалла».

— А вообще сколько стоит?

«Пять тысяч граней золота».

Я оторопело уставился на шкатулку. Да это же целое состояние! Почему торговец отдал этот кристалл бесплатно? И зачем я задаю риторические вопросы в пустоту, если могу спросить Внутренний Голос?

— Голос, почему торговец отдал мне кристалл бесплатно?

«Не могу помочь вспомнить это».

— Почему?

«Ты заставил меня умолкнуть в то время».

Ага, ещё один факт тёмных делишек Самирана. Ну, теперь точно надо идти в лавку. Как туда попасть? Летают ли туда небесные автобусы?

Лиственная дверь снова без спросу раздвинулась и вошёл Похар Те-Танга.

— Пап, — сказал я, — какой толк от двери, если её открывает всякий, кто пожелает?

— Прости, сынок. Но у меня хорошие вести. Пойдём со мной.

Я захватил новую сумку, подготовленную Служанкой. Ведь прошлую у меня отняли стражники дома Карехи. В сумке снова лежал свёрнутый рулоном плащ, маленький кувшинчик воды, коробочка с жареной травой и коробочка с двумя кристаллами заметных озарений — «Мягкие Руки» и «Унятие Крови».

Мы прошли комнату дома и поднялись по лестнице на крышу. Там стоял арестантский автобус. В овальном окне я увидел грустное лицо Хаки Энгатти.

Небесный стражник стоял у двери.

— Самиран, сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран? — осведомился он.

— Это я.

— Прямой Путь подтверждает, что все твои трудовые повинности искуплены. Далее. Сословие предназначения Помогающие Создателям признало твоё искупление. Ты снова можешь посещать храм Двенадцати Тысяч Создателей и получать его благоволения. Далее. Родственники обворованных получили вознаграждение и признали твоё искупление. И в завершение. Вина перед стражником Илиином признана ничтожной и тоже искуплена. Все твои права прирождённого жителя Дивии восстановлены.

Стражник протянул руку и коснулся моего лба. Интерфейс Внутреннего Взора вспыхнул вокруг моей руки сам по себе. Иероглиф Прямого Пути и список обвинений растворились.

— Больше не сворачивай на кривые тропинки, — зевнул стражник. — И знай, что если тебя снова поймают на одном из прошлых преступлений, то сила наказания увеличится вдвое. А за грязное колдовство — сразу сошлют на Ветроломы.

Стражник развернулся и полез в автобус. Я снова поймал в окне грустный взгляд Хаки Энгатти.

— Подождите, — спросил я, — а куда вы везёте этого парня?

— Туда же, куда и вчера, свинарники рода Карехи.

— Но ведь там вчера была резня!

— И что? — ответил стражник, запирая дверь автобуса. — Наёмники порезали гостей Карехи, но их свиньи остались, за ними нужно убирать. У твоего дружка нет влиятельных родственников. Поэтому он будет работать за двоих.

Подпрыгнув в воздух, экипаж громыхнул плохо пригнанными досками и улетел.

Папа Самирана тоном заговорщика сказал:

— Теперь, сынок, будем неторопливо ждать. Скоро начнётся набор учеников в Дом

Опыта. Ты первым же делом примешь род Те-Танга и усвоишь любое из доступных наследованных озарений. Потом начнёшь изучать и усваивать озарения сословия Поддерживающих Твердь. Я подскажу, какие именно. К тому времени Рабб Хатт обуздает невежественного Карапу Карехи и станет теньвым правителем рода Карехи. Тогда-то и поженим тебя и Виви... Твоё будущее будет обеспечено.

Слушая папу Самирана, я кивал. Отмазав меня от наказания, Похар Те-Танга доказал что его род выгоднее рода Саран.

— Пап, — сказал я, когда мы вернулись в комнаты. — Дай мне пятнадцать золотых граней.

— Зачем? — удивился Похар. — Ведь все наказания искуплены.

— Хочу купить кристалл озарения «Внушение Неразумным».

— Зачем? — ещё сильнее удивился он.

— Чтобы помочь другу.

Я рассказал, что без меня Хаки Энгатти придётся расчищать огромные свинарники в одиночку.

Папа ушёл в одну из комнат и вернулся с небольшой шкатулкой, похожей на ту, в которой Самиран хранил свою порнушку.

— Вот тебе десятка, — произнёс Похар. — Даже яркое «Внушение Неразумным» стоит от силы девять граней золота.

Приняв шкатулку я подумал о Хаки Энгатти: «Каков хитрец! А мне сказал, что кристалл стоил пятнадцать граней, и это ещё со скидкой!»

13. Филе-миньон и подельники

13. Филе-миньон и подельники

Внутренний Голос подсказал мне дорогу к рынку. Самиран не раз туда ходил, маршрут остался в памяти.

Шагая по широкой улице, я рассматривал дома. На одних виднелись иероглифы «Жилище Такого-то», на других иероглифы «Домовладения рода Хатт», или «Домовладения рода Бахай», или ещё какого-то рода.

Вероятно, жильё в Дивии делилось на собственное, как у родителей Самирана или мясного барона Вакаранги Карехи, и на съёмное. Жильё в чужом домовладении было явно теснее и дешевле, чем у родителей Самирана.

Не без гордости отметил, что жилище Похара Те-Танга и Мадхури Саран одно из лучших в округе.

Сверху мне казалось, что дома, храмы, парки и небольшие скалы между ними стояли вплотную друг к другу. Теперь заметил между домами пустыри, отмеченные каменными столбиками. Заинтересовавшись их назначением, свернул с большой дороги и прочитал иероглифы на столбике:

◆
ЭТА ДОЛЯ ЛЕТАЮЩЕЙ ТВЕРДИ ПРИНАДЛЕЖИТ РОДУ БАХАЙ.

РАЗМЕР ЭТОЙ ДОЛИ 96 НА 105 ДВОЙНЫХ ШАГОВ.

ДА БУДЕТ НА ТО ВОЛЯ ДВЕНАДЦАТИ ТЫСЯЧ СОЗДАТЕЛЕЙ, И СКОРО ЗД
БУДЕТ ВОЗДВИГНУТ ДОМ.

ЛЮБОЙ, ПОКУСИВШИЙСЯ НА ДОЛЮ РОДА БАХАЙ, БУДЕТ НАКА
СОРАЗМЕРНО ЕГО ВИНЕ.

◆

Если в Дивии есть конкурентный рынок мяса, то почему бы не быть рынку недвижимости?

Интересно, как распределялась эта земля? Кому принадлежала: верховному правителю, который продавал (дарил?) её родовитым застройщикам или участок летающей тверди добывался иным способом?

Вспомнил слова папы Самирана о том, что род Те-Танга владел домом в Третьем Кольце. Что стало с этим домом? Род обеднел и потерял свой надел? Или он отошёл к более сильному роду?

Очень много вопросов.

Вместе с вопросами у меня зашевелилась мысль: могу ли я использовать знания из двадцать первого века к своей выгоде? Конечно, я не собирался заниматься недвижимостью или строительством, ведь — это крайне криминализованный род экономической деятельности в любом веке, кроме, разве что, каменного. Да и тогда хомо сапиенсы убивали друг друга за хорошую и тёплую пещеру с видом на озеро.

Но взять, к примеру, кухню народа Дивии. Если судить по тем блюдам, которые мне удалось отведать, местные незнакомы с высокой кулинарией. Мясо приготовлено простецки — отварено или зажарено на открытом огне. Овощи — выглядят как дерьмо. На вкус — тоже не очень. Не говоря уже о тошнотворном поедании жареной травы и цветов, которое мне продемонстрировала прекрасная Мадхури Саран.

Приготовление мяса — моё маленькое хобби. Я готовил такие шашлыки, что даже армянские родственники моей девушки показали большой палец. И не из вежливости, а взаправду оценили моё умение.

А какие я готовил стейки!

На стене моей квартиры, на видном месте, висит сертификат об окончании профессиональных курсов от лондонского шефа. Этот мастер-класс стоил триста долларов, но ради того, чтобы удивить свою девушку кулинарией, я раскошелился. Я тогда не знал, что она предпочитала удивляться другим вещам.

Не пора ли монетизировать эти знания?

От мысли о сочащемся ребай или филе-миньоне у меня заурчало в животе.

Конечно, качество стейка зависело от мяса. Но мой предполагаемый союз с сестрой нового мясного короля — неплохой способ узнать, какие виды мяса есть в Дивии. Что если эта женитьба — ещё один подарок судьбы?

Дорога привела меня к высокой стене. Она не выложена из камня, а словно отлита из цельного куска металла. Выпирая из земли чужеродным металлическим объектом, стена простиралась вправо и влево, скрываясь в зарослях деревьев или за зданиями. Если присмотреться, можно заметить на стене мутные отражения неба и облаков.

Уперевшись в металлическую стену, дорога превращалась в широкую лестницу с большим количеством ступеней. У места перехода стояла каменная тумба с выпуклыми иероглифами: «Седьмое Кольцо».

Несколько слуг уже добрались до вершины лестницы, ветер рвал их тряпки, словно флаги.

Я резво взбежал на ступеньки. Не добежав до середины лестницы, уже вспотел и тяжело дышал. Пару раз меня обогнали чьи-то слуги, замотанные в тряпки. Судя по скорости, им не в первой совершать такие пробежки.

Умерив пыл, я медленно шагал на вершину кольца, с завистью поглядывая на летающие экипажи, невероятно быстро пронесившиеся по небу.

— Однозначно, хочу летать, а не ходить — сказал я.

Путь на вершину занял минут десять. Я не только запыхался и обливался потом, но и продрог. Холодный злой ветер теребил мою тунику, проникая сквозь неё.

Чёрт, почему я не догадался одеться потеплее? В комнате Самирана я нашёл немало тёплых халатов и меховых шуб.

На вершине лестница превратилась в небольшую площадку. Я обессилено присел на ступеньку и огляделся.

Раньше, летая с ментом Илином или на автобусе арестантов, не замечал, что Дивия разделена на кольца. Видимо, и летающий мент и автобусы двигались слишком быстро чтобы разглядеть подробности.

В центре Дивии, возвышалась огромная вершина, окружённая самой высокой стеной. Вероятно, это Первое Кольцо. Стена Второго Кольца была чуть ниже, Третьего — ещё ниже и дальше. Четвёртая — ещё дальше.

Кольца расходились от центра Дивии, не только увеличивая расстояния между собой, но и уменьшая собственную высоту.

И обернулся — Шестое Кольцо, в котором я жил, было таким широким, что я едва мог разглядеть стену Восьмого Кольца. Не нужно звать Внутренний Голос, чтобы догадаться: всего колец было Двенадцать.

Навряд ли они построены для того, чтобы разделить летающую твердь. Скорее всего, стены Колец — конструктивная особенность летающего города. Что-то вроде его остова. Заодно они укрывали жителей и деревья от встречного ветра, который возникал от движения летающей тверди.

Вершины Колец были шириной метра три-четыре, достаточной для того, чтобы по ней ходить. Правда, никаких ограждений там нет, поэтому мне стало страшно смотреть, как один слуга свернул с площадки и направился по Кольцу. Шёл он быстро, совершенно не пугаясь высоты. Сильный ветер норовил столкнуть его, поэтому он иногда расставлял руки и держал равновесие.

Время от времени на площадку налетало густое облако, облепляя меня холодными каплями. В такие моменты светлый и солнечный город превращался в туманную лондонскую подворотню из фильма ужасов.

Чтобы не окопаться от холода, я побежал вниз по лестнице.

Рынок Седьмого Кольца начинался прямо от лестницы, которая снова плавно превращалась в дорогу. В отличие от Шестого Кольца, все первые этажи зданий были превращены в лавки. Над каждой висела или каменная скрижаль с названием, или объёмные каменные иероглифы.

В глазах запестрило от вывесок:

«ПРОСТОЕ ЖЕЛЕЗНОЕ ОРУЖИЕ».

Или:

«ХАЛАТЫ И НАКИДКИ РАЗНЫХ УПРАВЛЯЮЩИХ ОЗАРЕНИЙ».

За ним:

«ГОНЧАР ГУМИХАРА И ЕГО ОЗАРЁННЫЕ СОСУДЫ».

Рядом:

«ЛЮБЫЕ МАСТЕРОВЫЕ КРИСТАЛЛЫ ОТ СОСЛОВИЯ СОЗИДАЮЩИХ ВЕЩИ».

«ОЗАРЁННЫЕ СВЕЖИЕ ПОБЕГИ И ПЛОДЫ С ПОЛЕЙ РОДА КЕТРА».

...и прочее в таком духе.

От лавки к лавке ходили диванцы, разодетые в халаты и шубы. Некоторые щеголяли в коротких открытых туниках. Теперь-то я знал секрет их морозоустойчивости.

За диванцами часто шли слуги, державшие на плечах корзины. Некоторые толкали перед собой тележки, заполненные купленными товарами.

Над крышами лавок пролетали экипажи, в основном небольшие, как у Рабб Хатта. Приземлялись они где попало, не соблюдая никаких правил. Когда приземлению мешали слуги, возница высовывал голову из окна и кричал:

«Свалили отсюда, грязь топтанная!»

Если там стояли диванцы, уважительно просил:

«Не соизволите ли отойти немного в сторону?»

Я отметил, что тех, кто пользовался крыльями было очень мало. В основном прилетали небесные стражи или похожие на них люди в доспехах. Вероятно, крылья не так удобны в быту, как экипажи?

Я прошёл всего десяток метров, а уже заблудился. От основной дороги отходило множество улочек, которые разветвлялись на переулки.

Скоро заметил отличие рынка Седьмого Кольца от тех, которые видел в том же Узбекистане — тут почти не шумели. Торговцы не зазывали в свои лавки, не хватали за руки и не кричали в ухо, мол, уважаемый, заходи ко мне, продам накидку по братской цене!

Над рынком, конечно, стоял гул от множества голосов, но он не переходил в крикливый шум, который можно слышать даже в наших торговых центрах. Над рынком витал сдержанный говор, как во время антракта в театре. Кажется, дивианцы ещё не poznали магическую силу агрессивной рекламы и маркетинга.

Блуждая по улочкам рынка, я отметил, что тут не было разбиения на ряды. Не было оружейного ряда, или гончарного, или овощного. Всё шло вперемешку, как на барахолке. Рядом с торговцем птицами, похожими на гусей, могла стоять лавка торговца боевыми кристаллами, а за ней — тянулись полки «Лавки обувного мастера Камара», уставленные сандалиями и сапогами на меху.

Некоторые лавки закрыты. Несколько раз я встретил такие же пустыри с табличкой о том, что земля принадлежала какому-то роду. Чаще всего встречались иероглифы рода Хатт, Киналла и Бахай. Вероятно, местные короли недвиги.

Внутренний Голос напомнил, что лавка «Радуга Над Летающей Твердью» находилась недалеко от главной дороги, в переулке под названием Свободные Торговцы. Но я хотел осмотреть рынок, поэтому сделал большой крюк, прежде чем вышел на нужный переулок.

Лавка видна издалека: одна из немногих, у кого вывеска не просто серая каменная таблица, а раскрашена в цвета радуги. На фасаде лавки нет ни прилавков с товарами, ни даже окон. Сплошная серая стена в три этажа. Наверху громоздилась многоуровневая крыша, уставленная изваяниями танцоров, воинов и каких-то зверей, которых эти воины протыкали копьями, рубили топорами или били теми витиеватыми палками, силу которых я уже видел во время рубилова во дворце Карехи.

Возле лавки сразу два пустыря: справа и слева. Таблички сообщали, что участки принадлежали каким-то людям, даже не родам. Видимо, никто не хотел ставить свою лавку рядом с точкой продажи порнухи.

Входная арка лавки закрыта металлической дверью без узоров, вмятин или царапин. Просто гладкий серый металл, как капот дорогой тачки.

А вот людей тут немало. Человек двадцать слуг и служанок, замотанных в тряпки с ног до головы. Все они молчали и неподвижно стояли в очереди.

Время от времени железная дверь отворялась. Из недр лавки выходил слуга, а очередной слуга тут же заходил и дверь закрывалась.

На первый взгляд казалось, что лавка «Радуга Над Летающей Твердью» обслуживала исключительно слуг. Но я догадался, что они приобретали эротические кристаллы «Игры Света» для хозяев, которые не хотели показываться в «неприличном» месте.

Я занял очередь в конце, едва удержавшись от вопроса: «Кто крайний?»

Увидев меня, слуги расступились, уступая место у двери.

— Спасибо, — пробормотал я. — Я быстро. Мне только спросить.

Ожидая открытия двери, я задумался, почему приобретение кристаллов игры света с танцующими девками это что-то постыдное? Неужели в Дивии есть религия, запрещающая эротику, как это делали ислам и христианство (и многие другие религии) в моё время?

И как этот запрет сочетался с фактом, что многие дивианцы и дивианки носили настолько короткие туники, что не нужно никаких кристаллов — и так всё видно? Кроме того, я несколько раз видел нагие статуи, так что запрета на эротику в Дивии нет.

Дверь заскрежетала и выпустила Слугу. Бросив в сумку несколько только что купленных шкатулок, он пропустил меня внутрь лавки.

Внутри полумрак. Неровные, закруглённые стены сами светились тусклым желтоватым

мерцанием. В каменных стенах выбиты углубления с подсветкой. В них стояли многочисленные шкатулки с откинутыми крышками. В шкатулках — крутились чёрные шарики кристаллов озарений.

В левой части комнаты, на круглом подиуме, светились фигуры танцовщиц. Они неторопливо двигались, лаская себя. В одной я сразу узнал шатенку Раану. Я даже немного смутился, будто она могла узнать меня.

Из арки в соседнюю комнату вышел немолодой мужчина, одетый в тяжёлый на вид и толстый халат из золотой ткани. От кожи лица и рук мужчины исходило заметное золотистое свечение, отбрасывающее отблески на стены и шкатулки. Вот это я понимаю — игра света!

Мужчина поклонился, его тщательно уложенные и приглаженные кудри не шевельнулись от этого движения. Чарующим голосом он сказал:

— Молодой хозяин должен знать, что наша лавка не продаёт товары тем, кто не достиг нужного возраста. Прошу вас, покиньте мою лавку, пока кто-то не донёс стражникам, о...

Тут лицо торговца поменялось, даже засветилось иначе, с красными отблесками:

— Это ты, сопливая грязь? — прошипел он. — Как ты посмел сюда снова заявиться? Вон отсюда!

— Прошу вас, — взмолился я. — У меня только один вопрос...

— Передай своим подельникам, что я больше не участвую в ваших грязных сделках!

Это в каких сделках участвовал Самиран, если даже торговец проном считал их «грязными»?

Грязное колдовство, не иначе!

Мне показалось, что я близок к тому, чтобы получить хоть какую-то зацепку. Хотя я сильно испугался злобного свечения торговца.

Сжав светящийся кулак, торговец занёс его надо мной.

— Господин! — с умоляюще сложил руки и согнулся. — Уверю вас, что я не виновен ни в каких сделках.

— Прочь отсюда, я сказал! — но удара не последовало.

Из комнаты вышел человек, одетый то ли в шорты, то ли в такую обтягивающую и короткую тунуку, что она походила на костюм борца. От его большого, покрытого волосами тела несло потом. Как он вообще умудрился вспотеть на таком холоде?

— Хозяин, прикажешь выгнать сосунка? — спросил волосатый и снял с пояса витую палку.

С усмешкой посмотрел на меня, постукивая палкой по раскрытой ладони, как вышибала — бейсбольной битой.

Чёрт возьми! Надежда узнать хоть что-то таяла. Надо срочно что-то придумать! Если смирение не помогло, то использую наглость.

Выпрямившись, я посмотрел прямо в светившиеся белым глаза торговца. Громко и уверенно отчеканил:

— Если палка этой гориллы прикоснётся ко мне, вы будете говорить не со мной, а с моим подельником!

— Кто горилла? Я — горилла? — заорал мужик с палкой. — Что вообще такое «горилла», ссанная ты грязь?

Торговец буквально затух: лицо перестало источать свет, даже глаза потускнели.

— Оставь его, — сказал торговец своему вышибале.

— Нет, пусть сначала скажет, что такое го-ри-ла?

— Уйди!

Вышибала погрозил мне палкой — я отметил, что чёрные кучерявые волосы на его пальцах были гуще, чем на голове у моего прошлого тела.

— Говори, мальчик, — надменно сказал торговец, когда вышибала ушёл.

Ох, знать бы ещё, что говорить!

— У меня вопрос... вопрос... мой сообщник...

Торговец махнул рукой:

— Тебя же зовут Самиран, так? Передай своим сообщникам, что я, Маимбар Адас, больше не участвую в их играх. Я достаточно огорчил Создателей.

— Обязательно передам. Кстати, а что за игры? Они как-то связаны с... грязным колдовством?

Маимбар непонимающе посмотрел на меня:

— Мальчик, ты глупец?

— Не совсем. Но допустим, что я не знал, что сообщники... впутали меня в грязное колдовство.

Маимбар надменно усмехнулся:

— Надо было раньше думать о последствиях.

— Раньше я как раз был глупцом, — нашёлся я с ответом. — А теперь хотел бы узнать — кто мои сообщники?

Кожа лица и рук торговца снова замерцала, словно изображая любопытство.

— Станный вопрос.

Набрав воздуха и наглости, я поведал, что после сеанса грязного колдовства в храме Двенадцати Тысяч Создателей, потерял память. Теперь, мол, хочу восстановить ход событий. Узнав, что кристаллы игры света были созданы в этой лавке пришёл сюда.

— Честное слово, господин, я не помню ни вас, ни моих сообщников.

Слушая меня, Маимбар кивал:

— Утрата недавней памяти случается с теми, кто становится проводником грязного колдовства. Негодяи, которые втянули тебя в это, использовали яркое озарение «Разрушение Памяти». Даже Внутренний Голос не напомним, что с тобой произошло. Тебе ещё повезло, что ты потерял только память, а не разум.

Я деловито спросил:

— Мне не верится, что для похищения граней умирающих людей привлечено столько ярких озарений.

— Ох, мальчик. Ну, сколько граней можно украсть у умирающих? Десять, пятнадцать, ну — сотню, если повезёт. И то, если у вора будут яркие озарения «Собирание Граней» и «Огранка Кристалла». Говорят, есть такие воры.

— Наверно...

— Но у такого молодого, как ты, ещё не усвоившего наследованного озарения, можно похитить все двенадцать тысяч граней.

Я замахал руками:

— Вы хотите сказать, что жертвой грязного колдовства были вовсе не какие-то там умирающие, а Самиран? То есть — я?

Маимбар закатил глаза, как бы устав объяснять очевидные вещи:

— Обычное грязное колдовство направлено на похищение граней умирающих, но твои

сообщники, как я тебя уже предупреждал, нацеливались вовсе не на них, а на тебя.

Мне казалось, что я нащупал разгадку того, что произошло с Самираном, хотя от откровений Маимбара ещё сильнее запутался.

— Каково ваше участие во всём этом?

Глаза Маимбара сверкнули. И это не образное выражение — их свет ослепил меня, как фонарик.

— Я не буду тратить моё время на объяснения! Я тебя предупреждал, ты меня не послушал. Иди отсюда, наши Пути разошлись.

Пришлось снова включить наглость:

— Уважаемый, если вы не ответите на все мои вопросы, то я выйду из вашей лавки, найду первого попавшегося небесного стражника и расскажу ему, что вы подарили похотливые кристаллы «Игры Света» мальчику, не вошедшему в нужный возраст. Не хотите тратить время на меня — потратите его на суд Прямого Пути.

Маимбар унял гневное свечение глаз:

— Ладно, ладно. Я расскажу всё, что знаю. Только позволь мне продолжить торговлю?

Я позволил. Маимбар открыл дверь и впустил слугу.

— Мой хозяин хочет много, как тогда, — сказал слуга и вытащил из котомки шкатулку.

Кстати, его акцент отличался от акцента моей Служанки.

Маимбар прочитал иероглифы на шкатулке и отошёл к одной из подсвеченных выемок в стене. Переместив несколько кристаллов озарений в шкатулку, отдал слуге. Тот положил на каменный прилавок мешочек, звякнувший металлом, и вышел.

Из комнаты тут же появился гориллоподобный вышибала с небольшим железным сундучком в руке. Взял мешочек, разорвал тесёмочку зубами и высыпал крошечные золотые треугольники в сундучок.

Вышибала удалился в свою комнату.

В лавку вошёл новый покупатель — чья-то служанка, завёрнутая в светлые ткани. Если у других слуг и служанок можно видеть голые руки и ноги, то у этой руки обмотаны тканью, как у мумии. Даже прорезь для глаз закрыта полупрозрачной тканью.

— Спрашивай же, мальчик, — нетерпеливо сказал Маимбар.

— Но служанка...

Светящийся торговец снова посмотрел на меня с изумлением:

— Что — «служанка»?

— Она услышит...

— Самиран, всё-таки грязное колдовство повредило твой разум. Даже если раб что-то услышит, он слишком глуп, чтобы понять разговор двух людей,

— Расскажите мне всё, что знаете о грязном колдовстве, — вздохнул я.

14. Транспортные расходы и внушение неразумным

14. Транспортные расходы и внушение неразумным

Маимбар поведал, что в Дивии уже несколько лет орудовала банда людей с яркими озарениями, предназначенными для работы с гранями Двенадцати Тысяч Создателей. Именно эта банда подняла грязное колдовство на новую высоту.

Раньше с помощью него можно было воровать только грани умирающих, получая из них от десятки до сотни так называемых «свободных граней». Эти талантливые воры нашли способ изымать грани тех, кто ещё не получил ни одного озарения, даже наследованного, то есть у детей и подростков.

— Я не знаю, какие озарения использовали воры, — сказал Маимбар, — но знаю, что требовалось целое сочетание из нескольких ярких озарений. А для того, чтобы грязное колдовство сработало, нужно пригласить жертву в храм Двенадцати Тысяч Создателей и дожидаться момента, когда Создатели одарят жертву каким-либо благоволением.

— Но при чём тут вы, — спросил я. — Вы тоже в этой шайке воров?

— Упаси Создатели — нет! — отчаянно замахал руками Маимбар. — Я виновен лишь в том, что согласился сделать для тебя именные кристаллы ярких озарений «Игры Света».

— Не понимаю, зачем?

— Как зачем? Это было твоё условие.

— Условие для чего?

— Понимаешь, воры не могут насильно отправить отрока в храм, чтобы выкрасть его грани. Им приходится договариваться с жертвами на добровольной основе.

Хотя и многое оставалось для меня неясным, я догадался:

— То есть Самيران, то есть — я, согласился отдать свои грани в обмен на порнуху?

— Не знаю, что такое «порнуха», — ответил Маимбар. — Но если ты подразумеваешь мои кристаллы «Игры Света», то звучит как-то обидно. На меня работают лучшие танцовщицы и танцоры Дивии! Мои чувства наполняют кристаллы...

— Ладно, я понял, что вы молодец.

— И ты не согласился отдавать свои грани, — продолжил Маимбар. — В том-то и преступление, что ты договорился только на участие в грязном колдовстве, но не на то, чтобы стать жертвой ограбления.

— А почему мне просто не дали денег, чтобы я купил эти кристаллы?

— Ты же попросил «именные кристаллы».

— Чем они отличаются от не именных?

— Ну, как... Всем... Только в именных кристаллах ты становишься не просто зрителем, но участником «Игры Света». Все герои игры знают твоё имя и выполняют твои приказы.

— А чтобы сделать эти кристаллы нужно было моё присутствие?

— И согласие большого мастера, такого, как я. Я сделал для тебя двенадцать кристаллов яркого озарения «Игры Света» с моими лучшими танцовщицами. Получил за это много золотых граней. Но больше я на такое не соглашусь.

— Поверьте, я тоже не соглашусь.

Маимбар рассказал мне, что жертвами мошенников стало несколько подростков из всех частей Дивии. В основном обманывали пацанов и девчонок из Ветроломов или Шестого и Седьмого Кольца. То есть детей из бедных или среднего достатка семей, которые не могли

позволить себе покупку дорогих именных кристаллов «Игры Света».

После сеанса грязного колдовства, небесные стражники находили этих подростков в храмах Двенадцати Тысяч Создателей. Потеряв память и грани, дети блуждали по храму, не понимая, где они и как тут оказались.

— Странно, что ты вообще остался в своём уме, а не лишился разума, как другие, — добавил Маимбар.

— А мне странно, что никто не ловит мошенников!

— Как это не ловит? — засмеялся Маимбар. — Тебя же наказали за грязное колдовство?

— Неужели никто не знает об истинных виновниках?

— Обворованные отроки теряют память, поэтому не могут назвать ни имена, ни описать внешность своих губителей.

— Зато вы можете, да?

— Мальчик, — усмехнулся Маимбар. — Воры не такие глупцы, как те, кто попал в их сети.

— Вы тоже не знаете их имена и лица? — догадался я.

— Встречаясь со мной, они закрывали лица масками, — кивнул Маимбар. — И подавляли мой Внутренний Голос таким сильным моральным правом, что не удивлюсь, если среди них были уполномоченные из Совета Правителей.

Итак, мне стало чуть яснее.

Самиран купился на обещание мошенников, полагая, что поучаствует всего лишь в небольшом грязном колдовстве, наказание за которое ничтожное, а награда — двенадцать кристаллов яркого озарения с порнухой. Кстати, куда Самиран дел остальные? Ведь я нашёл только один.

Но участие Самирана в каких-то мошеннических схемах, смысл которых мне всё ещё неясен, никак не объясняло, почему я оказался в его теле? И почему у меня не только не пропали грани, но и преумножились? Их стало двадцать четыре тысячи вместо двенадцати тысяч.

Пока что всё это походило на чей-то большой *факан*, когда что-то пошло не так... в результате меня перенесло из двадцать первого века в... в... чёрт знает в какое время.

— А теперь уходи, мальчик и больше не приходи.

Из комнаты выдвинулся вышибала и погрозил палкой:

— Ещё увижу тебя здесь, покажу тебе, кто тут го-ри-ла.

Мне не терпелось поскорее рассказать о моём открытии маме Самирана. Но сначала надо помочь Хаки. Я чувствовал себя настолько одиноким в этом мире, что готов был дружить с кем угодно, лишь бы не оставаться наедине со своими мыслями и Внутренний Голосом.

Покинув лавку «Радуга Над Летающей Твердью», направился на улочку, где ранее заметил лавку, под её крышей висела каменная плита с иероглифами:

МИРНЫЕ КРИСТАЛЛЫ

СКУПКА, ПРОДАЖА И ОБМЕН

ВСЁ ДЛЯ МАСТЕРОВ, ТКАЧЕЙ, КАМЕНЩИКОВ, ГОНЧАРОВ И ВЛАДЕЛЬ
НЕРАЗУМНЫМИ

В отличие от лавки с порнушкой, полки стояли открыто, прямо на улице. А кристаллы хранились не в шкатулках с иероглифами, а просто лежали кучками, как картошка.

Некоторые завёрнуты в пожухшие листья, некоторые в тряпки. Только какие-то особые кристаллы лежали в корзинах.

Покупателей немного. Они брали сразу горсти кристаллов, бросая взамен несколько серебряных или золотых треугольничков.

Я уже начал привыкать к этому миру, но тут немного растерялся: на вид все кристаллы — одинаковые шарики, составленные из чёрных, стеклянистых граней.

— Малец, что ищешь? — крикнул из глубины лавки продавец, сухощавый мужчина, одетый в халат и большую меховую шапку с хвостом, спускавшимся на плечо.

— «Внушение Неразумным» есть? — непринуждённо спросил я.

— Тебе заметное, светлое или какое?

— Яркое есть?

— Вижу, ты серьёзный покупатель. По двадцать.

«Ещё один врун! — подумал я. С сомнение покачал головой и начал отходить от прилавка.

— Семнадцать, — предложил продавец.

— Я ещё похожу, посмотрю.

Поправив меховую шапку, продавец вышел из-за прилавка:

— Бери за пятнадцать, так уж и быть. И приходи снова в мою лавку.

— Чтобы я вернуться к вам завтра, не нужно обманывать меня сегодня.

Торговец засмеялся, а хвост его меховой шапки затрясся:

— С виду мальчик, а говоришь, как мужчина.

— Я внутри взрослее, чем снаружи, — засмеялся я в ответ. — И я знаю цены, уважаемый.

— Девять — моё последнее слово.

— Договорились.

Вынув из корзины кристалл озарения, торговец бросил его мне.

Я подхватил. Вокруг руки спроецировался Внутренний Взор:

КРИСТАЛЛ ЯРКОГО ОЗАРЕНИЯ «ВНУШЕНИЕ НЕРАЗУМНЫМ».

ТВОРЕЦ КРИСТАЛЛА: НЕИЗВЕСТНЫЙ МАСТЕР.

ДО ЗАТУХАНИЯ ОЗАРЕНИЯ, ЗАКЛЮЧЁННОГО В ЭТОТ КРИСТАЛЛ ОСТАЛОСЬ ДВА ВНУШЕНИЯ.

Я выбрал из шкатулки девять золотых граней и пересыпал в руку торговца. Интересно, почему стоимость яркого кристалла «Игры Света» исчислялась тысячами золота, а «Внушение Неразумным» всего десяткой?

Пообещав торговцу, что обязательно приду, если мне понадобятся другие кристаллы, вышел на рыночную площадь.

Ранее заметил там несколько летающих экипажей. Размером меньше, чем автобус, но больше, чем экипаж Рабб Хатта. Правда, выглядели они неважнецки: какие-то ободранные, с огромными щелями в досках на бортах. Сами доски грубые, чёрные, необработанные.

Возле экипажей стояли возницы и выкрикивали:

— Кому надо на Ветролом Непокорный! Осталось два места! О цене — договоримся.

Другой водила орал:

— Рынок Пятого Кольца, много свободных мест. По десять медяков за скамью!

Водилы не перекрикивали друг друга, а кричали по очереди, давая коллеге выговорить пункт назначения.

К сожалению, я не услышал ничего похожего на «Свинарники рода Карехи». А как назывался точный адрес — не знал даже Внутренний Голос.

— К-куда летишь, п-парень? — пристал ко мне водила, одетый в тонкую тунику. С-свободная скамья, десять медяшек и домчимся до Ветролома «Заря», как ветер.

Мужичку было так холодно, что даже говорил заикаясь.

— Мне надо на свинарники Карехи, — ответил я.

— С-слишком д-далеко, — сказал замёрзший мужик и отстал от меня.

Тогда-то я и заметил возницу, не похожую на остальных: молодая женщина в длинной шубе и меховой шапке. Слабым голосом она пыталась перекричать коллег:

— Чистая повозка, всего два места. Мягкие сиденья. Есть место для большой корзины. Чистая повозка...

Её повозка выглядела новой, по прямым бортам наклеены металлические узоры. Новизна и красота выгодно отличали её от других таксистов. Так же у повозки не было крыши, отчего она напоминала сани Санта-Клауса.

Я подошёл к женщине:

— Мне надо на свинарники семьи Карехи.

— Далековато...

— За сколько отвезёте?

— Два серебра, — тихо сказала она, словно стесняясь высокой цены.

Я вынул из шкатулки золотую грань:

— Сдача будет?

Радостно кивнув, женщина отворила низенькую дверцу, приглашая в повозку.

В салоне было всего две скамьи: передняя — деревянная, задняя — застелена толстым узорчатым матрасом. Я сел на матрас, женщина — на переднюю скамью.

Я ещё не видел, как управляют летающим экипажем, поэтому с любопытством следил за действиями возницы.

Женщина положила ладони на гладкую деревянную панель и, склонив голову, замерла на секунду. Повинуясь её мысленному сигналу, повозка плавно подскочила метров на пять и зависла в воздухе. Потом так же плавно развернулась и слегка задрала переднюю часть вверх. Я испуганно ухватился за борт экипажа, чтобы не выпасть. Ещё толчок — повозка стремительно взлетела.

Мне тут же стало холодно. Я сжался на скамейке, защищаясь от ветра.

Дивия вошла в плотное облако, поэтому ничего внизу не разобрать. Весь полёт я смотрел как трепыхались волосы женщины-возницы, выбивающиеся из-под меховой шапки.

Минут через десять летающая повозка пошла на снижение.

— Свинарники Карехи, — сказала водительница. — Вам какие именно?

Я перегнулся через борт и, шурясь от ледяного встречного ветра, посмотрел вниз. Иероглифы названий складов и свинарников нанесены на плоские крыши, их хорошо видно с высоты.

Как же назывались те свинарники? Пришлось вызвать Внутренний Голос.

«Мудрость», — напомнил он.

Водительница приземлила экипаж на той же площадке, на которой приземлялся автобус арестантов. Я только сейчас заметил тут каменную тумбу с иероглифами:

МЕСТО ДЛЯ ПРИЗЕМЛЕНИЯ.

СТРАЖИ РОДОВЫХ ВЛАДЕНИЙ КАРЕХИ ПРОСЯТ СТАВИТЬ АКРАБЫ ТОЛЬКО В МЕСТАХ ДЛЯ ПРИЗЕМЛЕНИЯ.

Оказывается, летающие экипажи назывались «акрабами».

Я отдал водительнице последний золотой треугольник. Взамен получил сколько-то серебряных. Чтобы не показать своего незнания, пересыпал их в шкатулку, не считая. Но как только женщина подняла экипаж в воздух и улетела, вытащил и пересчитал: десять.

— Голос, сколько серебряных граней в одной золотой?

«Двенадцать».

— А в одной серебряной — двенадцать медных?

«Да».

На подходе к свинарнику «Мудрость» меня перехватили двое стражников с эмблемами рода Карехи на груди. Приземлились, убрали крылья.

— Кто такой и куда идёшь?

— Самиран. Я... друг семьи... то есть рода Карехи.

— У Карехи не осталось друзей, — усмехнулся стражник. — Только родственники. Да и то не все.

— Может, я тоже скоро стану родственником, — ответил я.

Второй стражник бесцеремонно ткнул меня пальцем в лоб, применяя озарение «Чтение Путей».

— Что тебе здесь надо, Самиран?

— Пришёл помочь в уборке свинарников.

Тут приземлился третий стражник. Его эмблема рода была больше, чем у других. Явно — командир. Выслушав подчинённых присмотрелся ко мне.

— Да, видел его вчера. Разговаривал с Рабб Хаттом. Пропустите.

Все три стражника расправили крылья и улетели.

Хаки Энгатти я нашёл в дальнем углу свинарника. Защищая участок свежей соломы, он размахивал лопатой и плаксиво кричал:

— Уйдите! Прочь! Прочь!!!

Бить кабанов не решался, зная, что звери просто затопчут его. Кабаны деловито напирала на пацана, вынуждая того сдавать территорию.

Меня и Хаки разделяло море чёрных спин. Я достал кристалл озарения «Внушение Неразумным». Интерфейс Внутреннего Взора вспыхнул вокруг руки.

— Я пришёл помочь!

Разглядев кристалл, Хаки крикнул в ответ:

— Давай скорее, пока они не затоптали тут всё!

— Но я не знаю, как использовать кристалл. Я использовал только кристаллы «Игра Света».

— Ты смеёшься надо мной? Все кристаллы работают одинаково.

Я посмотрел на Внутренний Взор и мысленно соединил кристалл с Линией Духа Чёрные грани оторвались от кристалла и вереницей переплыли в Линию Духа. Она несколько раз дрогнула, рядом с нею высветился иероглиф «Затухание».

— Ну?

— Я сделал... Но ничего не... Ох, твою мать...

Меня охватило множество противоречивых чувств: голод, желание бегать, кричать,

спариваться с самками, драться с самцами, жрать, мочиться, жрать, гадить, снова кричать. Отдельно вспыхнуло желание ударить Хаки Энгатти носом в ногу. Эти позывы сменяли друг друга с огромной быстротой, не давая мне ни выполнить оно из них, ни унять.

Я догадался, что кристалл заставил меня переживать те нехитрые желания, какие руководили поведением свиней вокруг меня.

— Гони их! — крикнул Хаки.

— Как... гнать? — простонал я, борясь с желанием опуститься на четвереньки.

— Внуши им, как ещё?

Легко сказать. Казалось, что это свиньи внушали мне свои мысли, а не я им. Неужели эти хрюки ментально сильнее меня? То есть — Самирана, в чьём теле я оказался.

— Стоять! — гаркнул я.

Свиньи замерли. Насторожив уши все повернулись ко мне мордами и задрали головы, словно старались поймать мой взгляд.

Я представил, как все они выстроились у стен свинарника.

Повизгивая и толкаясь, животные начали разбегаться, в самом деле занимая места у стен!

Через минуту огромное стадо выстроилось, как первоклассники на линейке. Вели себя тихо, не осмеливаясь хрюкать и визжать. При этом чувства свиней перестали доходить о меня. То ли я внушил им такое спокойствие, то ли перестал смешивать свои ощущения и свинские.

Хаки подбежал ко мне и вручил лопату:

— Помогай.

Мы принялись разбрасывать свежее сено по всему свинарнику.

А животные так и стояли в почтительном карауле. Ни одна скотина не шевельнулась. Когда я подгрёб свежее сено близко к одному крупному, чёрному и очень борзому на вид кабану, он задрожал и отступил, вдавливаясь в стоящих сзади товарищей.

— Я слышал, — сказал Хаки, — что яркое озарение «Внушение Неразумным» управляет даже глупыми людьми. Как думаешь, это правда?

— В какой-то мере всё может быть правдой, — с уверенной уклончивостью отозвался я. — А в какой-то мере всё может быть и неправдой.

— Мудрые слова. Хотя я и не верю, что «Внушение Неразумным» подействует на человека. Разве что на Слугу или Служанку.

— И это тоже верно, — подтвердил я, абсолютно не понимая, о чём этот парень говорил.

За какие-то полчаса мы застелили весь свинарник толстым слоем свежего сена. Старое сено, пропитанное мочой и навозом, вывезли на тележке в специальный сарай.

Свинарник приобрёл даже какой-то нарядный вид: ровный прямоугольник чистого и приятно пахнущего сена. Ни куска дерма, ни лужицы мочи. Все обитатели свинарника ровными рядами жались по краям, не смея ступить на сено.

Иероглиф «Затухание» ещё не исчез. Только стал наполовину прозрачным.

— Разреши им спокойно ходить, но запрети испражняться, есть или рыть свежее сено.

Я выполнил просьбу: свиньи, осторожно ступая, разбрелись по свинарнику и остановились. Только мотали головами и изредка трогали копытцами сено. Ближайший ко мне кабан задрал голову и как-то умоляюще поглядел на меня.

«Терпи» — приказал я ему.

— Подожди меня, — сказал Хаки и выбежал из свинарника.

Скоро вернулся в сопровождении немолодой женщины, одетой в потёртый халат, с толстыми, как у одеяла, складками.

— Госпожа, я выполнил работу на сегодня.

— Ишь ты, — кивнул та. — Чисто.

— Я могу идти?

— Иди, — миролюбиво сказала женщина. — Завтра будешь работать в саду. Новый хозяин продаёт эти свинарники...

Хаки уже не слушал — радостно побежал к выходу. Но я заинтересовался её словами.

— Госпожа, — спросил я, — а кому именно продаёт свинарники Карапу Карехи?

— Обратнo роду Кхарт, — словоохотливо сообщила женщина. — Тем самым, у кого Вакаранга Карехи эти свинарники и выкупил за смешную цену. Отец построил великий род, а сын продал его труды за золото!

— Я слышал, что Вакаранга Карехи убил всех глав рода Кхарт, чтобы завладеть их долей мясного рынка?

— Подлецы брешут, а ветер носит, — уверенно ответила женщина. — Вакаранга был красивый, смелый и честный мужчина. Он открыто противостоял своим врагам на Пути, а не наносил удар, как змей, из грязи на обочине.

Поняв, что у женщины были какие-то свои причины превозносить величие Вакаранги Карехи, я поблагодарил её за разговор и помчался за Хаки.

15. Цена полёта и удар в нос

15. Цена полёта и удар в нос

Хаки сообщил, что недалеко от свинарников рода Карехи есть место для приземления. Там я смогу взять акраб до Шестого Кольца.

— А ты как?

Хаки неопределённо махнул рукой:

— Свинарники Карехи расположены на Девятом Кольце. Пешком дойду до Ветроломов.

Хаки уверенно направился в сторону далёкого забора, огораживающего землю рода Карехи, но я остановился:

— Надо проведать Виви.

— Я уже пробовал пройти к ней, — ответил Хаки. — Дворец Карехи окружён воинами, никого не пускают, только родственников.

Я не стал спорить и пошёл вслед за Хаки. Стражники у ворот владений беспрепятственно пропустили нас. Даже если у них и возник вопрос, почему арестант покинул место работы, то не стали тратить своё время на выяснение: ловля беглых арестантов — забота небесных стражников.

Мы стояли на небольшой дороге, вымощенной круглыми бульжниками. Позади тянулся глухой каменный забор владений Карехи. Впереди — огороженный деревьями пустырь. За ним — кромка густого леса, над которой, возвышался далёкий пик центральной скалы Дивии, словно она отдельно парила над летающей твердью.

Рядом с пустырём воткнута каменная тумба с иероглифами, сообщавшими, что эта доля земной тверди, размером девятьсот на пятьсот двойных шагов, принадлежит роду Ваная. Чтобы купить эту землю, сообщали иероглифы помельче, нужно уплатить золотые грани, согласно ценам рынка, или предложить равноценный обмен на долю земной тверди в Четвёртом Кольце, согласно ценности расположения.

Хаки Энгатти тоже заинтересовался объявлением. Пнул столбик и заявил:

— Когда стану великим воином и разбогатею, собирая дань с низких царств, то куплю себе такую долю. Род Энгатти станет одним из сильнейших родов в Дивии!

Его мальчишеский пафос умилил. Похож на подростков моего времени, которые мечтали разбогатеть и купить себе Ламбу и коттедж с бассейном. Правда, планировали богатеть не рэкето́м, а съёмкой роликов для Тик-Тока.

— Думаешь, к тому времени эта земля будет ещё в продаже? — спросил я.

— Ну, куплю в другом месте. Всегда есть доли, которые может купить богатый человек.

— А сейчас ты живёшь на Ветроломах? — уточнил я. — Сколько там стоит земля?

Хаки вдруг нахмурился и злобно зыркнул на меня:

— Смеёшься, да? Тебе хорошо: взял у родителей золото, да купил, что захотел. Ничего, скоро я стану намного выше тебя.

— Просто я не знаю, сколько стоит земля на Ветроломах...

— Холодные клетки и пещеры Ветроломов стоят столько, сколько есть у бедняка. То есть — ничего не стоят.

Хаки быстро зашагал по дороге. Я за ним. Кажется, он обиделся на мои вопросы.

Через несколько шагов он замедлился и развернулся:

— Благодарю тебя за помощь с уборкой свинарника. Я думал, ты забыл меня.

— Я всё помню. И то, что ты просил двадцать золота за кристалл, который стоит девять, тоже не забыл.

Хаки усмехнулся:

— А с виду ты простофиля.

— Не суди по виду. И больше не пытайся обмануть меня.

— Не буду. А ты не хвастай своим богатством. Есть люди и побогаче тебя.

Хаки остановился и протянул руку. Я пожал.

Рукопожатие в Дивии не было формой приветствия, а допускалось только между людьми, доверяющими друг другу. Я предположил, что запрет на лишний телесный контакт связан с озарениями, которые работали от прикосновения. Позволить незнакомцу коснуться тебя — значило, допустить его в свой Внутренний Взор или типа того.

Мы отправились по дороге, вымощенной булыжниками. Скоро заборы Карехи и пустырь Вану закончились. Начались заборы каких-то других родов. Слева потянулся забор из больших каменных плит, каждая украшена гербом с изображением солнца, у которого вместо лучей — копыта и витые палки. Справа — забор из железных прутьев, сквозь которые видны заросшие высокой травой луга и какие-то сараи, груды каменных плит и штабеля древесных стволов. Между ними ходили люди и обрубали ветки топорами.

Всё это походило на строительный склад, нежели на жилище богатых людей.

— Слушай, — спросил я у Хаки. — Получается, что Девятое Кольцо — это не самый престижный район?

— В Девятом, Десятом и Одиннадцатом вообще мало кто живёт, — ответил Хаки. — В них расположены поля, коровники, свинарники, каменоломни, плавильни железа и всякое такое. Где-то тут есть тюрьма для нарушивших законы Прямого Пути. А ещё хлева для слуг и служанок. Город начинается в Восьмом Кольце.

— Но почему тогда Карехи живут здесь?

— Потому что хотят быть поближе к своим свиньям, — усмехнулся Хаки. — Ну и земные доли тут дешевле, чем в центральных Кольцах.

— А на Двенадцатом Кольце что находится? — спросил я.

Хаки с подозрением посмотрел на меня и засопел. Я уже понял, что его сопение — признак эмоционального переживания.

— Ты опять смеёшься? — спросил Хаки.

— Нет. Честно.

— Ветроломы там. Ты будто дальше своего Кольца не выходил. Ничего не знаешь о летающей тверди.

— Так и есть, — засмеялся я.

Пропетляв между высоких заборов, дорога вывела нас к круглой каменной площади, в центре которой вздымался высокий столб, увенчанный статуей какого-то крылатого зверя похожего на льва. Напомнил мне Александровскую колонну в Питере.

Вокруг столба припарковано несколько акрабов. Их водители сидели, прислонившись спинами к колонне, и разговаривали друг с другом.

Акрабы были большими, как арестантские автобусы. Двери одного открыты. Туда гуськом входили слуги и служанки. Их охранял толстый стражник в какой-то мятой железной броне, которая едва держалась на нём. Время от времени он бил древком копыта какого-нибудь раба, подбадривая:

— Шевелись, грязь!

С другой улицы к площадке акрабов медленно вышла вереница слуг и служанок. Все замотаны в одинаковые серые тряпки. Их никто не сопровождал, но ни один раб не сделал попытки к бегству. Все покорно шагали к акрабу и терпеливо сносили удары стражника.

Я и Хаки подошли ближе к колонне.

— Уважаемые, — крикнул Хаки. — Кто летит в Шестое Кольцо?

— Ну, я, — ответил один водитель.

— Есть место?

— Только для слуг и служанок.

— А для людей есть места?

— За пятёру серебра могу отвезти, — отозвался другой водитель. У него была широкая лопатообразная борода, толстый халат и тюрбан из потёртой, но ещё золотистой ткани.

— Я сюда за две грани прилетел, — вмешался я.

— Вот тогда и улетай за две. А цена моего полёта — пять.

Хаки шепнул мне:

— Других акрабов тут нет. Вот и ломают цены.

— Ничего, — ответил я. — У меня хватит.

Водитель, не протягивая руки, раскрыл ладонь. Я достал шкатулку и отсчитал пять серебряных граней. Чтобы вложить их в руку водителю, пришлось подойти к нему вплотную.

Пересчитав грани, водитель распахнул толстый халат, под которым оказался тонкий, истрёпанный халат, такого же золотистого цвета, как тюрбан, перехваченный широким поясом из металлических колец. На поясе висело несколько шкатулок, в одну из них водитель спрятал грани. Потом тщательно запахнул халат.

— Полетели? — спросил я.

— Я скажу, когда «полетели», — недовольно ответил водитель и отвернулся от меня, продолжая разговор с товарищем.

Высокомерие водилы разозлило. Будто он оказывал мне милость, бесплатно! Я набрал воздуха в грудь, но Хаки взял меня за руку и отвёл от колонны:

— Просто они не возят пассажиров, а только скот и слуг. Нужно подождать, когда всех слуг погрузят.

Мы оба устали от ходьбы, поэтому присели на каменные тумбы, стоявшие по радиусу площадки.

Хаки подобрал широкий жухлый лист какого-то дерева и начал счищать грязь со своих сандалий. Странно, что моя обувь была намного чище.

Внутренний Голос подтвердил, что сандалии созданы мастерами сословия Созидающих Вещи. При обработке кожи было использовано незаметное озарение «Отталкивание Вещества». Оно не позволяло частицам грязи прилипать к ткани или коже. Теперь ясно, почему одежда многих диванцев, особенно в центральных Кольцах, выглядела новой.

Покончив с чисткой сандалий, Хаки обратил внимание на чёрные полумесяцы грязи под своими ногтями. Посмотрел, посопел и опустил руки.

— Скажи, Хаки, — начал я разговор, — а ты пойдёшь в Дом Опыта?

— Конечно, — снова оскорбился он. — Я не бездарный же.

— Я и не сомневался. Значит, увидимся там?

Хаки согласно качнул головой:

— Кстати, богатенький друг. Если у тебя есть свободные золотые грани, то купи на них кристаллы боевых озарений. И чтобы силой были не ниже заметного. Ну и защитных тоже

ВОЗЬМИ.

— Зачем?

Хаки снова принял покровительственный тон:

— Пригодятся.

— Мы будем воевать в Доме Опыта?

— Я — воин. Я всегда буду воевать. А ты, лекарь, конечно, можешь и не воевать. Но тогда готовься лечить свои раны чаще, чем чужие.

После серии наводящих вопросов, я наконец узнал, что в Доме Опыта процветала «дедовщина». Ученики сословия Защищающих Путь, которые уже усвоили не только наследованные озарения, но и несколько личных боевых озарений, любили колотить новичков.

— Я-то, Самиран, уже усвоил наследованное озарение от отца. Если кто сунется — получит от меня.

— Озарение можно усвоить и без Дома Опыта?

— Если найти Скрижаль Выбора.

— А зачем учиться в Доме Опыта, если озарения можно усвоить самому?

— То есть как это — не учиться в Доме Опыта? — изумился Хаки. — Только там можно получить все знания, нужные для успешного движения по Всеобщему Пути. Там хранятся скрижали знания о всех двенадцати тысяч озарениях. Учителя расскажут о мире под нашими ногами, о мире над нашими головами и о мире под летающей твердью. И... вообще, где изучать все озарения, если не в Доме Опыта?

— Но ты же изучил?

— Я просто усвоил наследованное озарение, которое и без того у меня было, — перебил Хаки. — Чего тут неясного? Если найдёшь Скрижаль Выбора, то можешь усвоить своё наследованное озарение.

— А где её искать?

— Кого?

— Ну, скрижаль, блин, эту?

— Ты смеёшься надо мной? В любом храме Двенадцати Тысяч Создателей.

— А их много?

— Кого?

— Храмов этих...

— А я считал, что ли? — возмутился Хаки. — Ну, в каждом Кольце, наверное, есть храм. Люди ведь должны получать благоволения Двенадцати Тысяч Создателей, не так ли?

— Наверно...

— Тогда чего не ясно?

— Ну да, ну да, всё ясно.

— Странный ты, — заметил Хаки.

— Я просто забыл, что благоволения... это самое... их получают... и это...

— Ох, друг Самиран, если ты и в Доме Опыта будешь вести себя так странно, то старшие будут тебя бить, даже я не помогу.

Я задумался, наблюдая за водителем в золотистом тюрбане. Он даже не делал вид, что торопился доставить меня домой! Достал откуда-то из-под постамента кувшинчик, отпил из него и передал товарищу. Тот отпил и передал другому.

Водилы громко смеялись и харкали под ноги после каждого глотка. Неужели — бухали?

Сделав последний глоток, мой водитель направился к акрабу, в который заходили слуги и служанки. Его штормящая похода не оставляла сомнений в содержимом кувшинчика.

Сказал что-то стражнику. Тот вытянул копьё, останавливая погрузку рабов. Водитель распахнул халат. Сверкнули серебряные грани, пересыпаемые в ладонь стражника. Не застёгивая халата, водитель поправил тюрбан и медленно пошёл вдоль рядов со слугами.

Стражник указал копьём на одну служанку и что-то сказал. Водитель подошёл и ощупал её. Потом кивнул и резко схватил служанку за руку. Рабыня слабо вскрикнула.

Все рабы настолько приучены молчать и повиноваться, что никто не шелохнулся. Водитель потащил служанку в сторону колонны. Остальные водители громко закричали:

— Давай её сюда! Щас посмотрим, что прячется под покровами!

Хаки Энгатти с интересом следил за происходящим. Даже деловито прокомментировал:

— Служанка уже принадлежит человеку. Этот водитель акраба нарушает право собственности.

Служанка упиралась всё сильнее и сильнее. Водитель так дёрнул её за руку, что она упала на каменные плиты. Разозлившись, водитель пнул Служанку в живот. Она снова тихо, вскрикнула и скрючилась, не пытаясь подняться.

От резкого движения тюрбан свалился с головы водителя, открывая плешивую голову. Пока он поднимал тюрбан, на помощь пришли другие водители. Подхватив молчаливо извивающуюся Служанку за руки и ноги, понесли её к постаменту колонны.

— Что они делают... — растерянно спросил я.

Хаки иронично поглядел на меня:

— Самيران, ты разве не знаешь, что могут делать мужчина и женщина?

— Над нею совершают насилие!

— Э-э-э... ну, да. И что? Пусть она не сопротивляется, не будут бить.

— Как что? Неужели Прямой Путь не покарает их?

— За что? — искренне удивился Хаки. — Хотя да. Служанка — чужая собственность.

Если её хозяин захочет связываться с этими бездельниками, может и покарать.

Ещё вчера я был свидетелем резни во дворце Карехи. Кровь лилась рекой, а кишки людей путались в моих ногах. Но это побоище не произвело такого душевного потрясения, как насилие над беззащитной рабыней, которая даже не осмеливалась кричать. Ибо кто придёт на помощь рабыне в городе, где её даже за человека не считают?

— Чё встали? — заорал стражник на остальных слуг и служанок. — Хозяева ждут вас.

Рабы мгновенно тронулись с места и полезли в акраб.

Тем временем водители разложили служанку на каменном постаменте, придавив коленями её руки и ноги. Кто-то начал разматывать нижнюю часть её тряпок, открывая смуглые ноги молодой девушки.

Она наконец тихонько заговорила на неизвестном языке. По интонациям можно понять перевод — она умоляла.

— Чё ты там лопочешь, грязное животное? — крикнул один водитель и с размаху ударил кулаком по замотанному тряпками лицу служанки.

Она замолчала. На серой ткани проступило тёмное пятно крови.

Мой пьяненький водитель, наконец, справился со своим тюрбаном и побежал к колонне.

— Эй, я за неё заплатил! Я первый!

Я отвёл взгляд. Потом посмотрел вверх. Крылатый лев на вершине колонны наблюдал всё это. Расправив мощные крылья, он как бы летел в белых облаках, мелькающих на Дивией.

Я не был смельчаком. Но и не считал себя трусом. Правда, я был намного смелее, если дело касалось меня. Когда мне что-то угрожало, я проявлял и смелость и решительность. Смелость загнанной в угол крысы.

Сейчас иное.

Я искал себе оправдание и нашёл: в конце концов, я в теле хилого пацанчика! Вот будь я в своём теле...

Или вот ещё оправдание: что я могу сделать против толпы водил? И должен ли вообще вмешиваться? Ведь я ничего не знаю о культуре Дивии. В случае с пьяными насильниками — ничего не знаю о её бескультурье.

Мне стало стыдно за эти оправдания. Даже сделал два шага в сторону колонны.

Хаки ухватил меня за локоть и показал в сторону акраба со слугами и служанками:

— Смотри, смотри, что происходит!

Один раб вдруг выскочил из экипажа и, не обращая внимания, на окрики стражника, побежал на помощь служанке. На бегу он сорвал со своего лица тряпки. Оказался молодым человеком со смуглой, как у служанки кожей. Вероятно, они были представителями одного народа.

Гневно выкрикнул что-то на своём языке и налетел на водителей. Одного оттащил от девушки, другого пнул, а моего водителя дважды ударил кулаком в лицо. Водитель зашатался и рухнул. Золотистый тюрбан снова свалился с его головы и размотался.

Водитель тут же поднялся, держась за нос — сквозь пальцы потекли струйки крови.

— Ты... оно... это животное ударило меня!

Толстый стражник, как и Хаки, с весёлой улыбкой наблюдал потасовку.

— Он меня ударил! — продолжил вопить водитель. — Стража!

— Видел, видел, — рассмеялся стражник. — Нормально так вдарил по тебе, грязный пьяница.

— Вот весело! — засмеялся Хаки. — Будто «Игру Света» смотрю.

Из-за неожиданного нападения насильники отпустили девушку. А молодой раб закрыл её своей спиной, и, размахивая кулаками, кидался на водителей, вынуждая тех отбежать подальше.

— Слабаки, — крикнул им Хаки. — Пятеро людей против одного слуги, да и то обмочились!

Водитель подобрал развязавшийся тюрбан и подскочил к стражнику:

— Выполни своё предназначение! Слуга открыл лицо! Как ты это терпишь? Ты защищаешь Путь или нет?

— Ладно, умолкни, пьяница, — отозвался стражник.

Отодвинув рукой водителя, перехватил древко копья и направился к Слуге и Служанке.

— Ты зря открыл своё грязное лицо, — крикнул он парню. — Теперь тебя ничего не спасёт.

Сжав кулаки, молодой раб ждал приближения стражника. А Служанка, кое-как замотав оголённый низ, бросилась в ноги стражнику:

— Не делать! Просить не убить брат! Моя согласиться. Пусть другие делать, что хотят. Не убить брат!

Стражник молча отпихнул её ногой и поднял копьё.

Молодой раб заревел и бросился на стражника. Конечно, тут же напоролся грудью на остриё — оно вошло в человека, как иголка в пластилин. Несколько секунд раб ещё пытался

бежать и размахивал кулаками, стараясь дотянуться до стражника. А тот держал вес его тела на копьё без малейшего усилия.

Когда тело раба обвисло, стражник без усилия поднял его и отбросил с площадки, как дачники перебрасывают граблями охапку жёлтых листьев.

— Военная закалка, — уважительно сказал Хаки. — Даже у этого жирного глупца она сохранилась.

Стражник обтёр остриё копья об тряпки Служанки, валявшейся у него в ногах. Потом развернулся и пошёл к акрабу, бросив водителю:

— Делайте, что хотели, да побыстрее. Хозяева ждут свои покупки.

Из акраба вышло несколько слуг, подняли тело убитого парня и унесли куда-то.

А водитель, утирая рукавом кровь из носа, схватил служанку за голую ногу и потащил обратно к постаменту.

Неожиданно ни один водитель не помог ему. Все расступились. Подтащив служанку, водитель швырнул её на постамент колонны.

— Может, не надо, Каип? — сказал один из насильников. — Как-то нет больше желания.

— Это у тебя нет желания, — отозвался Каип. — У меня оно только выросло и утвердилось.

— Она, конечно, низкая, но как-то это уже не весело... — сказал другой водила, облачённый в чёрную тунику из плотного материала.

— Уважаемый Патту, по-твоему я зря серебро отдал? — прервал его Каип. — Десять граней, между прочим.

— Это верно... — признал Патту. — Раз уж уплачено, то да.

С этими словами он подошёл к постаменту и поставил своё голое, волосатое колено на шею Служанки, хотя девушка и без того не сопротивлялась. Тряпки на её лице промокли от слёз и крови. Облепив лицо, тряпки очертили форму её носа и губ. Видимо эта похожесть тряпичного лица на человеческое и отвратила остальных от насилия. Сделав вид, что ничего не происходит, они разошлись в стороны, скрывшись за акрабами.

Но ни один из них не выразил возмущения.

Сбросив верхний, толстый халат, Каип отстегнул свой металлический пояс. Пристёгнутые к нему деревянные шкатулки загремели, упав на камень.

Одновременно с этим звуком стыд окончательно сжёг меня.

Да, можно оправдаться, что я в неизвестном мире, который живёт по чудовищным правилам! Но даже раб не испугался, защищая Служанку. А я ищу себе оправдания, как говно!

И кто тут настоящий раб?

— Уберите от неё свои грязные руки, — крикнул я, и так напряг глотку, что последние звуки перешли в визг.

Но ни Каип, ни Патту не обратили на это внимания, продолжая терзать Служанку.

Быстрым шагом я направился к постаменту.

Меня нагнал Хаки:

— Ты чё, Самаиран?

Я закашлялся и сипло ответил:

— Раб смелее нас, понимаешь?

— Не понимаю. Я — смелый. А чё?

— Да ну тебя.

Добежав до Каипа, я схватил его за плечо и попробовал развернуть, чтобы ударить. Но силёнок не хватило. Моя слабая рука скользнула по его мощному плечу.

Водила изумлённо обернулся:

— Я же сказал, что скоро полетим, малец. Иди, погуляй, не подсматривай за взрослыми.

— Оставь её, — потребовал я.

— Почему? — искренне удивился Патту. — Она разве твоя?

Я не знал, что ответить на этот наивный вопрос. Поэтому просто взял Служанку за руку и сказал:

— Вставайте, я отведу вас к остальным служанкам.

Рука девушки напряглась, пытаюсь вырваться из моих пальцев. Служанка смирилась со своим положением. У меня мелькнула ещё одна трусливая и оправдательная мысль: а не делает ли моё вмешательство её положение ещё хуже?

— Иди отсюда, малец! — крикнул Каип и толкнул меня в грудь.

Не удержавшись, я упал на задницу. Снова вскочил и набросился с кулаками на Каипа. Но его товарищ встретил меня встречным ударом в нос. На этот раз я свалился на спину и не поднялся.

В голове что-то звенело и крутились, будто Каип тряс в ней своими коробочками. Из глаз полились слёзы. Не от боли, а от злости и осознания своего бессилия.

— Эй вы, грязные ублюдки! — раздался надо мной голос Хаки. — Вы ответите за нападение на моего друга!

16. Смерть невинных и выздоровление виноватых

16. Смерть невинных и выздоровление виноватых

Хаки стоял напротив двух водителей. Чтобы казаться больше и сильнее, он расправил плечи и расставил руки, сжав кулаки.

— Да что же за день сегодня такой? — воскликнул Каип. — Не дают отдохнуть спокойно.

— Ты ударил моего друга! — грозным басом заявил Хаки.

— Вообще-то, я его ударил, — вмешался Патту. — Сейчас и тебя ударю, малец.

И занёс над Хаки волосатый кулак. Но парень бы настороже и легко увернулся. Правую руку Хаки окутал белый вихрь, и мой друг тут же ударил этим вихрем в живот Патту.

Раздался гулкий грохот, похожий на далёкий гром. Магический удар согнул Патту напополам и отбросил от пацана на десяток метров.

Прокатившись по каменному постаменту, водитель простонал и замер.

Каип, путаясь ногами в своём халате, отступил:

— Ах ты, ах ты... Стража!

Стражник с усмешкой ответил:

— Я не могу вмешиваться в поединок прирождённых жителей. Это предназначение небесных стражей. — Повернувшись к Хаки, добавил: — Неплохо умеешь обращаться с «Ударом Грома». Усвоил в Доме Опыта?

— Наследованное, — гордо ответил Хаки. — Я буду воином, как мой отец.

— Молодец, — кивнул стражник. — Защита Пути — единственное предназначение для настоящего мужчины.

Хаки горделиво прошёл по каменной площадке, размахивая гудящим кулаком с «Ударом Грома». Водители, сбежавшиеся поглядеть на драку, отхлынули от площадки.

Но Каип и не думал сдаваться. Он вдруг ринулся к своему поясу, валявшемуся поодаль, и сорвал с него коробочку. Быстро вытряхнул из неё на ладонь чёрный шарик.

— Хаки, берегись, — крикнул я. — У него кристалл!

Шарик рассыпался в руках Каипа. Вереница чёрных граней растворилась в воздухе, в результате чего на кончиках толстых волосатых пальцев водилы засветились электрические разряды.

— Думал, я не отвечу ударом на удар? — заявил Каип.

Хаки растерялся и отступил на несколько шагов.

Каип вытянул правую руку вперёд, а левую отвёл назад, словно натянул невидимый лук. При этом слегка присел, его волосатое брюхо комично всколыхнулось.

— Это «Стрела Молнии», малец, — подсказал стражник. — Будь готов к тому, что...

Электрические разряды сорвались с кончиков пальцев водилы и ударили в Хаки. Парень увернулся, сделав такой большой прыжок, на который точно не способен простой человек. Но и разряды, отскочив от каменной поверхности площадки, разлетелись в стороны — один попал парню в ногу, чуть выше стопы.

Хаки завыл от боли, упал и схватился за ногу, по которой бегали тонкие ниточки электричества.

— А пузан тоже неплохо использует «Стрелу Молнии», — прокомментировал стражник. — Ранив тебя в ногу, лишил преимущества в Линии Тела. Теперь не отпрыгнешь,

малец...

Каип снова отвёл левую руку, оттягивая тетиву невидимого лука. И это выглядело уже совсем не комично.

Хаки поднялся, выставил перед собой руку с «Ударом Грома». На лице его выразился страх.

— Дяденька, — пробормотал Хаки. — Я больше не буду...

Наконец и я вострепнулся. Заорав, бросился на Каипа. С разбегу ткнулся в его брюхо обоими кулаками. Наверяд ли я смог бы причинить ему хоть какой-то вред, но к моему крику вдруг присоединился женский визг — это Служанка спрыгнула с пьедестала и набросилась на обидчика сзади. Повиснув на его плечах, начала ногтями раздирать щёки Каипа, стараясь достать до его глаз.

Наша совместная атака отвела от Хаки следующий выстрел «Стрелы Молнии» — электрические разряды ударили в чей-то акраб. Большой и тяжёлый экипаж покачнулся, раздались треск досок и крик владельца:

— Да чтобы вы грязь всю жизнь жрали! Каип, с тебя починка...

Я что было силы молотил по животу водилы, но Каип не обращал на меня внимания — Служанка причинила ему гораздо больше боли.

Не думая о стрельбе электричеством, Каип ревел и бил руками по своим плечам, пытаясь попасть по девушке. Но она терпела его удары, впившись ногтями в лицо насильника.

Тут и Хаки доковылял до водилы. Схватил его за бороду и занёс над ним громовой кулак.

— Пощады! — заревел Каип. — Прошу пощады, светлый господин! Уберите её! А-а-а-а!

Стражник подскочил к Служанке и легонько ударил её древком копья. Девушка тут же свалилась со спины водилы и замерла.

— Пощады, — повторил Каип. По его расцарапанному лицу текла кровь.

Он бухнулся на колени и вытянул руки, с которых облетели последние искры электричества. Видать, кристалл озарения действовал недолго, тогда как громовой вихрь Хаки завис над Каипом.

— Малец, — приказал стражник. — Опустить руку. Если убьёшь его, тебе не миновать суда Прямого Пути.

— И пусть! Я был там! — гордо заявил Хаки. — Всякий, поднявший на меня руку, будет уничтожен! Таков путь воина!

— Тебя сошлют в грязь за убийство прирождённого жителя Дивии. Подумай, как ты продолжишь путь воина, оказавшись в грязи?

— Пощади его, друг, — попросил я. Хотя и так видел, что Хаки просто бравировал, наслаждаясь поражением сильного и взрослого человека.

— Ладно. — Хаки отпустил бороду Каипа и унял громовой вихрь. — Только теперь вы должны искупить вину, согласно правилам честных поединков.

— Какой поединок, унеси тебя грязь? — завизжал Каип. — Да вы напали на меня, как грабители...

Хаки снова схватил его за бороду и снова помахал кулаком, громовые раскаты загудели мощными басами.

— Согласен, согласен, — закивал Каип.

Каип подобрал свой халат, пояс и золотистый тюрбан. Всхлипывая и покашливая

направился к стоянке акрабов.

Стражник тем временем подошёл к Патту. Тот очнулся и сидел на постаменте, держась руками за живот.

— Тебе повезло, малец, — крикнул стражник. — Он жив.

— Я намеренно сдерживал силу, — ответил Хаки.

Осмелевшие водилы обступили площадку. В нашу сторону полетели ругательства:

— Наглые дети! Думаете, у нас своих озарений не найдётся?

— Куда смотрит небесная стража?

— Никогда их нет, когда нужны!

— Они не присматривают за Девятым Кольцом, — возразил кто-то. — Обычно здесь некого ловить.

— Ага, поэтому озарённым сосункам можно нападать на нас? — сказал другой водила. — Зовите небесную стражу!

— Тихо! — прикрикнул стражник. — Был честный поединок. Каип проиграл. Так я и скажу небесным, если вы их призовёте. Ясно?

Я подошёл к Служанке, пытаясь понять умерла она или нет? К счастью, её грудь слабо вздымалась и опускалась.

Стражник тоже встал рядом.

— Что с ней? — спросил я.

Не ответив, стражник быстрым и резким движением крутанул копьё и вонзил его в горло девушки. Я услышал звон наконечника, ударившего об камень.

Я испуганно отпрянул:

— Вы её... Зачем?

— Она напала на прирождённого жителя, — ответил стражник. — Какая разница, где её убьют: здесь или в стойле для Слуг и Служанок?

С чавкающим звуком стражник вытащил копьё из её тела и обтёр наконечник об изорванную одежду рабыни. Бугорок крови пробился сквозь тряпки, закрывавшие тело Служанки. Кровь как-то очень быстро распространилась по тряпкам девушки, словно её поглощала кровавая лужа.

Тошнота подступило к горлу, как во время резни во дворце Карехи. Закрыв рот рукой я побежал прочь.

Меня перехватил Хаки:

— Ты куда?

Вместо ответа согнулся и выблевал полупереваренную еду: все эти мерзкие листья, корни и жареную траву.

— Ну ты и слабак, Самиран, — усмехнулся Хаки. — Тебе точно не быть воином. Пошли, акраб ждёт нас.

Даже не спрашивая, какой акраб нас ждёт и где, я позволил Хаки увести себя.

В качестве расплаты за ущерб Каип согласился отвезти нас бесплатно, куда мы захотим. Заодно должен отдать все свои шкатулки с деньгами и кристаллами озарений.

Все эти условия выдвинул Хаки. Загребастав пояс с шкатулками, нацепил его на себя. Потом показал пальцем на золотистый тюрбан:

— И это тоже отдайте. В счёт искупления.

— Да это грабёж! — прошипел Каип.

— Уважаемый, не гневите меня. Вы согласились искупить вину передо мной. И моим

другом.

— Да вы же на меня и напали! Что я вам сделал вообще?

— Уважаемый! — прикрикнул Хаки. — Вы хотите оспорить результат нашего поединка? Могу повторить.

— Не надо, — буркнул Каип и отдал Хаки золотистый тюрбан.

Акраб Каипа похож на своего хозяина: большой, с пузатыми боками, по крыше шла золотистая каёмка, похожая на тюрбан хозяина. Овальные окна заделаны железными решётками, а узкие скамейки стояли такими тесными рядами, будто рассчитаны на детей.

Несмотря на то, что сквозь решётки сквозил ветер, в салоне держался запах, похожий на свинарник. Даже пол застелен грязной, стоптанной соломой. Под лавками валялись груды серых тряпок, которые носили слуги и служанки.

— Что же у тебя так грязно, хозяин? — спросил Хаки, располагаясь на скамейке.

— Это летающее стойло для слуг, а не акраб для людей, — огрызнулся Каип. — Поэтому рад видеть вас, светлые юноши, в моём акрабе.

Хаки не уловил насмешки в словах Каипа.

Каип хмыкнул и положил руки на деревянную панель. Акраб задрожал, словно ему было тяжело взлетать. Потом оторвался от земли и, громыхая пузатыми бортами, неторопливо начал набор высоты.

Хаки попробовал вальяжно закинуть ноги на скамейку, но скривился от боли. Я вспомнил о ране на его ноге.

— Ты же ранен! К счастью, я сын целительницы, у меня есть кристаллы.

Нащупав на боку сумку, вынул из него коробочку с целительскими кристаллами. Но Хаки отрицательно замотал головой:

— Не надо. Воин не должен полагаться в битве на какого-то лекаря.

— Какая ещё битва? — разозлился я. — Ты избил пьяного и жирного водителя, а не могучего воина Портового Города.

— Но он...

— Сиди ровно!

Хаки покорно вытянул ногу. Я закатал разорванную и окровавленную ткань туники повыше.

Рана оказалась не такой страшной — небольшое углубление, словно от сильного ушиба. Вокруг него коричнеVELO пятно обожжённой кожи. Кровь уже засохла.

У меня было два кристалла. Внутренний Голос подсказал, что для этой раны лучше применить «Мягкие Руки». Из его подсказки я сделал вывод: Самиран знал о назначении разных целительских кристаллов и умел их применять. Вероятно, научила мама, готовя сыночка к целительской стезе. То-то она разозлится, когда я стану Самираном Те-Танга!

Вспыхнул Внутренний Взор, вереница чёрных граней перетекла в Линию Духа. Возле неё всплыл иероглиф «Затухание». В отличие от затухания «Внушения Неразумным», которое продержалось почти полчаса, этот иероглиф таял заметно быстро. По скорости затухания предположил, что озарение продержится минуты три-четыре.

Вместо ожидаемой мягкости, мои руки онемели, даже одеревенели. Чтобы сжать или разжать пальцы, приходилось прилагать усилие. Одновременно с этим что-то произошло с моим зрением: оно подёрнулось серой пеленой, будто кто-то убрал настройки цвета, превратив весь мир в чёрно-белый фильм.

Зато рана на ноге Хаки заметно пульсировала красно-оранжевым пятном, волны

которого растекались по ноге.

Пульсация его раны отдавалась в моих ладонях ощутимыми толчками, словно мои руки и его рану связала силовая линия. Она как бы приглашала меня наложить руки на рану, что я и сделал.

Оранжевое пятно стало гаснуть, а пульсации силовой линии ослабли. Припомнив, как меня лечил небесный стражник Илиин, я водил руками по ноге Хаки, отчего оранжевое пятно исчезало ещё быстрее.

— Благодарю, друг, — пробормотал Хаки. — Хотя и не стоило, само зажило бы.

По его голосу заметно, что лечение облегчило страдание, но «воин» не хотел этого признать.

На посеревшем лице Хаки заметил бледные оранжевые точки. Я догадался — это его прыщи помечены, как мелкие раны. Преодолев отвращение, провёл ладонями по лицу парня, убирая точки.

— Светлый юноша, — жалобно позвал Каип. — Можно меня тоже озарить целебной силой?

Я обернулся на водилу: через его серое лицо тянулось несколько оранжевых линий — следы ногтей служанки. Внутри его тучного тела брезжили серо-оранжевые пятна, вероятно — следы каких-то внутренних болезней, до которых мои «Мягкие Руки» не дотягивалась.

— Вы получили по заслугам, — ответил я. — Из-за вас девушку убили!

— Какую девушку? — искренне удивился Каип.

— Служанку.

Каип с изумлением повторил:

— Она же не низкая. Как она может быть девушкой?

— Вы хотите сказать, что она не человек, а скот? — спросил я. Злость на этого придурка едва не вспыхнула с новой силой.

— Скот — это скот, — рассудительно ответил Каип. — Но слуги и служанки не люди, как мы. Хотя и не скоты.

— Как и все низкие, — подтвердил Хаки. — Ты чего, Самиран? Ты же богатенький. Твои родители нанимали учителей, которые тебе рассказали, что низкие заслужили своё положение, тогда как мы, прирождённые жители Дивии, заслуживаем своё высокое положение каждым своим поступком, каждым вздохом и ударом сердца, каждым действием во славу Дивии.

— Во славу Дивии, — подтвердил Каип. — Я понимаю, малец, что ты хотел остановить меня, чтобы я не покалечил Служанку, ведь хозяин ждал её.

— Д-да, — неуверенно сказал я. — Именно поэтому я остановил...

— Эй, вообще-то я остановил, — вмешался Хаки.

— Но вы, светлые юноши, тоже маху дали, — продолжил Каип. — Мы, водители, и охранники, которые грузят слуг и служанок на наши акрабы, мы все пользуемся служанками. Мы не оставляем следов на них. А теперь её прирезали, а это — убытки для рода Кдан, продавцов слуг и служанок.

— С другой стороны, — заметил Хаки. — Со стороны рода Кдан было опрометчиво продавать таких необузданных слуг и служанок. А если бы они набросились на хозяина? Значит, продавец небрежно вырастил и воспитал их.

— Верно говоришь, малец, — поддакнул Каип. — Ведь тот Слуга ударил меня! Подумать только!

— Ещё и лицо открыл, — добавил Хаки.

— Дикость, невероятная дикость!

Мне был неприятен их разговор. Ведь только что было убито два человека, чья вина была лишь в том, что они не вытерпели рабской доли. А виновные в их смертях — Каип, стражники и остальные водители — спокойно жили дальше.

Я допускал, что в Дивии свои порядки, но моё воспитание ещё не привыкло к тому, что жизни слуг и служанок ценились не больше, чем жизни домашнего скота.

Я подошёл к Каипу:

— Ладно. У меня ещё не затухло озарение.

— Верно, — обрадовался водила, подставляя свою бородатую морду под мои руки. — Чего добру пропадать-то?

Как я и ожидал, озарение «Мягкие Руки» скоро развеялось. В мир вернулись краски, руки обрели прежнюю гибкость, но одновременно с этим на меня опустилась такая усталость, я не удержался и застонал.

— Тебе надо усиливать Линию Тела, — наставительно сказал Хаки. — Она не выдерживает напора твоей Линии Духа.

— Что со мной? — прошептал я.

— Как что? Ты же сегодня дважды применил кристалл озарения. Оба наводятся на Линию Духа. Это и вытянуло все твои силы.

— Э... ага... ясно...

— Это у меня мощная Линия Тела... Ну, ещё не такая мощная, как у всех воинов, но я могу устроить ещё несколько поединков, даже сто поединков, и не устану как ты, слабачок.

От усталости я плохо соображал, даже не мог держаться на скамейке. Хаки обнял меня, поддерживая.

Видать, тема поединков его волновала, поэтому он начал рассказывать мне, как великие воины Дивии вызывали на поединок силачей низких царств, которые могли использовать только кристаллы озарений.

— Почему только кристаллы? — выдавил я.

— Ну как? — удивился он. — Низкие живут в грязи. У них нет благоволения прирождённых жителей Дивии. Двенадцать Тысяч Создателей не одарили их ни одной гранью. Ведь свет никогда не падёт в грязь. Вот низкие и покупают у нас кристаллы, думая, что с помощью них могут победить озарённых.

— А побеждали?

— Иногда, — беспечно ответил Хаки. — Но редко. Ты сам видел, что тот, кто усвоил озарение, имеет преимущество перед тем, кто использует кристаллы.

Далее Хаки рассказал, что любые споры между жителями Дивии можно решить с помощью так называемого честного поединка.

— Поэтому сильные рода не просят помощи Прямого Пути, как грязные слабаки, а сшибаются в честном бою со своими противниками, — заявил он. — Прямо как я сшибся в честном поединке с Каипом.

Хотя я и был рад, что Каип был повержен но не мог не признать факта:

— А ты уверен, что поединок был честным?

— Чего ещё? — недовольно засопел Хаки.

— У тебя имелось наследованное боевое озарение, а у твоего противника — один кристалл.

— Ты будто не рад, что я тебя спас? — ещё сильнее засопел Хаки.

Я снова не стал напоминать, что это скорее служанка спасла Хаки, который уже просил пощады.

В этот момент акраб Каипа затрясся особенно сильно и пошёл на снижение. В закрытом решёткой овальном окне мелькнули крыши Храма Движения Луны, уже облитые краской заката.

— Возле моего жилища есть место для приземления, — запоздало подсказал я Каипу.

— Нельзя ли приземлиться туда?

— Нет времени искать, — ответил тот.

Акраб опустился на широкую дорогу. Я вздохнул: опять предстояло подниматься по скользким ступенькам. А я всё ещё чувствовал слабость.

Хаки помог мне дойти до дверей акраба.

— Увидимся в Доме Опыта? — спросил я.

— Насчёт этого... — замялся Хаки. — Без кристалла «Внушения Неразумным» я не успею убрать все свинарники. Из-за чего опоздаю на новый набор учеников Доме Опыта. Придётся ждать следующего.

Я молча вытащил шкатулку с кристаллом и отдал Хаки.

— Благодарю, теперь точно будем вместе учиться.

— Слушай, друг, — спросил я. — А за что ты попал на суд Прямого Пути?

— За грани.

— Ты тоже стал жертвой грязного колдовства? — удивился я.

— За золотые грани, — уточнил Хаки.

И снова замолчал, полагая, что этого достаточно.

— А почему тебя поймали за золотые грани? — настоял я.

— Это были не мои грани.

Снова пауза, во время которой Хаки сопел, кося на меня взглядом.

— А чьи? — спросил я.

— Одного слабака.

— Ты их украл?

— Гы, — усмехнулся Хаки. — Зачем красть? Я так взял. Стукнул слабака в нос. И забрал его золото.

— А слабак что?

— Пожаловался родителям. А те — в Прямой Путь. Вот стражники и унесли меня за ограбление.

Всё ясно. Мой новый друг — обычный гопник из неблагополучного района Ветроломов. Гопник с магией громового удара.

17. Красавица и украшение

17. Красавица и украшение

Едва переставляя ноги, я тащился вверх по узким, покрытыми скользкой травой ступенькам, которые вели ко входу в жилище Мадхури Саран и Похара Те-Танга.

Слабость, наступившая после кристалла озарения, ещё не прошла. Я часто останавливался, садился на ступеньки и отдыхал.

Нужно скорее приобрести крылья. Или акраб.

Тяжёлое восхождение по ступенькам напомнило мне злосчастную поездку в Абхазию (на деньги моей девушки). С нами путешествовало несколько её друзей-парапланеристов (на свои деньги). Все как один — бородатые и мускулистые красавчики, с татуировками, пирсингом и постоянной, не русской улыбкой на загорелых лицах. Сверкая белыми зубами, они говорили друг другу: «Хэй, чува-а-ак» и обменивались хай-файвами.

Мы взбирались на какую-то гору, и я сильно отстал от всей группы. Чувствовал себя тупым и уродливым неудачником.

Особенно расстроился, когда один парапланерист вернулся ко мне и заботливо спросил: — Хэй, чува-а-ак, тебе помочь? Давай, я понесу твой рюкзачок.

Получив злобный отказ, он резко взбежал обратно на гору и дал другу звонкий хай-файв.

Что если в этой жизни, в мире магии и озарений, я стану тем, кем был раньше — беспонтовым лентяем и слабаком?

Стиснув зубы, я вскочил на ноги и, преодолевая головокружение, побежал по лестнице.

Жилище встретило меня тишиной и пустотой. Дверь из листьев и веток была настежь, если можно так сказать. Интересно, неужели в Дивии никто не ворует?

Тяжело дыша, я вполз в жилище, сбросил сумку и упал на подушки в центре комнаты.

Скоро надо мной появилась Служанка:

— Молодой хозяин желать еда?

— А мама и папа где?

— Старший хозяин и хозяйка ещё не приходят.

— Что на ужин?

— Еда.

Я оторвал голову от подушки. Проверил, не издевалась ли рабыня?

— Моя не знать, как еда называть, — добавил Служанка. — Еда разная.

— Опять салаты из цветов, варёные корешки и жареные листья? — вздохнул я. — А нет ли в доме мяса?

— Всё мясо на рынке.

Я всмотрелся в её прорезь для глаз. Показалось, что Служанка снова подшутила надо мной.

Представил, в каких унижительных условиях она жила в стойле, пока её не продали. Быть может, она подверглась групповому насилию во время перевозки в акрабе? Ей точно не до шуток над хозяином, который может убить её и не быть наказанным за это. Даже в Древней Греции ввели наказание за убийство раба. Пусть и не обременительное для убийцы.

— Ладно. Тащи свою «разную еду». Но сначала подогрей воду в бассейне. И принеси туда чистую одежду.

Служанка вышла, а я устыдился: только что переживал о судьбе рабов, а сам загрузил девушку делами. Что это, как не лицемерие?

Но сил, чтобы помочь таскать дрова, не было. Торжественно пообещал себе, что помогу в следующий раз.

После этого провалился в короткий сон. Проснулся от голоса Служанки.

— Вода горячо, молодой хозяин.

Всё ещё слабый, я поплёлся в бассейн, скинул одежду и с наслаждением упал в горячую воду.

Ванная комната стала моим «безопасным местом». В комнате Самирана я чувствовал себя незащищённым, тогда как в бассейне было тепло, приятно пахло и не было никаких окон, из которых дул ледяной ветер или врывались клочья облаков.

Я пролежал в бассейне не менее получаса. Когда вылез, то вспомнил, что так и не узнал, где хранятся полотенца? И пользуются ли ими вообще? Пришлось снова ждать, пока не обсохну.

Потом надел тунику, которая лежала в корзине, и обул сандалии. Кожаные шнурки снова как попало обвязал вокруг щиколотки.

Окинул взглядом любимую комнату жилища, сожалея, что нужно покинуть её, что бы снова жить в это странном мире... И тут моё внимание привлёк один объект: каменная плита, стоявшая у стены напротив бассейна. Её обрамляли гирлянд пахучих цветов, ветки и листья.

Раньше не обращал на неё внимания, но теперь до меня дошло — плита занимала такое место, какое в нашей ванной занимало бы зеркало. В её основании даже стояли корзины, напоминая тумбочки.

Я подошёл к плите.

Её серая поверхность зашелестела и покрылась множеством бугорков и выпуклостей, сложившихся в очертания человека. На поверхности плиты проявилось нечто среднее между фотографией и барельефом. Это выпуклое отражение, если его можно так назвать, в точности воспроизвело фигуру Самирана. Воспроизвело не только на плоскости, как обычное зеркало, но и в объёме.

Я пригладил свои пышные курчавые волосы. С лёгким шорохом барельеф повторил мои движения.

Впервые увидел Самирана со стороны.

Как уже известно, телосложения я не просто хлипкого, а мега хлипкого. Моя бабушка называла таких «соплёй» или «дрыщом».

Глаза, нос и губы достались в наследство от прекрасной Мадхури Саран. Я не урод. Хотя догадывался, что с таким тщедушным телосложением и необъяснимым страхом в выпученных глазах, Самиран не был сильно популярен у дивианских девушек.

Если сравнить меня и Хаки, то гопник с ветроломов выигрывал по всем пунктам этого конкурса красоты.

Хм, а что же во мне от Похара Те-Танга? Вероятно, этот широкий и тяжёлый подбородок, очень не похожий на мамин? Он тянул мою голову к полу, отчего мой взгляд казался тоже как бы приниженным.

Кстати, я давно присматривался к дивианцам, пытаюсь по внешним признакам определить их расовую принадлежность. Но так и не сделал окончательного вывода. Уверенно могу сказать лишь, что все они относились к европеоидной расе. Кожа большей

частью смуглого оттенка, но не слишком тёмного. Хотя на рынке я видел настолько смуглых торговцев, что они казались чёрными.

Цвет волос, форма носа или головы у всех варьировалась. Зато у всех диванцев похожие глаза: большие, часто навывкате, и всегда слегка миндалевидной формы. А вот цвет глаз варьировался от чёрного до светло-зелёного. Но чаще встречался коричневый.

Диванцы явно были смесью нескольких неизвестных мне народов, но с доминированием некой одной этнической группы.

На выходе из комнаты с бассейном я столкнулся со Служанкой.

— Молодая хозяйка, которая рядом, ждёт вас сейчас, — виновато сказала она.

— Какая ещё молодая хозяйка? Что значит, «которая рядом»?

— Молодая хозяйка приходит из дом, который рядом, чтобы говорить с молодой хозяйин.

Недоумевая, я прошёл в главную комнату. На подушках сидела молодая девушка, одетая в синий халат, богато расшитый красными узорами. Из его широких рукавов видны тонкие нежные руки, увешанные браслетами, верёвочками и ещё какими-то украшениями, названия которых я не знал — что-то вроде наручей, скреплённых цепочками драгоценных камней. Или не драгоценных, в ювелирке я не разобрался.

У гостьи недлинные вьющиеся коричневые волосы. Когда она склонила голову в приветствии, я увидел, что в локоны вплетены красные шнурки с пучком золотых граней на концах.

Похоже, что она моего возраста... то есть возраста Самирана, но из-за обилия украшений и подведённых чёрным глаз, казалась намного старше.

— Приветствую тебя, Самиран, — сказала она. — Я не знала, что твоих старших нет в жилище. Позволь мне уйти, чтобы не вызвать лживых подозрений окружающих.

«Голос, быстро, кто она?»

«Сана Нугвари, младшая дочь соседей с другой стороны Утёса Шестого Кольца».

— Приветствую тебя, Сана Нугвари, — склонился я в ответ. — Не знаю, о каких подозрениях окружающих ты говоришь?

— Мы должны предупредить своих старших, что будем разговаривать вдвоём, — пояснила Сана. — Без их согласия могут пойти кривотолки.

— А, ну тогда, мой папаша в курсе... то есть мой, отец осведомлён о нашей встрече. Уважаемая.

— Уважаемая, — вдруг усмехнулась девушка. — Ты прямо как старший говоришь. А даже в Доме Опыта ещё не был.

С этими словами она резво вскочила с подушек и уверенно пошла внутрь жилища, явно направляясь в мою комнату.

Заинтригованный я последовал за гостьей, оценивая, как грациозно покачивалась при ходьбе нижняя часть её тела под плотной тканью синего халата.

Сана уверенно дёрнула какую-то ветку на лиственной двери комнаты и она раздвинулась. Ха, даже я не знал, как её открывать. А эта девочка не впервые в гостях. Кажется, Самиран всё-таки не такой олух, каким показался. Ибо, что могло связывать его с такой красоткой?

Девушка и я прошли в комнату.

За нами проскользнула Служанка, и поспешно раскрыла один из больших сундуков. Вынула из него и раскатала на полу толстый ковёр без узоров, сверху бросила круглые

подушки, которые вынула из другого сундука. Поклонилась и, не разгибаясь, попятилась из комнаты. Ветки зашуршали, закрывая арку.

Но Сана не села, а отошла к овальному окну. Посмотрела в него. Потом раздвинула ветки, закрывающие овал, и перегнулась. Я услышал звук плевка.

— Э-э-э, — начал я. — Не желаешь жареной травы?

Чёрт, я даже не знал, как назывались местные блюда!

— Нет, — ответила девушка. — Я бы поела мяса, но в вашем доме его отродясь не было.

— И не говори, — усмехнулся я.

Оторвав от гирлянды листик, Сана выбросила его из окна и проследила за полётом.

— Хочешь пить? — предложил я.

Девушка заинтересованно обернулась:

— Ты достал настоящее портовое вино? Не вонючую жижу из козьего молока, как в прошлый раз?

— Хм, нет, но...

— Тогда не хочу.

Сана Нугвари явно чего-то ждала от меня.

— Рад тебя видеть, — наугад начал я. — Столько времени прошло...

— Самиран, — решительно прервала Сана, — скоро придут твои старшие. Ты купил, что я просила?

— Зависит от того, что ты просила...

— Ну, браслет, который я тебе показывала в лавке ювелира.

Сначала я не понял, о каком браслете речь, но тут вспомнил — тайник Самирана!

— Спрашиваешь, — уверенно ответил я. — Конечно купил. Сейчас.

Я бросился в угол с тайником, отодвинул корзину с плитами (куда вся слабость пропала?) и вынул деревянную шкатулку с браслетом.

— Вот, — протянул я ей раскрытую коробочку.

Цепкими пальчиками Сана вынула браслет и тут же надела на руку. Залюбовалась, как лучи закатного солнца заиграли в драгоценных камнях и замерцали в изгибах золотых иероглифов.

Но на лице девушки была странная смесь удивления, радости и... досады?

— Не думала, что ты его купишь, — призналась Сана.

— Я и сам не ожидал, — признался я. — Носи на здоровье.

— «На здоровье»? — переспросила она. — В золоте заложено озарения для здоровья?

— Нет, вроде...

— Тогда зачем так сказал?

— Просто... не знаю... не важно.

Девушка освободила на своей руке место, сдвинув к локтю другие браслеты и верёвочки.

Одарив меня очередным взглядом, полным странного сомнения, сказала:

— Ты доказал, что способен подарить мне вещь за две тысячи граней. Я должна подарить тебе обещанное.

— Это само собой, — кивнул я, совершенно не зная, о чём речь.

А сам подумал: «Две тысячи граней! Охренеть! Ясно, зачем Самиран связался с ворами граней. Такой образ жизни требует золота в любом мире, в любой эпохе».

Тем временем Сана подбежала к двери из веток, потрогала её, проверяя, заперто ли?

Потом повернулась ко мне и начала медленно развязывать пояс на халате.

Сана подошла ко мне вплотную. Полностью развязанный пояс висел на её руке. Я же ощутил неловкость, словно со мной это было впервые.

«Неужели я должен буду заняться с ней сексом? — подумал я, — Ведь для этого Самиран подарил ей дорогой браслет?»

Я смутно помнил, что в некоторых древних культурах существовала традиция обмена женской любви на подарки, и это не считалось проституцией. Хотя именно ею и было.

Да что там древние? Достаточно вспомнить русских господ, которые соблазняли деревенских девок, подарив им взамен шёлковый платочек или новые лапти. Иные господа, как герои рассказов Бунина, обходились вообще без подарков. Считали, что интерес барина к дивчине — уже подарок для неё.

Сана отвела взгляд, глядя куда-то в окно.

Закат достиг уже того момента, когда комнату разбил надвое яркий красный круг света. Я и девушка стояли в этом круге, как на сцене, освещённой прожектором.

Я избегал смотреть в её лицо. Девушка тоже не смотрела на меня.

Зачем-то сосредоточил внимание на халате девушки. Он шит грубее, чем одежда Самирана. Ясно увидел неровные нитяные швы. Так же отметил, что края халата соединялись тремя крючками с петельками. Кажется, её богатая с виду одежда была дешевле стильных туник Самирана.

Бросив пояс, девушка растянула петли, взялась за свободные края халата и развела в стороны.

Под халатом оказалась длинная, до колен, рубашка с круглым воротом, расшитая белыми рельефными узорами. Как-то отчаянно вздохнув, Сана схватила подол рубашки обеими руками и резко задрала до самого горла.

В красном закатном свете я увидел небольшую и красивую девичью грудь.

Некоторое время мы так и стояли.

Я глупо посмотрел на грудь девушки. Спустил взор на слегка выпуклый животик, снова поднял на грудь. А Сана, закрыв подолом рубашки нижнюю часть лица, глядела в потолок.

Я и не мог разобраться: то ли её лицо покраснело от заката, то ли от стыда.

— Ну, — досадливо вздохнула Сана. — Можешь потрогать.

Я хотел сказать: «Спасибо, обойдусь». Мол, что, я сисек не трогал? Щупал и побольше размерчики.

Но руки сами взметнулись к девушке и погладили её.

После этого Сана резко опустила рубашку и запахнула халат. Дрожащими пальцами застегнула петельки, подобрала пояс от халата и быстро повязала вокруг талии.

— Сана, — сказал я, — о чём бы мы не договаривались ранее, знай, что это всё было глупостями. Я вовсе не такой. То есть — такой, но не я. И вообще...

— Молчи, — тихо ответила Сана. — Мне пора домой.

Она отошла к арке и дёрнула ветку — дверь раздвинулась.

Я побрёл за ней, не зная, что думать и говорить. Вдобавок прежняя слабость вернулась с новой силой.

Мы молча прошли через тёмные комнаты и оказались в главной комнате. Там, на подносе стояли коробочки с едой, к которой я так и не притронулся.

— Служанка, — крикнула Сана.

Тут же вышла её Служанка, замотанная в белые тряпки.

Обе пошли к выходу.

— Мы же ещё увидимся? — зачем-то спросил я.

— Ты скоро пойдёшь в Дом Опыта?

— Да.

— Я тоже.

— Там увидимся?

— Да. Но не смей рассказывать кому-нибудь о браслете и том, как...

— Что ты, — замахал я руками. — Мой рот на замке!

Сана и её Служанка вышли. Я не знал, нужно ли провожать. Решил, что не надо.

Вернувшись в свою комнату, упал на подушки.

Слабость вернулась и достигла такой силы, что я едва не терял сознание. В животе бурчало от голода, ведь я так и не поел чёртовой жареной травы.

Надо бы расспросить Внутренний Голос об этой Сане... как там её...

«Сана Нугвари, — подсказал Голос. — Младшая дочь соседей...»

— Ага, — зевнул я. — The Girl Next Door.

Проснулся я от пинка в живот.

— Вы своего сына всегда так пробуждаете? — зевнул я.

— Ты не мой сын, — ответила Мадхури Саран.

Я сел на матрасе. Судя по тишине и темноте — глубокая ночь. Фонарь-светлячок слабо мигал среди цветочных гирлянд на стене.

— Я же просил не входить ко мне без спроса, — ещё раз зевнул я.

— Тебе надо продолжить изучение правил нашей жизни. Это лучше делать, пока Похар спит.

— О, сегодня я узнал очень много о вашей жизни, — отозвался я. — Сейчас расскажу. Но сначала...

Я отправился в комнатку с туалетом. Сделав все дела, вернулся. Мадхури Саран сидела на коленях среди подушек.

— Мыть руки после этой комнаты у вас не принято? — спросил я.

Мадхури удивилась:

— А ты забрызгал свои руки? В твоём мире так принято?

— В моём мире есть анекдот по этому поводу, — ответил я. — Теперь знаю, что он взят из жизни.

— В каждой комнате для облегчения нутра стоит кувшин с водой, — ответила мама Самирана. — Просто в нашем доме он сокрыт этими вонючими растениями, которые тут насадил Похар Те-Танга.

Я сел напротив Мадхури:

— Мне вот интересно, вы любите или всё-таки ненавидите своего мужа? Или вы сами не определились?

— Не твоя забота, — оборвала мама. — Рассказывай, что обещал.

Громкое бурчание моего живота заполнило ночную тишину.

— О, Создатели, — простонала мама Самирана. — Сейчас.

Она вышла из комнаты и скоро вернулась с подносом, уставленным кувшинчиками и коробочками еды.

Я набросился на жареную траву и корешки, попутно рассказывая о том, что узнал от торговца из лавки «Радуга Над Летающей Твердью».

thnBn

18. Линии и грани

18. Линии и грани

Вопреки моим ожиданиям мама Самирана не придала значения моему расследованию.

— Зря ходил, — заявила она. — Мы не узнали ничего нового.

— Как ничего? Мы узнали, что воровством граней занимается целая банда сильных озарённых, а не сам Самиран.

— Всё это — пустые слова торговца срамными картинками. И они не объясняют, почему светлая душа моего сына была замещена демоном.

— Ваш сынок не единственный подросток, которого воры соблазнили золотом и «Игрой Света».

— Опять же, всё это со слов торговца срамотой.

— Если мы отыщем этих детей и расспросим, сможем выйти на след воров.

Мама Самирана отпила из кувшинчика воды, пахнувшей цветами.

— Ладно, допускаю твою правоту. Но зачем нам сами воры? Мне нет дела, накажут их или нет. Я хочу вернуть сына.

Я тоже отпил из другого кувшинчика:

— Мне кажется, что переселение душ произошло из-за того, что воры что-то напутали. Сотворили грязное колдовство, последствий которого сами не ожидали.

— Я не вижу, куда ведёт этот путь.

— Мы можем узнать, какие озарения они применили. Может, заставим их повторить колдовство, вернув души на свои места.

Мама Самирана с сомнением кивнула.

— Вы с чем-то несогласны?

— Если поверить словам торговца, — начала Мадхури, — то у воров сильное Моральное Право.

— И что?

— Значит... их поступки... их воровство... — Мадхури говорила тяжело, словно сама отказывалась верить в это. Собравшись с духом, твёрдо произнесла: — Они заслужили своё моральное право благоволениями Двенадцати Тысяч Создателей.

— Что это значит?

— Воры живут во славу Дивии. Двенадцати Тысяч Создателей поддержали их на Всеобщем Пути...

Одним глотком я прикончил ароматную воду:

— Вы же помните, что я ничего не знаю о благоволениях? Что они такое?

— Ну, это... — Мадхури Саран всегда терялась, пытаясь объяснить мне что-то из их магии. — Жители Дивии получают их в храмах. И вот.

— Мамуля, если бы я хотел получить объяснение, которое ничего не объясняет, спросил бы у Внутреннего Голоса. Давайте по порядку. Как я понял, Моральное Право это одна из Линий Внутреннего Взора?

— Да.

— Тогда поговорим о Линиях.

Как следователь, допрашивающий подозреваемого, я выпытал у мамы Самирана следующие знания.

Внутренний Взор каждого озарённого содержал обязательные три Линии: Тела, Духа и Морального Права. В проекции на руке они располагались таким образом: Линия Духа — средний палец, Линия Тела — указательный, а Моральное Право — большой. Но опять же, к рукам и пальцам линии не имели отношения. Они располагались там только для удобства новичков.

Толщина, длина, твёрдость и яркость Линий означали уровень их «прокачки». Чем толще и длиннее, тем труднее поколебать Линию, исчерпав ресурсы озарения.

— А как усилить Линию Тела? — спросил я.

— Закалять тело упражнениями. Ведь для этого мы наняли тебе... то есть Самирану, учителя телесного здоровья.

— А Линию Духа?

— Получением знаний, усвоением озарений и использованием кристаллов озарений.

— Но я недавно использовал сразу два кристалла озарения, даже ослабел от них. Почему моя Линия Духа осталась такой же тонкой, бледной и дрожащей?

— Потому что два кристалла не дадут заметного усиления. Чтобы Линия Духа укрепилась через кристаллы, нужно использовать только кристаллы ярких озарений. И использовать их гораздо чаще, чем два раза в день.

— Это дорого, — возразил я, вспомнив цены на яркие кристаллы.

— Очень, — согласилась мама. — Поэтому сложились сословия предназначений. Они предоставляют своим участникам кристаллы ярких озарений. Сословие ускоряет укрепление необходимых Линий.

— Но для вступление в сословие предназначения, я должен принять их руководство надо мной? Усвоить те озарения, которые мне укажут?

— Если бы ты был из мелкого рода или вообще безродный, то так и было бы. Но ты примешь род Саран, не так ли?

— Конечно, мамуля.

— У нашего рода неплохое положение в сословии Возвращающих Здоровье, поэтому у тебя будет больше свободы.

Далее я узнал, что первоначальный сильный рост Линий можно получить в Доме Опыта. Поэтому учёба там считалась необходимой для всех, кто собрался идти по Пути Двенадцати Тысяч Граней.

Я спросил маму:

— А какая разница между Всеобщим Путём и Путём Двенадцати Тысяч Граней?

— Ну как же... — снова растерялась Мадхури. — Всеобщий Путь — это Путь всех жителей Дивии, как озарённых, так и нет. А Путь Двенадцати Тысяч Граней — это то, как человек, получивший Двенадцать Тысяч Граней, распоряжается ими на Всеобщем Пути.

— Это разные Пути?

— Да как же... О, Создатели! Что за вопросы? Всеобщий Путь — поэтому и Всеобщий что на по нему идут все.

— Ну, да.

— А Путь Двенадцати Тысяч Граней — это один из способов идти по нему.

— А есть другие способы?

— Если человек не получил Двенадцать Тысяч Граней или растерял их по дороге, он всё равно должен жить и трудиться во славу Дивии.

— Таков Путь, да? — ухмыльнулся я.

— Верно, — удивилась мама Самирана. — Наконец-то ты начал понимать.

Разобравшись с Линиями Тела и Духа, перешли к Моральному Праву. Оказалось, что это особая Линия, которая имелаась у всех жителей Дивии, независимо от того, одарены они гранями или нет.

Моральное Право — что-то вроде паспорта прирождённого жителя Дивии. Толщина, длина и твёрдость этой Линии отображала положение жителя во всеобщей городской иерархии.

Но главная особенность была в том, что у жителей не было верных способов укрепления Морального Права.

Если Линии Духа, Тела и другие гарантировано укреплялись и росли при выполнении необходимых действий, то для изменения уровня Морального Права житель мог предпринять только одно действие: отправиться в храм Двенадцати Тысяч Создателей и попросить там «благоволение».

В результате чего Двенадцать Тысяч Создателей или одаривали его повышением Морального Права или наоборот — наказывали его понижением.

— Но за что именно Создатели Тверди одаряют или наказывают?

— Никто не знает, — ответила Мадхури Саран. — Ведь только Создатели Тверди ведают каждый шаг всякого на Всеобщем Пути. Прежде, чем дать благоволение, они сравнивают поступки просителя с поступками всех просителей, бывших до него, и — живых и мёртвых — поле чего решают, наказать или поблагодарить.

Из дальнейших расспросов выяснил, что никто, даже озарённые священники из сословия Помогающих Создателям, не знали наверняка, какие поступки жителей Дивии будут вознаграждены, а какие наказаны.

В истории был случай, когда некий воин, покрывший себя славой в сражениях с Низкими Царствами, пришёл в храм за благоволением. Он был уверен в награде и пренебрёг предупреждением священника, что Создатели не готовы принять его. Воин вошёл в комнату благоволений... и вышел из неё с почти уничтоженной Линией Морального Права. Будучи не в силах вынести такой удар, воин покончил с собой.

Но был и противоположный случай: какой-то забулдыга, пьющий вонючее козье вино и живущий в клетках Ветроломов, так упился, что пошёл в храм. Как и воин, пьяница пренебрёг предупреждением священника, но получил от Создателей резкий рост Морального Права до такого уровня, что мог претендовать на место помощника в Совете Правителей.

— И этот алкаш заседал в Совете Правителей? — изумился я. — В моей стране был такой правитель...

— Конечно не стал! Священники сами убили его.

Впрочем, такие случаи были всё же редкостью. Обычно славные воины получали рост Морального Права. Как его получали славные торговцы, врачеватели и прочие жители Дивии. А пьяницы, дураки и негодяи редко получали награды.

Я вспомнил, что сразу после моего попадания в тело Самирана, парень как раз получал благоволение. Но получил в награду вовсе не повышение Права, а дополнительные грани!

— А могут ли Создатели наградить чем-то другим, кроме роста Морального Права?

— Да, — кивнула Мадхури. — Очень часто люди получают или вечное усиление какой-либо из Линий. Или кристалл яркого озарения. А бывает, что усваивают дополнительное озарение. Некоторые ждут таких наград больше, чем повышения Морального Права. Но и

выпадают они крайне редко.

— Получается, что никто не знает, что он получит, обратившись за благоволением в это казино: награду или наказание?

— Да. Хотя и не знаю, что такое казино...

Я взял её признание на заметку. Если походы в храм — это единственная азартная игра в Дивии, то я могу открыть здесь собственный Лас-Вегас! Рулетка, блек-джек, покер!

Я решил подвести промежуточный итог:

— То есть обращение в храм — это риск?

— Поэтому многие озарённые предпочитают жить с тем Моральным Правом, которое кажется им достаточным.

— А что даёт высокое Моральное Право, кроме возможности заткнуть чужой Внутренний Голос?

Мадхури снова замаялась:

— Без нужного Морального Права человек не сможет занять высокое место в сословии или в Совете Правителей.

— То есть в Совет Правителей сидят те, у кого самое высокое Моральное Право?

— Да.

— Какие возможности высокое Моральное Право открывает для Правителей?

— Я не буду рассказывать тебе этого чужеземец! Ты пришёл из грязи, тебе не дано знать о Совете Правителей.

— Э-э-э...

— Да, — Мадхури Саран сжала кулак. — Мы убиваем Слуг и Служанок, которые посмели повернуть свои закрытые лица в сторону Сердца Дивии.

— Вероятно, Сердце расположено в центре, в Первом Кольце? — предположил я. — Там, где торчит огромная гора?

— Да! То есть — нет. Я отказываюсь говорить об этом.

— Но ведь в Доме Опыта я всё равно узнаю обо всём?

— На то будет воля Создателей Тверди, а не моё предательство.

— Ясненько.

Я задумался.

Получалось, что, раздавая благоволения и наказания, некие Создатели Тверди (кто они вообще?) сравнивали не только содеянное одним человеком, но и то, как его деятельность отразится на жизни всей летающей тверди в будущем.

Тогда, спрашивается, как Создатели узнавали это будущее?

Они его моделировали и прогнозировали, исходя из сравнения поступков своих жителей, или же реально знали его? Моё перемещение из будущего в прошлое намекало на возможность второго варианта.

В очередной раз я убедился, что магическая система Дивии очень напоминала некую сложнейшую технологию. А раз это технология, то наверняка имелись и способы абьюзить её.

Вероятно, воры граней нашли в системе лазейку, через которую воровали грани подростков. Да ещё и получали за это укрепление Морального Права. Двойная выгода.

Ох ты ж, чёрт побери!

А что если цель воров именно в прокачке Морального Права, а не в торговле кристаллами, созданными из ворованных граней?

Но об этом не стал говорить маме Самирана. И без того волна новой информации захлестнула меня и грозила утопить.

— Мне всё ещё непонятно, как работает Моральное Право, — настойчиво продолжил я. — Кто заставляет дивианцев соблюдать эту иерархию?

— Что значит «кто»? — изумилась Мадхури. — Никто не заставляет жителя Дивии идти по Всеобщему Пути! Это лич...

— Личный выбор каждого, — подхватил я. — Знаю. Уже слышал не раз. Но ведь вы стремитесь повысить это Право через благоволение? Значит, в нём есть выгода? Даже с учётом риска получить наказание?

— Почему ты во всём ищешь выгоду?

— Потому что так устроен мир. И ваш, и мой. И у разумных арахноидов с Альфа-Центавры тоже.

Мадхури Саран задумалась. Потом неуверенно сказала:

— Сильное Моральное Право даёт больше возможностей для ярких озарений. Даже твой отец не смог бы стать Поддерживающим Стены, не имея нужного Морального Права.

— Вы что-то недоговариваете?

— Некоторые... некоторые двери в Совете Правителей или в Сердце Дивии не открываются для тех, у кого нет нужного Морального Права.

— Что за двери? — тут же спросил я.

— Ты не принадлежишь нашему миру, демон. Эти двери должны быть закрыты для тебя навсегда.

— Ясненько.

Чтобы не раздражать маму Самирана, я вернулся к изучению Внутреннего Взора. Система магии заботила меня сейчас больше, чем система государственного управления.

Мадхури рассказала, что всякое озарение или кристалл озарения использует свою Линию Внутреннего Взора. Впрочем, об этом я уже и сам догадался.

Внезапно вдруг выяснилось, что спрашивать-то и нечего. Я понял общий принцип магической системы: прокачивай Линии, усваивай озарения и время от времени посещай храм, чтобы попросить благоволение. Там уже Создатели Тверди решат, что тебе подарить или что у тебя отнять.

— А как часто можно ходить в храм?

Мадхури пожала плечами:

— Я не помню точно. Но любой озарённый из сословия Помогающих Создателям видит, можно или нельзя человеку входить в храм.

Я засомневался:

— Получается тот воин, который пренебрёг советом священника поступил глупо. Но пьяница тоже им пренебрёг, но сорвал джекпот?

Мадхури Саран скривилась, как делал обычно, когда я задавал странные вопросы или произносил непонятные слова:

— Предсказание священника всегда неточное.

— Мадхури Саран! — воскликнул я. — Мы с вами ослы. То есть я — осёл. А вы — ослица. Ведь ваш сынок должен был получить разрешение на вход в храм?

— Нет. Входить может всякий прирождённый житель. Иногда туда пускают даже низких царей, с которыми Совет Правителей хочет вести дела.

— Зачем же нужны Помогающие Создателям?

— У них есть озарение «Толкование Равновесия» которое показывает, чему более подвержен человек, благоволению или наказанию. Чем сильнее озарение, тем точнее предсказание. Но полной уверенности нет ни у кого.

— Тем более надо найти этого священника и поговорить с ним. Вдруг Самаиран был не готов? Вдруг переселение душ — это форма наказания?

— Служители храмов осматривают сотни людей за день, — неуверенно согласилась Мадхури. — Что он может сказать нам о Самаиране?

— Например, был он один или с кем-то?

Мадхури Саран оживилась:

— Надо попробовать.

Но я не успокоился. Мне казалось, что я упустил что-то ещё, связанное с храмом. Ведь оттуда всё и началось.

— Почему служители допускают грязное колдовство в стенах храма? — спросил я.

— Они не допускают. Храмы Двенадцати Тысяч Создателей большие, в них сотни комнат для получения благоволения. Служители не могут присматривать за всеми.

— А почему я был один в храме, когда очнулся?

— Ты не был один в храме. Ты был один в комнате. Получение благоволения происходит только тогда, когда человек наедине с Создателями. Нарушение его покоя будет богохульством, за которое сразу сбросят в грязь.

— Небесный мент! — воскликнул я.

— Ме... мент? Что?

— Небесный стражник, который пленил меня в храме.

— Ты думаешь Илиин замешан в этом?

Я азартно кивнул:

— Даже если и не замешан напрямую, то мог увидеть что-то подозрительное.

Мадхури оживилась:

— Я допрошу его с «Правдивой Беседой».

— Мы же договорились хранить всё в тайне. И тут вы припрётесь к небесному стражнику и начнёте допрашивать его о переселении душ?

— Но что нам делать?

— Действовать осторожно.

Мадхури погладила меня по щеке:

— Тогда и ты соблюдай осторожность. Если тело моего сына пострадает, я выну из него твою демоническую душу и утоплю в грязи.

Я кивнул:

— Договорились.

Мадхури Саран поднялась с колен.

— Вы куда?

— В храм. Хочу расспросить служителей...

— Но ведь сейчас ночь?

— Для служителей храма нет времени сна или бодрствования. Они всегда ждут тех, кто готов получить благоволение.

Я фамильярно схватил её за руку и утянул обратно на матрас. Наверняка со стороны это выглядело довольно игриво.

— Вы же сами сказали, что мне надо изучить вашу жизнь. Давайте воспользуемся тем,

что Похар спит.

Мадхури вырвала свою ладонь из моей и замахнулась для удара. Потом опустила руки:

— Ты прав, мерзкий демон. Спрашивай же скорее, что хочешь узнать.

У меня накопилось много вопросов общего характера. Кто создал Дивию? Как появилась система усиления человеческих способностей, которая замаскирована под магию? Почему выдаётся только двенадцать тысяч граней? Почему система ограничена только людьми, родившимися в Дивии?

Но я снова выбрал самый дурацкий из возможных вопросов:

— А что будет, если слуга и служанка заведут ребёнка? Получит ли младенец грани и Моральное Право? И что будет тогда?

Мадхури Саран усмехнулась:

— В древности бывали такие случаи. Они описаны в скрижалях знания о прошедших днях. Как и все родившиеся на Дивии, дети рабов получали Линию Морального Права, а некоторые — и двенадцати тысяч граней озарений.

— Что с ними стало?

— Говорю же, это случилось много поколений назад, когда в Дивию вознесли из грязи первых слуг и служанок. Когда люди Дивии узнали о рождении рабов, озарённых гранями, их всех убили. После этого слуги и служанки стали проходить лечение у сословия Возвращающих Здоровье.

— Вы их лечите от деторождения?

— Да. Мы уничтожаем создание семени у мужчин и удаляем детородную утробу у женщин.

— Вы сказали «много поколений назад». А как долго существует Дивия?

Мадхури снова нахмурилась:

— Это лишние вопросы, ответы на которые не должен знать чужеземный демон, занявший тело моего сына.

— Опять вы меня демоном обозвали, — вздохнул я. — Я уже думал мы начали находить общий язык.

— Ты не мой сын, я никогда не буду относиться к тебе хорошо. Запомни это, захватчик.

— Ладно, узнаю это из Скрижалей Знания в Доме Опыта, — усмехнулся я.

— Если на то будет воля Создателей, — согласилась Мадхури.

Я вспомнил, что торговец порнухой упоминал о неких «свободных гранях». Спросил у мамы Самирана, что это такое.

— Свободными называются грани, которые остались у человека неиспользованными, — ответила она. — Например, у тебя сейчас двенадцать тысяч свободных граней, а у меня только триста.

— То есть это те же самые грани, просто зачем-то названы «свободными»?

— Не «зачем-то», а потому, что свободные грани можно использовать для создания кристаллов озарений. Чем больше у тебя свободных граней, тем больше кристаллов ты способен сотворить.

Я уже вник в механику работы граней, поэтому деловито осведомился:

— А создание кристалла озарения стоит столько же граней, сколько усвоение озарения?

— Верно.

— Но ведь это невыгодно! Зачем тратить грани на творение кристаллов, которые ограничены в использовании, если можно на те же грани взять озарение, которое будет с

тобой до самой смерти?

Мадхури Саран покачала головой:

— Ты не понял. После слияния кристалла свободные грани затухают, но через некоторое время возвращаются.

— Приведите, пожалуйста, пример, — попросил я. — А то я запутался в этих гранях.

Мадхури Саран встала с матраса:

— Я тебе покажу, как это делали твои учителя в детстве.

Она вытянула руки перед собой, растопырив пальцы так, словно держала невидимый мяч. Закрыла глаза и замерла.

Стояла так, наверное, больше минуты.

Я негромко кашлянул в кулак.

Мама Самирана приоткрыла глаза:

— Слияние граней в кристаллы требует времени.

— Много?

— Для людей с тонкой и слабой Линией Духа — много. Для меня — нет.

Мама Самирана закрыла глаза и простояла ещё две минуты. Потом между её ладонями прорисовался размытый контур шара. Одновременно с его появлением Мадхури сблизила ладони. Размытый шар уменьшился, одновременно уплотнился и приобрёл чёрный цвет, свойственный кристаллам озарений.

Когда шар уменьшился до размера теннисного мячика, я различил в нём множество граней, которые хаотично метались внутри границ шара. То одна, то другая, то сразу десяток чёрных граней вдруг останавливались и соединялись друг с другом, принимая стеклянный вид.

За несколько секунд большинство граней соединились с соседними и застыли.

Мадхури сомкнула ладони, после чего сжала правый кулак.

Опустилась обратно на пол и протянула мне кулак. Раскрыла — на ладони лежал блестящий чёрный шарик. Грани, составляющие его, были так плотно пригнаны, что не различить узора их соединения.

Я протянул свою руку и положил на ладонь Мадхури.

Вспыхнул Внутренний Взор:

◆

КРИСТАЛЛ НЕЗАМЕТНОГО ОЗАРЕНИЯ «НАВЕДЕНИЕ СНА».

ТВОРЕЦ КРИСТАЛЛА: МАДХУРИ САРАН.

ДО ЗАТУХАНИЯ ОЗАРЕНИЯ, ЗАКЛЮЧЁННОГО В ЭТОТ КРИСТАЛЛ ОСТАЛОСЬ ПЯТЬ НАВЕДЕНИЙ.

◆

Мадхури сказала:

— Я создала этот кристалл из десяти свободных граней. Теперь они потухли. Но из-за того, что моя Линия Духа крепка и сильна, свободные грани вернутся уже утром.

— А у тех людей, кто ниже вас по Линии Духа, время возвращения свободных граней будет больше?

— Да. Но если у них будет сильная Линия Тела, то время будет другим. У каждого своё время.

Женщина спрятала шарик в складки своей туники.

— Завтра отнесу кристалл в лавку на рынке Седьмого Кольца. Скупщик даст мне не

менее сотни золотых граней.

— Не слишком ли много золота за один незаметный кристалл?

— После нападения на Карехи, многие союзники и друзья рода Карехи потеряли сон.

Цены на кристаллы «Наведения Сна» выросли. Вчера за него не дали бы и десятки.

— А отчего зависит количество использований кристаллов? От Линии Духа?

— От Линии Духа, — кивнула Мадхури. — От Линии Тела, от Морального Права, от Линий других усвоенных озарений. Можно увеличить это число даже с помощью других кристаллов озарений, например, с помощью озарения «Огранка Кристалла». Но высокое число использований кристаллов ещё не показатель его ценности. Многие кристаллы ярких озарений можно применить лишь один-два раза, но при этом они произведут потрясающее действие.

Я досадливо вздохнул:

— Как всё сложно-то.

— Это сложно для чужеземного демона. Ты будешь изучать слияние кристаллов в Доме Опыта, — сказала мама Самаирана. — Когда выберешь род Саран и наследованное озарение, будешь создавать кристаллы сам. Это дело непростое, учиться ему долго. Но крепко слитые кристаллы с целебными озарениями весьма ценятся на рынке.

Я снова догадался:

— Цена зависит от имени мастера, создавшего кристалл?

— Не только, но имя творца кристалла может повысить цену. Моё имя ценится, хотя есть мастера и намного лучше меня. Но всё-таки больше тех, кто намного хуже.

— Всё равно сложно.

— Тебе и не надо знать все двенадцать тысяч озарений, — воскликнула мама Самаирана. — Никто не знает их все. Даже учителя в Доме Опыта могут рассказать о назначении от силы тысячи озарений.

Наш разговор угас сам собой. Мадхури всё чаще зевала и потягивалась, я тоже хотел спать.

Мама Самаирана решительно встала и вышла, оставив травяную дверь распахнутой.

— Никакого уважения к личной жизни ребёнка, — сказал я и подошёл к арке.

Дёрнул одну ветку, другую, третью. Дёргал до тех пор, пока не нашёл нужную — травяная дверь зашелестела, заскрежетала ветками и закрылась.

19. Спокойные дни и беспокойные погоды

19. Спокойные дни и беспокойные погоды

Моя девушка, которая парапланеристка, однажды призналась:

«Контраст, вот, что привлекает меня. Я провожу много дней в большом, но спокойном офисе, в тихом старинном здании у Обводного Канала. Решаю маркетинговые проблемы тех клиентов, которые обратились в нашу фирму, или придумываю эти проблемы, если у клиентов всё хорошо. Поэтому мне нужен контраст. Когда я летаю на параплане, я максимально далеко и от офиса, и от вонючего Обводного Канала, и от маркетинговых проблем клиентов. Раньше я прыгала на парашюте, но мне быстро надоело. Прыжок с парашютом даёт ощущения риска, но этот *адреналиновый раш* быстро проходит. Зато на параплане я испытываю страх за свою жизнь почти всё время полёта. На параплане я летаю, как под адреналиновой капельницей».

Слушая её, я кивал и краснел. Ведь моя жизнь — это преподавание истории чувакам в транспортном колледже. Я рассказывал о Русской Революции, Древней Греции или Месопотамии парням, которые будут ремонтировать автомобили.

Пока моя девушка летала в небесах с бородатыми качками, я развлекался тем, что бухал в баре с одним из моих немногих друзей, или, чаще всего, смотрел дома сериалы. А когда уставал смотреть — играл в игры.

Перемещение в тело Самирана, живущего в летающем городе, оказалось таким контрастом к моей прошлой жизни, что даже миллион экстремальных прыжков на парашюте с парапланом этого не перевесит.

Я не просто попал в чужое тело. Сразу после этого я угодил на суд за чужие грехи. Потом оказался в центре чужой кровавой разборки во дворце мясного барона. Потом столкнулся с жестокостью дивианцев, которые не считали рабов за людей. Это не упоминая таких мелочей, как интриги между родами Те-Танга и Саран, в которых переплелась любовь, чувство семейного долга и ненависть. Всё это тоже — чужое.

Вот почему вспомнил высказывание мой девушки о контрасте. После экстрима первых дней жизни в Дивии, наступила спокойная полоса.

Меня никто не тащил в суд, не пытался убить магией. Копьями тоже больше не пытались заколоть. И даже малолетняя красавица Сана Нугвари не приходила в гости, чтобы показать свои сиськи в обмен на украшения.

Я и мама Самирана продолжали каждую ночь встречаться тайком от папы.

Кроме базовых знаний об озарениях, Внутреннем Взоре и Голосе, Мадхури Саран научила меня не менее важным вещам: я наконец-то узнал, как правильно шнуровать сандалии и как цеплять плащ к вороту рубахи, халата или туники.

Так же мама Самирана рассказала мне о родах и семьях Дивии.

Как я понял, клановое и сословное устройство социума не закладывалось Создателями, а сложилось само собою за те поколения, сколько существовала Дивия. А вот управление городом хотя и осуществлялось жителями, но исключительно по правилам Создателей летающей тверди.

Выбор озарения определял назначение жителя. Сословие Поддерживающих Твердь, к которому относился папа Самирана, следило за инфраструктурой города: чистотой улиц,

ремонт Колец и Ветроломов. Воины — воевали и собирали дань с низких. Лекари — лечили. Помогающие Создателям — следили за работой храмов и доставкой благоволений тем, кто решился на них.

Вникать во всё это я не стал, но узнал важное: без соответствующего озарения механизмы Дивии просто не работали. Мама Самирана не могла толком сказать, какие именно механизмы, но я понял, что внутри тверди крылась огромная машина, которая держала город в воздухе. Там же, наверняка, располагался ядерный реактор. Взрывом реактора можно объяснить следы радиации, которые зарегистрировали узбекские специалисты, раскопавшие Дивию в моём времени.

Уровень Морального Права определял степень доступа жителя к важным элементам жизни города. Это касалось и тех дверей, которые упомянула мама. Например, жители с недостаточным уровнем морального права не могли перейти в Первое и Второе Кольцо. Там могли находиться только члены Совет Правителей.

— А если нарушитель попытается тупо перелететь через Кольцо? — спросил я. — Кто его остановит?

— Нарушителя остановит воля Создателей, — туманно пояснила мама. — Он просто упадёт замертво.

Распределение ролей всех дивианцев по рангу Морального Права и предназначениям создало в Дивии что-то вроде меритократии. Это такая политическая форма правления, когда экономику и политику страны определяли не те, кто получил это право от рождения, через богатство или выборы, а те, кто приложил к этому больше усилий.

Заслужить высокое Моральное Право — сложно. А чтобы заслужить его надо трудиться во славу Дивии. Таким образом летающей твердью всегда правили самые патриотичные жители. Те, кто прикипел к Дивии душой и сердцем.

Дивианцы не могли сменить форму правления, Совет Правителей был ключевым элементом жизни города. Зато они могли сколько угодно интриговать и воевать друг с другом в рамках сословно-клановой системы, основанной на магических особенностях.

Впрочем, мама неохотно говорила о других сословиях. Тем более о сословии Поддерживающих Твердь. Я решил, что подробности узнаю от папы. Ведь я выберу его фамилию и предназначение. Хотя маме врал, что обязательно приму род Саран и стану целителем.

На вопрос, сколько всего сословий было в Дивии, ответить не смогла.

— Самые главные ты уже знаешь, а мелочь не стоит упоминания.

Зато мама Самирана охотно сплетничала о родах, семьях и их интригах. Целительница имела доступ ко многим «большим людям», поэтому узнавала сплетни из первых уст.

По её словам сейчас в Дивии насчитывалось двадцать самых сильных родов. Они поддерживали своё превосходство на протяжении нескольких поколений. Каждый из этих родов не только занимал высокое положение в своём сословии предназначения, но и входил в Совет Правителей.

Первыми, само собой, шли военные из рода Кохуру. Заодно их род был самым богатым в Дивии.

Мама проболталась, что сразу два старших из этого рода достигли наивысшего Морального Права, поэтому оба заседали в Совете Правителей. Как я понял, такое произошло впервые в Дивии. До того, как убийство Вакаранги Карехи всколыхнуло

общество, все бурно обсуждали именно это событие.

Появление сразу двух людей из одного рода в Правлении разозлило остальных Правителей, ведь Кохуру могли координировать свои действия, решая какие-то вопросы в экономике в пользу своего рода.

За родом Кохуру в этом хит-параде толстых и твёрдых Линий Морального Права шли другие военные — род Патунга. Как я понял, они во всём походили на соперников из Кохуру. Тоже разбогатели на грабеже Низких Царств и торговле рабами.

Третьими, как сказала мама Самирана «почти вторыми», шёл род Ронгоа. Почти все его озарённые представители принадлежали сословию Возвращающих Здоровье.

— Ронгоа — наши друзья и союзники, — пояснила мама. — Когда ты станешь одним из Саран, то ты, я и глава нашего рода получим разрешение на беседу со старшим рода Ронгоа. Это решит твою судьбу окончательно.

— И судьбу вашего... нашего рода?

— И... это тоже... — нерешительно призналась мама. — Мы обещали Ронгоа, что у Саран появится яркий целитель, который будет полностью подчинён сословию Возвращающих Здоровье. Если ты не станешь этим целителем, Ронгоа отвернутся от нас.

Это признание немного поколебало моё решение принять род Те-Танга. Поколебало, но не изменило. Ведь стать тем, кто имеет доступ к Сердцу Дивии, ко всей инфраструктуре летающего города, гораздо интереснее, чем ходить по домам «больших людей» и с помощью волшебства лечить их подагру, молочницу или импотенцию.

Четвёртым по влиянию, но не богатству, считался род с очень понтовым именем — Дивиата. В самом слове уже содержалась претензия на некоторое родство с Создателями Дивии. Почти все озарённые этого рода прославились выбором озарений гуманитарного направления. Лучшие учителя Дома Опыта, лучшие создатели «Игр Света», лучшие музыканты и певцы принадлежали этому роду. Кроме этого, именно Дивиата чаще всех получали высокое Моральное Право. Поэтому они не боялись ходить в храмы и просить благоволение, ибо были уверены, что Создатели Тверди любят их особой любовью. Вероятно, так оно и было. Не блистая богатствами и силой, этот род чаще других родов получал место в Совете Правителей.

Пятыми в списке — уже знакомые мне короли недвижимости, род Хатт.

Мадхури Саран перечислила остальные рода и их силы, включая тех, кто жил на так называемых Отшибах. Но у меня голова и без того распухла от фамилий, поэтому я ничего толком не запомнил. Да и зачем запоминать, если для этого существовал Внутренний Голос? Если будет надо — попрошу его напомнить.

— То есть Кохуру правят Дивией? — спросил я в конце этой беседы.

Мама Самирана ответила нехотя:

— Могли бы править, если бы не... Впрочем, кто и как управляет Дивией — это не твоего ума дело, грязный демон.

Папа Самирана тоже встречался со мной тайком от мамы. Рассказывал новости из дворца Карехи. О том, какие шаги предпринял Карапу Карехи, став главой рода.

— Никто не предполагал, — сказал папа, — что у этого дурака окажется высокое Моральное Право. Говорят его Линия толще и твёрже, чем у покойного Вакаранги Карехи!

— Парень метит в Совет Правителей? — спросил я наугад.

— Верно, сын, — похвалили Похар Те-Танга. — Рабб Хатт сказал мне, что дурачина

каждый день посещает храм Двенадцати Тысяч Создателей и просит благоволения. И, судя по всему, изредка получает их. Его Моральное Право растёт быстрее, чем мои растения!

— А как дела у Виви?

Похар Те-Танга сокрушённо развёл руками:

— Брат запер её во дворце под предлогом защиты от наёмников. О той сделке, которую заключил я и Вакаранга Карехи, новый глава рода отказывается говорить. Мол, это не самое главное в делах, которые оставил отец. Но Рабб Хатт уверяет, что рано или поздно вынудит Карапу дать точный ответ.

— Пап, а ты не думал, что Рабб Хатт вертит Карапу, как хочет? И это не тупой Убийца Травы тянет с ответом, а сам Рабб Хатт подыскивает для Виви мужа получше?

Похар Те-Танга восхищённо посмотрел на меня:

— Ну, ты и умник. Подумать только, как тебя исправил Прямой Путь. Конечно, думал. Я даже уверен, что так оно и есть. Но если Рабб Хатт нарушит наш договор, то ему же будет хуже. После такого обмана Те-Танга обратятся за помощью и союзом к роду Бахай, и мы вместе атакуем Хатт на рынке торговли землёй в Дивии.

Так же отец рассказал мне, что Карапу Карехи вернул роду Кхарт половину всего того, что выкупил (или отобрал) его отец. После такого кровопускания Карехи перестали быть королями мясного рынка, хотя и остались одними из крупных животноводов Дивии.

— Но их богатство падает, — уверенно сказал папа Самирана. — Ведь раньше Вакаранга Карехи варил хорошее озарённое мясо. Его покупали все рода сословия Защищающих Путь. На этом и сколотил состояние. У сына нет таких способностей. У негс нет ничего, кроме быстро растущего Морального Права. И нет надежды на то, что сестра, Виви Карехи, оставит забавы с бездарными «Играми Света» и примет необходимые для их рода озарения.

В один из этих спокойных дней я впервые увидел перемену погоды в Дивии. И какой перемены!

Сначала на улицы и дома опустился густой туман, точнее — город влетел в грозовые облака. Было в этом что-то неправдоподобное. Только что светило солнце, и через мгновение видимость упала так, что даже Храм Движения Луны полностью исчез в серой густоте облака.

Ветер, который всегда дул из-за движения города, усилился, даже стены Колец не сбавляли его напор. Вместе с ветром на город обрушились косые струи ледяного дождя.

Я смотрел на это буйство стихии из овального окна комнаты Самирана. Я и без того постоянно мёрз, но теперь ледяной ветер пробрал буквально до костей тщедушного тела.

Разворошив коробки с одеждой, напялил на себя несколько туник и плащей. К сожалению, чего-либо похожего на шапку или перчатки не нашёл. В итоге накинул на голову какой-то кусок плотной ткани, а на шею повязал другой кусок — будет моим шарфом.

Пообещал, что пусть крылья будут моим перовым озарением, но вторым обязательно возьму «Закалку Тела».

Содрогаясь от холода, вернулся к окну. Всё-таки не каждый день можно видеть, как летающая твердь проходит сквозь шторм.

В серой стене косо дождя вдруг различил бока большого грузового акраба, похожего на тот, в котором перевозили рабов. Его несло боком, а иногда даже вращало. С экипажа давно сорвало все украшения и флаги. А крыша болталась, как верх открытой консервной

банки.

Пролетев в опасной близости от окон нашего жилища, потерявший управлений экипаж, пропал в тумане. Его судьба должна быть незавидной, ведь прямо по курсу стояло невидимое в дожде здание Храма Движения Луны.

Я прислушался, ожидая услышать треск *акрабोकрушения*, но все звуки перекрывали громовые раскаты и оглушительный вой ветра.

Я даже не сразу расслышал, что в лиственную дверь моей комнаты кто-то давно и настойчиво скрёбся. Дёрнув ветку, впустил Служанку. Ну хоть кто-то в этом доме не врывается ко мне без спроса.

В руке она несла что-то вроде лампадки с небольшим, колышущемся от сквозняка огоньком.

Служанка почему-то тут же бухнулась на четвереньки, поставила лампадку рядом с собой и принялась ползать по полу.

— Что-то случилось?

— Дождь идти. Холода идти, — ответила она, ползая по полу.

— М-м-м... И?

— Долго идти. Долго быть холод, — сообщила Служанка. — Молодой хозяин холод страдать.

С этими словами она потянула одну из каменных плит пола на себя, открывая такой же очаг, какой был в ванной комнате.

— Неужели у меня всегда был камин? — воскликнул я.

В комнату вошёл Слуга, согнувшийся под огромной вязанкой дров. Так я узнал, что у нас был Слуга.

Он и Служанка принялись растапливать очаг в полу. Огонь взяли из лампадки. Комната наполнилась приятным запахом костра.

Служанка обошла все окна комнаты, дёргая за ветки растений. Они со скрежетом сдвигались, закрывая окна. Спустя двадцать минут пол в комнате стал заметно теплее. Я снял покрывало с головы и лишние туники. Через час стало так жарко, что я разделся до одной туники.

Не знаю, как работал этот очаг в полу и куда уходил дым. Но мог предположить, что такое странное расположение системы обогрева имело смысл, ведь любой открытый огонь задули бы постоянные и сильные сквозняки, которые были настоящими королями этого города.

Как и предсказывала Служанка, «холода долго быть». Дня два Дивия проходила сквозь этот страшный шторм. Гром и молнии не прекращались ни на минуту.

Но самое необычное было то, что я провёл эти дни в полном одиночестве. Выйти на улицу — страшно. Сквозь ветки окон я видел, как шторм таскал по воздуху целые деревья, вырванные с корнем.

Папа и мама Самирана так и не вернулись.

Я переживал, а что если их убило штормом? Вообще, блин, зачем городу лететь в этот жуткий дождь? Разве нельзя поднять его выше? Туда, где полный штгиль?

Из ломанных объяснений Служанки, узнал, что родители Самирана, пережидали шторм в других домах.

— Только сильный-сильный человек выходить в дождь и холод, — сообщила мне

Служанка.

Чтобы не сойти с ума от безделья, принялся бродить по жилищу. Входные арки некоторых комнат оказались плотно закрыты ветками, сколько их не дёргал — ничего не открылось.

В открытых комнатах ничего интересного: сундуки и корзины, полные тканей, утвари или сухих корешков и пачек листьев, которые мы употребляли в пищу. Одна комната была доверху забита вязанками дров.

Так я выяснил, что жилище Мадхури Саран и Похара Те-Танга состояло из условных трёх уровней. Условных потому, что между ними нет чёткого разграничения. Просто в одном из коридоров ровный пол превращался в горку и выводил в новую комнату.

Комнат насчитал пятнадцать, не считая подвального помещения с кухней и местом для слуг. Моя просторная комната была не самой большой из всех.

Я задался вопросом: зачем семье из трёх человек такое огромное и пустое жилище? Было ли его приобретение неким способом инвестирования? Или же большой дом — это подтверждение высокого статуса и богатства жильцов? Надо будет расспросить об этом родителей.

Я подозревал, что утёс, в котором выдолблены комнаты жилища, разделён между несколькими семьями. Где-то за толстой стеной должна жить малолетняя красotka Сана Нугвари. Но сколько не лазал по коридорам, прохода на территорию соседей не заметил. Вероятно, он был только снаружи.

Навестил нижний уровень, где находилась кухня.

В центре стояла большая квадратная печь, выложенная из ровных каменных плит, украшенных узорами. Как и очаги, отопляющие комнату и бассейн, в верхней части печи не было видно трубы. Зато я отчётливо слышал гудение воздуха в скрытых стенами и полом воздуховодах.

Центральная плита печи была снята, в квадратном проёме полыхал огонь и стоял на прутьях большой казан, как и вся утварь в Дивии, богато украшенный узорами. В казане бурлила вода — варился ворох очищенных от кожуры корешков.

Я в очередной раз усмехнулся: скудная пища готовилась в избыточно богатой посуде.

Служанка сидела на коленях перед печью и смотрела на огонь. Лица, конечно, не видно из-за тряпок, но фигура выражала глубокую задумчивость. Время от времени Служанка что-то быстро и негромко говорила на незнакомом языке, состоящем из щёлкающих и цыкающих звуков. Иногда тянула слова так, что это немного напоминало пение.

Огонь печи — единственный источник света в кухне. Всё остальное утопало во тьме. Я разглядел смутные очертания корзин и несколько больших белых кувшинов с иероглифом «Вода» и дополнением: «Сосуды чистоты, произведённые гончаром Гумихарой и его подручными».

Огонь и воздух гудели в печи, вода бурлила в казане. Где-то за стенами утёса грохотал гром и свистел штормовой ветер, а Служанка изредка вплетала в эти звуки свой заунывный напев. Мне почудилось в нём нечто жуткое. Я будто впервые осознал, что мне не место в этом мире древних и непонятных людей. Моё нахождение тут — ошибка. Одна из тех рукотворных человеческих ошибок, которые уродуют порядок вещей в мире.

Я пришёл на кухню из отчаяния одиночества. Хотел поговорить с людьми, пусть хотя бы со Служанкой. Но понял, насколько я нелеп в этом своём позыве. Дивианцы не считали Слуг и Служанок людьми. Сами рабы не считали себя людьми.

Из темноты кухни, куда не добивал свет печи, вдруг раздался мужской голос, приглушённый тряпками. Я только сейчас увидел, что на стопке каменных плит, сидел Слуга и чистил коренья огромным ножом. Зажав нож в руке, он давно смотрел на меня.

— Молодой хозяин приходит, — повторил Слуга, отбрасывая очищенный корень в корзину.

Служанка прервала жуткое пение, вскочила на ноги и молча склонилась. Слуга тоже слез с плит и поклонился. Но ножа из рук не выпустил.

— Во... вольно, — глупо пробормотал я, отступая из кухни. — Просто пришёл проверить, как тут... как живёте. Что нового? Скоро ли будут готовы вершки и корешки?

Рабы молчали, нагоняя на меня ещё больше страха.

Я выбежал из кухни.

Ну их на хер, чтобы я ещё раз посетил их!

Рабство — это плохо. Рабы — немые, и прочее. Но кто я такой, чтобы оспаривать порядки, установленные не мною и не для меня?

Добежав до своей комнаты, задвинул входную арку плотной стеной веток. Даже проверил — точно ли закрыто?

Глядя на тусклый свет фонаря-светлячка на стене, вздрагивал от ударов грома и думал: а что будет, если Слуга взбунтуется, как тот молодой раб на стоянке экипажей? Нож у него уже есть... Как я, слабенький подросток, смогу защититься от него?

И больше: как я вообще могу защититься от невзгод этого мира?

Я даже вернул Внутренний Голос, чтобы было с кем поболтать. Сразу же спросил: какого фига Дивия вляпалась в шторм?

Голос сообщил, что летающая твердь регулярно проходит через такие погодные катаклизмы. Это якобы полезно для пополнения запасов воды.

Своё пояснение Голос закончил странным утверждением:

«Напоминаю, что Совет Правителей решает, когда настало время, чтобы мощь природы вошла в столкновение с летающей твердью. Столкновение очищает твердь от грязи и укрепляет стены».

Я предположил, что прохождение через шторм необходимо не только для пополнения воды, но и действительно для очищения тверди. Ну, типа как машины проходят конвейер автомойки.

А что, как не погодная стихия, лучший способ отмыть целый город?

20. Бедный учитель и воин-торговец

20. Бедный учитель и воин-торговец

Наутро следующего дня я проснулся от тишины. Ни грома, ни ливня. Сквозь плотные ветки пробивались яркие лучи.

Ура! Город вышел из шторма!

В комнате было жарко, как в бане на верхней полке. Моя туника и матрас пропитались от пота. Я подскочил к окну и раскрыл ветки. В комнату ворвался холодный свежий воздух. Как же я был рад ему!

Перевалившись через подоконник, осмотрел улицу. Стихия оставила заметный след: дорога завалена мокрой грязью и стволами деревьев. А некоторые боковые улочки забиты потёками глины толщиной в человеческий рост. По узким ступенькам, которые вели в жилища на утёсе, текли бурные потоки грязной воды. Вливаясь в грязь на дорогах, превращали её в болота.

Хм. До вхождения в шторм улицы были гораздо опрятнее. Версия об очищении с помощью природной стихии, как-то не сочеталась с реальностью.

Впрочем, грязь была только внизу, на дорогах, а вот здания и утёсы прямо-таки сияли чистотой. Я и не заметил раньше, что они были грязными.

Мрачный и вечно пустой Храм Движения Луны теперь возвышался воздушным замком, который словно растворился в ослепительной синеве неба. Именно сейчас стало заметно, что весь храм выложен из светлого, слегка желтоватого камня, очень напоминавшего цвет луны в ночном небе. Его чистоту немного омрачили обломки акраба. Экипаж наскочил на боковую часть храма и переломился на пополам. Среди обломков бродили несколько слуг и небесный стражник.

Я заметил одну деталь: некоторые обломки акраба висели в воздухе, покачиваясь. Именно эти обломки вылавливали из воздуха слуги и связывали верёвками. Набрал целую вязанку парящих обломков, слуга потащил её куда-то.

Меня давно интересовало, как именно летали экипажи? Оказалось, что некоторые их части сделаны из подобных летучих материалов. Хотя это всё равно ничего не объясняло.

Внутренний Голос, само собой, не смог ничего напомнить. Видать, Самиран не интересовался, как работали вещи вокруг него.

Первой домой вернулась Мадхури Саран. Закрылась в своей комнате, потом вышла, переодетая в новую одежду. На плече висела большая корзина.

— Меня вызывают на Отшиб рода Гаруджа, — бросила она. — Боевой акраб сорвало с привязи, он врезался в дом. Много раненных, мало врачей.

Отшибы — это небольшие куски летающей тверди, парящие рядом с Дивией. Они являлись чем-то вроде отдельных территорий, островов, живущих обособленно от остальной летающей тверди. Владельцы Отшибов устанавливали там свои законы и правила. Например, могли запретить представителю какого-либо рода посещать их остров.

Тем не менее, Отшибы подчинялись Дивии. Каждый такой остров привязан к городу особой силой, разомкнуть которую могли только члены Совета Правителей. Но даже если они и отпускали какой-либо из Отшибов в свободный полёт, острова всё равно возвращались, ведь энергию для полёта они брали из Сердца Дивии.

Мама Самирана отказалась поведать о назначении этих островов. Но я сам догадался, что во время войны Отшибы становились чем-то вроде транспортов, доставляющих большое количество воинов к противнику из Низкого Царства.

Как ни странно, но владельцы Отшибов не считались самыми богатыми. Самыми древними и родовитыми — да. Но основное богатство было всё-таки у тех, кто жил на летающей тверди.

Кроме того, уже от папы Самирана, я узнал, что владельцы Отшибов не могли заседать в Совет Правителей. Правда, он не упомянул, кто придумал такой закон: Создатели Тверди или уже сами дивианцы?

Род Гаруджа славился своими металлическими и быстрыми акрабами. Секреты производства бронированных экипажей они держали в тайне, не выпуская из своего рода. Даже если кто-то изучал озарения, необходимые для постройки летающих экипажей, он всё равно не мог воспроизвести секретную технологию рода Гаруджа.

Я проводил маму до площадки акрабов. Там её ждал средних размеров экипаж с гербом рода Гаруджа. Он изображал отдельный летающий островок, парящий на фоне силуэта Дивии. Мама быстро села в него, круглая дверь бесшумно задвинулась и акраб так же бесшумно умчался ввысь.

Как только мама Самирана улетела, на площадку приземлился скромный деревянный экипаж, избыточно богато украшенный растительными орнаментами и гирляндами живых цветов. На борту блестели выпуклые иероглифы:

СЕЙ АКРАБ ПРИНАДЛЕЖИТ ПОХАРУ ТЕ-ТАНГА, УВАЖАЕМОМУ ЧЕЛОВЕКУ СОСЛОВИЯ ПОДДЕРЖИВАЮЩИХ ТВЕРДЬ.

ИЗГОТОВЛЕН ЖЕ СЕЙ АКРАБ В МАСТЕРСКОЙ РОДА ЗЕЛДАН.

И НОСИТ СЕЙ АКРАБ НАЗВАНИЕ «ПОЛЕЗНЫЙ В ДЕЛАХ».

Из овальной двери «Полезного в делах» выпали деревянные сходни, по которым сошёл папа Самирана. Его пышная шуба сутенёра так пострадала от непогоды, что походила на шерсть мокрой собаки.

Услышав от меня, куда улетела мама, Похар Те-Танга рассказал:

— Мы, Поддерживающие Твердь, всегда были в хороших отношениях с Гаруджа. Можно сказать, что Гаруджа — негласные члены нашего сословия. Они никогда не вступали в него напрямую, но косвенно зависят от нас.

— Почему?

— Наше сословие решает, сколько жизненной силы направить из Сердца Дивии на Отшибы. Если мы перекроем вены энергии из Сердца, то Отшибы не смогут удерживать плавность хода, их начнёт трясти и крутить во все стороны. В такие моменты лучше, хе-хе, не находится на Отшибе. Вдобавок, без энергии Сердца Дивии погаснут все плавильные печи Гаруджа, и они не смогут делать своих хвалёные акрабы.

Слушая Похара, я ходил вокруг «Полезного в делах».

— Пап, — спросил я, — а можно мне полетать на нём?

Похар Те-Танга нахмурился:

— Мы уже говорили об этом, сын.

— А, ну да, ну да... И что мы решили?

— Пока ты не усвоишь нужное озарение, ты не войдёшь в мой экипаж. Хватит того, что ты едва не убился в прошлый раз.

— А какое нужно озарение для полёта на акрабе?

— Это неважно, Самиран. Ты его всё равно не получишь. Наше сословие приготовило для тебя иной выбор озарений.

— Но ведь я могу использовать кристалл такого озарения?

— Сын, ты использовал его в прошлый раз. И хватит об этом.

Сбросив испорченную шубу на пол, папа крикнул:

— Служанка, готовь еду! Я два дня скрывался от шторма в подземельях летающей тверди, питаюсь сырой травой.

Но не успел отец уйти с площадки, как на неё приземлился второй акраб.

Этот экипаж был вообще без всяких украшений. Простой короб из криво отёсанных брёвен, обшитых светлой мешковиной. Окна и двери в нём не овальные, а квадратные. Вместо откатывающихся или откидывающихся в сторону дверей, какие были даже на акрабах скотовозов, навешаны простые деревянные щиты на петлях.

Даже надпись —

СЕЙ АКРАБ ПРИНАДЛЕЖИТ ДОМУ ОПЫТА

— выполнена не из выпуклых металлических иероглифов, а из деревянных, потрескавшихся.

Даже свинарники Карехи выглядели затейливее.

Кто-то внутри акраба утомительно долго пытался снять щит с петель. Похар Те-Танга даже нетерпеливо топнул:

— Слуга!

Прибежал Слуга и помог снять щит.

Из акраба вышел очень дряхлый старик в скромном одеянии из такой же мешковины, какой оббиты стены летающего сарая. Голова замотана тюрбаном, тоже из мешковины, но тёмно-красной. На груди старичка болтался деревянный иероглиф, значение которого не успел рассмотреть, так сильно старичок сутулился.

— Меня зовут Гуро... Гуро Каалман. Я самый старший Дома Опыта.

Похар Те-Танга внезапно упал перед старичком на одно колено и склонил голову. Потянул и меня, но я устоял на ногах, не понимая, зачем унижаться перед почти нищенски одетым стариком? Я лишь вежливо склонил голову.

Старик, не обращая на коленопреклонённого отца Самирана, произнёс слабым голосом:

— Властью данной мне Домом Опыта и Создателями объявляю, что ваш сын... Э-э-э...
— Старичок замолчал, шевеля губами.

Я догадался, что он просил свой Внутренний Голос напомнить имя будущего ученика.

Получив ответ, он продолжил:

— Самиран, сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран, приглашён на обучение в Дом Опыта. Да усвоит сей отрок нужные озарения для нужных дел во славу Дивии.

— Во славу Дивии, — эхом ответил папа Самирана и, покряхтывая, поднялся с колена.

Пробормотав это, старичок, снова поклонился и полез обратно в акраб.

— Самый старший, — сказал отец. — Вы не назвали срок. Когда...

Старичок непонимающе поглядел на папу. Мол, что кому-то нужно от него? Потом до него дошёл вопрос.

— На другой день после сего дня.

Слуга помог завесить дверь щитом и бедный учительский акраб поднялся в воздух.

Я же не мог отделаться от мысли, что в городе, где даже стены домов украшены

золотыми узорами, учителя были не самыми богатыми людьми. Есть вещи, которые не меняются и за тысячи лет... Уж мне-то этого не знать.

Но, в Дивии учителя хотя бы уважаемые люди. Раз папа Самирана встал перед ним на колени. Вот бы и в России так же.

После двух дней сидения взаперти, мне не терпелось вырваться на волю. Даже известие о том, что завтра я наконец-то отправлюсь в Дом Опыта, не изменило моего желания погулять. Но бродить просто так тоже глупо. Быть может, мне наведаться к Виви Карехи? Или на Ветроломы? Или ещё куда.

Отец сидел в главной комнате и жадно уплетал варенные корешки, хрустевшие, словно горелые листья, и запивал их ароматной водой. Съедобные корни, напомнили о моей идее...

— Пап, отсыпь мне граней. Хочу сходить на рынок, купить кое-чего.

— Все дороги грязью завалены, — напомнил отец, снимая с пояса шкатулку. Высыпал мне на ладонь восемнадцать золотых и десять серебряных граней. И виновато добавил: — Больше нет. жалование ещё не выдали.

Понятно, от кого получала золотые грани мама — «большие люди» во все времена и эпохи готовы платить за возвращение здоровья. Но кто платил отцу Самирана? Городской бюджет? И вообще, чем конкретно он занимался? Что за подземелья, что за Нутро Дивии? Зачем садовнику лазать по подземельям?

Ничего, когда приму род Те-Танга и наследованные озарения, разберусь.

Прихватив самую крепкую сумку из всех, какие были у Самирана, я покинул надоевшее жилище.

Потоки грязной воды, закрывавшие ступеньки, превратились в тоненькие ручейки. Ступеньки покрылись слоем скользкой грязи и листьев. Спускаться по ним вдвойне опасно. Я даже упал один раз, испачкав тунику и плащ. Даже озарение, защищающее ткань от лёгких загрязнений не справилось — на ткани остались грязные пятна.

На дороге уже работали Слуги и Служанки, замотанные в разнообразное тряпье. Орудия лопатами, похожими на те, которыми я и Хаки убирала за свиньями, они сгребали грязь в кучи, очищая дорогу. Среди них заметил Служанку в белом, которая приходила с Саной Нугвари. Рядом с нею, кажется, работал наш Слуга, но я не уверен, всё-таки они все походили друг на друга.

Привычная дорога к рынку уже не казалось такой длинной, как в прошлый раз. Местами она полностью очищена от грязи. Я даже видел как — над дорогой завис огромный акраб, по бортам которого установлены гигантские металлические кувшины. Крышки их одновременно откинулись и на каменный тротуар обрушились потоки воды. Будто, блин, дождя мало было!

Смыв остатки грязи, вода стеклась в канавки по бокам дороги и пропала в недрах летающей тверди. Я сделал вывод, что в Дивии имелось что-то вроде ливневой канализации. Быть может, об этих подземельях упомянул папа Самирана?

По пути я увидел следы акрабокращения. Стихия разнесла экипаж на мелкие обломки, которые устилали всю улицу. Цельной осталась только кормовая часть с кусками богатых узоров и барельефов, изображавших битву огромных орлов с буйволами.

Видать, в этой части экипажа хранилось что-то важное, ибо её охраняли сразу два стражника с эмблемами какого-то неизвестного мне рода. Несколько Слуг и Служанок

собирали мелкие обломки и грузили их в большие корзины из досок, похожие на кузова грузовиков.

Сильнее всего об аварии во время шторма свидетельствовали два трупа, накрытые белой тканью с золотым изображением солнца, зашедшего за облака. По краям этих саванов шли повторяющиеся иероглифы:

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ОСТАНОВИЛ СВОЮ ПОСТУПЬ НА ВСЕОБЩЕМ ПУТИ
ПУСТЬ ЕГО ШАГИ ПОСЛУЖАТ ЭХОМ БУДУЩИХ БЛАГОВОЛЕНИЙ ДЛЯ ЖИВЫХ
ВО СЛАВУ ДИВИИ, ВО СЛАВУ

Поодаль стояло несколько прохожих и небесный стражник. Конечно, и я не мог пройти мимо.

Спрашивать, что случилось, не пришлось. Один зевака как раз рассказывали об этом другому.

Погибшие были двумя юношами из двух разных родов. Оба недавно закончили обучение в Доме Опыта. Один должен был отправиться в город Ач-Чи, столицу одного из Низких Царств, чтобы служить там послом Дивии. Второй оставался в городе, чтобы служить в одном из храмов Двенадцати Тысяч Создателей.

— Юноши дружили с детства, — продолжил зевака. — Поэтому разлука нанесла их душам зияющую рану. Друзья старались провести как можно больше времени друг с другом. Шторм застал их в храме, где они решили получить благоволение перед разлукой...

— Всё ясно, — заявил второй зевака. — Они не хотели застрять в храме на время шторма. Думали победить стихию, но им не хватило сил управлять акрабом в такую погоду. Молодёжь...

— Но говорят другое, — рассказчик понизил голос и посмотрел на меня. Я тут же отвёл взгляд, проявив полную незаинтересованность. — Говорят, что юноши были не просто друзья, а... любовники!

— Фу-у-у, — отозвался слушатель. — Значит, правильно считается, что столкновение со стихией смывает с города всякую грязь. Мерзкие сосунки получили по заслугам.

— Вот-вот, — подхватил рассказчик. — Создатели видят, кто запятнал себя.

— Не, — возразил слушатель. — Это не только Создатели, но и наши Правители всё видят. На то им и даровано высочайшее Моральное Право.

— Как так?

— Совет Правителей решает, что настало время направить Дивию на столкновение с стихией. И они никогда не предупреждают нас об этом.

Рассказчик махнул рукой:

— Ну, я не знаю, что творится в Совете Правителей. Лучше не говорить об этом.

— Ага.

Оставив место аварии, я направился дальше, в сторону лестницы Седьмого Кольца.

Мне открылся ещё один кусочек быта Дивии. Но картинка из этих кусочков ещё не складывалась. Лучше не спешить с выводами, а изучать летающую твердь и её жителей дальше.

— И не проси, малец, — заявил продавец кристаллов боевых озарений. — Я не могу продать тебе «Удар Грома»!

— А «Удар Молнии»?

— Нет.

— А «Удар...»

— Никаких ударов, малец.

— Но почему? — спросил я. — У меня есть ровно пятнадцать золотых гр...

— Малец, даже если у тебя будут все золотые грани мира, я не продам тебе его.

— Это потому что я чёрный? — буркнул я.

— Чего?

— Ничего.

Продавец сделал вид, что со мной больше не о чём разговаривать и отвернулся.

А я всё стоял у вынесенных на улицу полок лавки. Это было невысокое здание из серого камня. На непривычно простой, одноступенчатой крыше расположились вытянутые иероглифы:

ГРАНИ ВОИНА

КРИСТАЛЛЫ. ОРУЖИЕ. ДОСПЕХИ

ЗДЕСЬ МОЖНО КУПИТЬ ДВУСИЛЬНУЮ МОЧИ-КУ ВЕЛИКОГО
НЕСРАВНЕННОГО ОРУЖЕЙНОГО МАСТЕРА БАТАЯ, КОТОРАЯ ИЗГОТОВЛЕНА
САМИМ, БЕЗ УЧАСТИЯ УЧЕНИКОВ ИЛИ ПОДРУЧНЫХ

Правда, ни оружия, ни доспехов, ни загадочной «мочи-ки» несравненного мастера Батая, я не заметил, возможно, всё это продавалось в глубине лавки.

Уличные прилавки уставлены корзинками кристаллов озарений, но все *мерцающего* или *заметного* уровня. Несколько *светлых*. И ни одного *яркого*. Что странно, ведь в лавке «Мирные озарения» было много ярких кристаллов. Впрочем, со слов торговца я понял, что оборот боевых кристаллов контролировался строже, чем мирных.

Продавец недовольно покосился на меня:

— Чего тебе ещё? Сказал же — не продам.

— Почему?

— Да ты посмотри на свой Внутренний Взор. Ничего не замечаешь?

— А что я должен заметить?

— У тебя Линия Тела тоньше паутинки.

— Вы способны видеть мой Внутренний Взор? — изумился я. Даже испугался: вдруг заметит моё нестандартное количество граней?

— Я могу видеть твою Линию Тела, — снисходительно ответил продавец из «Граней Воина». — Большого мне и не надо.

— Ладно, — согласился я. — Линия Тела у меня не толстая, согласен. Но почему мне нельзя использовать озарение «Удар Грома»?

— Малец, если ты покупаешь боевые кристаллы, ты должен понимать, что «Ударом Грома» прибьёт тебя в первую очередь.

— Ясненько. Что вы можете продать для моей Линии Тела?

— Ничего.

— Клянусь Создателями, — ответил я. — У вас, наверное, дела идут так хорошо, что вам не нужны золотые грани? Вы и торгуете здесь ради развлечения, да? В этой крохотной и грязной лавке?

Продавец засопел, совсем как Хаки Энгатти.

— Пойми, малец, если я продам тебе атакующий кристалл, а ты умрёшь после его применения, то небесные стражи придут за мной. Есть закон Совета Правителей, запрещающий продавать кристаллы, не соответствующие Линии Тела молодых покупателей.

Это ради тебя малец. Ради твоих родителей.

Я смиренно кивнул:

— Спасибо за заботу, уважаемый. Но раз я не могу купить атакующие кристаллы, то могу купить защитные?

— Это можно. Тебе какие?

— А какие бывают?

— Малец, ты сначала изучи озарения, а потом приходи. Здесь рынок, а не Дом Опыта.

Я не стал говорить продавцу, что именно для Дома Опыта мне и нужны эти кристаллы.

Отметив мою растерянность, продавец вздохнул:

— Малец, если ты сам не знаешь, от какого атакующего озарения ты ищешь защиту, то бери защиту сразу от всех.

— А такое есть?

— Обычно его применяют небесные стражи, чтобы смирить непокорных.

Продавец подвинул мне корзинку с тремя шариками на дне. Я занёс над ними руку, вспыхнул Внутренний Взор:

КРИСТАЛЛ ЗАМЕТНОГО ОЗАРЕНИЯ «ПОДАВЛЕНИЕ СВЕТА».

ЗАТЕМНЯЕТ СВЕТ РАВНЫХ И НИЗКИХ ОЗАРЕНИЙ ВОКРУГ ТЕБЯ ИЛИ ДРУГ ОЗАРЁННОГО.

ТВОРЕЦ КРИСТАЛЛА: МАЛОИЗВЕСТНЫЙ МАСТЕР.

ДО ЗАТУХАНИЯ ОЗАРЕНИЯ, ЗАКЛЮЧЁННОГО В ЭТОТ КРИСТАЛЛ ОСТАЛОСЬ ОДНО ПОДАВЛЕНИЕ.

Я вспомнил, что в кристалле «Внушения Неразумным» творец значился как «неизвестный мастер». А кристаллы мамы Самирана или торговца порнухой подписаны их именами.

Внутренний Голос подсказал мне, что это связано с уровнем Морального Права творца. Самый низкий мог подписываться только как «неизвестный», повыше — «малоизвестный» и так далее, вплоть до возможности ставить своё имя на кристаллы.

— Ну, и почём?

— Сто золота, — не моргнув ответил продавец.

— И всего одно подавление? — возмутился я.

— А как ты хотел?

Я не знал, как я хотел, но чуял, что меня обманывают. Чёртовы торговцы! Есть ли на рынке хотя бы один продавец, который не попытался бы обмануть меня?

Ладно, раз у Самирана лицо наивного лоха, буду использовать это как преимущество.

— У меня только пятнадцать граней, дяденька, — плаксиво сказал я. — А защищаться надо. Завтра я пойду в Дом Опыта, а там...

— Знаю, молодые войны колотят таких как ты, — рассмеялся продавец. — Сам колотил.

— А вы небесный воин-торговец? — с ироничным уважением спросил я.

— Это не твоё дело, малец. Давай сюда своё золото.

Получив кристалл, я отправился домой. Посмотрим, что день завтрашний принесёт...

21. Сильный учитель и слабый ученик

21. Сильный учитель и слабый ученик

Дом Опыта располагался в центре просторной овальной площади в Четвёртом Кольце.

Это было большое, как всегда, избыточно украшенное иероглифами и статуями, здание.

На одних его ярусах виднелись крыши обширных беседок, с других свешивались кроны мощных деревьев, за которыми следило ведомство папы Самирана.

Если обмерять привычными мне категориями, то Дом Опыта высотой этажей в семь. Не дивьянцы не измеряли строения этажами, так как уровни в них варьировались в пределах стен, как во дворце Карехи. Один этаж мог занимать половину высоты здания, а рядом с ним — несколько этажей поменьше.

Акраб «Полезный в делах», ведомый папой Самирана, завис возле Дома Опыта. Место для приземления плотно забито другими акрабами, как автомобилями на стоянке у супермаркета.

Наконец один из акрабов взлетел. К освободившемуся месту ринулось несколько экипажей, включая наш.

Я и мама схватились за скамейки, чтобы не упасть.

— Да чтобы вы всю жизнь грязь жрали! — выругался папа Самирана, когда чей-то ослепительно белый акраб, похожий на катер миллионера, нагло опустился перед нами и занял свободное место.

— Пап, — сказал я. — Приземлись просто на площадь, я ногами дойду.

— Я тоже учился в Доме Опыта, — ответил Похар. — Важно показать будущим товарищам и соперникам, что ты прилетел, как настоящий Те-Танга, а не бедняк.

Мама Самирана, которая сидела на лавке рядом с мужем, тут же отозвалась:

— Если бы мужчины рода Те-Танга чаще ходили пешком, не были бы такими толстыми.

Мы облетели несколько площадок, прежде чем нашли свободное место. Подрезав чей-то скромный деревянный акраб, украшенный одним сиротливым деревянным узором в виде облачка, папа Самирана лихо опустил «Полезного в делах» на площадку.

Оба родителя вышли из экипажа, чтобы проводить меня. Оба стояли и ждали, когда один из них уйдёт. Каждый хотел сказать мне что-то секретное.

Поодаль приземлился тот скромный деревянный экипаж, который подрезал папа Самирана. Деревянная дверь, похожая на ворота сарая, с грохотом откинулась, удерживаемая кожаными верёвками. По двери сошла Сана Нугвари, одетая ещё более нарядно и богато, чем при встрече со мной. Левый рукав её длинной туники закатан повыше, показывая всем дорогой браслет на запястье. Тот самый, который я подарил её за то, что она показала сиськи.

Девушка уважительно поклонилась моим родителям и полностью проигнорировала меня. Потом поклонилась кому-то внутри акраба, поправила на плече лямку кожаной сумки и направилась к входной арке Дома Опыта.

Похар Те-Танга сказал:

— Сын, тебе пора войти в Дом Опыта. Ты знаешь, что там делать, чтобы твой шаг на Всеобщем Пути был твёрдым и уверенным.

Потрепав меня по голове, Похар Те-Танга вернулся в акраб. Мама Самирана тут же

нагнулась ко мне и зашептала:

— В первый день Дома Опыта многие ученики усваивают наследованное озарение. А те, кто ещё не принял фамилии рода, усваивают и её. Ты должен стать Саран прямо сегодня, чтобы показать нашему сословию, особенно роду Ронгоа, твоё решительное согласие на выполнение условий вступления в сословие.

Я отделался молчаливым кивком.

Все эти дни я обманывал Мадхури, обещая, что обязательно приму её род. Хотя сам твёрдо решил стать Те-Танга.

Мама обняла меня, прошептав: «Запомни, мерзкий демон, я обнимаю не тебя, а тело моего сына».

Я повесил на плечо сумку, в которой лежал кувшинчик с водой, коробочка жаренных листьев, шкатулка с пятёркой золотых граней и шкатулка с кристаллами озарений. И поскорее устремился за Саной Нугвари, которая уже прошла в арку Дома Опыта.

— Привет, — крикнул я, нагоняя девушку.

Но она отвернулась и ускорила шаг. Наверное, не узнала меня.

Когда я пересёк арку мой Внутренний Голос вдруг произнёс:

«Ты вступил в пределы Дома Опыта, да будет твой Путь как можно дольше тянуться во славу Дивии».

Позабыв о девушке, я остановился.

— Голос, я же отключил тебя?

«Ни один ученик не может заставить умолкнуть Внутренний Голос, пока он находится в пределах Дома Опыта».

— Почему?

«Чтобы Голос всю жизнь напоминал тебе знания, которые ты усвоишь в Доме Опыта».

— Ясненько.

Не без трепета в сердце я прошёл далее и оказался в светлом коридоре, выложенном из белого камня. Коридор закруглялся, как тоннель метрополитена.

«Что же, пора узнать, какой опыт ждёт меня в этом доме», — подумал я.

◆◆◆

Дом Опыта чем-то напомнил Прямой Путь: снаружи богато украшен статуями, растениями и узорами в виде растений, но внутри — минимализм. Чистые стены без единого прямого угла прерывались высокими арками, которые вели на лестницы других уровней. Некоторые арки закрыты каменными плитами. Из открытых арок выходили ученики и вливались в общий поток.

Людей в коридоре оказалось не слишком много. Все — молодёжь моего возраста. Все одеты разнообразно, даже пёстро. Особенно девушки. Все они шли в одном направлении. Мой Внутренний Голос тоже подсказал:

«Иди прямо и до конца».

Среди тинейджеров заметил несколько мускулистых парней и девушек в очень коротких туниках. Они выделялись из толпы своим ростом и размером тела. Шли они уверенно, не уступали дороги и отталкивали с пути тщедушных учеников.

Я решил, что это те хулиганы, о которых предупредил Хаки. Я судорожно запустил руку в сумку, готовый вытащить кристалл «Подавление Света».

Но Голос подсказал, что они — такие же новички в Доме Опыта, как и я. Просто они, как Хаки Энгатти, усвоили наследованные озарения. Ну и, само собой, не пропускали уроки

телесного здоровья, где прокачали Линию Тела до такого состояния, когда стали казаться старше всех.

Сначала я пытался догнать Сану Нугвари, но девушка прошипела: «Отстань от меня, а?» — и убежала вперёд.

Коридор закончился аркой, над которой нависали иероглифы из белого мрамора:

ЗАЛ СЛОВ И СОБЫТИЙ

За аркой открылась огромная зала с высоким круглым потолком, выложенным голубыми плитами. Стены пестрели от столбов и арок, в которые свободно влетали ключья облаков. Облака проносились под голубым куполом, как по небосводу. В своде купола висел титанических размеров шар. Его золотая поверхность светилась изнутри, отбрасывая на купол и облака яркие отблески. Вокруг золотого шара, изображавшего, как я понял, Солнце, расположились вытянутые треугольники, похожие на лучи.

Всё это было таким грандиозным, что я замер от испуга. Зал слов и событий был полон света, пространства и воздуха, но мне показалось, что массивный шар Солнца вот-вот обрушится на меня и раздавит.

И тут я действительно рухнул. Сначала мою правую пятку пронзила боль, даже хрустнула кость, а в спину ударило что-то тяжёлое, словно таран в ворота осаждённого замка.

— Смотри куда идёшь, — раздался зычный голос и таран снова ударил, на этот раз в плечо, отшвыривая с пути.

Потирая раздавленную пятку, я отполз в сторону. Мимо меня величаво прошла девушка двухметрового роста. Под очень короткой туникой перекачивались бугры мышц, особенно выделялись — ягодичные. Ткань туники скрипела при каждом движении, словно ещё немного и она лопнет под напором плоти этой монструозной девушки.

Остальные ученики поспешно разбежались перед её поступью.

Силачка напомнила мне Сьюзан из «Времени приключений», только ещё более сильная.

Господи, кто в здравом уме будет **настолько** раскачивать Линию Тела? И что если хулиганы из военного сословия, о которых предупредил Хаки, все окажутся такими?

Не будет преувеличением сказать, что от страха мои яйца ужались до размеров кристалла озарения.

Поднявшись, я огляделся. Нижнюю часть зала слов и событий занимали ступеньки амфитеатра, полукругом сходящиеся к круглой площадке, расположенной прямо под шаром золотого Солнца. На площадке установлено три простых деревянных лектуса, больше похожих на нары, накрытые потёртыми коврами и тощими смятыми подушками.

Возле лектусов стоял Гуро Каалман, старичок, который доставил мне приглашение в Дом Опыта. Свесив седую голову, смотрел себе под ноги. Создавалось впечатление, что он с трудом понимал, где он и на чьи ноги смотрит.

По его левую руку стояла немолодая женщина, чьё серое рубище из мешковины украшено разноцветными ленточками. Седые волосы покрыты платком из белой материи, что придавало ей сходство с католической монашкой.

По правую руку от Гуро Каалмана стоял относительно молодой учитель, можно сказать моего возраста, того возраста, когда я был в своём теле. Одет «молодой» в такое же рубище из мешковины. На груди деревянный круг с двумя металлическими иероглифами: «ПРОШЛОЕ И СЕЙЧАС».

Он приветливо оглядывал учеников и кивал:

— Располагайтесь, располагайтесь. Рады видеть вас в Доме Опыта.

Ученики садились на постаменты, застеленные потёртыми матрасами. Мускулистые здоровяки не сели, а остались стоять, сложив руки на груди.

В зале собралось примерно триста-четыреста учеников. Среди них два-три десятка огромных качков, остальные — нормальные подростки.

Я сел на матрас.

— А вот и ты, — хлопнул меня по плечу Хаки Энгатти.

Перепрыгнув постамент, сел рядом. Одет он в ту нарядную тунику, которой хотел соблазнить Виви Карехи. Шнуровка сандалий с иероглифами «СВИРЕПЫЙ» и «БЕЗЖАЛОСТНЫЙ» тоже на месте.

Хаки тут же восторженно зашептал мне, показывая пальцем:

— Ты видел Вишала из рода Кохуру?

Я посмотрел на мощную квадратную спину парня, сидевшего в нескольких рядах впереди нас.

— Я видел девушку не меньше него, — ответил я. — Едва не раздавила меня.

— Ай, то девчонка из рода Патунга, — отмахнулся Хаки. — Она не сравнится с Вишалом.

С помощью Внутреннего Голоса я вспомнил, что Кохуру и Патунга — два военных рода, которые занимали места в Совете Правителей. Они считались врагами, но открыто друг другу не противостояли, так как были одинаково сильны. Поэтому соревновались исключительно во внешних проявлениях: у кого больше воинов, больше денег и больше побед.

— Какой он... хороший, — выдохнул Хаки.

— Друг, меня пугает, что ты с таким восторгом любишь мускулистым парнем.

Но Хаки не обратил на насмешку внимания. Или не понял её.

— Вот такая Линия Тела будет у меня, — завил он. — Путь настоящего воина лежит только через неё.

— Серьёзно? Без уродования своего тела нельзя получить боевые озарения?

— Можно. Но без мощной Линии Тела ты станешь трусливым метателем молний, который прячется от прямого столкновения с врагом. Или того хуже — метателем копья. Нет, настоящий воин бьёт врага голыми руками. Ну, или мочи-кой, на крайний случай.

Я насмешливо окинул взглядом фигуру Хаки. Он был намного крепче и больше меня, но и ему далеко до тех башен скрученного в мышцы мяса, какими были в его представлении «настоящие воины».

На этот раз Хаки уловил насмешку:

— Да, я из бедной семьи. У меня не было, нет и не будет родовой поддержки, благодаря которой Вишал с самого детства растил свою Линию Тела. Обычными упражнениями такого не достичь. Но Дом Опыта уравнивает всех в начале Пути Двенадцати Тысяч Граней. У меня есть время догнать Вишала.

Я не стал спорить, хотя мне казалось, что если Вишал и остальные качки получили преимущество на старте, то догнать их невозможно.

— Обратите на нас ваши взоры, юноши и девы, — сказал молодой учитель.

Его голос свободно разносился по залу, не отражаясь эхом от стен. При этом его не

уносил ветер.

Гомон, смешки и шарканье ног затихли.

Молодой учитель раскрыл было рот, чтобы продолжить, но тут встрепенулся Гуро Каалман. Старческим, скрипучим голосом заявил:

— Занимайте места, скоро мы начнём обедать.

Молодой учитель заботливо положил руку на плечо старичку и пробормотал:

— Самый старший, мы не на обеде.

— Тогда зачем все они собрались? — удивился старичок и поднял наконец голову.

Обведя взором зал, зашевелили густыми седыми бровями: — Сколько много людей. Где взять столько еды для них? Кто они?

— Новые ученики, — негромко и смущённо подсказала седая женщина.

— А ты, девочка, кто? — осведомился Гуро Каалман. — Мы знакомы?

Седая женщина вздохнула. Заботливо взяла старичка под руки, отвела к лектусу и усадила.

В зале раздались смешки.

— Старикашка выжил из ума, — крикнул кто-то тонким голосом

— Он будет нас учить? — зычно спросил Вишал Кохуру. — Да он свой Внутренний Голос не слышит.

— Вишал, — ответил учитель. — Если ты продолжишь оскорблять учителей, то никто не будет тебя учить.

— Подумаешь, — пожал плечами Вишал. — Скрижаль Выбора есть в любом храме. Мой род и без того знает, какие озарения мне надо усвоить. А узоры на Скрижали Знания я могу прочитать и без вас.

Все в зале притихли. В первый же день учёбы самый крупный ученик влиятельного рода нагрубил учителю.

Учитель медленно покинул свою площадку и направился к громиле. Тот только подбоченился, ожидая его приближения.

Ряды амфитеатра разделяли покатые дорожки, как в театре. Поэтому когда учитель дошёл до Вишала, остановился на нижней части дорожки, буквально глядя ему в живот. Вишал издал басовитый смешок и присел на корточки, как бы показывая учителю, насколько тот ничтожен.

Лично я переживал за молодого учителя. Даже ладони вспотели.

— Ты — отпрыск славного рода Кохуру, — сказал учитель. — Странно, что тебя не научили вежливости и уважению к старшим.

— Зато меня научили всегда говорить правду.

— И что по-твоему правда?

— Гуро Каалман выжил из ума. Он не слышит своего Голоса и мечется на пути безумия. Из-за него Дивия уже много лет летит, как безумная. Из-за его фантазий мы выродились в народ торгашей. Низкие цари плюют в нас, а мы лишь утираемся и летим дальше, вместо того, чтобы разрушить их дворцы до основания, как делали наши предки.

— Разве небесные воины не напали недавно на одно непокорное царство низких? Я слышал, что был сильный бой и низкие убили нескольких людей вашего рода?

— Вы называете это войной? — разгорячился Вишал. — Это не идёт ни в какое сравнение с делами наших предков, о которых вы должны рассказывать в Доме Опыта.

Над моим ухом снова раздался жаркий шёпот Хаки:

— Какая тонкая политическая игра. Вишал Кохуру не только силен, но и умён!

— В чём же его ум? — удивился я. — Он оскорбил учителя. И я не понимаю, чем вообще связаны выживший из ума старик и Дивия?

— Э-э-э, да ты вообще ничего не знаешь?

— Допустим, кое-чего не знаю...

— Потом расскажу.

Тем временем учитель указал Вишалу на входную арку и рявкнул:

— Вон отсюда. Отныне Дом Опыта закрыт для тебя, Вишал из рода Кохуру. Учись сам, как хочешь.

— Подумаешь, — повторил двухметровый качок, но в голосе его послышалось что-то вроде дрожи. — Мой папа... мой отец ещё придёт поговорить с вами.

— Твой отец уважаемый человек, — ответил учитель. — В отличие от тебя он уважает силу знания.

— П-Подумаешь... — Вишал поднялся с корточек, расправил плечи, сжал кулаки и вдруг заявил: — Никуда я не пойду. Мне и тут хорошо.

— Ты ищешь поединка с учителем?

— Или вы ищете поединка с учеником?

— Ты остр на язык. Это хорошо. Но войны дерутся, а не болтают.

Подняв руки, Вишал резким, едва заметным для меня движением, ринулся на учителя. Тот точно так же молниеносно, но бесшумно, отскочил назад. Огромные кулаки Вишала ударили по мраморной дорожке, выбивая из неё куски камня и пыль. Так как это происходило недалеко от меня, то ударная волна даже слегка подбросила меня на матрасе.

Вишал снова рыкнул и побежал, но не сделал и двух шагов, как ноги его подогнулись, а массивные, как у моряка Папайя руки, безвольно упали. Кулаки разжались. Тяжело дыша парень сделал ещё несколько шагов, которые дались ему с таким невероятным трудом, что он мгновенно вспотел.

А учитель обратился к нам:

— Пусть вас не обманывает происходящее. Предельно мощная Линия Тела всегда полезна небесному воину. Она поможет ему в битве с десятком низких воинов. Она поможет в кулачном поединке. Но если вы бросили вызов озарённому, то не рассчитывайте только на мощь своей Линии Тела. Я применил к нашему непослушному ученику мерцающее озарение «Ослабление Тела». Всего лишь мерцающее! Но посмотрите на нашего силача!

На Вишала было страшно смотреть. Ноги его подкосились, спина прогнулась, словно под весом огромной тяжести. Вены и жилы вздулись, но голова при этом болталась так же, как у сенильного старичка Гуро Каалмана. Даже губы Вишала как-то странно обвисли, с них тягучим потоком закапала слюна.

Учитель обвёл нас взглядом:

— Раз уж наш обмен опытом начался так внезапно, то позвольте представиться: меня зовут старший учитель Гиан Атти. В Доме Опыта я расскажу вам о делах прошлого и том, как оно каждый день создаёт настоящее. Кроме истории, я передам вам опыт использования некоторых озарений. Итак, кто мне ответит, почему моё слабое озарение победило человека, достигшего вершины Линии Тела уже в столь юном возрасте?

Все ученики загомонили, давая ответы. Даже Хаки Энгатти прокричал:

— Потому что у Вишала ещё не вершина Линии Тела! Чего гадать. Ему нужно расти дальше.

Но всех перекрыл зычный голос той девушки из рода Патунга, которая недавно едва не раздавила меня:

— Его тянет к земле собственное тело! Прежде чем кидаться на озарённого, Вишал из рода Дураков должен был позаботиться о своей защите.

Старший учитель Гиан Атти показал на неё пальцем:

— Правильный ответ, Маджа из рода Патунга. Я применил небольшое ослабление тела противника, его вес и размеры обернулись против него.

Хаки махнул рукой:

— Ну, так не честно. Она знала.

Учитель продолжил:

— А кто ответит, какую защиту должен был применить Вишал?

Снова посыпались разнообразные ответы. Кто-то предположил, что Вишалу надо было воспарить на «Крыльях Ветра», дабы «Ослабление Тела» не придавило его к земле. Кто-то сказал, что надо было наложить на учителя «Облако Тьмы», чтобы тот не видел окружающее.

Учитель покрутил головой:

— Некоторые ваши догадки умны, но не настолько, чтобы быть верными.

Тогда и я решил высказаться:

— Вишал просто не должен был драться с вами.

— Ха-ха, — оценил учитель. — Наиболее близкий ответ, хотя и не самый верный. Ладно, тише все. Ответ на этот и многие другие вопросы и задачи вы найдёте сами во время учёбы.

Поверженный Вишал уже оправился от ослабления. Вытянулся во весь рост, даже снова сжал кулаки, но продолжить драку не решился.

Учитель Гиан Атти кивнул ему:

— Ты ведь догадался, что я могу ещё много раз использовать «Ослабление Тела»? Я бы мог делать это до тех пор, пока вес и натяжение твоих мышц не сломало бы твои кости.

Вишал нехотя кивнул.

— Повторяю: прочь из Дома Опыта. Если ты попробуешь без спроса и прощения пересечь входную арку, то твой Внутренний Голос будет мешать тебе.

Всё ещё наглое выражение лица Вишала изменилось. Скорчив гримасу недовольствия, он схватился за голову:

— А-а-а, нет... заставьте его замолчать! Я прошу прощения, о учитель...

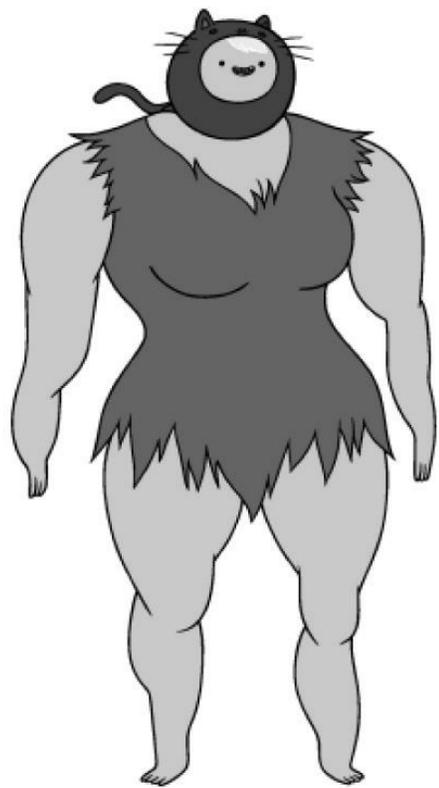
— Пусть твой отец просит за тебя у всех учителей, — ответил Гиан Атти.

В переводе на современный язык это звучало: «И без родителей не возвращайся».

Спотыкаясь, хромя и корчась от кричащего в голове Внутреннего Голоса, громадный силач Вишал из рода Кохуру бросился бежать.

А учитель закрепил свой триумф:

— Ты едва перешёл входную арку Дома Опыта, но уже нарушил все приличия. И кто тут не слышит своего Внутреннего Голоса?

22. Бесславный полёт и супружеская верность

22. Бесславный полёт и супружеская верность

Проследив за бегством сына самого сильного рода в городе, учитель направился на площадку. Сенильный старичок Гуро Каалман снова выдал несуразное:

— Сколько молодых и приветливых лиц! Я насчитал более семнадцати юношей и девушек. Сразу видно, что мы все тут друзья. Вы уже пообедали?

Но никто уже не смеялся. Гуро Каалман, быть может, и выжил из ума, но остальные учителя — нет.

Я симпатизировал учителю Гиану Атти в конфликте с Вишалом Кохуру из-за того, что в прошлой жизни я побывал в похожей ситуации.

Один из студентов транспортного колледжа заявил, что я не годен к преподаванию истории, так как сам её плохо знаю. (Я допустил ошибку в изложении истории Великой Отечественной, перепутав Украинский и Белорусский фронт). Я нагрубил ученику в ответ, едва не доведя дело до драки.

Позже директор и остальные преподаватели объяснили, что я повёл себя неправильно. Я не должен был опускаться до ссоры. Меня заставили извиниться перед этим придурком. Ученик тоже извинился. Потом забрал документы и перешёл в другой колледж.

После этого случая студенты, которые и без того были невысокого мнения обо мне, вообще перестали уважать: ведь я повёл себя в конфликте не как старший, а как равный. Ха, видели бы они, как решил проблему Гиан Атти!

Я хотел было спросить у Хаки, какая связь между старичком Гуро Каалманом, полётом Дивии и небесными воинами, но не успел.

Слово взяла седая женщина.

— Меня зовут Киа Дивиата. Я — хранительница Скрижалей в Доме Опыта. Если вы хотите что-то узнать, спрашивайте сначала меня, а подскажу, где находится нужная вам Скрижаль Знания.

Сенильный старичок вдруг спрыгнул с лектуса и энергично махнул рукой:

— Дом Опыта — это не только то место, где вы усвоите озарения и пойдёте дальше по Всеобщему Пути. В этих стенах, на древних Скрижалях Знаний хранятся знания о все временах жизни нашего великого и вечного города. Получение опыта простирается гораздо дальше простого усвоения озарений. Чтобы их правильно использовать во славу Дивии, вы должны знать, в чём заключается эта слава. Вы должны узнать, что и до вас были славные люди и их деяния.

Мы, ученики, были в замешательстве. Недавно старичок нёс какую-то чепуху, а теперь говорил внятно и понятно. Даже выражение лица сменилось. Вместо растерянной тупости — мудрая одухотворённость.

А Гуро Каалман продолжал чётко говорить:

— В ваших силах, мои светлые юноши и девушки, сохранить величавый полёт Дивии. Ваши озарения — это вовсе не дар Создателей, как вас учили в детстве. Создатели не дарят. Они — наделяют необходимым. Двенадцать Тысяч Граней — это орудие труда и созидания, с помощью которых мы сохраняем Дивию, а Дивия сохраняет нас. Поэтому труд и жизнь во славу Дивии, это труд и жизнь во славу каждого из нас. И тех, кто жил, и тех кто ещё не жив

или уже не жив.

— Во славу Дивии, — нестройным хором отозвался зал учеников.

На этом заряд ясной мысли Гуро Каалмана иссяк, старичок снова впал в забытие и забормотал:

— Более семнадцати юношей и девушек вижу я. Но это мало, мало. Пора приступить к обеду. Сегодня у нас будут жареные в масле побеги ман-ги. Раньше было гораздо больше озарённых детей. А всё из-за воин... и их воинов. Все хотят быть воинами, никто не хочет трудиться.

Киа Дивиата снова подхватила старичка под руки и усадила на лектус.

Заговорил Гиан Атти:

— Каждый из вас может усвоить одно наследованное озарение. Его усвоение не будет стоить вам ни грани. Но напоминаю, что не обязательно усваивать озарения прямо сейчас. Все не определившиеся, могут сделать это позже. Можно вообще не принимать ни одного озарения за всё время учёбы.

На площадку вышло ещё с десятков учителей. Мужчины и женщины разных возрастов. Были даже совсем молодые. Все одеты в похожие халаты из мешковины. Различались цветом тюрбанов или иероглифами на груди.

Гиан Атти завершил речь:

— После выбора или **не выбора** озарения, ваши Внутренние Голоса подскажут, под крыло какого учителя вы встанете. А теперь прошу вас...

«Ты можешь покинуть зал слов и событий и пройти в зал Скрижали Выбора», — сказал мой Внутренний Голос.

Все ученики услышали то же самое. Все поднялись и потянулись к выходу в коридор из белого мрамора.

В коридоре я догнал Хаки и спросил:

— Так чем же связаны Гуро Каалман и полёт Дивии?

Хаки охотно рассказал:

— Гуро Каалман — не только самый старший в Доме Опыта. Он ещё состоит в Совете Правителей. Говорят, что у него самое высокое Моральное Право в истории. Никто не забирался так высоко, как он. Даже в Скрижалях Старого Знания нет упоминаний о таком толстом и сильном Моральном Праве. Говорят, что Гуро Каалман беседует с Создателями напрямую, без всяких благоволений!

— И что это ему даёт?

— Ну, как! Ты и этого не знаешь? Его Моральное Право перекрывает влияние остальных членов Совета. Иногда Гуро Каалман в одиночку может отменить любое их решение.

— Но я слышал, что сейчас в Совет Правителей сразу два представителя рода Кохуру.

— В этом и причина их недовольства. Ведь выживший из ума Гуро Каалман всё равно сильнее их в Моральном Праве.

Я по-новому взглянул на сенильного старичка. Ясно, почему папа Самирана упал перед ним на колени. Ведь Гуро Каалман практический главный правитель Дивии! Тем более странно, что он лично развозил приглашения на учёбу. Устройство жизни в Дивии до сих пор удивляло меня.

— Все военные рода желают сместить Безумного Гуро, — раздался за моей спиной зычный голос. — Не только Кохуру.

Это была, конечно, Маджа Патунга. Я поспешно убрался с её пути. Но девушка-гигант поравнялась и пошла рядом с нами.

— А почему военные рода не любят Гуро Каалмана? — спросил я.

— Потому что под его влиянием Дивия уже целое поколение бесславно летает по своему Пути. Даже наши родители не помнят, когда мы в последний раз нападали на низких всем своим войском.

Её рассказ подхватил Хаки:

— Поэтому Вишал был прав, когда сказал, что низкие потеряли всякий страх перед летающей твердью. Безумный Гуро отменяет каждый приказ Совета о нападении на низких. Из-за Гуро Каалмана Дивия только торгует с ними, продавая всё больше кристаллов.

— Но торговать не менее выгодно, чем воевать? — осторожно спросил я.

И Хаки Энгатти и Маджа Патунга одновременно скорчили презрительные гримасы.

— У тебя какое предназначение? — спросила Маджа.

— Я ещё не выбрал.

— Ну а вообще ты кто?

— Самиран.

— Самиран — кто?

— Сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран.

Маджа Патунга презрительно сплюнула:

— Лекарь или управляющий. Какой бесславный выбор.

Громко топая по мрамору огромными сандалиями, она ушла вперёд. Хаки побежал за ней:

— А я небесный воин, как и вы, госпожа! У меня уже есть «Удар Грома». Недавно я победил в поединке...

Позабыв обо мне, товарищ увлечённо рассказал девушке-воину о своей эпичной битве с водителем. В его рассказе несчастный и пьяный водитель акраба превратился в могучего воина, который владел ярким озарением «Стрела Молнии».

Я же вспомнил, почему мама Самирана, когда перечисляла мне могущественные рода, не упомянула о Гуро Каалмане. Кажется, не только военные желали убрать Безумного Гуро из Совета Правителей.

◆◆◆

Хаки Энгатти и те ученики, которые уже усвоили наследственные озарения, пошли вправо по коридору. На удивление таких оказалось почти половина от общего числа новичков Дома Опыта.

А меня, Маджу Патунгу и остальных учеников Внутренний Голос повёл налево, в другой зал, намного меньше предыдущего. На его входной арке иероглифы:

ЗАЛ СКРИЖАЛИ ВЫБОРА

Вместо золотого Солнца в своде его купола зияло круглое отверстие, в которое светило настоящее Солнце и залетали клочья облаков.

Зал был совершенно пуст, только вдоль закруглённых стен стояли деревянные лавки и лектусы. В центре зала высилась каменная плита метров в пять высотой и метра три шириной. По её серой поверхности бегали едва заметные волны, словно под каменной плёнкой что-то шевелились.

Голос подсказал мне, что это — Скрижаль Выбора. По приказу старшего учителя Гиана Атти мы расположились вокруг неё.

— Используйте Внутренний Взор, чтобы увидеть наследованные озарения, — сказал учитель. — Потом выберете и усвоите желаемое.

Я поднял руку:

— Простите, а как его усваивать?

Ученики зафыркали, мол, ну и наивный вопрос. Но учитель терпеливо пояснил:

— Самиран, ты когда-нибудь использовал кристалл озарения?

— Да.

— Точно так же соедини выбранное озарение с Линией Духа или Тела.

Мой Внутренний Взор вспыхнул вокруг руки. Одновременно с этим на поверхности каменной доски высветились иероглифы.

— Не торопитесь, — сказал учитель, отступая к стене зала. — Выбор наследованного озарения — это очень важно. Оно останется с вами на всю жизнь.

Я всмотрелся в иероглифы.

НАСЛЕДОВАННЫЕ ОТ ПРЕДКОВ ОЗАРЕНИЯ САМИРАНА, СЫНА ПОХАРА
ТАНГА И МАДХУРИ САРАН

СВЕТЛОЕ ОЗАРЕНИЕ «МЯГКИЕ РУКИ».

СВЕТЛОЕ ОЗАРЕНИЕ «МОЛОДОЙ ОБРАЗ».

СВЕТЛОЕ ОЗАРЕНИЕ «ЖИВАЯ МОЛНИЯ».

Что-то странно. Почему все мои наследованные озарения — целительские?

Я поднял руку:

— Вопрос. А сколько должно быть всего наследованных озарений?

— М-м, — удивился учитель. — Это зависит от того, сколько светлых озарений было у твоих родителей.

— Учитель, а что если у кого-то оба родителя были без озарений?

Я не видел, кто задал вопрос, но у неё был смешной, очень тоненький голосок. Честное слово, как у персонажа из мультика.

— Так не бывает, Реоа. Если у твоих родителей нет озарений, то они обязательно были у кого-то из твоих далёких предков. Кстати, вот интересный опыт: Первые Жители действительно не имели наследованных озарений. Поэтому они и называются «Первыми». Первых Жителей было ровно двенадцать тысяч, каждый выбрал одно озарение и передал его нам через сотни поколений.

Я перечитал список несколько раз, и окончательно удостоверился: среди наследованных озарений Самирана не было ни одного из предназначения Поддерживающих Твердь. Все они оказались целительскими.

Что это значило? Да то, что Самиран — это сын Мадхури Саран, но не сын Похара Те-Танга. Прекрасная Мадхури наставила мужу рога.

Я тупо смотрел на иероглифы, размышляя: теперь-то что? Неужели придётся принять род Саран? Но я так не хотел быть лекарем!

— Обратите внимание, — продолжил учитель, — что наследованные озарения бывают только светлыми. Кто может ответить мне, почему это так? Почему вам не доступны яркие, то есть — самые сильные озарения ваших родителей?

Первым отозвался зычный глас Маджи Патунги:

— Созидатели Тверди следят за соблюдением равных возможностей для идущих к ним.

Получение наследованного яркого озарения даёт слишком много власти озарённому. Дарение яркого озарения не только обесценивает радость обладания им для всех, но и нарушает поступь всех идущих по Всеобщему Пути.

— Многословно, но верно, — подтвердил учитель. — Неверно лишь то, что мы якобы идём по Пути, конечной целью которого является возвращение к Создателям, но это не совсем так.

Маджа упрямо не согласилась:

— Моя мама говорила, что Всеобщий Путь ведёт только к Создателям. Иначе зачем нам идти по нему?

Учитель требовательно поднял руку с раскрытой ладонью и повысил голос:

— Есть разные мнения о том, куда ведёт Всеобщий Путь. Есть и те, которые не верят, что он ведёт куда-либо, и что есть только Путь, а не то место, в которое он ведёт.

— Моя мама говорила...

— Я не подвергаю сомнению слова твоей мамы, — ответил учитель. — Но в Доме Опыта вы получите все толкования Всеобщего Пути, а не только те, в которые верит ваш род.

Я убрал Внутренний Взор и отошёл к скамейке.

Правда о Самиране разрушила не только мои планы, но и расчёты Похара Те-Танга. Бедный мужик! Он и его сословие рассчитывал на мою женитьбу на Виви и союз Те-Танга и Карехи.

Получалось, что прекрасная Мадхури Саран знала всё с самого начала. Мать всегда знает, кто истинный отец её ребёнка. Для этого и готовила своего сына к выбору целительского сословия.

Но что делать мне? Ведь я не Самиран. Я ничего ей не должен. Кроме тела её сына.

В отчаянии я даже обратился к Внутреннему Голосу:

— Что мне делать?

«Между нами непонимание».

— Какое озарение мне выбрать?

«Выбор озарения — личное дело каждого».

На скамейку рядом со мной опустился учитель Гиан Атти:

— Ты не усвоил озарение, Самиран.

— Вы сами сказали, что можно не спешить.

— И ты правильно поступил, — кивнул учитель. — Спешка в таком деле нужна лишь тем, кто полностью отдал свой Путь роду или сословию. Но ты даже не принял имя рода.

— И откуда вы всё знаете обо мне?

— Озарение «Чтение Путей». Оно помогает нам узнавать учеников без прямого знакомства с каждым.

— Но ведь у ментов... то есть у небесных стражников тоже есть это озарение?

— Конечно, — усмехнулся он. — Оно помогает им узнавать имена преступников.

— А какие ещё есть особенные озарения для учителей?

— Хм. Мне редко задают такой вопрос. Ты хочешь стать учителем?

— Нет-нет! Ни за что!

От моих резких слов Гиан Атти поник:

— Горькая доля учителя: знать многое, уметь малое, а владеть ещё меньшим.

— Вы не поверите, но я разделяю вашу боль. И всё же, что есть у учителей?

— Ну... — задумался Гиан Атти. — Мне нравится озарение «Ясность Мышления» которое позволяет запоминать что угодно в мельчайших деталях.

— Но разве Внутренний Голос не делает за нас то же самое?

— Верно. Но «Ясность Мышления» предназначена не столько для запоминания, сколько для использования запомненного. «Ясность Мышления» делает человека необычайно прозорливым, позволяя самому узнавать суть вещей. Человек сможет находить такие связи между предметами и явлениями мира, какие не увидят другие. И делает это намного быстрее других.

— Короче, «Ясность Мышления» делает умнее?

— Можно так сказать. А вернее — помогает использовать ум точнее и быстрее.

— Но ведь это очень полезное озарение?

— Как у всех озарений на Пути Двенадцати Тысяч Граней, у «Ясности Мышления» есть неприятные стороны.

— Это какие?

Старший учитель Гиан Атти замялся:

— Ты же видел самого старшего Дома Опыта?

— Гуро Каалмана?

— Он всю жизнь использовал яркое озарение «Ясность Мышления», подстёгивая его такими же кристаллами. И сам видишь, что к старости его ум ослаб намного больше, чем у других. Теперь он ясно мыслит только во время использования этого озарения. В остальное время... В остальное время мы не понимаем хода его мыслей и порядка его слов. Сам Гуро Каалман утверждает, что разговаривает с Создателями, но нам кажется, что он просто беседует с фантазиями своего ослабшего разума.

Я задумался. Мама Самирана ничего не говорила о побочных явлениях озарений. Вероятно, не придавала им значения.

Воспользовавшись откровенностью учителя, спросил:

— Что делать, если я не знаю, какие озарения выбрать?

— Мне запрещено подталкивать тебя на Всеобщем Пути. Выбор озарения это...

— ...личное дело каждого, — закончил я. — Уже слышал это много раз. Но само существование каких-то наследованных озарений ограничивает выбор. Выбор перестаёт быть личным делом. Становится делом рода и сословия.

— Твои слова умнее твоего возраста, Самиран.

— Спасибо. Но что если я не хочу наследованных озарений?

Учитель с удивлением поднял брови:

— Каждый озарённый важен для рода и сословия. Даже потеря одного ослабляет всех. Ты готов пойти против воли обоих родителей, их родов и сословий? Такое не прощается.

— Не готов. Но вдруг — да?

— Ты можешь отказаться от наследованных озарений и начать свою семью, для отпрысков которой и выберешь начальное озарение. Но на это редко кто идёт.

— Почему?

— Отказавшись от наследования озарения, ты потеряешь его. А для усвоения нового озарения, которое станет наследованным, потратишь грани.

— Это невыгодно.

— Очень. Начало новой семьи — это путь сирот или легкомысленных людей.

Я кивнул. Всё же мне придётся принять озарение мамы Самирана или её неизвестного

трахаря.

Тем временем то один то другой ученик начали отходить от Скрижали Знания и собираться вокруг нас.

Последней притопала Маджа Патунга и радостно сообщила учителю:

— Я усвоила наследственное озарение. Когда я смогу усвоить остальные?

Учитель поднялся со скамьи:

— Сегодняшний день был посвящён тем, кто уже знает, какие озарения и предназначения ему нужны. Завтра, когда вы пересечёте входную арку Дома Опыта, Внутренний Голос направит вас к учителю вашего предназначения. Те же, кто, как Самиран, ещё не определился и не выбрал ничего, не услышат Внутреннего Голоса. Поэтому прошу их собраться отдельно.

Из почти двух сотен человек неопределившихся оказалось около двадцати. Среди них — Сана Нугвари.

Я уже понял, что девушка избегала меня и не стал даже подходить к ней.

Осмотрев нас учитель, кивнул:

— Сегодняшняя учёба завершена.

◆◆◆

Вместе со всеми я покинул зал Скрижали Выбора. По коридору из белого мрамора вышел на большую площадку, огороженную перилами, украшенными статуями.

Высокая крыша раскинулась над площадкой, держась на четырёх столбах, выполненных в виде очень вытянутых иероглифов «ДОМ ОПЫТА». Растущие по её краям деревья гнулись на ветру. Отсюда открывался хороший вид на Дивию. Центральный утёс был хорошо виден, я даже различил людей на вершине первого Кольца.

Но наслаждаться видом я не смог: перила были облеплены учениками. Они разговаривали друг с другом, спорили, смеялись и толкались. Кто-то прыгал под самый свод крыши и, расправив «Крылья Ветра» пытался удержаться в воздухе. Не провисев и минуты, валился вниз, теряя прозрачные треугольнички, из которых состояли крылья.

Судя по всему, недостаточно просто усвоить озарения. Необходимо научиться ими пользоваться.

Два огромных качка, одетые, как положено, в экстра короткие туники, молотили друг друга кулаками:

— Чё так слабо? Ударь как следует! Ну-у-у, слабак!

— Это ты — слабак. Разве это удар? У меня Служанка сильнее бьёт.

Звуки страшных ударов, очень похожие на эффекты в старинных индийских фильмах, перекрывали гомон учеников.

Я услышал знакомые раскаты грома — Хаки показал Мадже свой наследованный удар. Мускулистая девушка одобрительно ухмыльнулась:

— Да ты прямо ещё один Ротт Громобоец. Когда я создам свой отряд, позову тебя. Громобойцы полезны для разрушения укреплений низких.

Сияя от удовольствия, Хаки избегал встречаться со мною взглядом и прямо-таки вился вокруг Маджи, словно мелкая собачонка. Рядом с двухметровой силачкой многие казались мелкими собачонками. Только такие же ученики, прокачавшие Линию Тела, выглядели равными.

Услыхав об отряде, два качка прекратили драться и подошли к ней.

— Уважаемая Маджа из великого рода Патунга, мы хотели бы примкнуть к отряду

твоего рода.

Маджа Патунга растерялась:

— Э-э-э... Ну, ладно, вы как бы теперь в моём отряде. Которого ещё нет.

Хаки Энгатти подобострастно заметил:

— Уже есть. Небесные воины и воительницы великих родов часто собирали свои первые отряды именно в Доме Опыта. Великий богатырь Ротт Громовержец служил в таком. Я тоже хочу стать воином твоего отряда, госпожа Патунга.

— Ну... хорошо... — девушка будто не ожидала, что всё произойдёт так быстро.

Качки удовлетворённо кивнули и встали рядом с Маджей.

Вообще заметно, что ученики с похожими озарениями постепенно сбивались в группы.

Те, кто получил крылья, кувыркались в воздухе сами по себе. Иногда падали и лежали, постанывая. Тогда к ним устремлялись молодые целители, спешившие испробовать на них «Мягкие Руки».

Другие ученики никак не проявляли свои способности. Вероятно, усвоили озарения, которые не имели ярких внешних проявлений. Собравшись в группы, они беседовали или, разложив их на перилах коробочки с едой, трапезничали.

Не знаю, были ли у Самирана друзья, но никто не подошёл ко мне. Никто не приветствовал меня, никто не стремился показать своё новое озарение.

Мне почудилось, что этот странный мир намеренно отгородился от меня, подозревая во мне захватчика чужого тела.

Конечно, всё это бред... Никто ничего не знал. Ну, разве что, мама Самирана.

Просто я надеялся, что день, когда я войду в Дом Опыта и получу озарения, каким-то образом прояснит мою судьбу. Я даже пытался влиять на эту судьбу, выбрав предназначение отца Самирана. Думал, что стану вместе с ним работать в недрах Дивии, узнавая тайны летающей тверди.

Но все мои надежды пошли прахом из-за того, что прекрасная Мадхури Саран потрахалась не с тем.

Во мне зашевелились признаки прежней паники.

Какие, на хрен, планы? Это не мой мир и не моё тело! Что я могу тут планировать, кроме того, чтобы поскорее закончить этот кошмар?

Одновременно с паникой пробило тревожная мысль: нельзя надеяться на спасение. Нельзя верить, что однажды я снова вернусь в своё тело и продолжу жить в своём мире.

В конце концов, кто сказал, что я не могу быть Те-Танга? Что если я приму мамино озарение, но возьму папину фамилию? Что тогда? Они оба станут меня ненавидеть или их вражда вокруг меня взаимно уничтожится? И что будет, если вскроется факт измены Мадхури Саран? Ведь общий ребёнок был как бы символом мирного договора между родами. Возобновиться ли война Саран и Те-Танга?

Погрузившись в эти отчаянные мысли, я не сразу заметил, как поредела толпа на площадке. Никто больше не дрался, не прыгал и не барахтался в воздухе на «Крыльях Ветра». Часть учеников ушла с площадки. Лишь ветер двигал пустые коробочки от еды на перилах.

Несколько учеников, из тех, кто получили крылья, залезли на перила и пождали, когда к ним подлетят акрабы, — и ловко перепрыгнули в его раскрытые двери.

Выглядело это дико и странно. Я всё не мог привыкнуть, что у жителей летающего города иное отношение к высоте. Тем более у тех жителей, которые получили волшебные способности.

Хаки Энгатти, Маджа Патунга и два качка всё так же стояли вдвоём, но уже не разговаривали. Хаки даже соизволил ответить на мой взгляд улыбкой.

К перилам подплыл огромный акраб так избыточно украшенный иероглифами, орнаментами и статуями что напоминал передвижной музей. Его большие овальные окна закрыты золотыми шторками. На крыше торчало много знамён, которые путались и хлопали на ветру. Я не сразу разобрал на них многочисленные гербы рода Патунга и союзников.

А по высокому, как двухэтажный дом борту акраба, шла надпись:

СЕЙ АКРАБ ПОСТРОЕН ТРУДОЛЮБИВЫМ РОДОМ ГАРУДЖА ДЛЯ ХРАБРОГО
БЕССТРАШНОГО РОДА ПАТУНГА

И НОСИТ ОН ИМЯ «ПОБЕЖДАЮЩИЙ В БИТВЕ С ТРЕМЯ ЦАРЯМИ НИЗ
ОСТАЛЬНЫМИ ПОРОЖДЕНИЯМИ ГРЯЗИ»

В покато борту акраба раскрылись двойные ворота, почти как на грузовом вертолёте.

— До свидания, Хаки Громобоец, — сказала Маджа Патунга.

Слега присев, она распрямила ноги и прыгнула с места. Пролетев с десятков метров, продолжила лететь прямо, не падая, пока не запрыгнула точно в раскрытые ворота родительского араба. Огромная машина даже покачнулась от её прыжка.

Качки последовали за своей предводительницей. Но прыгать им пришлось меньше — акраб подлетел поближе.

Хаки тоже разбежался, готовясь к прыжку, но ворота акраба закрылись. Сделав вид, что всё так и должно быть, Хаки с разбегу врезался в перила и непринуждённо облокотился о них.

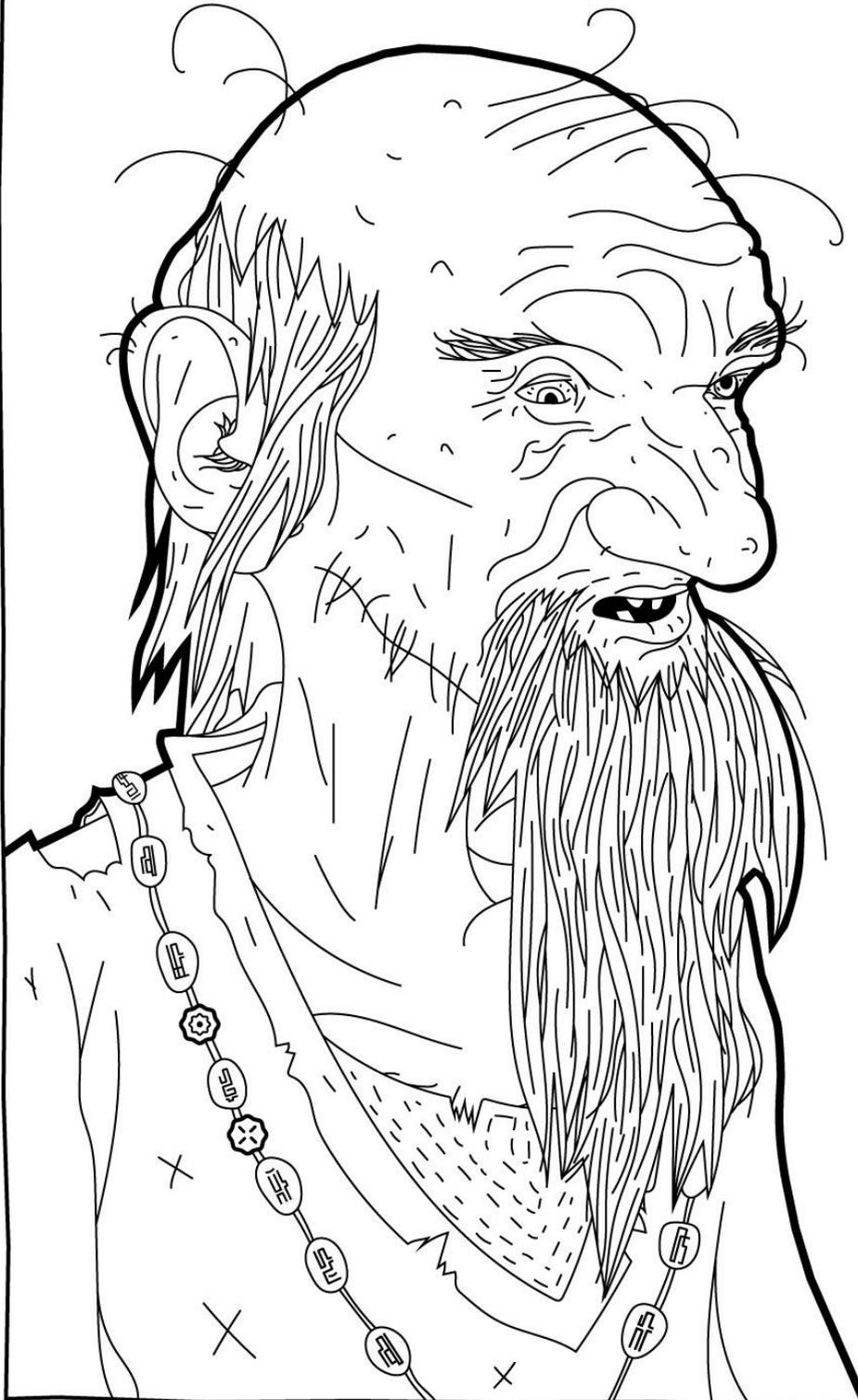
— До завтра! — нарочито бодро крикнул им Хаки. — Я пока это... тут побуду.

Проводив разворачивающийся акраб взглядом, Хаки Энгатти соизволил подойти ко мне:

— Пора домой, Самиран.

А я вдруг догадался:

— Слушай, дружище, а Ротт Громобоец, о котором ты часто рассказываешь, — это ведь твой отец?

우산

23. Пожилая женщина и летучие материалы

23. Пожилая женщина и летучие материалы

Похар Те-Танга расстроился, когда я вышел из Дома Опыта тем же, кем туда зашёл: Самираном, сыном Похара Те-Танга и Мадхури Саран.

— Выбор озарения личное дело каждого, — вздохнул он, управляя акрабом. — Но личное дело не должно мешать на Всеобщем Пути. Если ты понимаешь, о чём я.

— Пап, я просто не хочу спешить. Наследованное озарение — это ведь на всю жизнь. Тут надо подумать.

Мама Самирана ничего не сказала, но так на меня поглядела, что понял: сегодня ночью она придёт ко мне. Возможно — будет бить.

Так оно и было.

Когда Похар заснул, мама Самирана оставила брачное ложе и пришла ко мне. На этот раз предусмотрительно закуталась в чёрную накидку, чтобы не смущать меня своей красотой.

Я ждал её, сидя на матрасе, хотя очень тянуло ко сну.

— Что ты задумал, мерзкий и грязный демон? — с ходу заявила она.

— И вам доброй ночи, — ответил я.

Мадхури Саран опустила на матрас напротив меня:

— Теперь ты знаешь, почему у моего сына нет иного выбора, кроме как принять род Саран. Почему ты медлишь?

— Выбор озарения — это личное де...

Договорить я не успел — сильный порыв ветра опрокинул меня на спину.

— Не повторяй при мне эти глупости, демон!

Надо мной закрутился вихрь, готовый ударить в лицо. И тогда я применил «Подавление Света», кристалл которого активировал ранее, поджидая маму Самирана.

Не долетев до моего лица, вихрь хлопнул и исчез.

— Ах ты гадкий демон, — прошипела мама Самирана.

В комнате было не слишком светло, но я заметил, как прекрасное лицо Мадхури заметно обвисло. На нём проступили морщины, на шее образовались складки. Высокая грудь — опала, повиснув под одеждой двумя большими и вытянутыми дынями. Большие красивые глаза резко потеряли блеск.

Прекрасная Мадхури ментально превратилась во всё ещё красивую, но пожилую женщину. Под стать своему мужу.

Вероятно, мой кристалл «Подавление Света» заодно с «Порывом Ветра» подавил и озарение, с помощью которого мама Самирана поддерживала свою молодость и свежесть.

Резкая трансформация причинила Мадхури боль. Неприлично громко застонав, женщина упала на матрас рядом со мной. Чёрная накидка сползла с её плеч, показывая рыхлое, немолодое тело. А Мадхури простонала ещё громче. Да уж, не хватало ещё, чтобы папа Самирана проснулся и прибежал на эти стоны!

Я поспешно откатился от корчившейся на матрасе женщины и хотел рассоединить свою Линию Духа и грани кристалла озарения. Но неожиданно для самого себя подошёл к Мадхури и поставил ногу ей на горло. С наслаждением перенёс вес тела на ногу. Женщина

захрипела и начала царапать мою голую ступню, но я давил всё сильнее и сильнее. Мой разум словно на самом деле захватил злобный демон. И этот демон жаждал убить кого-нибудь.

— Что? Не нравится, мамуля? — сквозь зубы прошипел я. — Оказывается ты, как и я: снаружи моложе, чем внутри!

Думаю, что в иной ситуации Мадхури легко справилась бы со мной, но её тело всё ещё было слабым из-за внезапной трансформации — она не могла даже сдвинуть мою тощую ногу.

Постаревшее лицо женщины напряглось, вены вздулись на лбу. Прекрасные чёрные волосы, лежавшие когда-то в красивой причёске поседели и растрепались. Широко раскрывая рот Мадхури с ужасом и мольбой смотрела на меня.

А мой демон заставлял меня давить ногой сильнее и сильнее. Сделав последний толчок, от которого мама Самарана, громко всхлипнула, я убрал ногу.

Держась за горло, женщина поспешно поднялась. Но на ногах не удержалась и рухнула на колени. Выставив перед собой руку, отползла от меня на несколько шагов.

— В следующий раз, мамуля, подумай, прежде чем угрожать мне.

Я постучал пальцем по шкатулке с кристаллами «Игры Света», которая висела на поясе. Намекнул, что у меня якобы припасено много боевых кристаллов.

— Демон... мерзкий демон... — прохрипела она. — Как ты посмел поднять на меня руку.

— Вообще-то я поставил на тебя ногу, мамуля.

Я сделал шаг к Мадхури. Она, защищаясь от меня дрожащей рукой, отползла. Испуганная покорность женщины одновременно вызывала жалость и торжество. Хорошо быть победителем. Хорошо, когда твоя нога на горле противника, а не наоборот. Даже если твой противник — немолодая женщина.

Ярость отпустила меня. Я ужаснулся тому, что едва не убил человека.

Но одновременно догадался: именно эта ярость и поможет мне жить в этом городе. Просто я должен стать таким же безжалостным, как большинство озарённых жителей Дивии. Мне нужно поменьше думать, как Денис Лавров, который жалеет даже рабов, а побольше думать, как Самаран, сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран.

При этом я понимал, что Мадхури Саран намного сильнее меня. Одна случайная победа ничего не значит. Необходимо восстановить мир между нами.

Я сел на колени перед нею:

— Простите, уважаемая Мадхури. Но вы вынудили меня защищаться.

Отняв руку от горла, Мадхури прокашлялась. Её молодость постепенно возвращалась. Волосы почернели, кожа подтянулась. Старческие складки на шее разгладились. Я не успел заметить момента, когда две обвисшие дыни снова превратились в высокую и упругую на вид грудь.

Я продолжил:

— Если вы перестанете угрожать мне смертью, то и я не буду видеть в вас угрозу.

— Ты глупец, демон, — устало ответила Мадхури Саран. — Сколько бы я ни угрожала, я не осмелюсь убить тело моего сына. Особенно после того, что я узнала сегодня о переселении душ.

— Мир? — протянул я руку.

— Нет, демон. Просто — союз.

— Пусть хотя бы так.

Мадхури Саран пожала мою руку. Её пальцы ещё заметно дрожали.

— Да и кое-что ещё, — добавил я. — Прошу вас, перестаньте будить меня пинками.

Я ожидал, что после рукопожатия меня охватит сонливость или ещё какая-нибудь магическая хворь, с помощью которой мама Самирана победит демона. Но ничего не случилось. Рукопожатие не содержало в себе отравы.

Мы расселись на разных концах матраса.

Мадхури Саран снова завернулась в свою чёрную накидку.

— Ваша внешность, — спросил я. — Это результат озарения «Молодой Образ»?

— Да.

— Я думал, что озарения не могут работать бесконечно.

— Озарения бывают разными.

— Ага, чёрными, белыми, красными.

— Я не понимаю твоих слов, демон. При чём тут цвета? Поддержка «Молодого Образа» отбирает много толщины и твёрдости у моей Линии Тела. Но даже это озарение не длится бесконечно. На время сна или в комнате для омовения я отпускаю этот образ.

— Каждую ночь Похар Те-Танга видит ваш настоящий возраст?

— Более того, демон, Похар Те-Танга любит мой настоящий образ и ненавидит молодой.

— Ясненько. У вас с ним, как я понял, всё сложно.

— Ничего сложного.

— Кроме того, что я не сын вашего мужа. Кстати, а чей я сын?

— Это не твоё дело, демон.

— Моё тело — моё дело. Неужели вам сложно сказать, кто настоящий отец Самирана?

Мадхури Саран ответила не сразу. Мне даже показалось, что она раздумывала: не навести ли на меня сон и не сбежать ли? Потом вздохнула и ответила:

— Тот человек давно умер. Он тоже... тоже принадлежал сословию Возвращающих Здоровье, поэтому у Самирана есть наследованные озарения только целительского толка.

— Ясненько. Что будет, если Похар Те-Танга узнает, что он не отец Самирана?

— Это разорвёт мирный договор между Саран и Те-Танга.

— Вот и мы поговорили на отвлечённые темы. Давайте обсудим, что вы узнали о нашем общем теле? То есть — деле.

Мадхури рассказала, что все эти дни она расспрашивала о переселении душ у самых старых и морально высоких членов сословия Возвращающих Здоровье. Конечно, никто ничего не знал об этом. Тогда Мадхури отправилась в дом сословия Возвращающих Здоровье, где изучила Скрижали Знания, в которых записаны все любопытные и редкие болезни и способы их излечения. Там-то её и застал шторм.

— Но ни одна скрижаль не пролила света истины на искомое, — сказала Мадхури. — Переселения душ или не существует или о нём никто не знает. Тогда я пошла и спросила у старейших нашего сословия, знают ли они что-либо о демонах, вселяющихся в тела людей. И один из рода Ронгоа, которого шторм тоже застал в доме Возвращающих Здоровье, рассказал, что его отец, ныне уже покойный, посвятил свою жизнь изучению людей, одержимых демонами.

— Но то могли быть обычные психи, — сказал я. — То есть — душевнобольные.

— Могли. Но когда я описала твоё поведение человеку из рода Ронгоа, он заверил, что его отец пристально изучал случаи помешательства, в которых демон заставлял человека вести себя, как личность из иного мира.

— Значит моё переселение это не первый случай в Дивии?

— Я же сказала, что никто ничего не знает о переселениях. Но некоторые целители знают об одержимости демонами, во время которой люди ведут себя иначе.

— Обождите, мамуля, — растерялся я. — Не хотите ли вы сказать, что Самаиран просто поехал крышей и воображает, что он из другого мира?

— Я хочу сказать, что такие случаи описаны в скрижалях рода Ронгоа.

— Нет, нет, — запротестовал я. — Я человек из... из...

Я растерялся. Мать вашу, а действительно ли я — это Денис Лавров? Что если Самаиран сошёл с ума и придумал всё это? Но как это... Такое даже невозможно объяснить! Нет, нет, вся моя жизнь не может быть выдумкой безумца!

Я — Денис Лавров! Я преподавал историю в транспортном колледже. Это была моя временная работа, но, как всё временное, растянулась на всю жизнь... У меня есть... была девушка, увлекающаяся парапланеризмом... У меня родители живут в Екатеринбурге... Твою же мать... А что если парапланеризм и летающий город как-то связаны? Что если...

Я застонал и схватился за голову.

Мадхури Саран следила за мной со зловещей улыбкой.

— Этого не может быть! — выкрикнул я. — Я не демон и не выдумка вашего сына! У меня есть целая жизнь, которую я могу вам пересказать.

А прекрасная Мадхури с ещё более зловещей улыбкой добавила:

— В скрижалях рода Ронгоа описано, какие озарения нужно соединить в гроздь, чтобы попытаться изгнать демона. Если ты плод душевной болезни моего сына, то ты исчезнешь.

— А если не исчезну?

— Значит ты на самом деле демон из иного мира.

— Так давайте же скорее попробуем эти грозди или как их там...

Мадхури покачала головой:

— Для этого мне надо прочитать скрижали рода Ронгоа. Потом найти все упомянутые кристаллы озарений, из которых будут созданы гроздья...

— Так давайте же это делать.

— Ты не понимаешь. Все нужные озарения наверняка будут такими редкими, что их кристаллы давно никто не творит.

— Как же быть?

— Нам придётся искать или людей с такими озарениями или тех, кто сможет их усвоить и создать нам нужные кристаллы.

— Давайте искать. Для начала нужно хотя бы прочитать скрижали.

— Человек из рода Ронгоа...

— Почему вы называете его «человек из рода»? У него нет имени?

— Не желаю называть его.

— Почему?

— Потому что человек из рода Ронгоа отказался пустить меня к скрижалям, пока я не скажу, кого я буду лечить от одержимости демоном.

— Вы не упомянули, что «демон» — это ваш сын?

Мадхури Саран кивнула.

— Но почему?

— Потому что всех одержимых бросают в грязь небесные стражники. Это древний указ Совета Правителей.

— «Бросать в грязь» — это значит сослать в низкие царства?

— Нет. Это значит — убивать.

— Ясенько... вы боитесь, что я сам пойду к «человеку из рода Ронгоа» и попрошу поглядеть в скрижали.

Мы замолчали минут на пять. Мама Самирана, гладила горло, на котором ещё краснел след моей ноги.

Я же прокручивал в голове полученную информацию. Крутил её так и сяк.

С одной стороны — интересно провести магический обряд «изгнания демона», то есть меня, из Самирана. Ведь тогда я точно буду знать, что я — не выдумка психа.

С другой стороны — а на хрена мне это? Ведь я-то знаю, что я — не выдумка, а Денис Валерьевич Лавров. Это пусть мама Самирана страдает, стараясь вернуть своего сына. А мне и тут хорошо. Скоро вот изучу озарения, закончу Дом Опыта с красным дипломом, найду работу, перееду из дома родителей в своё жилище... Кто знает, может всё-таки женюсь на Виви Карехи.

Даже если я — выдумка безумного Самирана, то эта выдумка получилась лучше его прошлой жизни. И моей тоже.

Я нарушил молчание:

— Вы принуждаете меня поскорее принять род Саран. После чего моим развитием будет руководить сословие Возвращающих Здоровье. А род Ронгоа — как раз старший в сословии, не так ли?

— Да.

— Я должен стать прилежным учеником-целителем, заслужить доверие сословия и дружбу рода Ронгоа. Тогда-то нам и откроются их скрижали без риска того, что небесные стражники узнают об одержимости Самирана Саран демоном и не сбросят его в грязь?

Мадхури кивнула:

— Это один из двух путей.

— Каков второй?

Женщина поднялась на ноги и подошла к двери:

— Однажды я наберусь смелости и убью тело моего сына. И демона внутри него.

◆◆◆

Я рассчитывал, что папа Самирана будет каждый день возить меня в Дом Опыта на акрабе. Поэтому на следующий день я уже ждал на месте для приземления, где стоял наш «Полезный в делах». Его блестящие бока покрыты росой, а на прозрачном материале окон — разводы изморози.

— А ты чего ждёшь? — удивился Похар Те-Танга. — Тебе пора идти в Дом Опыта, если не хочешь опоздать.

— Разве мы не полетим?

Похар нахмурился:

— Наша семья, конечно, не нищенская, но мы не настолько богаты, чтобы возить тебя в Дом Опыта каждый день. Вот заработаешь свои грани, купишь свой акраб, тогда и летай куда хочешь.

Осторожно расспросив отца, я выяснил, секрет полёта акрабов.

Для начала в его постройке использовали летучие материалы: дерево или металл, которые обрабатывали мастерами со специальными озарениями. Само собой стоили они много тысяч золотых граней. Чем больше озарённой материи уходило на постройку акраба, тем дольше он держался в воздухе. Но озарённым материалом постройка летающего экипажа не заканчивалась, а только начиналась.

Недостаточно обзавестись железом и досками, которые, будучи подброшенными в воздух, или оставались висеть в нём, или падали очень медленно. Нужно было построить сам акраб, рассчитав равновесие его частей. Мастера семей и родов акрабостроителей разрабатывали свои модели, которые чем-то превосходили конкурентов, а в чём-то проигрывали.

То есть, одной магией тут не обойтись. Требовались определённые познания в математике, физике и геометрии. Этому как раз учили в Доме Опыта. Хотя самые ценные знания будущие акрабостроители получали от своего сословия или рода. Дом Опыта давал только общие, базовые знания. А чертежи особо удачных акрабов хранились на секретных скрижалях в домах родовитых акрабостроителей.

Создание коробки, висевшей в воздухе без риска перевернуться, ещё не завершало постройку акраба. Необходимо придать коробке способность перемещаться в воздухе.

Этого можно добиться двумя способами.

Первый — усвоить какое-либо из управляющих озарений, работавших со стихией воздуха. Второй — самый распространённый — кристаллы этих озарений. «Порыв Ветра», «Крылья Ветра», «Лёгкость Воздуха» и прочие кристаллы этой разновидности по-разному воздействовали на передвижение акраба в воздухе.

Кристаллы размещались в специальных гнёздах в разных частях корпуса. Между собой кристаллы связывались энергетическими венами, объединяя их в единое целое друг с другом и с телом воздушного корабля.

Расположение гнёзд тоже требовало инженерных расчётов. Если допустить ошибку, то при ускорении такой акраб просто перевернётся или будет лететь криво, не подчиняясь воле водителя.

Конечно, уровень силы кристалла влиял на длительность и скорость полёта. На его способность противостоять повреждениям.

— А можно ставить в эти гнёзда кристаллы других озарений, а не только воздушных? — спросил я.

— Конечно, — ответил папа Самирана. — «Прозрачность Воздуха» сделает акраб и его внутренности невидимыми, а «Удар Грома» поможет поражать врагов.

— А целительские озарения будут лечить тех, кто окажется внутри акраба?

Брови отца в изумлении взметнулись:

— Не знаю... Наверно... Кажется, такого никто ещё не пробовал.

— Надо попробовать. Удобно же: положил раненных воинов в акраб, а они потом выпрыгнут оттуда уже исцелёнными.

— Сын, я даже не знаю, что меня больше расстраивает: твой интерес к строительству летающих беседок или интерес к целительским озарениям. Разве мы не договорились...

— Конечно, договорились, пап. Я буду Те-Танга — без сомнений.

Успокоившись, Похар Те-Танга продолжил рассказывать об акрабах.

Оказывается, летучие материалы постепенно теряли свои свойства. Заключённые в них озарения как бы расходовались во время полёта. Поэтому все старые акрабы так медленно

взлетали, так сильно гремели, качались в полёте и ужасно приземлялись.

Если сложить цену летучих материалов, цену работы акрабостроителей и мастеров по отделке и украшениям, да прибавить к ним цену кристаллов озарений, то получалось, что полёты акраба стоили владельцу много золотых граней. И это было не разовой покупкой, а постоянными расходами. Чем больше акраб, и чем больше в нём озарённых материалов и кристаллов, тем дороже выходило время полёта.

Цифр папа не привёл, но как я понял, стоимость была значительной даже для небедного семейства, типа нашего.

Я вспомнил, что Сана Нугвари прилетела в Дом Опыта на медленном и тихом акрабе. Вероятно, содержание даже этого, реально — летающего сарая, требовало больших средств.

Этим же объяснялась и дороговизна услуг воздушных извозчиков.

Папа Самирана погрузился в свой акраб и улетел. Кстати, я раньше просил его взять с собой на работу. Хотелось посмотреть, чем занимаются озарённые из сословия Поддерживающих Твердь.

— Самиран, — усмехнулся Похар Те-Танга. — Для того, чтобы получить право прохода в Нутро Дивии, ты должен иметь нужные озарения и Моральное Право. Я рад, что тебе не терпится поработать во славу Дивии. Но сначала ты должен стать Те-Танга и принять моё наследованное озарение «Заботливый Распорядитель». Тогда тебе и раскроется Нутро летающей тверди.

Итак, ходить в школу придётся пешком. Конечно, расстояние между Шестым и Четвёртым Кольцом не громадное. Но между ними две стены и две лестницы. Именно лестницы могли сделать путешествие из дома в школу долгим и утомительным.

24. Пунктуальность и панцушоты

24. Пунктуальность и панцушоты

Осознание времени — один из признаков цивилизации. Без счёта времени, без календарей невозможно выстроить хоть какое-то подобие государства. Восприятие времени — продукт культуры, которая порождена образом жизни общества.

Чем развитее цивилизация, тем точнее она следит за временем. Дикарям достаточно смены дня и ночи. Людям эпохи Возрождения — часовых механизмов или струи песка в стеклянном сосуде. Людям моего времени требовалось следить за такими мгновениями времени как нано или пикосекунда.

В обращении с временем жители летающего в облаках города ближе к нам.

Дивианцы пунктуальны. Опоздать или прийти слишком рано — признак плохого воспитания. Впрочем, это не удивительно, ведь у всех дивианцев есть Внутренний Голос, который подсказывает точное время.

Поэтому дивианцы так же синхронизированы, как и мы, у которых всемирное время, отсчитанное по атомному эталону, указано в мобильных телефонах.

Я спешил в Дом Опыта, а Внутренний Голос подгонял меня, не давая задержаться в пути. А поглядеть было на что!

Четвёртое Кольцо считался дорогим и благополучным районом. Это была заметно по домам. Тут нет «многоквартирных» зданий, как в Шестом и Пятом. Почти все дома — дворцы, как у Вакаранги Карехи. Вокруг каждого обязательно есть ухоженный сад с высокими деревьями и цветами, небольшими озёрами и статуями.

Но не дворцы привлекали моё внимание. А, например, высокий дом, похожий на египетскую пирамиду и почти таких же размеров. Ступени пирамиды усеяны орнаментами и выпуклыми иероглифами. В той части пирамиды, что смотрела на дорогу, выделялся высокий вход, обрамлённый множеством арок. Над ними нависали громадные металлические иероглифы:

ДОМ ПЕНИЯ

СИЕ ЗДАНИЕ ВОЗВЕДЕНО РОДОМ ВАНАУ ДЛЯ РОДА ДИВИАТА ВО СЛА
ДИВИИ

РОД ДИВИАТА ПОДАРИЛ СИЕ ЗДАНИЕ ЖИТЕЛЯМ ЛЕТАЮЩЕЙ ТВЕРДИ, Д
ВСЯКИЙ ПОНИМАЮЩИЙ ЗВУКИ МОГ УСЛАДИТЬ СВОЙ СЛУХ

Дом Пеня! Ну как можно пройти мимо?

Или как пройти мимо красивого здания под названием:

ЕДАЛЬНЯ СЕМЬИ ВАРЕКА

СИЯ ЕДАЛЬНЯ ПОДАЁТ ВСЕ ВИДЫ МЯСА, ПРИГОТОВЛЕННОГО ВСИ
СПОСОБАМИ, ВКЛЮЧАЯ СПОСОБ НИЗКИХ, КОГДА МЯСО ВАРЯТ В СОКЕ СЛАД
РАСТЕНИЙ

От одного описания у меня потекли слюнки. А от иероглифов «МЯСО» бурчало в животе. Я страшно страдал без мяса. А тут ещё и сваренное в соке растений. Надо попробовать.

«Ты должен спешить, дабы успеть к нужному времени», — сказал Внутренний Голос.

— Я спешу!

Но тут же замедлил бег, читая иероглифы над зданием:

РЫНОК ДЛЯ ВЫСОКОМОРАЛЬНЫХ

СЕЙ РЫНОК ТОРГУЕТ ТОЛЬКО С ТЕМИ, КТО ИМЕЕТ НА ЭТО ПРАВО

Интересно, чем товары этого рынка отличался от рынка Седьмого Кольца? И как фильтровались посетители? На входе сидел кто-то, кто умел читать линию Морального Права?

Ответил Внутренний Голос:

«Любой может раскрыть любому свою Линию Морального Права».

— Ясненько.

Или вот, через несколько домов после элитного рынка:

ШКОЛА СЛАВНОГО НЕБЕСНОГО ВОИНА ВУАРА ИЗ РОДА ХОАР

ВОИН ВУАР РАСКРОЕТ ВСЕ СЕКРЕТЫ СОЕДИНЕНИЯ БОЕВЫХ КРИСТАЛЛС
СМЕРТЕЛЬНЫЕ ГРОЗДИ, А ТАКЖЕ НАМЕКНЁТ НА ХИТРОСТИ ВЛАДЕНИЯ КОП
ПАЛИЦЕЙ, КИНЖАЛОМ И МОЧИ-КОЙ

СЛАВНЫЙ НЕБЕСНЫЙ ВОИН ВУАР ВЕДАЕТ ТО, ЧТО НЕВЕДОМО УЧИТЕЛ
ДОМА ОПЫТА

Преодолев соблазны в виде едален с горами мяса и лавок, предлагавших «самые редкие кристаллы на всей летающей тверди», я поспешно вышел на круглую площадь, в центре которой возвышался Дом Опыта. Площадь пуста, лишь на противоположной стороне мелькали фигуры таких же опоздавших, как я.

«Ты должен спешить, дабы успеть к нужному времени», — повторил Внутренний Голос.

— Да я и так бегу.

«Ты должен бежать быстрее. Учителя не любят приходящих не в срок».

— Мне-то не знать, чего не любят учителя.

Я поднажал. Сумка с коробочками еды и кувшинчиками была меня по боку. Толстая туника — самая тёплая, какая нашлась в гардеробе Самирана — пропиталась потом. Плаш снова отцепился от воротника. Чтобы не тратить время, просто скрутил и взял его в руки.

Я задыхался от бега. Вдобавок длинный кожаный шнурок левой сандалии развязался и хлестал по камням площади, как плётка.

Внезапно перед моими глазами вспыхнули яркие полосы — это сам по себе включился Внутренний Взор. Внутренний Голос произнёс:

«Твоя Линия Тела стала толще на один волос. Знай об этом».

Тяжело дыша и оттирая с глаз пот, я посмотрел на Линию Тела. По мне так она осталась такой же тонкой и бледной, какой и была.

Это сколь же надо тренироваться, чтобы получить Линию Тела, как у Маджи Патунги? А ведь если верить Хаки Энгатти, он тоже тренировался всё своё детство.

Я побежал дальше. Опять же не понял: а где преимущество выросшей Линии Тела? Бежать было так же трудно.

Громко топая сандалиями по белому мраморному полу, я пробежал по коридорам и лестницам на нужный уровень Дома Опыта.

По пути мне встретилось несколько учеников старшего возраста. Они тоже куда-то спешили. Успел рассмотреть, что один тащил моток серой ткани, а другой какое-то растение в корзине. Третий ученик — девушка в красивой золотой накидке и такой же тунике — парила под потолком на «Крыльях Ветра». Она пыталась лететь за друзьями, но не справлялась с крыльями и постоянно ударялась плечом в стену. При каждом ударе крылья

мерцали, словно вот-вот исчезнут.

Я тут же подумал, а разве не будет видно, что там у летающей девушки под туникой? Мой взгляд быстрее мысли переметнулся на её ноги. Оказалось, что пикантную область закрывали складки туники, перехваченные поясом, превращавшим эти складки во что-то вроде шаровар.

«Нужный зал за поворотом налево», — подсказал мне Голос.

Не читая надписи на арке, я вбежал в зал, похожий на зал Слов и Событий. Почти такой же большой, но без золотого Солнца на потолке.

— Для тех, кто не слушает Внутренний Голос и не приходит в нужное время, я повторяю...

Старший учитель Гиан Атти взял паузу, дождавшись, когда я займу место на одном из матрасов амфитеатра. Стараясь унять громкое дыхание, прислушался.

— Ваше обучение будет проходить двумя путями. Первый — это уроки общего знания. История летающей тверди, история некоторых низких царств, числовая наука, опыт мироустройства, моральное право и остальные знания, которые вы будете получать все вместе в этом зале. Второй путь — это ваше предназначение. Те, кто его выбрал уже знают своих учителей.

От мамы Самирана я знал, что в Дивии не было системы дошкольного образования. Родители нанимали учителей для маленьких детей или учили их сами.

Систематическое обучение начиналось только в Доме Опыта по достижению «нужного возраста». Поэтому неудивительно что я был не единственный, кто плохо знал историю Дивии, науку чисел и всё остальное.

Но в отличие от этих бездельников — я жаждал получить знания.

◆◆◆

Я не раз слышал, что говоря об озарениях, дивианцы упоминали их разновидность: боевые, исцеляющие, мастерские. Недавно услышал о неких «управляющих» озарениях.

На первом же уроке нам разъяснили, что Создатели Тверди не делили озарения на какие-то разряды. Они просто создали двенадцать тысяч способов изменять мир и подарили их Первым Жителям. Деление придумали сами дивианцы. Точнее — они сложились стихийно. Ведь очевидно же, что одни озарения лечили, другие калечили, третьи — помогали создавать озарённые предметы или ткани. Пятое — управляли стихиями. Шестые — работали с храмовыми благоволениями. И прочее в таком духе.

Категоризация облегчала ученикам Дома Опыта поиск озарения выбранного ими предназначения. Без категоризации сложно представить и торговлю кристаллами озарений.

Вокруг этих категорий озарений сформировались сословия предназначений. Причиной их возникновения стала экономика Дивии. Сословия регулировали рынок кристаллов озарений. Они следили, чтобы участники рынка не производили слишком много кристаллов какого-либо озарения, чтобы повысившееся предложение не понизило цену.

Они же давали советы тем, кто решил потратить свои грани на создание кристаллов. Сословный советник мог порекомендовать, какие кристаллы лучше продать сейчас, а какие придержать, чтобы позже продать ещё дороже.

Старший учитель Гиан Атти сказал:

— Поэтому те из вас, кто выбрал покровительство рода и сословия, могут быть уверены в том, что их Путь Двенадцати Тысяч Граней будет без ухабов и препятствий. Сословие решит, какие вам взять озарения. Сословие поможет вам найти занятие в жизни. И сословие

решит, сколько вам оставить свободных граней для создания кристаллов озарений.

Из центра каменной площадки, на которой стоял учитель, выросли несколько пустых каменных скрижалей, совсем как в Прямом Пути.

Учитель показал на левую скрижаль.

— Здесь перечислены все основные предназначения, которые необходимы для Дивии. На самом деле предназначений гораздо больше, но нет нужды перечислять их все, ибо некоторые предназначения столь редки и малы, что выбравшие их не появлялись среди учеников уже несколько поколений. Сословий таких предназначений не существуют, как не существует и родов, которые возвысились бы с помощью них.

Поверхности скрижали зашевелилась, на ней с шуршанием проросли выпуклые иероглифы.

**СОСЛОВИЯ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЙ:
ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ ТВЕРДЬ
ВОЗВРАЩАЮЩИЕ ЗДОРОВЬЕ
ЗАЩИЩАЮЩИЕ ПУТЬ
СОЗИДАЮЩИЕ ВЕЩИ
МЕНЯЮЩИЕ СМЫСЛЫ
СПОСОБСТВУЮЩИЕ РАВНОВЕСИЮ
ПОМОГАЮЩИЕ СОЗДАТЕЛЯМ
ВОЗДВИГАЮЩИЕ СТЕНЫ
А ТАК ЖЕ НЕКОТОРЫЕ ИНЫЕ**

— Ваше предназначение станет таким, каким будет ваше яркое или другое самое сильное озарение, — напомнил учитель. — Те из вас, которые уже получили указание от родителей или старших в сословии, могут прямо сегодня обратиться к своим учителям, чтобы те помогли вам усвоить нужные для вашего рода или сословия озарения.

Учитель указал на вторую скрижаль. Её поверхность тоже зашевелилась, формируя столбцы иероглифов.

— Многие из вас уже знают, что озарения бывают разной силы и их усваивание стоит разного количества граней.

◆
ПУТЬ ДВЕНАДЦАТИ ТЫСЯЧ ГРАНЕЙ

◆
**НЕЗАМЕТНОЕ ОЗАРЕНИЕ — 10 ГРАНЕЙ
ТУСКЛОЕ ОЗАРЕНИЕ — 32 ГРАНИ
МЕРЦАЮЩЕЕ ОЗАРЕНИЕ — 100 ГРАНЕЙ**

Старший учитель Гиан Атти пояснил:

— Первые три ступени мы называем «начальные ступени». Озарения в них слабее озарений других ступеней. Но пусть слово «слабый» не обманывает вас. Даже незаметное озарение способно изменить мир так, как это не может сделать неозарённый человек.

Учитель провёл рукой над поверхностью скрижали, открывая новые столбцы иероглифов:

**ЗАМЕТНОЕ ОЗАРЕНИЕ — 300 ГРАНЕЙ
СВЕТЛОЕ ОЗАРЕНИЕ — 1 000 ГРАНЕЙ
ЯРКОЕ ОЗАРЕНИЕ — 6 000 ГРАНЕЙ**

◆

— Эти три ступени озарений мы называем «предназначающие». Выбор этих озарений и определяет ваше предназначение на Всеобщем Пути. Итого — шесть ступеней озарений. На какие ступени встать, а какие перепрыгнуть — решать вам. Ведь выбор озарения — личное дело каждого.

Далее учитель пояснил, что существовало множество стратегий и схем изучения озарений. Набор этих озарений и назывался «Путём Двенадцати Тысяч Граней».

— Ваши родители или старшие в сословии уже знают все нужные ответвления Пути Двенадцати Тысяч Граней. Десятки, даже сотни поколений жителей Дивии изучили эти озарения и выяснили, какие ветки будут наиболее удачными. Поэтому, слушайте, что вам сказали родители или старшие в сословии.

Судя по поднявшемуся в зале гомону, я не единственный, кто ни хрена не понял. Какие, блин, ещё ветки?

Как хороший учитель, Гиан Атти привёл примеры.

Например, можно было изучить целую тучу озарений незаметного уровня. По цене всего в десятку граней озарённый получал тысячу двести озарений, за каждым из которых стояло некое действие.

А можно было пойти ва-банк и взять всего два ярких озарения. Это ограничивало разнообразие возможностей и лишало человека свободных граней, но зато делало сильным в выбранном предназначении. Воин с двумя яркими озарениями стоил двух отрядов, целитель — оживлял умерших или значительно продлял жизнь старцев. А служитель храма почти безошибочно предсказывал исход благоволений.

Словом, с билдами предназначений всё стало немного яснее. Но я так и не понял, что давало усвоение множества незаметных озарений? Ведь они были слабыми. С другой стороны — разве это плохо, когда ты владеешь ажно тысячей двести магических фокусов?

Учитель продолжил рассказ о ветках озарений.

Я узнал, что самой распространённой среди сословий была такая стратегия: взять одно яркое озарение и три светлых. Тогда у человека оставалось три тысячи свободных граней, которые можно употребить на создание кристаллов светлых озарений и обеспечивать себя золотыми гранями всю жизнь.

Впрочем, от мамы Самирана я уже знал, что цены на рынке кристаллов постоянно колебались. И это колебание зависело от многих причин. В первую очередь от сезонов Дивии. Например, проход через шторм повышал спрос на управляющие озарения и их кристаллы — жителям нужно было ремонтировать дома, покупать новую одежду или новые акрабы, взамен тех, которые унесла стихия. Шторм так же повышал цены на услуги целителей и их кристаллы. Война, неурожай, мор, плохая торговля с низкими — всё это тоже понижало спрос на одни озарения и увеличивало на другие.

Я вообще представил, что рынок кристаллов озарений — это местный аналог фондовой биржи, на которой торгуют не акциями, а кристаллами. Так что нельзя рассчитывать на хорошую ренту с продажи кристаллов. Всегда есть риск, что кто-то будет влиять на рынок для своей выгоды. А когда кто-то получит выгоду, то кто-то обязательно терпит убытки.

Другая популярная схема: набрать двенадцать светлых озарений. Человек получал разнообразие способностей, сохраняя их определённую силу. Считалось, что в поединке озарённых двенадцать светлых озарений сильнее одного яркого и нескольких светлых. А целитель с двенадцатью светлыми озарениями мог лечить почти все распространённые заболевания: от переломов позвоночника до ранней стадии рака.

Другая популярна ветка выбора: три светлых плюс тридцать заметных. Сословия предназначений так и назвали её «Тридцать три озарения».

Следующая ветка называлась «Один-Два-Три». Ученик брал одно яркое озарение, два светлых и три заметных. У него оставалось три тысячи сто свободных граней на сотворение кристаллов из этих озарений.

Слушая учителя, мы тянули головы и щурились пытаясь различить все эти ветки на скрижали.

— У вас будет ещё много времени изучить их, — успокоил Гиан Атти. — Скрижали будут стоять тут всё время вашей учёбы. И вам нужно будет только один раз заучить их, чтобы Внутренний Голос подсказывал их вам всю жизнь.

Градацию сил озарений учитель объяснил нам на примере.

Он вынул из сундука заранее приготовленный кирпич и положил перед собой на пол.

— Вот простой кирпич, — сказал учитель. — Он создан не из озарённого камня, а из земного. Он грязный, тяжёлый и неповоротливый. Попробуем применить к нему незаметное озарение «Порыв Ветра».

Учитель махнул на кирпич рукой, словно отгоняя кошку. Кирпич резко сдвинулся с места — проскрипев по каменной поверхности, замер на краю постамента, на котором стоял учитель.

— Как видите, ничего особенного. С таким же успехом вы можете просто пнуть кирпич, если вам, конечно, не жаль ваших сандалий. А теперь попробуем на нём то же озарение «Порыв Ветра», но уже тусклое...

Кирпич сорвался с края постамента и, пролетев несколько метров, упал на пол.

Учитель поднял его и переложил обратно на пол в центре постамента.

— Теперь посмотрим, что будет, если мы сдунем его с помощью заметного озарения «Порыв Ветра».

По взмаху руки учителя, кирпич подлетел, промчался над головами учеников и ударился в стену, расколовшись на две половины. Одновременно по классу прошелестела волна слабого ветра.

— И так далее, — продолжил учитель. — Демонстрировать яркое озарение «Порыв Ветра» я не буду. Я его не знаю. Но уверяю вас, что оно сметает целые здания, даже созданные из небесного кирпича. Оно может в одно мгновение унести отряд низких воинов и разбросать их по полю боя, как лепестки.

«Или, как яркое озарение мамы Самирана, которое восстанавливает к жизни искалеченных людей» — додумал я.

— Обучаясь в Доме Опыта вы должны узнать и выбрать свой «Путь Двенадцати Тысяч Граней». — Учитель показал рукой на каменную скрижаль со списком всех уровней озарений и ценами на них: — Ещё раз ознакомьтесь с возможностями выбора. И не спешите. Первое время мы будем только изучать озарения, не затратив на них грани. Когда вы поймёте их сильные и слабые стороны, тогда и сделаете выбор, который станет вашим предназначением.

Каменная скрижаль со списком раздвинулась вширь, на свободной поверхности вылупились новые иероглифы. Это были схемы или «ветки» наиболее популярных озарений главных предназначений.

У меня запестрило в глазах от обилия названий.

Тут были ветки для небесных воинов. Причём можно было выбрать ветку и для того, кто предпочитал Линию Тела, и для того, кто хотел Линию Духа, и даже для тех, кто искал некий «срединный путь», когда Линии Тела и Духа находились в примерном равновесии.

Были ветки для Поддерживающих Твердь, Возвращающих Здоровье и прочих. Их ветки тоже делились по специализации.

Пока мы водили глазами по огромной скрижали, учитель пояснил, что ни одна из указанных схем не считается неправильной или глупой. Все они имели свои преимущества.

— Веток озарений бесчисленное множество, — сказал он. — И каждая из них приобретает свой изгиб, согласный вашей сильной Линии: будь то Тело, Дух или Моральное Право. Изгибы Линий увеличивают и без того огромное множество озарений. Когда мы изучим науку умножающихся чисел, вы узнаете сколько именно. Но эти ветки, запечатлённые на скрижали, были испытаны и опробованы в деле задолго до рождения ваших родителей и дедов. Выбирая готовые ветки, вы идёте по проторённому Пути. Никто не запрещает вам выбрать свою ветку, но я должен вас предупредить, что выбор противоречивых озарений останется с вами на всю жизнь.

— Но ведь это не так, — раздался тоненький мультишный голосок Реоа Ронгоа. — Почему вы не указали, что можно отдать все усвоенные озарения и выбрать новые?

— Всё верно, Рео, есть такая возможность, — согласился учитель. — Когда вы получите больше опыта, я расскажу об этой возможности и той цене, которую придётся за неё заплатить.

На этом общий урок окончился. Все ученики разбились на группы возле своих учителей. Больше всего оказалось небесных воинов и целителей. Их было аж по две большие группы. Я заметил, что мой лучший друг — Хаки Энгатти — уже подобострастно вился вокруг двухметровой гигантки, Маджи Патунги. Вчерашние качки тоже рядом. К ним присоединилось ещё несколько будущих воинов. Все обычного телосложения, хотя и весьма крепкого.

Третьими по численности оказались ученики предназначения Поддерживающих Твердь. Их учителем был полноватый мужчина в синей тунике очень похожей на платье. Сходства с немолодой и бородатой женщиной добавляли многочисленные бусы и медальоны с иероглифами, висевшие на его шее и груди. Вдобавок у учителя были длинные кудрявые волосы, в которые вплетены цветные ленты и золотые подвески, как это делали некоторые женщины Дивии.

Всё-таки мода летающей тверди конфузила меня. Неужели так сложно было изобрести штаны? Или это предстоит сделать мне? Заняться, так сказать, модным прогрессорством? Думаю, девушки, летающие на «Крыльях Ветра» оценили бы удобство одежды, которая не принуждает их сверкать панцшотами при каждом взлёте.

25. Слияния граней и творения грязи

25. Слияния граней и творения грязи

Ученики покинули зал со своими учителями, а неопределившиеся собрались возле скрижалей с описаниями предназначений. Учитель Гиан Атти внимательно осмотрел каждого, чтобы Внутренний Голос запомнил учеников.

Неопределившихся оказалось человек сорок. Вчера нас было больше. Значит, многие определились без помощи учителя.

Не без удивления отметил, что Реоа Ронгоа тоже среди нас.

Девушка была под стать своему писклявому и мультяшному голоску: тонкая, бледная, ещё и ниже всех ростом. Но лицо красивое, хотя и слишком уж тощее. Его смело можно описать как «череп, обтянутый кожей».

Её волосы, редкого для дивианцев светло-русого цвета, заплетены в несколько кос, уложенных на темени. Из кос на виски спускались украшения — крупные золотые треугольники, похожие на грани, но без каких-либо узоров или иероглифов.

Одета Реоа Ронгоа в толстый халат, из которого её шея, обмотанная бусами, торчала особенно беззащитно. Её тонкие руки, свисавшие из коротких рукавов халата, как сухие ветки, увешаны тяжёлыми браслетами, каждый из которых выглядел в несколько раз дороже того, что я подарил Сане Нугвари за показ сисек.

Так как один из родственников Реоа Ронгоа был тем, с кем говорила мама Самирана по поводу одержимости демонами, то я решил завести своё знакомство с нею.

— Привет, — подошёл я к Реоа.

Она подняла на меня взгляд. Даже глаза у Реоа были какие-то бледные, то ли серого, то ли зелёного оттенка, который едва отличался от цвета белков. Выглядело не очень привлекательно. Вообще-то даже жутко. Словно у девушки было по бельму на каждом глазу. Господи, и это — дочь влиятельного рода целителей? Неужели никто из Возвращающих Здоровье не подумал о том, чтобы вернуть этому заморышу хоть немного здоровья? И накормить мясом?

— Странно видеть тебя среди неопределившихся, — сказал я.

— Что странного в том, что я не определилась с предназначением? — пропищала она.

— Ведь ты дочь знатного рода, который возглавляет сословие Возвращающих Здоровье. Весь твой Путь Двенадцати Тысяч Граней заранее расписан старшими.

— Ты кто? — быстро и пискляво спросила она. — Я тебя видела, но не помню кто ты.

— Самиран. Разве Внутренний Голос тебе не напомнил?

— Я не слушаю Голос.

— Да ладно. В Доме Опыта нельзя заставить Голос замолчать.

— Я не замолчала его, я просто не слушаю. Никогда не слушаю. Ни в Доме Опыта, ни где ещё.

— Такое разве возможно?

— Нет. Но я научила свой ум не слышать Голос. Спросишь зачем? Я отвечу, если спросишь. У меня есть ответ.

Я не собирался спрашивать, но всё-таки кивнул.

— Внутренний Голос оглушает людей. Мы слишком полагаемся на его подсказки и

ленимся учиться сами. А потом в жизни случается так, что более сильный в Моральном Праве заставляет наш Голос умолкнуть. И тогда мы остаёмся с теми знаниями, которые запомнили сами. А так как мы, полагаясь на Внутренний Голос, не запомнили ничего, то ничего и не можем вспомнить. Понял? Да? Я понятно объяснила?

Мало того, что у Реоа был писклявый голос, иногда она начинала говорить так быстро, что её речь превращалась в свистки и бибиканье, которыми общался робот Р2Д2 из «Звёздных войн».

— Ясненько, — кивнул я и поспешно отошёл.

Но Реоа Ронгоа увязалась за мной, продолжая свистеть и бибикать:

— Ты тоже должен научиться **не слышать** Голос. Это пойдёт тебе на пользу. Любой хороший лекарь должен помнить все способы работы с озарениями, не прибегая к напоминаниям Внутреннего Голоса. Знаешь почему?

— Нет, — хмуро ответил я. — Но у тебя есть ответ, да?

— Потому что Возвращающие Здоровье часто входят в дома богатых родов.

— Кто тебе сказал, что я буду целителем?

— Ну как же. Твоя мать — Мадхури Саран, хорошая целительница. Она лучше твоего отца, который всего лишь следит за растениями в садах. Поэтому ты станешь целителем. Это правильный шаг на Всеобщем Пути.

— Но ты сама из славного рода Ронгоа, — ответил я. — Почему же ты ещё не стала целительницей?

— Я могу ответить. У меня есть...

Её прервал учитель Гиан Атти. Он объявил:

— Сегодня каждый из вас будет изучать скрижали с озарениями. Напомню, что вам не обязательно их усваивать. Но вы должны изучить соединений граней этих озарений, чтобы понять, как вообще это делается. Есть вопросы?

Все загалдели, что вопросов нет, давайте скорее изучать.

Если честно, у меня было несколько вопросов об озарениях. Например, а что будет если взять два ярких озарения разного предназначения? Например, одно из Защищающих Путь, а второе из Помогающих Создателям? Какое тогда у меня будет предназначение? Воин-священник? Но я решил не спрашивать учителя, чтобы не вызвать подозрения. Вдруг то, что я хочу узнать, знает каждый ребёнок в Дивии?

Вместе со всеми (и прицепившейся ко мне Реоа Ронгоа) я подошёл к ближайшей скрижали.

Скрижали давно вызывали мой интерес. Как они работали? Почему их каменная поверхность менялась, приобретая очертания рисунков, узоров или символов дивианской графики?

От мамы Самирана я узнал, что управлять поверхностью скрижали надо через Внутренний Взор. Любой дивианец мог получать знания, хранившиеся внутри какой-либо скрижали. Но только те, кто имел нужное озарение, могли начертать и сохранить в скрижали свои рисунки или иероглифические тексты.

В нашем доме не было скрижалей, не считая «зеркала», которое отрисовывало того, кто перед ним стоял. Поэтому я с опаской провёл рукой над скрижалью. Выпуклые иероглифы на ней заколебались и зашуршали, готовые увеличиться или исчезнуть.

Выбрав из списка сословие Возвращающих Здоровье, я мысленно попросил показать все

их озарения.

Поверхность каменной скрижали заволновалась. Рассыпавшись на песчинки, иероглифы впитались в скрижаль, а на их месте вылупились новые. Затвердевшие символы превратились в барельеф, причём такой прочный, будто невидимый резчик только что выточил его из камня. Выглядело, как волшебство, под которым скрывались смутные контуры своеобразной технологии.

По мановению руки, скрижаль снова зашуршала и на ней осталось только три наследованных озарения, доставшиеся Самирану от мамы.

СВЕТЛОЕ ОЗАРЕНИЕ «МЯГКИЕ РУКИ».

СВЕТЛОЕ ОЗАРЕНИЕ «МОЛОДОЙ ОБРАЗ».

СВЕТЛОЕ ОЗАРЕНИЕ «ЖИВАЯ МОЛНИЯ».

Все эти озарения сопровождались дополнительным иероглифом, означавшим их принадлежность к сословию Возвращающих Здоровье. Только у «Живой Молнии» было два иероглифа — она была и целительским, и управляющим озарением одновременно.

— Теперь попрошу вас выбрать одно озарение, — сказал учитель Гиан Атти, — и раскрыть его узор.

— Правильно говорить не узор, а «единение» или «слияние граней», — пропищала Реоа Ронгоа. Так как учитель нахмурился и не ответил, она поспешно добавила: — Я просто хотела сказать... что узор — не совсем правильно... Правильно слияние... Просто у меня был ответ...

Не удостоив выскочку ответом, учитель обернулся к нам:

— Раскрыли? Теперь постарайтесь запомнить единение граней в этом узоре. Не торопитесь, узор каждого озарения — это невероятно сложная, но связанная структура. От того, как хорошо вы её запомните, будет зависеть ваша способность воссоздавать эти узоры в кристалле озарения.

Не совсем понимая, что происходит, я раскрыл строчку озарения «Живая Молния».

По всей поверхности скрижали расстелился барельефный рисунок кристалла озарения «Живая Молния». Его грани, скреплённые концами между собой, постоянно шевелились и пропадали, если я отводил от них глаза. Сколько я ни напрягался, не мог охватить взглядом весь узор из треугольничков. Сосредотачивался на сплетениях граней левой части — упускал из виду правую. Глядел в центр — терял восприятие граней по краям рисунка.

Судя по возгласам досады других учеников, это было всеобщей проблемой.

— Да как запомнить это мельтешение? — взывала громче всех Сана Нугвари. — Грани в этом узоре словно муравьи, разбегающиеся сразу в сто разных направлений!

— Меня тошнит, — сказал какой-то высокий парень с пышной причёской, похожей на «афро». Зажав рот рукой, отбежал от своей скрижали.

Кто-то забулькал и закашлял — уже стошнило. Рвота выплеснулась на скрижаль, вызывая брезгливые восклицания окружающих.

А учитель Гиан Атти ходил среди нас и посмеивался:

— Да, дети, усвоение озарений — это нелёгкий труд, требующий напряжения всех сил. Пока вы не усвоите этот узор — озарение не станет вашим. Путь Двенадцати Тысяч Граней — это не лёгкая прогулка по Саду Киналла, как вам втолковывали детские учителя.

Реоа Ронгоа вторила смеху учителя своим библикающим хихиканьем.

Сдержав тошноту, я отвёл взгляд от неуловимого барельефа:

— Но разве Внутренний Голос не должен напомнить нам этот узор?

— Все новички задают этот вопрос, — начал Гиан Атти. — Дело в том, что...

— У меня есть ответ, можно я?

— Нет, Реоа, помолчи. Отвечая на вопрос Самирана, скажу, что ваш Внутренний Голос не запоминает больше, чем запоминаете вы сами. Когда вы одолеете первый слой узора озарения, Внутренний Голос поможет не забыть его. Но усвоение следующих слоёв граней узора будет таким же сложным, как и усвоение первого.

— А сколько всего этих слоёв? — спросила Сана Нугвари. Девушка отвернулась от своей скрижали, прикрыв рот рукавом туники.

— У меня есть отве...

Учитель Гиан Атти повысил голос:

— Количество слоёв равно силе озарения. У незаметного — всего один, у тусклого — два. И так далее, до шести узорных слоёв у яркого озарения.

— О Создатели, — пробулькал кто-то.

— Дети, — снова улыбнулся Гиан Атти. — Созерцание узора упрочняет Линию Духа. Чем дольше вы созерцаете, тем толще и твёрже она становится, тем быстрее она поможет вам усвоить новые слои узора.

— У меня уже глаза болят от... созерцания, — сказала Сана Нугвари.

— Отдохни. Пусть кто-то другой займёт твоё место у Скрижали.

— Дай мне, моя очередь, — забибикала за моей спиной Реоа Ронгоа.

Я недовольно дёрнул плечом, отгоняя назойливую девушку.

Пересилив тошноту, я уставился на узор озарения «Живая Молния». Его мельтешащие грани раздражали зрение, из глаз потекли слёзы, застилая узор. Утерев слёзы рукавом, я прошипел:

— Нет уж! Я тебя засозерцаю, чёртов узор...

Как ни странно, но именно после этой угрозы грани левой части узора успокоились: одна за другой встали на свои места и места и затихли. Я переместил внимание на правую часть: каждая грань узора озарения подсоединилась к другой и замерла. При этом левая часть не расползлась, оставшись крепко соединённой — грань к грани, вершина к вершине.

Тошнота достигла такой силы, что я вынужден был постоянно сплывать, что вызывало ещё больше тошноты. Я уже готов был отказать от «запоминания узора» и уступить место Реоа Ронгоа, как весь узор перестал шевелиться.

«Ты запомнил незаметное озарение «Живая Молния», — сообщил Внутренний Голос. — Хочешь усвоить это озарение как наследованное?»

— Нет, нет!

Я перепугано отскочил от Скрижали. Не хватало ещё случайно усвоить хрен знает что!

Учитель Гиан Атти уже стоял рядом со мной:

— Не бойся, Самиран, запоминание узора не равно его усвоению. — Он похлопал меня по плечу: — А ты молодец, не сдался, прошёл испытание.

Услышав похвалу, некоторые другие ученики ревниво встрепенулись и уставились на свои Скрижали. У всех лица залиты слезами. А некоторые скрижали залиты рвотными массами. Замотанная в тряпки Служанка ползала на полу и сгребала рвоту учеников в кувшины прямо голыми руками. За нею шла вторая Служанка и поливала каменный пол водой из кожаного ведра.

— Есть! — воскликнул ученик с причёской «афро». — Я тоже запомнил первый слой!

— И ты молодец, — согласился учитель. — Все, кто закончил первый слой, могут

покинуть зал и отдохнуть. Продолжим нашу учёбу через некоторое время.

Я вышел на ту площадку с колонами и перилами, где в прошлый раз тусовались ученики Дома Опыта. Тошнота ещё клокотала у меня в животе, поэтому есть не решился, хотя проголодался. Достал из сумки кувшинчик с водой и вынул из него деревянную пробку.

Вода пахла землёй и травой, что неудивительно — ведь Служанка набирала её в колодце, расположенном на кухне. А воду в этот колодец, как я узнал от папы Самирана, подавала одна из многочисленных «подземных рек», которые прокладывали товарищи из предназначения Поддерживающих Твердь. Они же следили за наполненностью этих рек водой и бесперебойной её циркуляцией.

— О, вот и ты, Самиран, — сказал Хаки Энгатти, подбегая ко мне. — Надо поговорить... Ты чего такой бледный?

— Усваивал узор.

— А! Твой первый узор. Ха-ха! А я усвоил своё наследованное озарение легко и быстро.

— Как?

— Важно иметь сильную и крепкую Линию Тела.

— Но учитель сказал, что Линия Духа...

— Да, можно и через Линию Духа, но это путь слабаков, а не воинов.

— Ясненько. Так что тебе надо от меня?

Лицо Хаки приняло серьёзное выражение:

— Ты уже принял своё целительское предназначение?

— Нет ещё. Я подумываю над тем, чтобы стать Поддерживающим Твердь...

— И не думай! — замахал руками Хаки. — Зачем тебе?

— Э-э-э, ну, чтобы поддерживать твердь. Как это делает мой отец. Неплохо зарабатывает, между прочим.

— Да ты посмотри на их учителя! Он похож на старую тётку с бородой. Хочешь стать таким?

— А превращение в бородатую тётку неизбежно для предназначения Поддерживающих Твердь? — усмехнулся я.

— Это самое скучное предназначение! Ты целыми днями будешь возиться в Нутре Дивии, месить грязь в подземных реках или латать энергетические вены и силовые жилы. Даже в храме служить веселее.

— Разве латание энергетических вен и силовых жил летающей тверди — это не работа во славу Дивии?

— Во, славу, во славу, я не спорю. Но, поглоти тебя грязь, я-то думал ты не трус.

— При чём тут трусость? — возмутился я. — Что ты вообще хочешь от меня?

— Хочу, чтобы ты стал целителем и присоединился к моему отряду.

— Что за «твой отряд»?

— Мой и Маджи из рода Патунга. Я ещё не придумал название.

— Ты хотел сказать «её отряд»?

— Да, наш с нею отряд. В каждом славном отряде небесных воинов есть целители. Ты станешь нашим целителем.

Хаки Энгатти рассказал мне, как устроена военная служба в Дивии. Каждый воин великого воинского рода собирал свой отряд воинов. Род снабжал их деньгами, оружием и снаряжением. Взамен воины обещали предано служить интересам рода. Именно такой отряд

начала собирать Маджа Патунга. Хотя Хаки упорно называл его «мой отряд», будто он был в нём самым старшим.

Ни в чей отряд я не хотел идти.

— А зачем вообще эти отряды? — спросил я. — Зачем родам содержать свои армии?

— Ну? — удивился Хаки. — Чтобы воевать.

— Да, но с кем?

— С низкими. Ведь не все они отдают дань просто так. Приходится налетать на них и забирать.

— Но ведь низкие царства и без того подчинены Дивии. К чему такая армия?

— Низкими бывают ведь не только царства.

— А кто ещё?

— Ты недавно родился? Что за вопросы... На земле, например, полно недобитых энгаров.

— К... кого? — за все время жизни на Дивии я впервые слышал это слово. — Что ещё за энгары?

— Ну, энгары, мухиты, марри, вьевы, гракки и прочие творения грязи. Что с тобой Самиран? Ты иногда пугаешь меня. Не знаешь простых вещей.

Я развёл руками:

— Видать, запоминание узора затмило мой разум.

— Бывает такое со слабаками, — согласился Хаки. — Ладно, мне пора. Когда выберешь целительское предназначение, приходи ко мне в отряд.

— Но в чём тут выгода для меня?

Хаки Энгатти снова скривился в недоумении:

— Разве тебе старшие из целительского сословия не рассказывали, что быстрый способ улучшить лечебное мастерство — это лечение воинов? Мы-то всегда какие-то ранения получаем.

— А, ну да, ну да, — закивал я.

Хаки Энгатти убежал с площадки. А я сразу спросил Внутренний Голос:

— Что такое творения грязи? Напомни-ка мне...

«Озарённые свирепостью существа, порождённые грязью».

— Ясненько.

Вероятно, Самиран не интересовался ни энгарами, ни гракками, ни даже мухитами.

— Где можно узнать подробнее об этих существах?

«В тех Скрижалях Знаний Дома Опыта, в которых сохранены знания для предназначения Защищающих Путь. Так же можно спросить любого учителя небесных воинов».

Допив воду, я обошёл всю площадку, всматриваясь в каждую группу учеников. Я хотел отыскать Виви Карехи. Всё-таки судьба девушки немного волновала меня.

◆◆◆

Когда-то я задавался вопросом, почему прекрасная свиарка Виви Карехи трудилась в поле, словно обычная работница? А Похар Те-Танга подстригал кусты, словно таджикский гастарбайтер? Зачем прирождённые жители Дивии горбатились на изнуряющих работах, если у них были слуги и служанки?

От отца Самирана я узнал, что в Дивии соблюдался указ Совета Правителей, названный «Служение во благо и славу Дивии». Заключался он в том, что все работы, связанные с

благоустройством города, возделыванием летающей тверди, строительством и работы, связанные с ремонтом Дивии, должны выполнять сами прирождённые жители Дивии.

Я понял, что этот указ был издан из соображений, связанных с безопасностью. Все низкие — это враги летающей тверди. Допустить их к работе с чувствительной инфраструктурой города было бы легкомыслием.

Поэтому Карехи самостоятельно выращивали свиней, пасли коров, забивали их на хладобойне и продавали мясо на рынке. Они же и следили за своим домом, территорией и мыли статую Первого Карехи. Отдать эту работу низшему слуге было бы нарушением указа.

Конечно, они могли нанимать работников из жителей Дивии, но те стоило намного дороже. Скупые мясники Карехи рассчитывали на то, что к ним пришлют арестантов на работы. Ведь в Прямом Пути судили только прирождённых жителей. Для тех немногих низких, которые временно находились на летающей тверди, создан отдельный свод законов под названием «Обвинения и Правда для Низких». Ну а провинившихся слуг и служанок просто убивали без суда и следствия.

Теперь можно понять, почему Похар Те-Танга и его подчинённые собственноручно занимались обрезкой городских цветов и деревьев, ровнял траву на лужайках и высаживал новые деревья. Слуги допускались лишь к уборке мусора и нечистот.

Позже я выяснил, что приготовление еды тоже не доверялось рабам. Обычно этим занимались жёны или искусные в кулинарии мужья. Но Мадхури Саран оказалась не из тех жён, которые любили стряпать. Или же она не считала своего мужа достойным её забот. Поэтому кухней в нашем доме заведовала замотанная в чёрные тряпки Служанка.

Так же я узнал, что прислужники, набранные из рабов — удел небогатых и средних семей. Знатные и богатые набирали прислугу исключительно из жителей Дивии.

Поступить в услужение к прославленной семье, чьи отпрыски один за другим шагали по Всеобщему Пути, считалось хорошим стартом карьеры для детей менее родовитых родителей.

Ещё я слышал, что много низких, — как рабов, так и вольнонаёмных, — трудилось на доставке и распределении грузов с земли, но решил пока что не углубляться в логистику летающего города, мне хватало и других забот.

Я трижды обошёл всё площадку. Минут десять стоял у перил, глядя на площадь перед Домом Опыта, но Виви Карехи так и не нашёл. Вероятно, брат всё так же не выпускал её из дворца, оберегая от убийц.

26. Сердце Дивии и бремя отказа

26. Сердце Дивии и бремя отказа

Когда я вернулся в зал со Скрижалями, ко мне подбежала Реоа Ронгоа. Радовалась так, словно я был её давно потерянным другом.

— А я запомнила сразу три слоя озарения «Обновление Крови», — похвасталась она.

Я слегка укорял себя, что был слишком резок с девушкой. Пусть она неугомонная и душная болтуня, которая хвалится своими знаниями, но ведь болтун — находка для попаданца.

— Ты — молодец, — ответил я. — Но почему при всех своих талантах ты ещё не выбрала предназначение Возвращающих Здоровье?

Реоа Ронгоа замялась:

— Просто... просто целителей и без того слишком много. Все они постоянно создают новые кристаллы, сбивая цену... Поэтому старшие рода решили, что озарённым Ронгоа пора попробовать иные предназначения. Я должна стать первой в нашем роде, кто выберет яркое озарение Помогающих Создателям. И буду служить в храме дружественного нам рода...

— Так ты стала неопределившейся не по своей воле, а по приказу старших?

Девочка потёрла свой тонкий синий носик и кивнула:

— Я хотела бы лечить, но раз старшие решили... то...

— Ясненько. Кстати, Реоа, я слышал, что кто-то из старших вашего рода изучает одержимых демонами?

Девушка с изумлением на меня посмотрела:

— А зачем тебе демоны?

— Хочу лечить душевные болезни и одержимости. Вот и подумал, что Скрижали Знания вашего рода помогут мне изучить предмет... Саран и Ронгоа вроде бы союзники.

Девушка перестала тереть носик и надменно задрала его:

— Вообще-то, Ронгоа слишком сильный род, чтобы быть союзниками мелких Саран. Мы — ваши покровители, а не союзники.

— Пусть так. Тем более. Можно мне получить доступ к этим скрижалям?

— Но ты ведь даже не Саран, — ответила Реоа. — Ты ещё никто.

— Но когда приму род Саран, то можно почитать Скрижали?

Реоа Ронгоа вернулась к потиранию носика:

— Демоны... демоны... Кажется дедушка Каро изучал демонические одержимости. Я могу спросить у него, хотя почти не знаю господина Каро Ронгоа.

— Я буду очень тебе благодарен, прекрасная Реоа.

Я схватил её холодную ладошку и сжал, улыбаясь при этом как можно соблазнительнее. Синенький носик девушки тут же покраснел, а на щеках выступили красные пятна.

— Как покровители вашего рода, мы, конечно, да... — забормотала она. — Я поищу ответ...

— Вот и хорошо. — Я отпустил ладошку девушки и повернулся к Скрижали Знания.

Учитель расположился на своём лектусе, достал из котомки скромные деревянные коробочки и кувшин и расставил их на полу. Потом прочитал короткую молитву: я услышал знакомое «свет более не падёт в грязь».

Мне хотелось ознакомиться с ветками прокачки целителя, раз уж я обречён быть им. Реоа Ронгоа некоторое время крутилась возле меня, но скоро ушла к другой скрижали и тоже погрузилась в изучение веток.

И чем больше я узнавал о целительстве, тем сильнее злился на маму Самирана. Из-за её распутства я должен заниматься всякой чепухой. А ведь я даже не её сын! Вот возьму ей назло два ярких управляющих озарения, да отправлюсь работать в сады папы Самирана!

Мысль о ярких озарениях породила вопрос:

— Учитель, если яркое озарение забирает шесть тысяч граней, то почему нет озарения за двенадцать тысяч граней?

Гиан Атти отставил кувшинчик с водой и прищурился:

— Самиран? Ты разве не знал о существовании *ослепительного озарения*?

— Э-э-э... Знал бы, спрашивал не у вас, а у своего Голоса.

— Есть лишь одно ослепительное озарение, которое забирает все двенадцать тысяч граней. Как называется это озарение и что оно даёт взамен, нам расскажет...

Учитель обвёл нас взглядом.

Совсем как в обычной школе моего детства (и на моих уроках истории в транспортном колледже), отличники тут же потянули руки. Другие ученики безучастно глядели на плывущие в арках облака — даже если они и знали ответ, то не стремились получить одобрение препода. Кто-то барабанил пальцами по шкатулке с едой. Кто-то оживлённым шёпотом рассказывал товарищу о каком-то поединке между «могучеруками из Четвёртого Кольца».

— Можно я расскажу? У меня есть ответ.

— Ну, расскажи, Реоа.

Бойкая девушка затараторила:

— Хотя среди мудрецов и учителей Дома Опыта принято насчитывать только шесть ступеней озарений, но на самом деле есть седьмая ступень, которая содержит одно единственное озарение. И называется оно — «Сердце Дивии».

Рео Ронгоа обвела всех нас взглядом победительницы. Кто-то из учеников фыркнул: «О, Создатели, дам нам плевать, что ты умная».

— Верно, — сказал учитель. — Но что даёт это озарение?

— Ничего.

— Как это? — удивился я. — Можно потратить двенадцати тысяч граней, а взамен получить — ничего?

Реоа Ронгоа закивала:

— Считается, что усвоивший это озарение, как бы передаёт свои грани обратно Создателям, признавая, что он недостойн носить их. Считается, что озарение даёт высшую любовь Создателей.

— И сколько людей выбрали озарение, которое делает ничего? — спросил я.

— Бывали разные люди в истории, — отозвался учитель. — Все они получили именно то, что хотели.

— Ничего?

— Ничего.

Я провёл ладонями по поверхности скрижали, прося показать узор «Сердца Дивии».

Вобрав голову в плечи, я прищурился, готовясь увидеть нечто головокружительное. Если даже первый слой узора озарения вызывал тошноту и головную боль, то ослепительное и

семислойное «Сердце Дивии» должно вообще лишить меня чувств. Но вместо этого на каменной поверхности проявился двойной иероглиф:

С Д
Е И
Р В
Д И
Ц Я
Е

— Как видишь, — пояснил Гиан Атти, — усвоение этого озарения не требует усилий. Это означает, что Создатели не ставят препятствий на Пути тех, кто решил вернуть грани.

Это объяснение убедило меня. С технической точки зрения всё правильно. Если выбор предназначений — это личное дело каждого, то и **не выбор** тоже должен быть личным делом каждого.

Озарение «Сердце Дивии» просто предлагало жителю возможность отформатировать систему, удалив из его сознания все следы Двенадцати Тысяч Граней.

Один из учеников, тот парень с «афро», буркнул:

— Каким надо быть болваном, чтобы выбрать озарение с эффектом ничего?

Гиан Атти улыбнулся:

— Один из древних мыслителей сказал, что «Самый быстрый способ пройти Путь Двенадцати Тысяч Граней, это остаться на месте. Ведь все идущие возвращаются к началу».

◆◆◆

Гиан Атти встал с лектуса и призвал к нашему вниманию. Мы собрались вокруг скрижали, на которой отмечены все популярные схемы прокачки.

— Сегодня вы узнали, что усвоение узоров озарений — тяжёлый труд, изнуряющий все ваши Линии. Кто-то из вас осилил сегодня только один слой узора, кто-то два...

— Кто-то — три! — выкрикнула Реоа Ронгоа.

— Да. А кто-то давно уже выбрал своё предназначение и усвоил несколько озарений, полезных для сословия и рода. — пристыдил её учитель. — Я же хочу сказать следующее: тяжесть первых дней учёбы не должна омрачить вашу решимость в выборе предназначения. Не надо спешить, но не надо и проявлять нерешимость. На Скрижали Знания вы всегда можете выбрать готовую ветку озарений, а так же сравнить, сколько граней вам будут стоить каждая из них, а сколько граней останутся свободными, чтобы творить кристаллы. Выбирайте, сравнивайте и взвешивайте свои решения. Увидимся завтра.

Большая часть учеников тут же выбежала из зала. Я же хотел подольше изучить Скрижали Знания. Хотел найти билд, который позволил бы мне, приняв наследованное озарение целителя, всё же стать Поддерживающим Твердь.

Но учитель Гиан Атти не позволил мне остаться:

— Скоро придут старшие ученики. Тебе нельзя быть здесь.

Пришлось выйти в опустевший коридор. А потом, не задерживаясь на площадке, я и вовсе вышел из Дома Опыта — решил проведать Виви Карехи.

Но не успел отойти далеко от Дома Опыта, как меня нагнал какой-то незнакомый мужчина. Я впервые увидел на жителе Дивии одежду, хоть чем-то похожую на штаны: некие широченные шаровары из толстой кожи, отделанной металлическими узорами. При ходьбе они позвякивали. В шаровары заправлена белая рубаха. На золотом поясе, похожим на тот, что был у Каипа, водителя-насилльника, висела кривая палка, завернутая в такую же

инкрустированную металлом кожу. На голове у мужчины чалма со спускавшимися на шею кусками ткани, как у бедуина.

— Приветствую тебя, отрок, — негромко и вежливо сказал незнакомец. — Ты же Самиран, сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран?

Я слегка поклонился, как это было принято в Дивии при общении младших со старшими:

— Допустим, уважаемый...

— Раккир.

— Уважаемый Раккир.

Хотя мужчина говорил вежливо, я заподозрил что-то неладное. Ведь он не назвали ни своего рода ни хотя бы предназначения.

— Пойдём со мной, Самиран, — так же вежливо попросил Раккир.

Я, быть может, ещё плохо знал порядки Дивии, но мужик, который подстерёг возле школы мальчика и попросил его пойти с ним куда-то, не мог не вызвать подозрения.

— Не пойду, — ответил я.

— Почему? — удивление Раккира было искренним. — Отказ ляжет тяжким бременем на тебя.

— Я вас не знаю.

— Меня послал твой друг.

— И кто это такой?

Вместо ответа Раккир схватил меня обеими руками и поднял. Я даже не успел закричать. Нас накрыла тень акраба. Слегка присев, Раккир подпрыгнул метров на десять и мы очутились на крыше летающего экипажа. Бросив меня в раскрытый люк, Раккир спрыгнул вслед за мной и захлопнул люк.

Моё похищение заняло пять секунд.

В салоне акраба было темно и пусто. Окон нет, пол застелен мокрой и вонючей соломой, напоминающей о свинарнике. В передней части, где светилось узкое, как у танка, окно, стояла лавка, на которой сидел второй незнакомец.

— По какому праву... — начал я, но акраб так резко взмыв вверх, что меня вдавило в пол.

◆◆◆

Конечно, я задавал вопросы. Я угрожал. Я спрашивал, кто они такие и куда меня везут? Но ни Раккир, ни его товарищ не удостоили меня ответом.

— Я буду кричать и звать на помощь, — заявил я.

— Кричи, мальчик, — разрешил Раккир. — Хотя я и удивлён, какая помощь тебе нужна?

— Вы меня похитили!

— Вовсе нет, — возразил товарищ Раккира. — Тебя великодушно возят по небу на самом быстром акрабе наших дней.

— Кроме того, добавил Раккир. — У акраба такие толстые стены, что его не пробьёт ни яркая молния, ни ледяная стрела, ни тем более твой крик.

Экипаж на самом деле летел так быстро, что меня постоянно относило к задней стенке, приходилось держаться за торчавший из полу деревянный брус, оставшийся от скамейки.

— Куда вы меня везёте?

— Путь много, но место прибытия всегда одно, — философски изрёк Раккир. — И ты

его узнаешь, когда мы окажемся в этом месте.

— Ясненько.

Скорость полёта была такая, что уже через десять минут акраб легонько стукнулся днищем и остановился.

Раккир открыл боковую дверь:

— Пойдём со мной, Самиран.

Мы вышли на крышу какого-то невысокого здания. Рядом стояло ещё несколько акрабов. Убранство их варьировалось: от умеренно богатого, как наш семейный «Полезный в делах», до совсем простого из брёвен и ткани с заплатками. Вокруг здания росли густые деревья, в которых щебетали птицы. В просветах веток виднелись статуи невиданных зверей. Вероятно, тех самых энгаров или мухитов, о которых упоминал Хаки. Теперь я знал, что звери — не выдумка скульптора. За деревьями высилась стена Кольца с белевшими на ней фигурами людей, они неспешно поднимались и спускались по лестнице. Словом — обычный, людный район Дивии.

Я вздохнул полной грудью, собираясь позвать на помощь. На плечо легла тяжёлая рука Раккира:

— Не ори. Язык вырву.

— У вас есть озарение для вырывания языков? — сострил я.

— У меня есть пальцы. Я пальцами вырву.

— Не буду орать, — выдохнул я.

Не убирая руки с моего плеча, Раккир подвёл меня к большому люку в крыше. Вниз уходила широкая лестница, застеленная ковром. Снизу доносился гомон голосов, какие-то ритмичные удары, непонятное дребезжание и запахи еды.

— Едальня? — догадался я. — Вы привели меня в едальню?

Раккир не ответил и повёл меня по ступенькам. Сквозь мой испуг пробилось любопытство: я впервые был в таком заведении. Сложный запах пота, еды и какой-то кислоты вперемешку с приятными ароматами намекали, что бандитские кабаки Дивии не сильно отличались от таковых в наши дни или в Древнем Риме.

Спустившись по лестнице, мы оказались в большой круглой комнате, в центре её стояло полуметровое каменное кольцо, похожее на барную стойку. Часть бара отдана кухне: на его гладкой поверхности виднелись круглые выходы печей. В одних полыхал открытый огонь, на других стояли накрытые деревянными крышками котлы и кастрюли. На другой части кольцевого бара высился ряд огромных, оплетённых верёвками глиняных кувшинов. Их бока украшены корявыми и примитивными геометрическими узорами, которые отличались от тех сложных рисунков, которыми украшали поверхности предметов в Дивии. К тому же узоры были не выпуклыми, а просто намалёваны краской.

К одному кувшину подошёл гость едальни. Вытащив пробку из дырки в нижней части сосуда, поставил к струе квадратную металлическую коробочку, такие частенько заменяли дивиянцам сосуды для питья. Наполнив коробочку до краёв, сунул пробку на место и, покачиваясь, пошёл прочь.

Я понял, что за кислый запах наполнял помещение — так пахли прокисшие ягоды И, если судить по кувшинам, это «домашнее» вино не производили в Дивии, а доставляли из низких царств.

Освещение в бандитском кабаке-едальне, как положено в таких местах, было неярким. Только над кольцевым баром золотился столб света, который падал из круглого окна в

потолке.

Вокруг бара расположены лектусы на которых сидели и возлежали посетители. Некоторые лектусы расположены кругом, как лепестки цветка. В центре такого круга громоздились коробки еды, корзины с хлебом и кувшины разного размера. Компании за такими лектусами были самыми многочисленными и шумными.

Я и Раккир неторопливо шли среди лектусов. Я заметил, что публика в едальне преимущественно мужская, хотя были и женщины, которые пили, ели и ругались наравне с мужиками.

Ещё я заметил, что в некоторых компания по кругу передавалась высокая металлическая коробочка, похожая на упаковку от дорогого алкоголя. Получив коробку, человек быстро открывал крышку и прислонялся к отверстию ртом. Вдохнув полной грудью дым, закрывал крышку и передавал коробку товарищу, а сам сидел, задержав дыхание, потом — выдыхал, выпуская дым.

Во мне снова шевельнулся недобитый прогрессор:

«Ясненько. Нормальный кальян или хотя бы бурбулятор, они не изобрели. Есть на чём построить бизнес. Ещё одна идея для стартапа, так сказать».

Странно, что я не был таким предприимчивым в прошлой жизни. Глядишь, заработал бы денег не только для поездки в Абхазию...

Когда мы проходили мимо компании вдыхателей дыма, Раккир остановился и жестом попросил коробку. Сделав одну «затяжку», вернул коробку и мы пошли дальше.

По пути я обнаружил источник ритмичных звуков — кристалл «Игры Света». Его держал на ладони какой-то крайне грустный и немолодой мужчина в потёртом халате. Он сидел на корточках, а вокруг него расположились фигуры полуодетых девушек, которые играли на примитивных музыкальных инструментах.

Уже знакомая мне танцовщица Раана трясла рыжими волосами и стучала кулаками по большим цилиндрам из металла. Она задавала ритм на этой своеобразной барабанной установке. Шаати — танцовщица-блондинка — надувала щёки и дудела во что-то похожее на раковину, инкрустированную металлическими узорами. На чём играли остальные талантливые танцовщицы я не увидел, Раккир толкнул меня куда-то в сторону.

Оказалось, что в круглой стене имелись отдельные комнатки, закрытые серыми занавесками, сливавшимися с цветом стены.

В этой комнате стояло пять лектусов с лежавшими на них людьми. У всех на лицах тряпичные маски с прорезями для глаз. Только у одного, одетого в пластиковые доспехи, открыто лицо.

— Приветствую тебя, Самиран, сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран, — сказал небесный мент Илиин.

27. Демон и рыжебородый

27. Демон и рыжебородый

Раккир усадил меня на пол и вышел. Пол застелен ковром, поверх брошено несколько подушек. Поэтому было не так унижительно, если бы меня усадили на голый пол. Я постарался непринуждённо облокотиться о подушку, хотя руки у меня дрожали от смеси испуга и любопытства.

Илиин сам вызвал меня. Это подтверждало версию о его причастности к переселению душ. А чуваки в масках, несомненно, — воры граней.

— Зачем ты ходил к Маимбару Адасу? — сразу же начал Илиин. — Мы так не договаривались.

— А мы с вами договаривались?

— Ай, Самиран, Самиран, — грозно покачал головой Илиин. — Ты слишком мал и глуп, чтобы играть со мной в такие игры.

— Честное слово, дяденька, — жалобно сказал я, — после грязного колдовства, я полностью потерял память. Даже не помню, как я умудрился заняться грязным кол...

Илиин подскочил ко мне и сжал моё горло. Схватившись за его волосатое запястье, я открывал рот, но не мог сделать и вдоха.

— Самиран, — сказал Илиин. — Если тебе отшибло память, то я напомню, о чём мы договаривались.

Задыхаясь, я откинулся на спину. Ни один из присутствующих в едальне даже не повернулся в мою сторону. Будто здесь так часто душили подростков, что никто уже не обращал внимания.

— Мы договаривались, что выдумку о потере памяти ты будешь рассказывать родителям и небесным стражам, чтобы не отличаться от других преступников, пойманных на грязном колдовстве.

Валяясь среди подушек, я раздирал своё горло и хрипел. Илиин ослабил хватку:

— Ты что-то хочешь сказать, малец?

Я покорно закивал:

— Да. Да. Простите светлый господин.

Один из людей в маске глухо сказал:

— Наш уговор был в том, что мы пробуем на тебе новую гроздь озарений, которая поможет нам извлечь дары Создателей. Взамен, мы не стираем твою память, но получаем всё то, что ты получил от Создателей Тверди.

Всё ещё не понимая, о чём он, я всё-таки закивал.

— Ну, так почему мы ещё не получили то, что тебе не принадлежит? — спросил Илиин.

— Не знаю, светлый господин...

В комнатку вошёл ещё один человек: высокий, при этом странно сутулый мужчина неопределённого возраста, что-то между тридцатью и пятьюдесятью. На его лице прямо-таки светила медью рыжая борода. Выглядела крашенной. Одет в хитон из плотной серой ткани. Ни узоров, ни иероглифов. Издалека его одежда походила на учительское рубище, с тою разницей, что ткань была не грубой, а очень сложного и мелкого плетения. При движении её редкие складки отливали небесной синевой.

Мужчина присел на край одного лектуса и посмотрел на меня:

— Душили?

— Ага.

Вопросительно подняв брови, он повернулся к Илиину.

— Была причина, светлый господин, — начал оправдываться небесный мент. — Парень начал расспрашивать Маимбара. Кроме того, он притворяется, что ничего не помнит.

— Ай-ай, Самаиран, как же так. — Мужчина повернулся ко мне. — Мы ведь договаривались?

Понимая, что любой мой ответ сделает ситуацию только хуже, я виновато развёл руками.

— Ну, ладно, — великодушно сказал рыжебородый мужчина. — Мы тебя потом придушим. Но сначала попробуем менее бесчеловечные способы узнать правду. Ты не против?

— Дяденьки... — сказал я. — Я честно-честно не помню.

— Придушить быстрее, — буркнул Илиин.

Мужчина повёл рукой возле моего лица, рисуя световой овал «Правдивой Беседы». В отличие от того, который когда-то использовала мама Самаирана, этот овал был такой яркий, что у меня из глаз потекли слёзы. Но я не мог ни зажмуриться, ни пошевелиться.

— Мальчик, — начал допрос рыжебородый, — ты понимаешь, что от такой яркой «Правдивой Беседы» тебе не уйти?

— Да. Но я не вру. Я...

— Не говори лишнего мальчик, — попросил мужчину. — Итак, ты помнишь, что было после того, как ты очнулся в храме?

— Да. Меня поймал стражник Илиин.

— Хорошо. А что было до того, как ты попросил благоволение у Создателей?

— Не помню.

Насмешливое выражение лица мужчины сменилось серьёзным. Он смотрел не на меня, а на овал света вокруг меня.

— Помнишь ли ты, как я и ещё трое моих помощников осенили тебя гроздью наших озарений в храме Двенадцати Тысяч Создателей?

— Нет, дяденька.

Мужчина явно забеспокоился. Люди в масках тоже зашевелились и переглянулись через прорези.

— Что последнее ты помнишь из времени до того, как мы затеяли грязное колдовство?

— Ничего, дяденька.

Рыжебородый даже отпрянул от меня. Будто не ждал, что я скажу правду.

— Но как же так... Ты не помнишь свою жизнь? Родителей и друзей?

— Помню.

— А нас?

— Вас не помню.

— Что-то тут не то, — сказал один из воров в маске. — Твоя «Правдивая Беседа» не работает.

Я еле сдержал торжество. Ведь я не врал. Я действительно помнил свою жизнь. Жизни Дениса Лаврова.

В допрос вмешался Илиин:

— Если ты, малец, всё забыл, то зачем пришёл к Маимбару Адасу и расспрашивал о нас?

— Среди своих вещей я нашёл кристаллы из его лавки. Вот и решил проверить, откуда они у меня?

Воры притихли. Они совершенно не ожидали такого исхода дела. Рыжебородый провёл рукой по своему лицу:

— Так не бывает. Ты не мог забыть столь много из своей жизни, но при этом остаться вменяемым человеком. Ты должен стать безумцем.

Я похолодел. Лишь бы не спросил про демонов!

Видимо, «Правдивая Беседа» как-то отметила мою мысль, потому что мужчина подозрительно напрягся и перевёл взгляд с овала света на меня.

— Ты мне врёшь, мальчик?

— Нет.

— Что-то скрываешь?

— Нет... а-а-а-а! — По моему телу пробежала волна световых вспышек, каждая из которых причинила боль.

— Попался!

— Теперь предлагаю его придушить, — сказал Илиин. — Не насмерть, а чтобы знал, что мы не шутим.

— Нет, нет, — озабоченно ответил рыжебородый. — С этим юношей что-то не так. Скажи-ка, мальчик, а как меня зовут?

— Не знаю, дяденька, — всхлипнул я.

И зачем я повторял это жалобное «дяденька»? Ведь на моих мучителей оно не действовало.

— А его?

— Илиин.

Рыжебородый вдруг приблизил своё лицо к моему, овал света от «Правдивой Беседы» заискрился в его зрачках:

— Скажи-ка, мальчик, а как зовут **тебя**?

— Самир... а-а-а-ой-ой-ой! — Меня пронзила очередная порция световой боли. — Лавров Денис Васильевич.

Русское имя, вероятно, прозвучало для них как набор бессмысленных звуков.

— Чё? — только спросил Илиин.

— Это имя демона? — мрачно предположил один из воров.

◆◆◆

— Постойте, — всполошился Илиин. — Вы уверены, что Самиран, сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран — демон?

— Ты же сам слышал, что он произнёс своё имя.

— Но этого не может быть, — уверенно сказал Илиин. — Самиран не похож на обуюнного демонами.

— А ты знаешь, как выглядят обуюнные? — спросил кто-то.

— Нет. То есть — да. Один пожилой и бывалый небесный стражник рассказывал мне, что он ловил демона на Ветроломе Преданных. Обуюнные демонами не ведут себя, как люди. Они прыгают, выгибают невозможным образом свои руки и ноги. У них изо рта идёт пена. И они ни слова не могут сказать на дивианском языке.

Рыжебородый недовольно взглянул на Илиина:

— Ну, тогда Самиран не демон. Нам-то какая разница?

Илиин нахмурился:

— Уважаемый, хотя я связал свою жизненный Путь клятвой верности вашему роду, но я всё ещё славный небесный стражник. Моё предназначение — выше родовой клятвы.

— Мы знаем, Илиин, — сказал другой вор в маске. — Но тебе-то какое дело до того, демон Самиран или нет?

— Прямой Путь обязывает излавливать всех демонов. Я — служу Прямому Пути во славу Дивии. Я обязан снова доставить его в Прямой...

— А вот этого, уважаемый Илиин, вы не будете делать, — резко сказал рыжебородый. — Раз Самиран не похож на демона, то и вам не надо ловить его.

— Но вы сказали, что...

— Я ошибся.

— Но малец произнёс непонятные слова!

— Знаете, Илиин, — сказал молчавший до этого вор. — Если бы меня схватили неизвестные и притащили сюда, я бы тоже говорил что угодно, хоть на языке демонов, хоть на языке птиц. Лишь бы меня отпустили.

— Но Самиран под «Правдивой Беседой», — настоял Илиин. — Он не может говорить неправды.

— Ну так спроси его сам, — явно рассердился рыжебородый.

Илиин подошёл ко мне близко и наклонился:

— Отвечай, малец. Ты демон?

— Нет, — выдохнул я и зажмурился, ожидая удара боли от «Правдивой Беседы». Но ничего не произошло. Впрочем, это ещё не значило, что я не демон. Просто я мог этого ещё не знать.

— Вот видишь, уважаемый? — сказал рыжебородый. — Теперь отстань от парня.

Илиин вернулся на своё место. Я же понял, почему рыжебородый испугался, что я попаду в Прямой Путь. Ведь там произойдёт сравнение Обвинения и Правды. Махинации воров могут стать известными судьям Прямого Пути.

После минутного молчания, голос подал один из воров в маске:

— Демон или нет, но мы должны получить своё.

— Да, — согласился с ним второй. — Линия моего Морального Права должна стать достаточной для входа в зал заседаний Совета Правителей.

Рыжебородый спросил:

— Самиран, ты получил благоволение от Создателей?

— Да.

Воры в масках облегчённо вздохнули.

— Ты согласен отдать нам это?

— Но я не знаю, что и как вам отдавать!

— Мы сами всё возьмём. Тебе просто надо перестать сопротивляться.

Чтобы поскорее избавиться от обездвиживающей силы «Правдивой Беседы», я закивал. Рыжебородый отодвинулся от меня, но овал света не убрал:

— Тогда напоминаю тебе суть уговора. Мы должны войти в храм и сотворить заключительную часть грязного колдовства, во время которого благоволение Создателей будет превращено в потоки Морального Права. Мы впитаем их, а ты будешь свободен.

Мне не нужна «Правдивая Беседа», чтобы понять — он врал. Как только из меня выбьют (непонятно каким-образом) лут в виде Морального Права, так меня сразу убьют.

— Давайте покончим с этим, — обречённо кивнул я.

Рыжебородый развеял свет у моего лица. Почувствовав свободу, я тут же вскочил на ноги, толкнул мужчину в плечи, отчего тот повалился на лектус Илиина.

Я распахнул занавеску и ринулся прочь из комнатки. Сразу же встретился взглядом с Ракиром, который стоял у кувшина и ждал, когда вино наполнит его бокал.

— Помогите! — заорал я на всю едальню. — Меня похитили и хотят убить!

Но посетители заведения не отреагировали на крик. Многие отвернулись, чтобы не видеть меня. Кто-то спрятал лицо в бокал с вином, кто-то — в коробочку с дурманящим дымом.

— Я же говорил, что вырву тебе язык! — прорычал Ракир и, отбросив бокал, ринулся на меня.

А сзади ко мне уже бежал Илиин. Тогда я прыгнул в сторону, где заметил свободное от посетителей пространство. Там как раз сидел на корточках «музыкант», державший на ладони кристалл «Игры Света». Пробежав сквозь танцовщиц и их музыкальные инструменты, я налетел на «музыканта». Он упал, кристалл вывалился из рук. Танцовщицы тут же развеялись.

— Ты чего себе позволяешь? — обижено сказал «музыкант».

— Меня хотят убить, — пробормотал я.

Оценив ситуацию, музыкант быстро кивнул и достал из коробочки на поясе сразу пять кристаллов. После их активации нас окружила плотная толпа из сотни одинаковых Шаати, Раан и Лиин. Все они одинаково и беззвучно танцевали.

Конечно, завеса из голографических девушек не остановила моих преследователей, но немного задержала, скрыв меня. Кроме того гости, испытывая некоторую вину, не подсказали Ракиру и Илиину, куда я сбежал. Но и мне не помогли. Вероятно, боялись гнева воров.

Музыкант показал на часть стены, покрытую ветками вьющегося растения:

— Это выход. Чтобы открыть дверь из листьев, надо...

— Спасибо! — ответил я, убегая. — Я знаю, как открывать такие двери.

Добежав до стены я так дёрнул ветку, что надломил её. Тем не менее, плотная стена листьев раздвинулась, открывая мне узкий проход в стене. Щурясь от яркого солнечного света, я протиснулся через щель в листьях и оказался на улице.

Не пытаюсь понять, где я, помчался в сторону стены Кольца. На её ступеньках много людей, навряд ли воры граней осмелятся хватать меня на их глазах.

Над моей головой мелькнула тень акраба, который почти бесшумно взлетел с крыши бандитского кабака. Я тут же упал на землю, перекатился и спрятаться под сенью одного из тех пышных кустов, которые высаживало ведомство папы Самирана по всей Дивии. Я не знал, был ли это акраб моих преследователей, но всё же подождал, когда он отлетит подальше.

Выбравшись из-под куста — со всех ног побежал к спасительной лестнице Кольца.

◆◆◆

Я пробежал почти четверть той бесконечной лестницы, что вела на вершину стены Кольца. Мне всё время казалось, что за мной кто-то гонится, а с неба на меня вот-вот ринется акраб или призрачный орёл.

Но скоро я так выдохся, что не мог ступить и шагу. Повиснув на каменных перилах, я наконец задумался: а где я и куда вообще бегу?

«Ты на одной из лестниц Второго Кольца», — с готовностью подсказал Внутренний Голос.

Дом Опыта находился в Четвёртом Кольце. Я стоял на лестнице Второго. Значит, бандитский кабак располагался в Третьем Кольце. Однако, неплохо устроились воры граней!

В Третьем и Четвёртом Кольцах сосредоточены дворцы всех сильнейших родов Дивии. Недвижимость тут стоила миллионы золотых граней. И никогда не бывала в свободной продаже — вся территория этих Колец давно поделена между родами. Только поражение в противостоянии с другим родом или потеря капитала, вызванная ошибочной спекуляцией на рынке кристаллов, освобождали эти земли. Проигравший борьбу за власть род продавал недвигу в Третьем Кольце, чтобы сохранить остатки влияния. Такое произошло с Саран и Те-Танга. С той разницей, что проиграли оба рода, растратив ресурсы в войне друг с другом.

Я посмотрел вверх — лестница, казалось, уходила прямо на солнце. Все верно, чем ближе к центру Дивии, тем выше стены Колец. Чтобы дойти до вершины стены Второго Кольца, понадобится больше часа.

Идти вниз я боялся, ведь я снова попаду в район бандитского кабака. Так же я не рискнул подойти к двум небесным стражникам, которые прохаживались внизу лестницы. В их защиту я не верил. Как не верил в справедливость суда Обвинения и Правды.

Поэтому я решил дойти до вершины, пройти по стене Второго Кольца и спуститься с обратной стороны. Потом отыскать в Третьем Кольце акраб. Хотя в последнем я не был уверен. Всё-таки в богатом районе у всех были свои акрабы, нет нужды нанимать извозчиков.

Я отлип от перил и продолжил путь по ступенькам.

Было любопытно взглянуть на Второе Кольцо. Как я слышал, туда вообще нельзя пройти, если у тебя недостаточно высокое Моральное Право. Именно во Втором селились члены Совета Правителей. Бесплатно. Лишь на основе Морального Права.

От папы Самирана я узнал, что закрытость Второго Кольца создавала трудности для его немногочисленных жителей. Ведь они не могли привести с собой ни слуг, ни родственников. Любой из тех, у кого недостаточно Моральное Право, мучительно погибал, перейдя границу Второго Кольца.

Даже целители не могли вовремя прибыть к заболевшему члену Совета Правителей. По этой причине они не рисковали постоянно жить во Втором Кольце, предпочитая Третье.

Странно, что, взбираясь по лестнице, я думал о каких-то Кольцах. Вероятно, мне не хотелось лишний раз думать о ворах граней. Теперь я окончательно стал их врагом. Даже непонятно — радоваться ли мне, что что многое прояснилось? Я оказался прав в том, что целью их грязного колдовства были вовсе не грани, а Моральное Право.

Сам механизм конвертирования благоволения Создателей в Моральное Право мне не понятен. Но, можно подумать, всё остальное в Дивии мне уже понятно!

Надо поскорее рассказать о похищении маме Самирана. С нею и решим, как защищаться от Раккира, Илиина и прочих воров.

Мне навстречу не раз спускались какие-то люди. При их приближении, я пугливо жался к перилам, вглядываясь — не бандиты ли? Но то были «челядинцы» — слуги из родовых дворцов. Как уже упоминал, богатые нанимали других жителей Дивии, а не слуг и служанок.

Если рабы были полностью бесправны и даже не могли показывать своего лица, то

челядь носила обычную одежду, хотя выбор её принадлежал хозяину. Поэтому челядь каждого рода носила что-то вроде лакейской униформы. Часто эта одежда была очень богатой, увешанной украшениями, ведь челядинец как бы демонстрировал богатство рода, которому прислуживал.

Вдобавок все челядинцы носили на груди металлические, костяные или золотые таблички с указанием принадлежности. Например, мне попался мужик в короткой белой тунике, отделанной по краям золотыми пайетками. В глубоком вырезе туники, в зарослях волосатой груди, болтался золотой бейдж:

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК

КОТОРОГО ЗОВУТ ПОНОНГА

ПРИСЛУЖИВАЕТ СЛАВНОМУ РОДУ ДИВИАТА

И НАХОДИТСЯ ПОД ЕГО ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ

Учитывая, что в традиции Дивии считалось неприличным прилюдно раскрывать имя малознакомого человека, то брендирование челяди являлось не столько способом их унижения, сколько способом возвышения хозяина. Купить слугу или служанку может всякий, кто наскребёт достаточно золотых граней, а вот купить прирождённого жителя Дивии, может только истинно богатый и сильный.

Челядь гордилась принадлежностью к славным родам, и не стеснялась своего положения. Ведь гораздо лучше жить в Третьем Кольце, есть мясо, носить богатую одежду и бирку, чем куковать в бедности на Ветроломах или на Восьмом Кольце.

Лестница, ведущая на вершину стены Кольца, казалась бесконечной. И всё же я скоро достиг её конца. Вид на Второе Кольцо оказался не таким захватывающим, как ожидалось. Я вообще не увидел разницы с Третьим Кольцом. Разве что дворцов было меньше, а парков и небольших озёр с искусственными водопадами — больше. Ну и в воздухе не было такого оживления, как над Третьим Кольцом. Акрабы не летали, стражников с крыльями тоже не видно. Да и зачем охранять территорию, на которой умирал всякий, недостойных находиться на ней?

Слегка отдышался, разглядывая удивительные купола и многослойные крыши какого-то дворца. Потом поспешно побежал по широкой стене Второго Кольца, стараясь уйти как можно дальше от района с бандитским кабаком.

По дороге мне встретилось несколько лестниц, ведущих вниз, в Третье Кольцо. Но я пропустил их, считая, что всё равно слишком близко от кабака.

И только минут через сорок ходьбы, когда обошёл почти половину стены Кольца, я начал спуск. К тому моменту я уже так устал, что больше не интересовался ни загадками Второго Кольца, ни богатством Третьего. Я хотел лишь одного — скорее добраться до дома.

Поэтому я не разглядывал архитектуру, не читал вывески и не приближался к витринам богатых лавок, ломившихся от мяса, фруктов и выпечки. Меня не увлекли ни лавки дорогой одежды или посуды. С безразличием я прошёл мимо поля, уставленного покачивающимися над травой новенькими акрабами, похожими на яхты миллионеров в Майами.

Я лишь устало вглядывался в лица встречных прохожих, выискивая в них враждебность.

Как и я подозревал, стоянок с извозчиками здесь не было. Кроме того, Раккир отобрал у меня сумку с едой, а с пояса сорвал коробочку с золотыми гранями, которую дал мне папа Самирана, и коробочку целительскими кристаллами, которые дала мне мама Самирана. Если я и доберусь до стоянки, всё равно не смогу расплатиться за перевозку: ни деньгами, ни

бартером.

Я же устал так, что ноги буквально отваливались. А ведь впереди были ещё стены Третьего, Четвёртого и Пятого Колец! Не будь этих дурацких стен, я бы без труда пересёк весь город.

Я отчаялся настолько, что подошёл к одному небольшому, но очень сильно сверкающему золотом и голубым хрусталём, акрабу, в который садился господин, одетый в многослойный халат. На нём болталось столько всяких украшений, что господин звенел, как падающая новогодняя ёлка.

— Дяденька, — как можно жалобнее сказал я. — Умолю вас всеми Создателями. Я остался без граней и кристаллов. Мне надо в Шестое Кольцом. Я Самиран, сын По...

— Разберись, что он тут, — недовольно буркнул господин.

Из акраба выпрыгнул челядинец с золотой именной биркой на груди.

— Иди отсюда, грязный попрошайка, — сказал он и пнул меня под зад.

Я так ослаб, что свалился на камни тротуара. Из двери акраба высунулась унизанная кольцами и цепочками рука господина и швырнула в меня горсть медно-рыжих граней.

— Да будет ваш Путь устлан солнечным светом, — поблагодарил я, как меня учила мама Самирана. А сам, подбирая грани, подумал: «Проклятый богач. Неужто трудно подбросить несчастного подростка до дома? Это заняло бы пять минут лёта твоей сверкающей колымаги!»

Я подсчитал: пятнадцать медных граней. Хватило на покупку самой дешёвой лепёшки из серой муки и какой-то жёлтой ароматной травы. Утолив голод, я немного подумал и напился из ручейка, протекающего вдоль пустого луга. Даже если подхвачу какую-то заразу, то всё равно не умру — мама Самирана вылечит.

28. Старые боги новые времена

28. Старые боги новые времена

Я перевалил через лестницы всех Колец, отделявших меня от дома. Благо, каждая последующая стена была ниже предыдущей.

Последняя лестница вывела на знакомую улицу — в конце её торчала верхушка крыши Храма Движения Луны. Время уже было вечернее, поэтому крыша почти сливалась с тёмно-синим небом.

Я так стремился оказаться дома, чтобы поскорее лечь в горячий бассейн, что едва не угодил прямо в руки Раккира, который выскочил из зарослей деревьев. Увернулся лишь каким-то чудом.

— На помощь! — снова закричал я.

К сожалению, людей на улице не было. Только несколько служанок, стоявших у лестницы, молча разбежались. Но я надеялся, что меня услышат в домах. Ведь утёс с родным жилищем был совсем рядом. Я даже видел овальное окно своей комнаты.

— Помогите! Меня преследуют!

— Бегу, бегу, — отозвался с другого конца улицы Илиин. — Небесная стража уже здесь. Не беспокойтесь, славные жители Дивии.

Из тёмного переулка между утёсами, повилось ещё двое небесных стражников. Но они подчинились Илиину: расставив руки начали надвигаться на меня. Путь к дому был отрезан.

— Всё, — объявил Раккир, приближаясь ко мне. — Теперь точно вырву тебе язык. А потом — убью, никакой целитель не вылечит.

Свободной осталась только дорожка к Храму Движения Луны. Туда и побежал. Из тёмных кустов, растущих вдоль дорожки выбежало ещё двое каких-то людей, и бросились за мной вдогонку.

Напрягая усталые ноги, я добежал до входной арки храма, которая была перекрыта несвойственными для дивианских общественных зданий бревенчатыми воротами.

Всё. Дальше бежать некуда.

Хотя мой дом и находился рядом, я ни разу не видел, чтобы кто-то заходил или выходил из этого храма. Тем сильнее было удивление, когда в воротах отворилась небольшая дверка и вышел старец.

У него была длинная белая борода, очень ухоженная и гладкая. Одет он в чёрный длинный халат, на голове возвышался головной убор, похожий на цилиндр. Вся эта одежда казалась такой тяжёлой, что клонила старца к земле.

— Почему ты лежишь у двери нашего храма, Самиран, сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран? — тихо спросил он.

Задыхаясь от бега, я только махнул рукой. Старик посмотрел на Илиина и Раккира, бегущих ко мне. За ними маячили фигуры других сообщников.

— Они хотят тебя обидеть?

— Ага... — выдохнул я. — Склоняют к грязному колдовству.

— Это очень плохое занятие, мальчик.

— Я знаю. Помогите мне...

— Позволишь ли ты прикоснуться к тебе?

Я с безразличием кивнул, мол, делайте что хотите.

Старик дотронулся до моего плеча морщинистой дрожащей ладонью. И резко отдернул её, будто от огня.

— Что это у тебя, мальчик? — воскликнул старик. — У тебя... У тебя двадцать четыре тысячи граней? Как такое возможно?

Я пожал плечами:

— А вы можете видеть мои грани?

— Особенное сочетание кое-каких озарений с ярким «Чтением Путей» позволяет видеть чужие озарения и грани. И многое другое.

— Ну и вот, — ответил я. — У меня столько граней.

Илиин и Раккир подбежали к нам.

— Отойди, дедушка, — сказал Раккир и хотел схватить меня за ногу.

— Меня зовут Танэ Пахау, самый старший Храма Движения Луны! Заклинаю вас — ни шагу дальше!

Илиин возразил:

— Дедушка, мне до глубокой грязи кто ты и чем ты занят в этом забытом людьми сарае. Лучше отойди, и не мешай нам.

Дедушка махнул ладонью, насылая на бандитов такой «Порыв Ветра», что их, как веточки, унесло на десяток метров. Правда, не ударило об стены храма, а мягко положило на землю. Над каждым возник вихрь из пыли и сухих листьев, который прижал их к земле. Остальные нападавшие благоразумно остановились поодаль, не рискуя попасть под другой «Порыв Ветра».

Один достал из шкатулки на поясе какой-то кристалл и попробовал применить его, чтобы убрать вихри, но это не помогло.

Старик поманил меня пальцем:

— Пошли за мной, Самиран.

Упрашивать меня второй раз не надо.

◆◆◆

Так как Храм Движения Луны практически торчал перед окном моей комнаты, то я не мог не расспросить родителей Самирана о его назначении.

Как и многие древние городские цивилизации, дивианцы вели подробные астрономические наблюдения. С той разницей, что не давали звёздам имена богов. И вообще не окружали их мистикой.

Образованные дивианцы знали, что звезды — это такие же солнца, вокруг которых крутились такие же планеты, над поверхностью которых — верили они — властвовали такие же летающие города, как Дивия.

От папы Самирана я узнал, что когда-то центр астрономических наблюдений находился в храме движения Луны. Использовать инструменты храма могли только те, кто выбрал предназначение «Смотрящий На Звёзды», им повиновались устройства и каменные скрижали храма.

«Смотрящие на Звёзды» — совершенно не престижное предназначением. Его выбирали или слабые рода или озарённые дети из бедных семей. Чьи представители не хотели участвовать ни в войнах, ни в политике, ни в торговле, ни в увеселениях. Словом, были не от мира сего.

Само собою, что звезды использовались для ночной навигации. Но только в тех случаях,

когда воины Дивии, погрузившись в свои небесные автобусы, улетали в рейды на низкие царства. В качестве навигатора они брали кого-нибудь из храма Луны. Но в наши дни, когда воины не улетали далеко от Дивии, перестали быть нужными и звёздные навигаторы.

Для самой Дивии, как я понял, звёздная навигация не требовалась. Летающая твердь ориентировалась в небе по каким-то иным принципам, о которых знали члены Совета Правителей.

Обо всём этом я вспомнил, шагая за старцем в темноте. Наш путь освещал лишь тусклый фонарь, который покачивался в руке старца. Фонарь выхватывал из темноты Скрижали с застывшими на них рисунками планетных орбит, дисков и звёзд. А рядом — столбцы цифровых иероглифов с редкими словами типа «центр вращения» или «сила Луны». Я заметил толстый слой пыли на перемычках иероглифов. Видать, давно поверхность этих скрижалей не меняла своего рисунка.

По гулкому эху наших шагов я предположил, что в темноте таилось много пустого пространства.

Скоро мы свернули в большую комнату, в центре которой висел покрытый пылью шар. По характерным круглым кратерам, я распознал в нём каменный макет Луны. По потолку разбросаны такие же жуковидные светильники, какие были в моём доме. Правда, работали они как будто вполсилы, отчего комнату заливало неприятное ровное освещение, из-за которого все предметы казались плоскими, зыбкими, растворяющимися в сумраке.

Возле макета Луны стояло впритык три лектуса. На них — ворох скомканных одеял и потёртых шкур.

— А сколько в храме служителей? — спросил я старца.

— Достаточно одного меня, — ответил Танэ Пахау. — Но были времена, когда Храмы Движения Луны были воздвигнуты по всей Дивии. Теперь остался один. И я в нём один...

— А что случилось с остальными храмами? — спросил я.

— Их выкупили и разрушили рода Хатт, Киналла и Бахай. На храмовой земле они построили большие дома для многих жильцов, обустроили рынки или торговые поля для акрабов.

Я был несколько удивлён таким открытием.

— Но если храмов было много, то почему вы и ваши прихожане позволили разрушить их?

— Это было справедливое возмездие, — покачал головой Танэ Пахау. — Ведь наши храмы Движения Луны тоже были построены на обломках более древних храмов, в которых люди прошлого молились богам, которых никогда не было.

Эти откровения стали неожиданностью. Я считал, что вера в Двенадцать Тысяч Создателей была в Дивии изначально. Разве не на ней построена вся жизнь города?

Старец угадал моё замешательство:

— В Доме Опыта тебе не расскажут, что до Двенадцати Тысяч Создателей люди Дивии преклонялись перед Силой Движения Луны, до неё — верили в Двенадцать Звёздных Исполинов. А до них — в духов зверей и птиц. А до них — в богов молний и грома. А до них — во что-то ещё, в какие-нибудь ракушки, травы или метеориты. Об этом даже скрижалей не сохранилось.

— Такое не расскажут, — согласился я.

— Но все верования всех поколений жителей Дивии всегда были их же собственной выдумкой, построенной вокруг загадки самой Дивии. Теперь я это окончательно понял...

Я кажется тоже начал кое-что понимать:

— Вы хотите сказать, что озарения и Двенадцать Тысяч Граней были всегда, но с веками менялось толкование их происхождения?

Танэ Пахау с уважением посмотрел на меня:

— Верны твои слова, мальчик. Да и говоришь ты не так, как должен малец твоих лет.

Я обвёл взглядом пыльную комнату с макетом Луны:

— Храм Движения Луны — это остаток прошлой религии, на смену которой пришла вера в Двенадцать Тысяч Создателей?

— Храмы разрушает не новая вера, а разочарование в старой. Поэтому новая вера не приходит сама по себе. У неё есть основание для этого.

— И этим основанием всегда была магия граней? Вокруг этой магии накручивались легенды о её происхождении?

Старец отшатнулся:

— Не говори таких слов, мальчик. «Магия» — это удел низких. У нас...

— Да-да, у нас — озарения. Прошу меня великодушно простить.

Танэ Пахау поставил фонарь на пол и устало опустил на лектус, сложив на коленях подрагивающие морщинистые руки. Даже не верилось, что этот старичок недавно победил двух сильных мужиков.

Я уже знал, что одно и то же озарение, например, «Порыв Ветра», давало разные эффекты, в зависимости от того, кому это озарение принадлежало. При толстой Линии Тела — один эффект, при твёрдой Линию Духа — другой. И так далее. По этой причине сообщник воров не смог убрать вихри, которые старец наложил на тела Илиина и Раккира.

Я провёл языком по сухим губам. Старичок понял моё затруднение и показал на большой сундук в дальней части комнаты.

В сундуке оказалось несколько металлических кувшинов с широким горлом. На стенке висел черпак. Набрав в него воды, я жадно напился.

— Я правильно понял, — спросил я, набирая второй черпак, — что благоволения можно было получать в любом храме прошлого, не важно каких богов он проповедовал?

Старик кивнул.

— Значит, у вас тут тоже есть Скрижаль Выбора?

— Где-то одна-две стоят, да. Не помню в какой комнате... Храм-то большой.

— И благоволение тоже можно получить в вашем храме?

— Конечно. Но никто давно не ходит в Храм Движения Луны за благоволением. В последний раз это было в те времена, когда борода моя была черна, как ночь.

Я зачерпнул ещё воды:

— Но почему люди всё-таки бросают одну веру и придумывают новую, если все верования дают одно и то же?

Танэ Пахау задумчиво произнёс:

— Основная толпа жителей живёт, под собой не чуя летающей тверди.

— Что это значит?

Старец провёл рукой по своей белой бороде:

— Сейчас в Дивии стало много таких жителей, которые усвоили какое-нибудь яркое озарение, но не сделали его своим предназначением.

— Почему?

— Потому что — ленивые дураки.

— Хм.

— То-то и оно. Эти дивианцы считают себя возвышенными только от того, что родились на Дивии.

— Весь мир у их ног, — вставил я.

— Вот-вот, очень мудрое замечание, молодой человек.

— Но разве они не правы? Разве рождение на Дивии не знак благоволения Двенадцати Тысяч Создателей?

Старец снова провёл рукой по бороде:

— Если сбросить этих нерадивых дивианцев в грязь, в город какого-нибудь нижнего царства, то они перестанут отличаться чем-либо от низких жителей.

— Почему?

— Если они не служат своему предназначению в Дивии, то почему они будут служить ему в низком царстве? Бездельник — везде бездельник. Что в грязи, что в небе.

— А раньше было не так?

— Спрашиваешь! Во времена царства Движения Луны никто не ленился. Все служили своему предназначению. Каждый Храм Движения Луны строго следил за делом каждого. Благоволения не раздавались направо и налево, по любому капризу. А теперь что? Сплошная лень, разврат и «Игра Света». С низкими не воюют, а торгуют, как с равными! Тратят свои озарения и золото на постройку и украшение акрабов, да носятся на них по небу, как птицы перед штормом. А одежда? Срам сплошной. Женщины перестали полностью покрывать грудь и ноги!

— Есть такое, — кивнул я. — Очень красиво.

А старец горячо продолжил:

— И вообще, раньше одежду делали вот какую, как мой халат. Всю жизнь ношу и не изнашивается. И это обычная ткань, без всякого озарения! А сейчас такую разве делают? Ткачей-то не осталось нормальных. Всё покупают у низких! А те разве могут дать такой ворс и плотность? Ага. Куда там! А железо-то какое стали выплавлять? Ржавеет после первого дождя! Или вот еду взять: мясо озарённое варят! Додумались же. Раньше поел простого озарённого хлеба — и в бой с низкими! А теперь мясо жрут, но и не воюют, вот и растолстели все.

Я понял, что разговор перетёк в русло «в старые времена было о-го-го, не то, что сейчас». Даже почудилось, что ещё немного и старец скажет: «Сталина на вас нет!»

— Ваша правда, — поспешно согласился я. — Заодно хочу поблагодарить вас за спасение.

— Я тебя ещё не спас, — заметил Танэ Пахау. — Ты сейчас всё расскажешь мне. Откуда ты пришёл на летающую твердь? Почему речь твоя звучит неправильно, будто ты недавно выучил наш язык? И почему у тебя двадцать четыре тысячи граней? Сколько живу, никогда такого не слышал.

— А если не расскажу?

— Я верну тебя к твоим преследователям.

Я выпил очередной черпак воды. Потом сел на холодный пол рядом с фонарём и сказал:

— Меня зовут Денис Лавров. Я сознание другого человека в теле этого мальчика. На самом деле я прибыл из...

Танэ Пахау слушал меня так же, как мама Самирана: внимательно и не перебивал.

Теперь я знал, что это одно из правил этикета Дивии. Если ты попросил кого-то рассказывать, то сиди молча и слушай, не перебивая и не задавая тупых вопросов.

Как и мама Самирана, старец не стал спрашивать меня, что такое «цэрэушник», «Узбекистан» или «Яндекс-навигатор».

Рассказав о своём перемещении в тело Самирана, я поведал и о том, что было дальше. Как вычислил воров граней, а так же то, что моё перемещение стало ошибкой во время грязного колдовства.

— На самом деле вора́м граней нужны не грани, а Моральное Право, которое они научились повышать в обход благоволений, — завершил я.

Танэ Пахау погладил бороду:

— Мало кому дано знать, что было **на самом деле**.

Я усмехнулся:

— Но вы-то, конечно, знаете?

Старец поднялся с лектуса и как-то слишком проворно прошёл по комнате. Провёл морщинистой ладонью по бокам лунного макета, стирая пыль.

— Хотя я и знаю, что в теле этого мальчика — мужчина, но навряд ли ты старше меня. Поэтому я могу звать тебя «мальчик». Так вот, мальчик, та всемогущая воля, которая вытянула тебя из твоего тела и перебросила в другое, не может быть подчинена никаким вора́м граней. Там, где ты, невежественный, видишь ошибку, я вижу непостижимую волю.

— Но воры граней...

— Воры граней были проводниками этой воли, но никак не её источниками. Мерзавцы, обманывающие Создателей ради получения поддельного Морального Права, были сами инструментом свершения воли.

— Подождите... вы хотите сказать, что я здесь не случайно?

— То, что нам кажется случайным, кажется таковым из-за нашего ограниченного знания. Движение Луны... то есть Двенадцать Тысяч Создателей свершили свою волю, сведя воедино твой дух, тело Самирана и грязное колдовство воров. Более того, они привели тебя ко мне, к тому, кто может не только ясно увидеть твои удвоенные грани, но и рассказать тебе о том, что нет никакой случайности в произошедшем.

Вот теперь старец удивил меня ещё сильнее.

— Я не понимаю. Вы же сами сказали, что Создатели — это религиозная выдумка, как когда-то выдумкой было Движение Луны или Звёздные Исполины.

— Неважно, как каждое поколение называет неведомую волю. Они могут назвать её силой Движения Луны, или даром Двенадцати Тысяч Создателей, или сном Моваха. Воля, управляющая Дивией и озарениями граней, существует вне зависимости от того, как о ней судят подчинённые сей воле.

— Но зачем тогда эта «неведомая воля» призвала меня сюда?

— Ты сказал, что видел руины Дивии.

— Да. Город обнаружили на большой глубине возле города Самарканд...

— Нет нужды упоминать названия ваших грязных и низких городов. Главное — ты видел Дивию погребённой под слоем земли.

— Да. Причём под очень и очень толстым слоем земли.

Старец сокрушённо затряс головой:

— Дивия упала так глубоко в грязь, насколько высоко она летала в небе.

— Ага, примерно так. Ваш город оказался не таким уж и вечным. Но при чём тут я?

— Я не могу знать истинных намерений непостижимой воли, но я могу предположить.

Старик снова глубокомысленно замолчал, всматриваясь в пламя светильника.

— Блин... Прошу вас, дедушка, не тормозите... поясните свою мысль. Зачем меня призвали Создатели?

— Это же понятно, юноша.

Снова пауза.

— Вообще не понятно, — прервал я молчание.

— Тебя призвали для того, чтобы спасти летающую твердь. Ты должен предотвратить падение Дивии.

Я сглотнул. В тишине храма мой глоток прозвучал неправдоподобно громко, почти зазвенел эхом.

Я надолго замолчал, обдумывая его слова. Версия с ворами граней, у которых «что-то пошло не так» более не казалась правильной. Слишком многое в ней основывалось на случайности.

Зато версия с призывом моей души какой-то волей, которую сейчас все называют Создателями, показалась страшной.

Одно дело — случайно попасть в тело Самирана. Совсем другое — быть призванным для выполнения какой-то миссии.

29. Вихрь тайны и островок времени

29. Вихрь тайны и островок времени

— Вы уверены, что меня бросили в тело Самирана именно для спасения Дивии?

— Никто не может быть уверенным в той воле, которую даже называют всякий раз по-разному.

— Но почему Дивия грохнется? От кого я должен её спасти? И когда? И как? И почему, блин, я?

— Это всё покрыто вихрем тайны, юноша. Ведь время — это хаотический вихрь, в котором только воля создаёт островки спокойствия.

— Ясненько. А по делу есть что сказать?

Танэ Пахау кивнул:

— Раз время — это вихрь, то можно предположить, что ты попал на один из островков, который связал славную Дивию и твой грязный мир через вихрь времени.

— Да? — растерянно спросил я.

А старик, не отрывая взгляда от пламени фонаря, уверенно закивал:

— Да, да, да. Так всё и было. Твою личность призвали на Дивию не за твои заслуги, а только из-за того, что больше некого призвать. Ведь даже мне ясно, что ты никчёмный и слабовольный низкий дикарь. Ты, грязь, не способен спасти даже себя.

— Зачем вы обзываетесь.

А Танэ Пахау поднялся с лектуса и воздел руки:

— О, сила Движения Луны, неужели наш вечный город обречён на падение? Ибо сей самодовольный дурак не способен понять даже своего предназначения?

— Да чего вы опять обзываетесь?

— И ему вы дали больше граней, чем всем живым, уже мёртвым и ещё не родившимся? Неужели в хаосе времени даже всемирная воля дрожит и разрушается?

Стенания Танэ Пахау разносились эхом по тёмным сводам храма, многократно усиливались и возвращались в виде совершенно неразборчивого грохота.

— Хватить причитать, — попросил я. — Если уж меня призвали остановить падение, то я попробую. Хотя ничего не обещаю.

— Какой тяжкий груз для моих высохших рук, — продолжал стенать Танэ Пахау. — Неужели моё предназначение — стать провозвестником конца летающей тверди?

Я был готов сбежать из храма. Слишком неприятна истерика Танэ Пахау. Кроме того, я достаточно долго пробыл тут. Возможно, воры ушли. Возможно, прошмыгну мимо них в темноте.

— Я же сказал, что согласен спасти ваш город. Для начала надо самому спастись от этих бандитов.

С проворством психа, старик подскочил ко мне и схватил за руку:

— Именно так... Именно так!

— Да что ещё? — я попробовал выкрутиться из цепких пальцев.

— Ты должен получить благоволение! Для этого ты здесь. Для этого я здесь! Все эти долгие годы одиночества я ждал тебя, сам не зная этого. Вот моё предназначение!

— Спасибо, что дождались. Но мне пора домой.

— Не-е-ет! — провизжал старец. — Сначала ты получишь благоволение силы Движения Луны.

— Да хоть Лунной Призмы, — согласился я. — Только хватит царапать меня.

Не выпуская моей руки из пальцев, Танэ Пахау потащил меня из комнаты. Свободной рукой старец размахивал, будто отгонял комаров. После каждого взмаха в стенах и арках храма вспыхивали огромные светильники, заливая пространство храма ярким, синеватым, «лунным» светом.

Задрав голову, я посмотрел на круглый свод храма. Он выложен чёрной плиткой, на которой светились разнообразные фазы Луны: четверть, полнолуние, убывающая и прочее. Высветились и другие планеты. Я узнал красноватый Марс, огромный Юпитер и окольцованный Сатурн.

Храм Движения Луны мне понравился больше Двенадцати Тысяч Создателей. Напоминал планетарий.

— Время — хаотический вихрь, — пробормотал Танэ Пахау. — А Дивия — островок среди него.

Чтобы отвлечь старца от истеричных мыслей, я спросил:

— Если в Храме Движения Луны есть всё то же, что в храмах Двенадцати Тысяч Создателей, то почему вас перестали посещать верующие?

Старик недовольно ответил:

— Много поколений никто не сомневался в силе Движения Луны. Каждый получал заслуженное. Но потом... Потом наказания стали приходить чаще, чем благоволения. Так угасла Луна и расцвела новая сила — Двенадцати Тысяч Создателей.

— Почему?

— Я не знаю. Никто не знает истинных Путей, по которым осуществляется воля. Вон, кто бы мог подумать, что возможно переселение душ? Мы-то всегда считали, что таких людей охватило демоническое умопомешательство, а на деле вот оно как... То были души людей из иных миров.

— Я из того же мира, что и вы, — поправил я. — Просто из другого времени.

— А для неведомой воли всё едино, — отозвался Танэ Пахау. — Ведь время — это хаотический вихрь, в котором только воля способна найти островки спокойствия.

Его голос снова приобрёл нотки истеричности, поэтому я поспешно прервал:

— Тогда зачем мне получать благоволение в вашем храме? Ведь он сломался? И вместо даров раздаёт наказания.

— Молчи, дурак! Мне теперь всё видно, как ясной лунной ночью.

— Э-э-э... ну, ладно... Раз уж вам видно как ночью...

— Воля едина и независима от наших попыток растолковать её друг другу. Воля проведёт тебя своим Путём.

Мы остановились в центре главного храмового зала. Сверху свисал каменный макет Луны, намного больший, чем тот, что пылился в комнате с лектусами. Впрочем, северный полюс спутника Земли тоже покрыт слоем пыли, из-под которой пробивался слабый серебристый свет.

Пол храма оказался выложенным такой же глубоко чёрной плиткой, на которой не видно ни теней, ни отражений, отчего казалось, что я и старец стояли в космической пустоте.

Пол задрожал, из него выдвинулась Скрижаль Выбора. В отличие от тех, что я видел в

храме Двенадцати Тысяч Создателей или в Доме Опыта, эта была обрамлена пышной рамой на которой вырезана всё та же Луна в разных фазах и планеты Солнечной Системы.

Старик подтолкнул меня к скрижали, но я заупирался:

— Вы из сословия Помогающих Создателям?

— Нет. Я из сословия Смотрящих на Звёзды. Его давно не существует, но... это то же самое, что Помогающие Создателям.

— Значит, у вас есть озарение, которое предсказывает исход благоволения?

— «Толкование Равновесия»? Конечно, есть. Как и «Чтение Путей» и остальные озарения служителей храмов. Их сочетание и помогло мне проникнуть в глубину твоего Внутреннего Взора и увидеть невероятно число граней.

— И что вы ещё видите? Какова вероятность для меня получить благоволение, а не пинок под зад?

— Всё будет хорошо, — уклончиво ответил Танэ Пахау. — Я оставлю тебя наедине с силой Движения Луны.

— Вы хотели сказать — наедине с Создателями?

Старик махнул рукой:

— Я уже сам не знаю, как всё это называть. Встреча с тобой превратила в пыль все мои представления о мире.

— Подождите. Что мне делать? Как получать благоволение?

— Просто получи.

Старик отбежал к выходу из зала. Его чёрный халат слился с чёрными стенами.

— Хотя бы скажите — это больно или нет? — крикнул я.

Ответом мне стал отдалённый грохот запираемых ворот.

Отчего-то вспомнил слова учителя Гиан Атти, который цитировал древнего мудреца. Как там было... Все ходят по кругу? Вот и я пришёл туда, с чего всё началось для Самирана — к получению благоволения.

«Самый быстрый способ пройти Путь Двенадцати Тысяч Граней, это остаться на месте. Ведь все идущие возвращаются к началу», — напомнил мне Внутренний Голос.

— Наконец-то ты соизволил поговорить! Что мне делать? Как получить...

«Ты находишься в месте, в котором можно получить благоволение, — торжественно прервал меня Голос. — Желаешь ли ты этого?»

Я хотел ответить, что пока не узнаю, что меня ждёт, не очень-то желаю, но переборол этот трусливый порыв и ответил:

— Да.

◆◆◆

После моего согласия чёрные стены храма задрожали и покрылись сетью ровных треугольников, которые быстро измельчали и растаяли, втянув в себя и храм и макеты планет и вообще всё вокруг. Треугольники окружили меня плотной стеной, приняв вид чёрных стеклянистых граней.

Потеряв ощущение опоры под ногами, я испугался, что упаду, хотя падать было некуда. И некому. Я не увидел ни своих рук, ни ног, ни вообще своего тела. Я превратился в островок пустоты, окружённый вихрем из граней.

Через равные промежутки времени то одна грань, то другая вырывалась из общей массы и пролетала сквозь островок пустоты, которым был я.

Каждый пролёт грани сквозь мою пустоту вызывал вспышку и свечение Внутреннего

Взора. Хотя странно так теперь его называть, ибо светил он не внутри меня, а сам по себе. Вспышка длилась доли секунды. Потом вся стена граней перестраивалась и пролёты граней сквозь мою пустоту продолжались.

Автоматизм этих пролётов и вспышек навевал сравнение с непонятым конвейером, производящим неизвестно что.

Сложно сказать, сколько это длилось. По ощущениям — не очень долго. В какой-то момент стена граней начала рассеиваться, знакомые стены Храма Движения Луны и макеты планет проступили сквозь треугольники.

Я снова почувствовал опору под ногами и увидел свои руки. На правой светился Внутренний Взор. Правда, зрение у меня двоилось и дрожало, будто я стоял под струёй воды. В глазах щипало и колело, пришлось закрыть. Стало легче.

Гаркнул Внутренний Голос:

«Ты получил благоволение! Ты одарён значительным и вечным увеличением Морального Права. Ты одарён хорошим и вечным утолщением Линии Духа. Ты одарён временным и ярким озарением «Наведение Сна». Ты одарён тремя кристаллами яркого озарения «Закалка Тела». Твоё знание озарения «Живая Молния» стало светлым и достигло предела для наследованного озарения».

Я открыл глаза. Передо мной всё ещё мельтешили серые пятнышки, похожие на отблески граней.

Как и в тот раз, когда я очнулся в теле Самирана, недалеко от меня висели в воздухе кристаллы. Я протянул к ним руку и убедился, что это — обещанная «Закалка Тела».

Поначалу кристаллы казались нереальными, словно сотканными из «Игры Света», но, когда я прикоснулся к ним, приобрели плотность. Один упал мне в ладонь, два других — на пол. Стук их падения был лёгким, но звонким, как шарики от пинг-понга.

Я уже отметил, что кристаллы отличались по весу. Чем мощнее — тем тяжелее.

Я подобрал остальные кристаллы «Закалки Тела» и хотел спрятать в шкатулку на поясе. Вспомнил, что Раккир отобрал все мои шкатулки.

Зажал кристаллы в кулаке:

— Теперь хотя бы не буду мёрзнуть, как собака.

Внутренний Взор всё ещё светился вокруг моей руки. Явственно видно, что линия Морального Права стала толще остальных. А Линия Духа — толще Линии Тела.

Но были и другие изменения в интерфейсе.

Во-первых появился сдвоенный иероглиф:

НАВЕДЕНИЕ СНА

ЗАТУХАНИЕ

Оба ярко светились.

— Голос, я правильно понял, что обзавёлся ярким озарением, усвоение которого не стоило мне ни граней, ни кристаллов, ни усилий по заучиванию узора?

«Напоминаю. Ты получил благоволение. Ты одарён...»

— Как долго будет работать «Наведение Сна»?

«Это зависит от состояния твоих Линий Тела и Духа».

— Хотя бы примерно?

«Учитывая твоё усталость и общую слабость Тела, можно предположить, что озарение затухнет через непродолжительное время».

— Да что ты всё увливаешь, как проворовавшийся чиновник? Сколько часов или дней?

«Между нами непонимание».

— Почему?

«Не могу напомнить тебе это».

Ясенько. Я сам должен узнать способ расчёта длительности работы временного озарения. Если он вообще существовал.

Я перешёл к изучению других даров Создателей.

Возле ладони появилось изображение узора озарения «Живая Молния», которое я ради пробы начал усваивать в Доме Опыта. Выглядело оно как чёткий рисунок тех узоров, что были на Скрижали.

Как бы почуяв моё внимание, кружок разделился на пять кружочков с разными узорами.

— Голос. Это что же получается? Я усвоил наследованное озарение «Живая Молния»?

«Да. Благоволение повысило его до светлой ступени».

— Но почему нарисовано пять узоров?

«Не могу напомнить тебе это».

До меня донёсся грохот открываемых дверей, и в зал вошёл Танэ Пахау. Правда, я узнал его лишь по тяжёлому чёрному халату: длиной белой бороды и шапки-цилиндра больше не было. Даже походка изменилась — стала менее старческой. Длинные белые волосы тоже сбрил: лысина с пучками седой щетины блестела под светом макетов Луны и планет.

— Вы... подстриглись? Нашли время для груминга. Хотя, стали немного моложе.

Танэ Пахау поклонился:

— Встреча с тобой, Самиран Саран, изменила моё предназначение. Отныне я не буду служить в храме Силы Луны, ибо нет такой силы и никогда не было.

— Так. И что вы будете делать?

— Я буду служить тебе.

— Та-а-а-к... Но почему?

— Ясно как лунной ночью, что я должен помочь тебе предотвратить падение летающей тверди.

Я ещё не отошёл от первого в моей жизни благоволения. Теперь ещё и этот дед собрался стать моим соратником? И что мне с ним делать? Куда его девать?

— Не бойся, юноша, я не буду обременять тебя моим присутствием, — догадался старец. — Но знай, что ты можешь распоряжаться моим временем, озарениями и всей моей оставшейся жизнью. Но только в деле спасения Дивии. В остальном — я тебе не помощник.

Я повеселел. Так-то лучше. Всё-таки дедуля прожил сто лет в Дивии, он — кладёзь знаний. Хотя все его знания и считались устаревшими, вместе с Силой Луны.

— Тогда подскажите мне, почему полученное в дар озарение «Живая Молния» выглядит как пять разных узоров?

Старец удивился вопросу.

— Вас вообще ничему в Доме Опыта больше не учат? — сварливо спросил он.

— Да я там всего два дня учусь.

— В мои времена мы с младенчества знали, как устроены озарения и Внутренний Взор. Мы уже после первого дня учёбы шли на войну с низкими.

— Хорошие были времена, — согласился я. — Но всё же?

— Пять узоров равны пяти слоям общего узора озарения, — пояснил Танэ Пахау. — Ведь не всегда нужно использовать самую сильную ступень озарения, не так ли?

— Наверно...

— Так вот, чтобы уберечь Линии Тела или Духа от ненужного расходования, ты волен выбрать, какую ступень озарения ты применишь: незаметную, тусклую, мерцающую и так далее.

С помощью старца я наконец разобрался. Все озарения состояли из шести слоёв узоров — от тусклого до яркого. Первый слой соответствовал «незаметному» уровню. Если добавить к нему второй узор — озарение становилось «тусклым». После третьего — «мерцающим». И так до предела, до которого ты усвоил это озарение.

Правда, Танэ Пахау не знал, что делает «Живая Молния». А Внутренний Голос, как обычно, ответил:

«Не могу напомнить тебе это».

Я же знал только, что это — целительское озарение, раз унаследовано от мамы Самирана. Под руководством моего нового соратника, я научился накладывать его узоры друг на друга, усиливая озарение до предельного — светлого — уровня. Но применить так и не решился: очень уж странным казалось исцеление с помощью молнии.

Всё это порядком вымотало меня. Я даже увидел, как моя и без того тонкая Линии Тела побледнела и время от времени судорожно вздрагивала. Очень хотелось есть. Хотелось домой. Тем более, что он был рядом, через улицу.

Танэ Пахау снова проявил чуткость:

— У меня есть немного еды.

— Мясо? — в надежде спросил я.

— Мясa я давно не едал, — печально ответил старец.

— Как же я вас понимаю.

◆◆◆

Ужинали мы варёными листьями и ветками какого-то растения под названием «ман-га». Вкус их был до того гадкий, что кухня мамы Самирана показалась мне пищей богов.

Танэ Пахау привычно жевал ветки, запивая водой из черпака. Я же, скривившись, давился растительной пищей, как хомяк.

Заметив кристаллы в моей руке, старец снял со своего пояса одну шкатулку и отдал мне:

— Она всё равно пустая.

— Как вы думаете, — спросил я, прицепляя держатель шкатулки к поясу, — бандиты уже ушли?

— Не ушли. Ждут. Я проверял.

— А почему они ещё не ворвались в храм?

— В Движение Луны никто не верит, но этот храм ещё существует. Нападение на святые стены всё ещё преступление.

Танэ Пахау рассказал, что хотя звёздной навигацией давно не пользуются, но по какой-то причине Совет Правителей сохраняет землю за храмом. При этом род Хатт постоянно выносит на голосование Совета предложение уничтожить храм, а освободившуюся землю продать с торгов.

— Но я не могу вечно сидеть в этих святых стенах.

— Я тоже не могу, — согласился старец. — Я сложил свои обязанности служителя храма. Вот мы сейчас доедим ман-гу и выйдем отсюда.

— И вы победите воров граней? — с надеждой спросил я.

— Нет. Их слишком много.

— Но ведь вы их уже победили один раз?

— Они неверно оценили мою старость и немощность. Второй раз они такой ошибки не допустят. Они наверняка уже использовали защиту против «Порыва Ветра».

— Но как мы сбежим из храма? Нет ли у вас кристаллов с крыльями?

— Нет.

— Акраб?

— Мальчик, последний человек посетил этот храм два поколения назад. И он ушёл отсюда недовольный, не заплатив ни грани. У меня нет золота, чтобы купить мяса. Откуда в заброшенном храме взяться акрабу?

— А оружие?

Старец pokrutil головой, оглядывая чёрные стены:

— Где-то было копьё, даже два. Но я не умею им пользоваться.

— Вы же хвастались, что бились с низкими.

— И отважно бился! — ударил себя в грудь старик. — Но я бился не оружием, а озарениями.

— Но, быть может, в подвале Храма Движения Луны есть потайной ход?

— Какой ещё потайной ход и куда? Кому вообще взбрѣдет в голову строить потайной ход из храма?

— Ясненько.

Старик проглотил очередную ветку, обтёр мокрые руки о халат и сказал:

— Послушай меня, Самиран Саран. Ты не должен бояться. Твоѣ благоволение...

— Постойте! Как вы меня назвали?

— Самиран.

— Самиран Саран? Не сын Похара Те-Танга и Мадхури Саран?

— Ну да. Моѣ «Чтение Путей» показывает имя твоего рода. Ты принял наследованное озарение рода Саран.

Я раздражѣнно рванул зубами стопку варѣных листьев:

— Ничего я не принимал. Оно само принялось во время благоволения.

— Значит, таков свет, которым Сила Луны устлала твой Путь.

Но я был недоволен тем, что неведомая воля выбрал род за меня. Пусть это и выглядело технической накладкой. Теперь папа Самирана обидится. А я рассчитывал на его дружбу и связи.

Старик продолжил:

— Ты не должен бояться испытаний. Битва с ворами граней — лишь первая из двенадцати тысяч битв под будущей Луной. Чтобы спасти летающую твердь ты должен исторгнуть и своего сердца все страхи.

— Легко вам говорить. У вас вон какой мощный «Порыв Ветра».

— У каждого своя тень под Луной.

— Если Создатели призвали меня для спасения Дивии, то почему не одарили меня всеми яркими боевыми озарениями? Этак мне было бы легче спасти себя, пока я спасаю летающий город.

— Самиран Саран, ни один человек в мире не выдержит много ярких озарений. А ты — тем более.

— Что это значит? — я выплюнул ветку, которую пытался прожевать всё это время.

— Твои Линии слишком тонки даже для одного яркого озарения.

— Вы хотите сказать, что я не смогу использовать все шесть узоров «Наведения Сна»?

— Сможешь. Но потом — умрёшь, истончив Линию Тела. Поэтому твоё благоволение содержало лишь то, что ты сможешь выдержать.

— Тогда почему они сильнее всего повысили моё Моральное Право? Почему не усилили Линию Тела до предела?

— Потому что для усиления Линии Тела нужно много самого тела. А ты на себя посмотри. Руки и ноги тоньше, чем побеги ман-ги, которые мы едим. Чего тут усиливать?

— Это верно, — вздохнул я. — Но почему бы не подарить мне «Крылья Ветра»? Я бы просто улетел от врагов.

— Ты умеешь летать на «Крыльях Ветра»?

— Нет, — признался я.

— Тогда зачем ты подвергаешь сомнению благоволение? Подарить неопытному мальчику столь опасное озарение — это всё равно что убить его.

— Ладно, не буду подвергать сомнению логику благоволений. Если в них вообще есть логика.

— Кроме того, Самиран, даже если бы у тебя и были «Крылья Ветра», то почему ты уверен, что улетел бы от врагов? Они — опытные бойцы, подрезали бы твои крылья ещё до взлёта.

Я понял, что больше не могу жрать ветки. Даже если это какие-то «побеги ман-ги». Отставив коробочку, сказал:

— Тогда хватит сидеть тут, как загнанные крысы. Пора принять бой.

Старик с готовностью поднялся с лектуса и начал собирать какие-то свёртки в большую и квадратную, как у доставщика, корзину. Привязал к краям корзины верёвку и перекинул через плечо. Окинул прощальным взглядом чёрные стены Храма Движения Луны:

— Всю жизнь я провёл под светом Луны, и только в конце жизни узнал, что свет её изливался вовсе не для освещения моего Пути, а лишь для указания тебе пути сюда.

Мы пересекли главный зал храма. Старик махал руками, гася все светильники и планеты.

30. Грабёж среди светлой ночи и расплата за ущерб

30. Грабёж среди светлой ночи и расплата за ущерб

Мы остановились напротив бревенчатых ворот выхода из храма.

Я раскрыл шкатулку на поясе и достал кристалл озарения «Закалка Тела». Танэ Пахау рассказал, что оно защитит моё тело от таких распространённых воздействий, как огонь или холод, так же то ослабит или уничтожит воздействие светом, громом, отравой и молниями.

Старец предупредил:

— Но от удара копьём, кулаком или мочи-кой оно не спасёт. Помни об этом.

Я вызвал Внутренний Взор. Озарение «Наведение Сна» было таким же ярким, как и раньше, а иероглиф «Затухание» слегка потускнел.

Так как старец видел не только моё имя, но и весь мой Внутренний Взор, включая грани, то он подсказал:

— Смотри, твоя Линия Духа окрепла после благоволения, но всё ещё тонка и хрупка.

— Ну и?

— Ты не можешь использовать и «Наведение Сна» и «Закалку Тела» в равной степени. Тебе надо выбрать, на что ты потратишь большую часть Духа.

Я задумался. Танэ Пахау уверял, что на светлой ступени «Наведение Сна» способен погрузить в сон неподготовленных к нему противников. Даже тех, у кого «безмерно толстая линия Морального Права». Просто они будут спать недолго. Или же погрузятся в лёгкую дрему, которая замедлит их.

Радиус действия «Наведения Сна» зависел от моей Линии Тела. В моём случае — не слишком далеко.

— Я тебе помогу, — пообещал старец. — Обещаю, что все враги попадут под твою смелую атаку сном. Главное, постарайся не задеть меня.

— А бывают озарения против «Наведения Сна»?

Танэ Пахау кивнул:

— Да. У того, которого зовут Илиин, есть кристалл мерцающего озарения «Ясность Мышления», которое может защитить его от «Наведения Сна», «Смятения Духа» и других озарений, затуманивающих ум. У того, которого зовут Раккир, в сумке лежит несколько шкатулок озарённого мяса бодрости. Оно способно прогнать надолго любой сон.

— Вы способны видеть содержимое их сумок? — удивился я.

— Яркое «Чтение Путей» позволяет смотреть не только на имя человека или в его Внутренний Взор, но показывает озарённые предметы вокруг меня.

Я замялся:

— Как же быть? Что если мой сон не подействует на них?

— Если мы нападём внезапно, то Раккир не успеет съесть мясо. А Илиин не успеет использовать кристалл. Этим двоим нужно будет усыпить первыми.

— Тогда, погнавши, дедушка, — сказал я и спрятал кристалл «Закалки Тела» обратно в шкатулку.

Я решил использовать всю свою Линию Духа для «Наведения Сна». Буду нападать, а не защищаться.

Благодаря «Чтению Путей», Танэ Пахау знал, где расположились те противники, у кого

были озарения, и те, кто просто носил кристаллы в шкатулках. Но среди окруживших храм бандитов могли быть и те, кто не имели ни граней, ни кристаллов, ни озарённой еды. Они оставались невидимыми для «Чтения Путей», поэтому могли атаковать нас с неожиданного направления.

Танэ Пахау положил руки на железный засов калитки в воротах. А я вызвал Внутренний Взор. Иероглиф «Наведение Сна» услужливо раздвинулся на шесть кружочков с узорами.

— Используй только заметную ступень озарения, — напомнил старец. — Иначе ты не выдержишь.

Первые три узора легли и соединились легко. Четвёртый доставил некоторые мучения, похожие на те, какие я испытал в Доме Опыта, когда усваивал узоры. Снова возникла лёгкая тошнота. Хотя я и не был уверен, что её причина узоры, а не мерзкие побеги ман-ги, которыми набит мой живот.

Сложение четырёх узоров заняло у меня половину минуты. Будь я в иных условиях, в пылу битвы, то меня давно убили бы.

Я припомнил, что Хаки Энгатти довольно быстро использовал свой «Удар Грома». Всё из-за прокачанной Линии Тела. Быстрота применения озарений — отличие мастера. Как пояснил Танэ Пахау, эту скорость можно только натренировать.

Складывая узоры, заметил, что Линия Духа истощалась с каждым узором. В итоге стала меньше, чем была до благоволения! Я же сомневался, достаточно ли заметной ступени, чтобы усыпить всех врагов?

Сдерживая подступающую рвоту, я напрягся и добавил в «стопку» ещё один узор. На это ушло ещё полминуты, а Линия Духа стала тоньше паутинки!

— Зачем ты это сделал? — воскликнул Танэ Пахау. — Слишком тонкая Линия. Ты рискуешь умереть!

— Какая разница, если воры граней всё равно меня убьют? — пробулькал я, подбирая слюни.

— Эх, — вздохнул старец и отодвинул засов. Приоткрыв дверь прошептал: — Илиин и Раккир по левую руку. Ещё трое — по правую. Остальные — стерегут с обратной стороны храма. Так же вижу следы озарений где-то далеко в кустах у дороги... Не могу прочесть имена этих людей... Очень сильное Моральное Право у них.

Старик замотал лысой головой, будто их Моральное Право причинило ему боль.

Я предположил, что в кустах прятались воры граней, которые были в бандитском кабаке в масках. Это незнакомцы и были главными получателями результатов грязного колдовства.

Я выскользнул вослед за старцем.

На Дивии уже ночь. Самое время для сна...

Яркий круг Луны висел над утёсом, в котором расположен дом Самирана. Я видел синеватые фонари у нашей входной арки. Лестницы и входные арки остальных жилищ тоже освещены. Вдоль дороги стояли каменные столбы, оснащённые стеклянными фонарями. Что именно в них горело я не знал, но было похоже на огонь керосиновой лампы. Ибо свет они давали не синий, а желтоватый.

— Смотри, Самиран, — показал Танэ Пахау на небо. — Луна сегодня движется по небу в полной силе и не сокрыта облаками. Это знак, что она движется по твоему Пути.

— Но вы ведь больше не верите в Движение Луны?

— Оно оказалось выдумкой, но моя вера в него была со мною всю жизнь.

Дрожащим и нарочито бодрым голосом я сказал:

— Ну тогда, Лунная Призма, дай мне силу.

Из опыта использования «Внушения Неразумным» я усвоил, что озарения воздействовали и на того, кто их применял. Я отлично помнил, как ненадолго превратился сразу во всех свиней в свинарнике, испытывая их примитивные эмоции.

«Наведение Сна» не стало исключением.

Как только я дал мысленную команду — навести сон — меня самого охватила вялость. В голове сладко зашумело, как бывает в миг до наступления сна.

Минимизация воздействия озарения на самого себя — ещё одна отличительная черта мастера озарений. И она тоже требовала упорных тренировок.

Я брёл в полусонном бреду, едва переставляя ватные ноги. Со стороны, наверное, выглядел, как зомби. Ну, или как обычный Денис Лавров по утрам, когда ему... то есть мне, надо было собираться на работу в ненавистный транспортный колледж.

Вдобавок от моего тела вдруг стали исходить синеватые то ли волны, то ли струи дыма. Я догадался, что видны они только мне. Волны — что-то вроде элементов интерфейса Внутреннего Взора, которые показывали мне направление и силу воздействия «Наведения Сна». Впрочем, видны они оказались не только мне, но и Танэ Пахау — старец старательно обходил щупальца синего дыма.

Но вот как управлять ими? Как направить их на врага?

— Эй, хрыч, — крикнул Илиин, выйдя из-под прикрытия кустов. — Только попробуй дунуть на нас. Мигом упокоим навеки.

Танэ Пахау поставил на землю свой короб и поднял руки вверх, показывая раскрытые ладони:

— Прошу великодушно простить меня, о светлый господин. Я не должен был нападать на небесного стражника. Надеюсь вы не пожалуетесь на меня в Прямой Путь.

— Отдай нам мальчишку и убирайся отсюда, — приказал Илиин.

Танэ Пахау скосил на меня взгляд, как бы понукая: «Ну же, усыпляй их!»

А я отчаянно боролся не только со сном, но и с потоками синеватого дыма. Они бесконтрольно исходили во все стороны, но только не на Илиина. И не на Раккира, который зашёл к нам в тыл, отрезав путь обратно в храм.

Меня и Илиина разделяло метров пятнадцать пустой каменной площади. Внезапно между нами что-то со свистом пролетело и шлёпнулось о камни дороги. Илиин отскочил, выставив перед собой копьё. Сквозь полуприкрытые веки я разглядел какую-то большую птицу с изломанными крыльями и свёрнутой шеей. Вокруг птицы вился синий дымок.

Её сразило моё «Наведение Сна»! Блин, да как же пользоваться этой хернёй? Как направить её куда надо?

Илиин почуял неладное. Быстро раскрыл шкатулку на поясе и высыпал на ладонь какие-то кристаллы.

Мне же стало только хуже. Как во время сонного паралича, я потерял ощущение своих рук и ног. Непеременно упал бы, но меня подхватил Танэ Пахау.

Как только я потерял управление телом, сразу же ощутил, что могу управлять потоками «Наведения Сна»! Это было странное, незнакомое ощущение. Точно я был во сне, в котором превратился в дымчатые струи, скользящие сквозь холодный воздух ночной Дивии...

Один дымчатый рукав, ставший частью моего некоего астрального тела, окутал Илиина. Небесный мент выронил кристаллы и копьё, захрипел, то ли зевая, то ли пытаясь позвать на

помощь, и рухнул лицом вперёд. Немного подрыгался на камнях площади и, подтянув колени к подбородку, заснул.

Одновременно с этим я выбросил назад второй пучок озарения, захватывая Раккира. Но бандит и не подумал отходить ко сну, только отчаянно скривил рот, сдерживая зевету. Пошатываясь, побежал на нас, на ходу снимая с пояса кривую палку.

— Вырву... язык... — сонливо пригрозил он. — Обоим вырву...

Старец предупредил меня, что у Раккира может быть сильная Линия Тела, которая защищает его. Поэтому я обвил вокруг него ещё три рукава синей дымки. Не выпуская из рук оружия, Раккир свалился под мои ноги, сказал что-то неразборчивое про язык, как человек в беспокойной дрёме, и закрыл глаза.

Оба противника лежали, а вокруг них курился синий дымок. Я отметил, что дымок Раккира улетучивался быстрее, чем у Илиина. Это могло означать, что он проспит меньше, чем небесный мент.

— Неплохо, Самаиран Саран, — пропыхтел Танэ Пахау, поддерживая меня под руки. — Ещё бы научился стоять на ногах, во время сотворения озарений.

Я хотел ответить, что для первого раза сойдёт, но не смог даже пошевелить губами.

Тем временем, с разных сторон храмовой площади появились сообщники Илиина. Они были слишком далеко, а моя сонная дымка, судя по длине её рукавов, не добивала дальше, чем на двадцать метров.

Танэ Пахау встряхнул моё тело:

— Постарайся стоять на ногах!

Старец осторожно убрал от меня руки — я стоял, покачиваясь, как мертвецки пьяный.

Сообщники догадались, что произошло. Одни спешно начали рыться в шкапулках, отыскивая нужные средства. Другие направили на нас копья, готовясь метнуть.

Освободившись от меня старец Танэ Пахау воздел к небу руки и тут же резко опустил их. Воздух вокруг нас загудел и уплотнился, как во время использования «Порыва Ветра». Только на этот раз произошло не отталкивание предметов, а наоборот — притягивание.

Без пояснений старца догадался, что сейчас будет и приготовился.

Мощный порыв воздуха дёрнул всех пятерых сообщников, притягивая к нам, как пылесос мусор! Я тут же «захватил» их синей дымкой и моментально усыпил.

— В кустах! — скрипуче крикнул Танэ Пахау. — Сбегают, подлецы!

Глазами я не видел никаких кустов, потому что не мог пошевелить головой. Но с помощью оставшихся дымчатых потоков «Наведения Сна» я как бы ощупывал пространство. Поэтому почувствовал движение метрах в двадцати. Там прятались воры в масках.

Старик применил ещё одно втягивание, но болезненно вскрикнул. Гудение воздуха и притягивание оборвались. Как я понял, Моральное Право воров защитило их от воздействия «Порыва Ветра».

— Их там ждёт акраб, — доложил старик.

Я собрал оставшиеся разрозненные потоки «Наведения Сна» в один мощный рукав и наугад протянул его вслед убегающим.

Поток встретился с некой стеной и распался. Я даже не знал — успел ли я зацепить кого? Да и чёрт с ними, пусть бегут.

Бессильно склонив голову, я увидел что сдвоенный иероглиф изменился. «Наведение Сна» светилось ярко, как и положено яркому озарению, а иероглиф «Затухание» сделался едва заметным, показывая, что дарованное мне озарение почти исчерпалось.

Танэ Пахау подошёл ко мне, взял за плечи и начал трясти:

— Давай, парень, возвращайся. Ну же.

С огромным трудом, словно просыпаясь утром в детский садик, я начал возвращаться в своё тело. Вероятно, помогло и то, что почти все потоки «Наведения Сна» были использованы. Потягиваясь, как после долгого сна, я неудержимо зевал. Зверски хотелось есть. То ли это эффект воздействия озарения, то ли просто я не насытился варёными ветками ман-ги.

Не без гордости посмотрел на спящих врагов. Вокруг каждого курился синий дымок. У одних густой, у других не очень. Больше всего опасений вызывал Раккир. Дымка над ним едва видна. Силач беспокойно ворочался во сне и бормотал:

— Ах вы, грязь... Вырву вам языки... и вставлю в вам в жо...

Танэ Пахау принёс откуда-то огромный камень и поднял его над собой:

— Мы должны убить их, пока можем.

— У... убить?

— Да. Начнём с Раккира. Размозжу ему голову.

Тот злобный демон внутри меня, который едва не придушил маму Самирана, согласился: убить врагов — отличная идея. Ведь они собирались убить меня. Пусть знают, что Самиран... то есть Денис... то есть... тьфу, кто же я уже?

Я замотал головой, унимая демона. Танэ Пахау поднял камень выше и прищурился, целясь в лицо Раккира.

— Бросьте камень, — приказал я.

— Да, сейчас, прямо на его лоб, — ответил он. — Размозжу, пока он спит и беззащитен.

— Нет! Не убивайте никого.

— Неужели в твоём мире, демон, врагов не убивают?

— Но что если за смерть этих людей будут мстить могущественные рода Дивии?

Главные воры граней всё равно сбежали.

— Пусть мстят. Их право.

— Но что будет, если они потащат меня в Прямой Путь? С их Моральным Правом они могут осудить кого угодно.

Старец устало опустил руки, но камня не выбросил:

— Это они могут. У сбежавших я прочитал такое сильное Моральное Право, с каким входят в Первое Кольцо.

— Если я сохраню жизнь Илиину, то, быть может, он оценит эту услугу? В конце концов, мне легче спасти Дивию, если за мной не будут охотиться менты и воины славных родов.

Старик держал камень в дрожащих руках:

— Не знаю, что значит демоническое слово «мен-ты», но в остальных твоих словах есть разум.

— Конечно, есть. Поэтому не надо никого убивать, заклинаю вас Движением Луны и Лунной Призмой.

Старик бросил камень.

— Так-то лучше, — сказал я и присел над похрапывающим Раккиром. — А теперь помогите мне их обыскать.

— Точно, — кивнул старец. — Наступило время расплаты за ущерб.

Он подхватил свой короб, раскрыл крышку и начал скидывать в неё шкатулки, которые бесцеремонно снимал со спящих вместе с поясами.

По мне так это был обычный грабёж. Но «расплата за ущерб» звучало, несомненно, благороднее. И справедливее.

Первым делом я стянул с плеча Раккира сумку. В ней лежал свёрнутый рулоном плащ, перетянутый красивым ремнём, инкрустированным золотом. Под плащом сложено пять металлических шкатулок. На их крышках выпуклый иероглиф рода Карехи и рисунок буйвола. На поясе Раккира прицеплено несколько шкатулок для кристаллов и золотых граней. Я сорвал их все и побросал в сумку — позже посчитаю.

Потом попробовал вытащить из его руки оружие — кривую палку из неизвестного мне материала. То ли пластик, то ли особый камень. Но точно не металл.

Но Раккир не разжал пальцев. Пробормотал сквозь сон:

— Не трожь... Это моё... Язык вырву. И сердце.

Ко мне снова подошёл Танэ Пахау с камнем в руках:

— Сейчас помогу.

Прежде чем я успел его остановить, старец обрушил камень на сжатый кулак Раккира. Человек болезненно вскрикнул во сне и разжал пальцы.

Я схватил палку, оказавшуюся очень тяжёлой. Пришлось даже взять двумя руками.

Вспыхнул Внутренний Взор. Часть иероглифов обвила оружие, а часть встроилась в мою Линию Тела.

ПЯТИСИЛЬНАЯ БУРЯ.

СМЕРТЕЛЬНО РАЗЯЩАЯ МОЧИ-КА.

СИЕ ОРУДИЕ ИЗГОТОВЛЕНО ИЗ ЧИСТОГО НЕБЕСНОГО КАМНЯ МАСТЕР БАТАЕМ ЛИЧНО, БЕЗ УЧАСТИЯ УЧЕНИКОВ ИЛИ ПОДРУЧНЫХ.

МАСТЕР БАТАЙ ПОКЛЯЛСЯ ВСЕМИ СВОИМИ ГРАНЯМИ, ЧТО СИЕ ОРУДИЕ ПРОСЛУЖИТ СТО ПОКОЛЕНИЙ, И НЕМНОГО ДОЛЬШЕ.

НОСИТ СИЕ ОРУДИЕ ИМЯ «ПЯТИСИЛЬНАЯ БУРЯ». ПОТОМУ КАК ЗАКЛЮЧАЕТ СЕБЕ ПЯТЬ ГНЁЗД ДЛЯ КРИСТАЛЛОВ ЯРКИХ ОЗАРЕНИЙ.

Кстати, кристаллы, заключённые в мочи-ку, видны только с помощью Внутреннего Взора. Полупрозрачные узоры этих кристаллов расположились по всей длине оружия, утопая в искривлённых местах, как в гнёздах.

От ствола кривого оружия исходило множество тонких световых ниточек, которые, обвив руки, вливались в мою Линию Тела. Но далее снова расходились в стороны, как пучки обрезанных проводов, и пропадали в воздухе. Это явно выглядело какой-то неполадкой.

За пояснением я обратился к Внутреннему Голосу. Тот в очередной раз не смог мне напомнить. Я уже не сердился на Голос, понимая, что он напоминал только то, что я узнавал в процессе жизни.

Зато помог Танэ Пахау.

— У тебя слишком тонкая и вялая Линия Тела для такого оружия, — пояснил он. — Вон, ты его едва держишь двумя руками.

— То есть оно бесполезно для меня, — разочарованно сказал я.

— Я не разбираюсь в мочи-ках, копьях или доспехах, но знаю, что оружие мастера Батая стоит много тысяч золотых граней. Быть может — сотню тысяч.

— Ясенько.

Я попробовал убрать мочи-ку в сумку, но палка оказалась слишком длинной и вывалилась.

Танэ Пахау помог мне снять с пояса Раккира кожаный чехол для этого оружия, но на моём поясе оружие тоже не удержалось: чехол соскальзывал с талии.

— Ох, зря тратим время, — озабоченно сказал старец. — Раккир вот-вот проснётся!

Но я не хотел бросать ценный предмет. Во многом из-за того, что у меня появились планы на сие орудие. Вовсе не связанные с продажей за сотню тысяч золотых граней.

Тогда Танэ Пахау догадался повязать пояс наискосок через моё плечо. Чехол с мочи-кой повесил мне на спину. Её тяжесть сильно тянула меня назад, но всё равно удобнее, чем тащить мочи-ку в руках.

Синяя дымка наведённого сна почти сошла с тела Раккира. Беспokoйно вздыхая и кашляя, он заворочался, но пока что не проснулся.

— Ох, размозжить бы ему голову, — посетовал старец.

— Пойдёмте отсюда, — сказал я.

Старик взвалил на плечи свой короб и пошёл за мной.

Когда мы прошли мимо спящего Илиина, я остановился, чтобы облутать и его. Лёгкое на вид копьё, оказалось таким тяжёлым, что я не смог оторвать его от земли — настоящий молот Тора.

Тогда я просто сорвал с пояса Илиина все шкатулки. Ещё на поясе небесного мента болтались какие-то странные пучки верёвок, сложенные восьмёркой. На концах верёвок болтались массивные металлические кольца.

Я уже видел такие верёвки на других небесных стражниках, но до сих пор не знал, что это такое.

Танэ Пахау нетерпеливо сказал:

— Ах, это обычные вязки. Ими пользуются только небесные стражники. Они тебе ни к чему. Пойдём же скорее, Раккир вот-вот вернётся из своих грёз. И тогда ты сильно пожалеешь, что я не размозжил ему голову.

31. Эпилог и палеоконтакт

31. Эпилог и палеоконтакт

Этот район всегда был малолюдным. У всех семей имелись акрабы, пешком ходили только рабы. Но сейчас дети сидели по домам. А рабы не посмели бы даже смотреть на разборки прирождённых жителей Дивии, не говоря уже о вмешательстве в них. Поэтому дорога Шестого Кольца была такой же пустой, как и днём. Только из домов иногда доносился смех, громкие разговоры и звуки музыкальных инструментов.

Битва с ворами граней прошла незамеченной для жителей соседних домов.

Даже если кто-то любопытный отправился бы посмотреть, мол, что там за возня и ругань возле заброшенного Храма Движения Луны? То увидел бы небесного стражника Илиина и его товарищей, которые проводили задержание преступников.

Я и Танэ Пахау отошли от храма и продрались сквозь кусты, высаженные вдоль дороги. Тут-то я и наступил на что-то мягкое, оно ответило мне всхлипыванием и бормотанием.

Под кустом дрыхнул один из воров в маске! Всё-таки я зацепил его щупальцем «Наведения Сна». Синяя дымка вокруг него почти развеялась — скоро проснётся.

Я сорвал с вора маску. Это был очень немолодой мужчина с седыми усами и треугольной тоже седой бородкой. Совсем не страшный. Совсем не похож на того, кто калечил судьбы подростков ради усиления своего Морального Права.

Обыск ничего не дал: на теле нет жетонов или украшений с иероглифами, которые подсказали бы родовую принадлежность.

Только на поясе болталось две шкатулки, оббитые мягкой кожей и украшенные золотыми узорами, выполненными прямо из золотых граней. На крышках поблескивали какие-то алмазы или другие драгоценные камни — я в них не разбирался. Эти коробочки отправились в мою сумку.

— Танэ Пахау, — сказал я. — Вы же способны прочитать имя любого?

— Не любого, — отозвался старец. — Высокое Моральное Право этого человека защищает его от моего озарения.

— Нельзя ли хотя бы попробовать?

Танэ Пахау, побряхтывая и хрустя суставами, присел рядом со спящим:

— Ранее моё «Чтение Путей» разбилось об этого человека. Но сейчас он спит и беззащитен. Если прикоснусь к его груди в области сердца, то есть возможность прочитать хотя бы часть его Пути.

— Прикасайтесь скорее.

Старец начал развязывать шнуровку на халате спящего вора. Но его сухие, негнущиеся пальцы дрожали и не слушались. Пришлось мне расшнуровать ворот плотного халата. Из ворота выпал большой амулет, висевший на шее на золотой верёвочке. Он выглядел как плоское солнце с треугольными лучами, выполненное, конечно же, из золота. В центре солнца — отверстие, в котором вращался чёрный кристалл.

После прикосновения к амулету вспыхнул Внутренний Взор:

НАДЁЖНЫЙ И ОБРАМЛЁННЫЙ ЗОЛОТОМ СТРАЖ ТЕЛА.

СИЕ СПАСИТЕЛЬНОЕ УКРАШЕНИЕ ИЗГОТОВЛЕНО МАСТЕРОМ УКРАШЕНИЙ

МАНДУКОМ ИЗ РОДА ВАКАЙЯ.

Соприкасаясь с кожей, сие украшение связывает Линию Тела с линией Морального Права, делая Линию Тела настолько устойчивой и малоуязвимой к потрясениям и враждебным попыткам разорвать её, насколько толсто и твердо Моральное Право.

Мастер Мандук из рода Вакайя предостерегает от ношения на коже других спасительных украшений тела наравне со Стражем Тела, ибо сила его такова, что может войти в столкновение с силою других украшений, нанеся губительный вред вместо ожидаемой пользы.

Так же мастер Мандук из рода Вакайя предостерегает от использования тех кристаллов озарения «Страж Тела», которые не равны яркому, ибо сие украшение создано только для ярких кристаллов.

Мастер Мандук из рода Вакайя не считает себя виноватым, коли обладатель сего украшения пренебрежёт его предостережениями. Каждый волен выбирать свой Путь.

Мастер Мандук из рода Вакайя обещает, что сие спасительное украшение прослужит настолько долго насколько может существовать золото, из которого оно изготовлено.

Так же мастер Мандук из рода Вакайя предостерегает: изменение формы украшения или иная порча его остова сделает украшение незарённым куском золота.

МАСТЕР МАНДУК ИЗ РОДА ВАКАЙЯ КЛЯНЁТСЯ СВОИМ ЧЕСТНЫМ ИМЕНЕМ ЧТО СИЕ СПАСИТЕЛЬНОЕ УКРАШЕНИЕ РАБОТАЕТ ТАК, КАК ОНО ЗАДУМАНО, И ХУЖЕ.

Я стянул амулет с шеи вора и надел на себя, просунув неприятно тёплое и влажное от чужого тела золото под свою тунику.

При этом наблюдал за Линией Тела. Вопреки ожиданиям она не стала толще, а резко изогнулась и прильнула к линии Морального Права, образовав с нею что-то вроде двужильного провода.

Значит, этот амулет не усиливал Линию Тела, а только оберегал от попыток прервать её. Мощностъ этой защиты равнялась моему Моральному Праву.

Но чем прерывание Линии Тела отличалось от обычных ранений? Ведь я уже знал, что от побоев Линии Тела тоже начинала дрожать. С другой стороны, раз это спасительное украшение носил вор граней, то оно было непростым. Вероятно, сила его Морального Права делал это украшение особенно мощным.

Тем временем Танэ Пахау просунул свою руку под халат спящего вора. Добравшись до области сердца вскрикнул и упал навзничь, словно отброшенный ударом. Я бросился к старцу на помощь, но он уже сам поднялся на ноги, кашляя и отплёвываясь:

— Ох, как твердо его Моральное Право! Я едва не погиб, разбившись об него.

— Вы успели прочитать имя?

— Только имя и увидел. Сего человека зовут Рангат Кохуру.

— Из рода Кохуру? — переспросил я. — Но они же самые главные богачи Дивии! Сразу двое старших этого рода заседают в Совете Правителей.

Старец махнул рукой:

— Я не знаю, кто там заседает. Давно не слежу за политикой, ибо пустое это и суета. Наши правители думают, что правят Дивией, тогда как это Дивия правит ими. Но о Кохуру слышал ещё во времена молодости. Славные были воины. Много побед одержали над низкими.

Рангат Кохуру зашевелился, просыпаясь. Я схватил старика и потащил в сторону Утёса с моим домом:

— Теперь понятно, как этот род заработал столько Морального Права, что занял два места в Совете Правителей.

Я и старец дошли до лестницы, ведущей в жилище Мадхури Саран и Похара Те-Танга. Мои колени задрожали, ноги подломились — я упал. Линия Духа дёргалась, как линия сейсмографа во время десятибалльного землетрясения. Я часто и коротко задышал, будто долго бегавшая по жаре собака.

Танэ Пахау помог мне подняться:

— Крепись, юноша, впереди ещё двенадцать тысяч битв.

— Уже одиннадцать тысяч девятьсот девяносто девять.

— Ради спасения Дивии ты должен победить во всех.

— А когда мне снова можно будет обратиться за благоволениями? — спросил я. — Благоволения — отличная вещь. Столько халявных ништяков...

Старец посмотрел поверх моей головы:

— Не скоро. Равновесие склоняется в сторону пустоты.

— Но что будет, если я пойду в храм и попрошу благоволение?

— Говорю же, сейчас — ничего. Если будешь настаивать, то равновесие склонится в сторону наказания.

— Ясненько. А чтобы равновесие склонилось в сторону награды, я должен совершить добрые поступки во славу Дивии?

Танэ Пахау не ответил, а только по привычке погладил подбородок вместо прежней бороды.

Ноги мои перестали дрожать, осталась сильная слабость. Я не был уверен, смогу ли взойти по этим ступенькам? Ведь сколько ступеней я сегодня преодолел. И не только в прямом, но и в метафорическом смысле.

Я поднялся и прошёл несколько ступеней. Мочи-ка, болтавшаяся за моей спиной, тянула вниз и больно била по икрам.

— Позволь, я помогу тебе дойти, — сказал Танэ Пахау.

— Нет, вам лучше уходить. Кстати, где вы будете жить? У вас есть дом?

— У меня есть расплата за ущерб, — похлопал старик по коробу, где сохранил отобранные у воров шкатулки. — Найду себе пристанище в Восьмом Кольце.

Со стороны Храма Движения Луны донёсся отдалённый шорох и свист. В тёмном небе мелькнул силуэт акраба. Стремительно поднявшись в воздух, он полетел к нам, замедлился, но не стал опускаться или приземляться. Видимо, я был уже слишком близко к дому, воры не рискнули напасть.

В днище акраба открылся небольшой люк и до меня долетел крик:

— Мы уничтожим тебя. Тебе не жить в Дивии!

— Это вам не жить в Дивии! — смело крикнул я в ответ. — Я знаю вашу тайну.

— Много кто знает нашу тайну, но ты будешь тем, кто унесёт её с собой в страну

мёртвых.

Я хотел ответить что-нибудь в таком же пафосном духе, но голова уже совсем не соображала. Кроме того, у входных арок утёса появились жильцы, привлечёнными нашими криками.

— Сами вы отправитесь в ту страну, — вяло отозвался я.

Развернувшись, акраб взлетел ещё выше и полетел в сторону Пятого Кольца. Я и старей следили за его бликующими под лунным светом боками.

Я понял, что теперь местная мафия от меня не отстанет. Ведь я знал тайну скоростного увеличения Морального Права представителей рода Кохуру.

Мне предстояло решить все проблемы с ними. Найти союзников и помощников в этой борьбе. Пока что их немного.

Бывший священник Храма Движения Луны, слегка истеричный старик, который считает, что я призван на спасение летающей тверди, а он должен помогать мне.

Есть ещё мама Самирана, которая меня ненавидит и не убила лишь от того, что я живу в теле её сыночка.

Хорошим помощником был папа Самирана, но после того, как я невольно принял имя рода Саран, он будет весьма недоволен. Можно рассчитывать на его отцовские чувства, но они в любой момент могут превратиться в ненависть. Ровно после того, как он узнает, что Самиран — не его сын. Это обязательно приведёт к продолжению войны родов Саран и Те-Танга.

Я не мог обратиться за помощью к небесным стражникам, так как среди них был Илиин. Это можно оставить на будущее. Ведь не все менты летающей тверди — это продажные сволочи и негодяи? Кроме того, в Дивии полно тех, кто будет возмущён нечестным утолщением Морального Права Кохуру. В первую очередь — это другие славные рода.

Хотя...

Хотя откуда мне знать, как возвысились эти рода? Быть может, они тоже использовали баг Системы, и выбили себе высокое Моральное Право с помощью грязного колдовства?

Да уж. Тут надо действовать осмотрительно. Не лезть в друзья каждому встречному. Вообще сначала надо найти решение, чтобы обезопасить себя от наездов воровской мафии.

И решение... решение появилось само собой. Правда, оно не понравится родителям Самирана. Впрочем, им и так всё не понравится. Отцу — то что я принял род матери. Матери — то что я демон в теле его сына.

Но к чёрту целительство и садоводство! Раз уж я — тот, кто должен уберечь летающий город от падения, то и действовать я должен соответствующим образом.

Я завёл руку за спину и потрогал кривой ствол мочи-ки.

Вот оно — моё решение: я войду в отряд Маджи Патунга. Но я войду в него не каким-то лекарем, а воином.

Род Патунга враждует с родом Кохуру, эта вражда послужит мне защитой. Ведь нападение на того, кто присягнул на верность роду станет нападением на сам род. Если я правильно понял все эти клановые движняки Дивии.

Главное выяснить, не используют ли сами Патунга грязное колдовство? Иначе моя информация о читерстве Кохуру станет моим смертным приговором. Мухлюющие с Моральным Правом славные рода не допустят утечки опасного для всех компромата.

Поэтому пока что буду молчать о делишках Кохуру. Пока что это мой главный — и

единственный — козырь в игре с этими шулерами.

Бликующая под Луной точка воровского акраба пропала в ночной синеве. Я и Танэ Пахау облежённо вздохнули.

— Они будут тебя преследовать, — заявил Танэ Пахау.

— Я тоже так думаю.

— Поэтому я должен быть рядом с тобой. А ты должен спасти летающую твердь.

Я не стал возражать. Старец классно пулял «Порывами Ветра» и читал Пути. Вдобавок от него я узнаю о том прошлом, о каком не расскажут в Доме Опыта.

Ведь чем я больше узнавал о Дивии, тем больше убеждался, что далёкие предки дивианцев сами были гостями на летающей тверди. При все своей магии они казались мне немного неразвитыми. Убери магию граней — и перед тобой обычные люди древности. Которые, столкнувшись с необъяснимым, тут же приписали его воле богов и построили храмы в честь них. А потом начали воевать друг с другом, выясняя чей бог круче.

Тогда как Дивия — дело рук (или щупалец?) высокоразвитой цивилизации, в сравнении с которой даже технологии моего времени были на уровне палки-копалки. И то, как дивианцы использовали эти технологии, убеждало — они понятия не имели откуда взялась Дивия, и какое истинное предназначение системы Двенадцати Тысяч Граней.

Думать об инопланетянах не хотелось, но пока что теория палеоконтакта, то есть предположения о том, что зелёные человечки посетили Землю и зачем-то построили летающую твердь — единственное объяснение всех этих чудес.

— Благодарю вас за помощь, — сказал я.

Танэ Пахау сделал несколько шагов прочь от ступеней, остановился и как-то вопрошающе поглядел на меня снизу вверх.

— Вам что-то надо? — спросил я.

— Хочу задать один неуместный вопрос, юноша.

— Задавайте...

— Ты несколько раз упомянул некую «лунную призму». Что это такое?

— Магический предмет из моего мира. Он давал Силу Луны девочке-волшебнице по имени Сейлор Мун.

— Магия... Ну да, ты же из низких. Тогда всё ясно, как лунной ночью.

Старик снова развернулся:

— Завтра утром я сообщу тебе, где моё новое жилище.

— Хорошо, — устало кивнул я.

— Я буду возле тебя до конца твоего Пути, юноша.

— Очень обнадеживает, — усмехнулся я. — Надеюсь, конец наступит не скоро.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ